

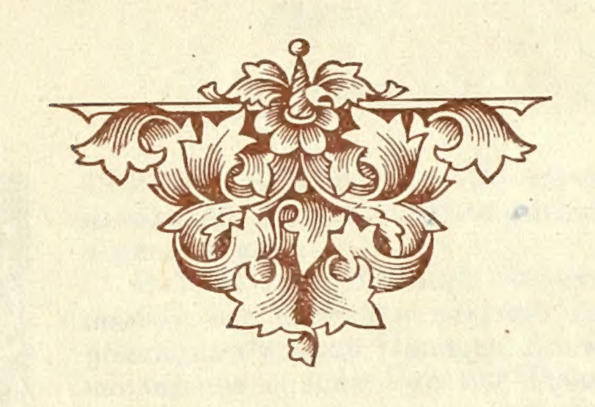

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Н. Н. ТИХОМИРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ О РУССКОЙ ПРАВДЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕКСТОВ

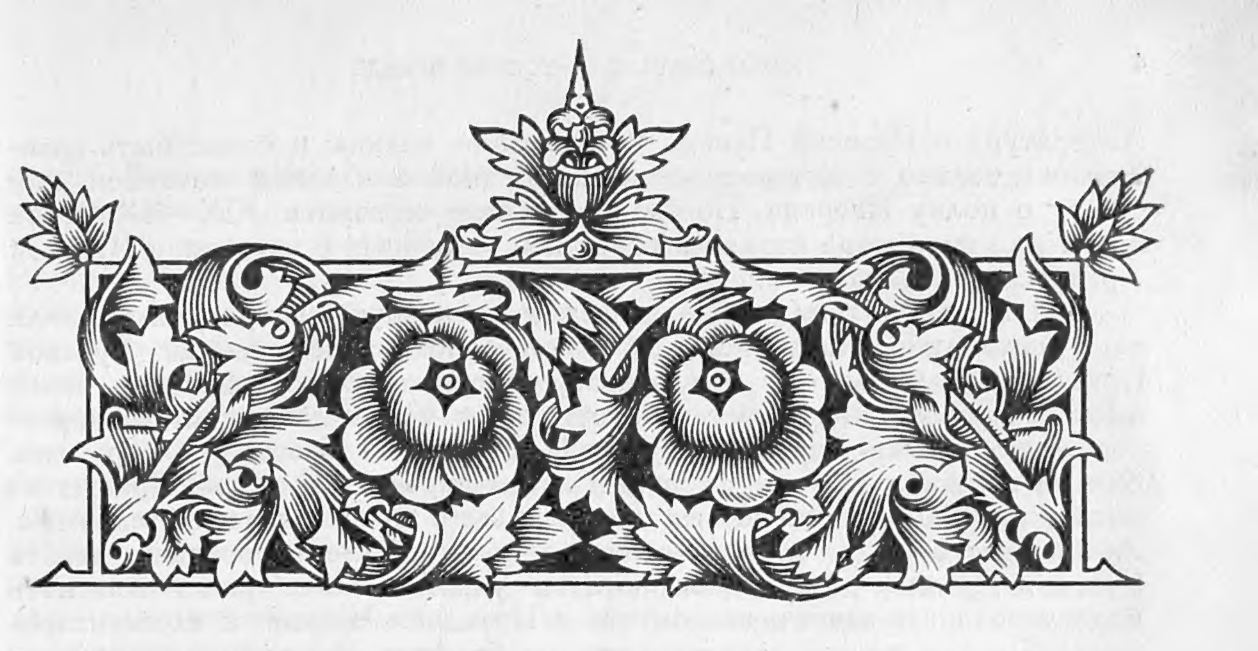

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1941

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. *Б. Д. ГРЕКОВ*

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ

1938 году исполнилась 200-летняя годовщина знаменательной даты в истории развития русской исторической науки.

В 1738 году Василий Никитич Татищев впервые подготовил к печати издание двух списков краткой редакции Русской Правды. До этого времени многочисленные списки Русской Правды оставались безвестными в составе различных юридических сборников и Кормчих. Работа Татищева не заинтересовала тогда Академию Наук и была опубликована, притом с большими изменениями, только в конце XVIII века. Прошло почти 30 лет, прежде чем Шлецер в 1767 году опубликовал краткую редакцию Правды. Но и после этого Русская Правда оставалась почти вне научных интересов и только после появления в конце XVIII века новых изданий этого памятника, притом не только в краткой, но и в пространной редакции, началось подлинное и плодотворное изучение Правды. Результаты работы над Русской Правдой в XIX—XX веках огромны. За это время появился ряд крупных и тщательных исследований, целиком посвященных этому памятнику. Эверс, Тобин, Калачов Сергеевич, Рожков, Гетц, Максимейко, Стратонов написали специальные монографии о Русской Правде. Подробный комментарий к тексту Правды дал в своей „Христоматии по истории русского права" Владимирский-Буданов. Русская Правда подробно разбиралась в общих курсах истории России. Карамзин, Соловьев, Ключевский и Покровский уделяли не мало места этому памятнику. Наконец, необходимо отметить громадное количество крупных и мелких статей, посвященных как Русской Правде в целом, так и толкованию отдельных ее текстов.

Литература о Русской Правде чрезвычайно велика и может быть сравниваема только с литературой, посвященной начальной летописи или Слову о полку Игореве. Почти все видные историки XIX—XX веков в той или иной мере касались вопросов, связанных с изучением Русской Правды.

При таком положении дела может возникнуть вопрос, имеется-ли еще какая-либо потребность в новой работе, посвященной Русской Правде, и не явится ли эта работа простым изложением уже ранее высказанных мнений. Ответ на этот вопрос может дать краткая характеристика итогов изучения Русской Правды до настоящего времени. Как ни велики и как ни интересны итоги изучения Русской Правды за последние 200 лет, они все же не могут быть признаны окончательными. Лучше всего дело обстоит с изучением и комментированием текста Русской Правды. Но как раз на этом участке легче всего выяснить недостаточность нашего знакомства с Правдой. Чтение и комментирование Правды не раз наталкивается на большие трудности вследствие неисправности того или иного списка, положенного в основу издания. В последнее время, по крайней мере в учебных изданиях, стал складываться своего рода стандарт, в силу которого обычно издаются списки Правды: Академический (краткая редакция), Троицкий и Карамзинский. Но и Троицкий список, признаваемый наиболее исправным, имеет ряд особенностей и пропуски, восстанавливаемые по другим спискам Правды.

Исследователи нередко вынуждены выбирать списки на-глазок. Историки обычно предпочитают Троицкий список XIV века, как наиболее исправный и отличающийся более новой орфографией, чем Синодальный. Лингвисты (Карский, Обнорский и др.) отдают безусловное предпочтение древнейшему Синодальному списку. В учебных изданиях (за исключением издания Кочина) особенное внимание отводится Карамзинскому списку, как наиболее полному. В силу этого при изучении Правды исследователи нередко произвольно пользуются вариантами, доказывая обычно возможность восхождения того или другого варианта к древнейшим спискам Правды. Но для того чтобы объяснить происхождение того или иного варианта, надо, в первую очередь, объяснить происхождение самого списка, в котором встречается вариант. Многие варианты появились как результат неверного чтения и искажения текста позднейшими переписчиками или даже редакторами Правды, другие являются плодом осмысления или сознательного изменения текста. Для того чтобы объяснить их значение, необходимо провести предварительную работу не только по классификации списков, но и по их истории. Без этого исследователь будет находиться перед грудой вариантов и чтений, не получивших сколько-нибудь научных объяснений.

Например, Е. Ф. Карский указывает, что древнейшие списки Правды имеют новгородские черты (в особенности замену „ѣ“ — „и“, „ч“ — „ц“ и обратно), тогда как более поздние носят черты среднерусского говора. Особенно резкие новгородские черты находим в Пушкинском списке XIV века („купечь“, „Перениг“ вместо „Перенѣг“ и т. д.). Новогородской меной „ѣ“ на „и“ (и обратно) объясняется постоянное чередование слов — „вѣра“ и „вира“, „вѣрник“ и „вирник“ и т. д. Целый ряд чтений позднейших списков Правды объясняется тем, что писцы не понимали текста Правды, так как многие термины этого памятника очень рано стали устарелыми. Отсюда появляется стремление к осмыслению текста, приводящее к неверным чтениям. Так, слово „тылеснию“ (т. е. тупою стороною меча) в некоторых списках заменяется „тылесницею“, а в других даже „лесницею“ и „десницею“. Непонимание писцами и редакторами более ранних текстов приводило к стремлению их осмы-

слить. Так появился знаменитый „вдачь не холопъ“ в Карамзинском списке, вместо древнего „в дачѣ не холопъ“.

Одной из важнейших задач, стоящих перед историками при изучении Русской Правды, является установление времени и условий возникновения Правды. Разновременный характер отдельных статей как краткой, так и пространной редакции Правды бросается в глаза каждому исследователю. Особенной пестротой отличается терминология Правды, употребляющая разнохарактерный денежный счет и знающая наравне с гривной золота просто гривну и гривну кун, так же как наравне с куной — ногату, резану, векшу и веверицу. Правда знает челядинов и холопов, куны и скот в значении денег, огнищан и гридей, отроков, мечников, детских и т. д. Редкий памятник древней Руси по пестроте своих терминов может сравниться с Русской Правдой. Не ясно ли, что мы имеем дело с памятником, составленным из ряда источников, разнородных и разновременных по своему происхождению. Поэтому определение времени, места и причин возникновения текстов Русской Правды является первейшей обязанностью историка.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о причинах возникновения Правды не был отражен в исторической литературе. Но результаты изучения этого вопроса не могут быть названы удовлетворительными. Главные споры идут вокруг вопроса о юридической природе Русской Правды. Сторонники официального происхождения Правды приписывают Русскую Правду законодательству Ярослава, Изяслава и Владимира Мономаха. Но редакции Русской Правды очень плохо укладываются в рамки наших представлений об официальных законодательных памятниках. Списки Правды изобилуют многими описками и пропусками. Попытка Ланге, и ранее него Тобина, найти какое-то правильное распределение статей Правды по их юридическому содержанию оказалась безрезультатной. Только с громадной натяжкой можно отыскать в Русской Правде какую-то общую идею, отразившуюся в расположении статей. Бессистемность расположения статей Правды не может быть отрицаема. Таково, например, расположение статей о закупах, перебитое другими статьями. Постановления о холопах разбросаны по всей Правде. Статьи о нанесении увечий, помещенные в начале Правды, дополняются статьями о бороде и о зубе, помещенными во второй половине памятника, и т. д. Таким образом, наблюдения над составом Русской Правды приводят нас к мысли о том, что Правда является не законодательным памятником в нашем смысле слова, а юридическим сборником.

Другое течение исторической науки приписывает составление Правды „частной“ инициативе. Представители этого направления со времени Калачова насчитывают в своих рядах многих исследователей. Сергеевич, Ключевский, Гетц, Рожков единогласно признают „частное“ возникновение Правды. Доказательства этих историков очень убедительны, но только в своей критической части. Наоборот, в части положительной труды защитников „частного“ происхождения Правды дают очень немного. В самом деле, мы не находим никакого ответа на вопрос, где и при каких условиях сложились тексты Русской Правды. Какая причина заставила предполагаемого „судью“ составить сборник юридических правил, который впоследствии под названием Русской Правды вошел в состав Кормчих, Мерил Праведных и летописей. Само составление Русской Правды потребовало значительного количества времени и с большим трудом может быть объяснено частной инициативой. Между тем плод этой предполагаемой „частной инициативы“ не только многократно переписывался, но и исправлялся и даже дополнялся в XIV—XV веках. В Чудовской Кормчей 1499 года мы находим текст Русской Правды, тщательно правленный по другой рукописи.

Мы имеем еще ряд подобных же рукописей, в которых текст Правды исправлялся по другим текстам. Это внимание к Русской Правде плохо вяжется с нашими представлениями об ее „частном" происхождении. Не странно ли, что „частный" труд был внесен в такие сборники, как Кормчие и Мерила Праведные, на ряду с апостольскими правилами и византийскими законами. Между тем Русская Правда внесена в Кормчии как одна из глав, причем мы можем насчитать по крайней мере 3 или 4 редакции Кормчей, каждой из которых соответствует свой извод Правды. Следовательно, нет никакой возможности предполагать, что Русская Правда попала в Кормчую случайно. Наоборот, надо думать, что Правда была внесена в Кормчую при переработке последней. Для конца XV века мы имеем и другой факт, свидетельствующий о том внимании, каким, даже в это время, пользовалась Русская Правда. Нам известно, что две статьи судебника 1497 года имеют своим источником Русскую Правду. Не ясно ли, что значение Русской Правды не укладывается в понятие „частного" юридического сборника. Как видим, обе теории, объясняющие происхождение Русской Правды, не могут полностью нас удовлетворить. Между тем в самой постановке вопроса о „частном" и „официальном" происхождении Русской Правды немало схоластического. Если пространная редакция Русской Правды плохо отвечает нашим представлениям об официальном законодательном памятнике, то это еще не значит, что она возникла в каких-то „частных" кругах. Не забудем, что ряд юридических памятников древнейшего характера носит еще менее официальный характер, хотя никто не сомневается в их практическом значении. Таков, например, известный Закон Судный людем, в котором большинство авторов видит болгарскую юридическую компиляцию X века. Именно такой характер носят и редакции Русской Правды, не теряющие от своей компилятивной формы значения руководящего юридического памятника XI—XIII веков. Не случайно В. О. Ключевский, склоняясь к мысли о „частном" происхождении Правды, приписывал ей в то же время практическое значение, возводя составление Правды к церковным кругам.

Относительно благополучнее обстоит дело с вопросом о времени возникновения Правды. С приблизительной точностью этот вопрос разрешался для Краткой Правды. Почти все историки согласны в том, что краткая редакция возникла в XI веке и связана с именем Ярослава и его сыновей. Гораздо труднее разрешается вопрос о времени возникновения пространной редакции. Большинство авторов фактически отказывается от точной датировки этого памятника, за исключением Ланге, который крайне бездоказательно возводит его к законодательству Владимира Мономаха. Таким образом, и здесь исследователь Русской Правды стоит перед рядом нерешенных вопросов.

Между тем правильное разрешение вопроса о происхождении Русской Правды является основной предпосылкой всех работ над этим памятником. Для историка важно знать не только примерное время возникновения Правды, но и условия, при которых она возникла. Казалось бы, эта тема должна была в первую очередь интересовать русскую историческую науку. Но стоит ознакомиться с историографией вопроса, чтобы увидеть, как много еще остается сделать в этой области.

Решение вопроса о происхождении текстов тормозилось отсутствием полного критического издания Русской Правды. Настоящий труд возник в процессе подготовки к печати академического издания Русской Правды под редакцией академика Б. Д. Грекова. Автор считает своим долгом выразить благодарность Б. Д. Грекову и всем товарищам по общей работе над подготовкой к печати академического издания Русской Правды, а также рецензентам: С. В. Бахрушину, А. И. Яковлеву, Н. Л. Рубин-

штейну и Н. Ф. Лаврову. Работу удобнее всего начать с историографического введения, рассмотрев наиболее крупные труды, посвященные Русской Правде за 1738—1938 годы.

ГЛАВА 2

ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Обозрение трудов, рассматривающих вопрос о происхождении Русской Правды, уместнее всего начать с Татищева. Хотя труд Татищева и кажется современным исследователям совершенно устаревшим, тем не менее выводы его оказали влияние на всю последующую литературу. Труд Татищева, подготовленный им к печати еще в 1738 году, как известно, увидел свет только через полстолетие (в 1786 г.), причем уже в искаженном виде. Издатель его С. Р. (Румовский) положил в основу не текст Татищева, а текст Академического списка Новгородской летописи как древнейшего подлинника. Труд Татищева носит заглавие: „Законы древние Русские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Васильем Татищевым 1738 года".[1] После заглавия следует небольшое „предъизвещение", в котором Татищев объясняет значение найденного им памятника. Интересно, что он первый сопоставляет слова о законе русском в договоре Олега с Правдой Русской и делает вывод: „Следовательно сей закон, тогда уже был и для оного Олег старобытным именовал. В нем цену или счисление достоинства скотом имянуют, что уже и во время Олгово во употребление не было; но имяновали скурою и кожею. Следственно он задолго до Рюрика сочинен". Татищев считал, что Правду составил Ярослав и его сыновья и что Ярослав для этого определил „дву сынов старших и несколько вельмож". Татищев добавляет, что „князи во враждах наследственных неоднократно на правду русскую или на закон ссылались" (стр. 4), указывая на пример „мудрого" Константина (т. е. Константина Всеволодовича) и его споры с братом Юрьем III. Из очень неясного предисловия Татищева выясняется, что он пользовался двумя списками Краткой Правды; один находился в новгородской летописи Иоанна и известен теперь под названием Академического, второй в летописи, принадлежавшей некоему Авраамию Ростовскому. Татищев далее называет эту летопись Ростовской. Из этого списка он дал несколько вариантов к списку попа Иоанна.

Татищев впервые разбил текст Краткой Правды на статьи: первую половину Правды на 17, вторую на 35 статей. Древнейшая Правда была разбита на статьи столь удачно, что деление Татищева для ряда статей додержалось и до нашего времени. Наконец, Татищев четко разделил текст Краткой Правды на две половины: первую он приписал Ярославу, вторую — его сыновьям. Опубликовав содержание первой части Краткой Правды, Татищев добавил к нему следующее пояснение: „Сие есть окончание древнего закона, который Ярослав дал новгородцем и видя во

---

[1] Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Часть I. СПб. 1786, стр. 1—4 и далее 9—22.

оном недостаток, обстоятельства с настоящим несогласны, а особливо, что деньги в достоинстве пред прежним умалились; ибо в его время гривны едва ли не меньше ли полуфунта серебра счислялись: того ради следующим дополнил". Это замечание Татищева показывает, что он рассматривал вторую часть Правды как своего рода пояснение или дополнение к древнейшей или первой ее части. Как далее будет видно, наблюдение Татищева впоследствии повторяли многие историки, к сожалению, большей частью без ссылок на первый источник подобного взгляда на происхождение Правды. Татищев сопроводил отдельные статьи Краткой Правды любопытными комментариями, некоторые из которых не потеряли значения и для нашего времени. Так, по поводу слов Правды „тогда чада смирять", Татищев замечает: „сие окончание темно; разве детям должны заплатить, чтоб отцова увечья не мстили" (стр. 4).

В целом следует признать, что первый опыт издания Краткой Правды был довольно удачен и только полное отсутствие интереса к русским источникам у академиков Российской Академии Наук первой половины XVIII века на 50 лет задержало выход труда Татищева.[1]

Сочинение Татищева еще не успело появиться на свет, не успело выйти и первое печатное издание краткой редакции Русской Правды,[2] как появилось сочинение, оказавшее большое влияние на всю последующую литературу о Русской Правде. Струбе де Пьермонт выпустил сочинение о российских законах, переведенное и напечатанное в том же году на русском под заглавием: „Слово о начале и переменах Российских законов, в публичном собрании говоренное Феодором Штрубом, сентября 6 дня 1756 года, и переведенное на Российский язык Симеоном Нарышкиным". Струбе де Пьермонт нашел большое сходство между древнерусскими законами и древними законами Дании и Швеции. При полном незнакомстве наших академиков XVIII века с югославянскими юридическими памятниками сочинение Струбе, естественно, произвело большое впечатление. Шлецер сделал из него подробное извлечение, изданное им на немецком языке. Позже речь Струбе была одним из основных источников, использованных Карамзиным для комментария к тексту Русской Правды. Таким образом еще до появления первого печатного издания Русской Правды она уже вошла в круг научных исторических интересов.

В своей „Истории государства Российского"[3] Н. М. Карамзин отводит Русской Правде целую главу во 2-м томе своего труда. Карамзин уже знал как краткую, так и пространную редакции памятника. Но в тексте „Истории" он не делает между ними отличий, сообщая за то множество новых для его времени сведений в примечаниях. Как и все историки XVIII века, Карамзин считал Русскую Правду памятником официального княжеского законодательства и возводил начало этого законодательства, по крайней мере, ко времени Олега. Так, Карамзин, указывая, что Правда приписывается Ярославу, замечает: „Еще в Олегово время Россияне имели законы, но Ярослав, может быть, отменил некоторые, исправил другие, и первый издал законы письменные на языке славянском. Они, конечно, были государственными или общими, хотя древние списки их сохранились единственно в Новгороде и заключают в себе некоторые особенные или местные учреждения". В 3-й главе

---

[1] О списках Татищева см. статью Г. Л. Гейерманса в 3-м томе „Проблем источниковедения".

[2] Первый печатный текст Правды издан А. Шлецером под заглавием „Правда Руская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимирича и сына его Изяслава Ярославича". Изд. Академии Наук, 1767 год.

[3] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб. 1892, стр. 30 и 31—44.

II тома Карамзин дает изложение Краткой и Пространной Правды. Характерно даже заглавие этой главы „Правда Русская или Законы Ярославовы“, показывающее, что Карамзин приписывал как краткую, так и пространную редакции Правды законодательству Ярослава. Впрочем, Карамзин построил свое изложение довольно произвольно, излагая текст Правды своими словами и одновременно пользуясь краткой и пространной редакциями.

Любопытны замечания Карамзина о Русской Правде, приведенные в примечаниях.[1] Карамзин, ссылаясь на издание Татищева, напечатанное в Продолжении Древней Российской Вивлиофики, замечает, что Татищев несправедливо назвал вторую часть Краткой Правды „правдою детей Ярославовых, которые не сочиняли первых законов, но только отменили один“. Таким образом, Карамзин, повидимому, считал слова о съезде Ярославичей после смерти отца просто вставкой в первоначальный текст Правды.

Карамзин скептически относится и к указанию Татищева о съезде Ярославовых детей в 1035 году, так как „сего известия нет нигде“. Карамзин возражает и против выделения второй части Пространной Правды в особый устав Мономаха, как это сделали „новые издатели“, т. е. Болтин и другие, так как в этом „мнимом уставе Владимировом“ имеется ссылка на Ярослава (в статье о холопе, ударившем свободного мужа).

В примечаниях Карамзина находим ссылки на новые и до того времени неизвестные списки Правды. Карамзин первый определяет Синодальный пергаментный список как древнейший и относит его к 1280 году. Он же указывал на другой список Правды, также пергаментный, хранившийся тогда в библиотеке Мусина-Пушкина и известный теперь под названием Пушкинского. Этот список Карамзин правильно определил как более поздний по сравнению с Синодальным. Карамзин указал и на особый вид Русской Правды по одному списку XV века, получившему в литературе название Карамзинского. В этом списке были помещены статьи о резоимстве, на основании которых Карамзин делает интересные выводы о стоимости денег в древней Руси. Впрочем, Карамзин отделяет „прибавление“, т. е. статьи о резоимстве от „законов Ярославовых“. Кроме того, Карамзин в особых примечаниях приводит тексты, помещенные в Правде, но имеющиеся „только в новейших списках Правды“, а также „Устав Ярослава о мостех“. Большая часть остальных примечаний к главе о Русской Правде в „Истории государства Российского“ занята комментариями к отдельным неясным местам Правды и полемикой с Болтиным. Из замечаний Карамзина выясняется, что он особенно охотно пользовался сочинением Струбе, неоднократно на него ссылаясь и проводя постоянные параллели между Русской Правдой и скандинавскими юридическими памятниками. Основываясь на замечаниях Струбе о близком сходстве одной статьи Русской Правды (аще кто всядеть на чюжь конь не прошавъ, то три гривны) с Ютландским законом, Карамзин прямо говорит: „Ютландский закон новее Ярославова; но сие сходство доказывает, что основанием того и другого был один древнейший закон Скандинавский или Немецкий“.[2]

Общие выводы Карамзина о происхождении Русской Правды нельзя назвать удачными. Академический список краткой Правды или Список попа Иоанна назван у Карамзина просто худым, а отдельные его выражения — описками.[3] Карамзин даже не пытался сделать анализ текстов Русской Правды, ограничиваясь в своих примечаниях объяснением текста на основании собственных домыслов. Но Карамзину принадлежит заслуга

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского т. II, СПб, 1892, приложения, стр. 26—40, примечания 65—108.
[2] Там же, примечание 91 (стр. 34).
[3] Там же, примечание 67 (стр. 28).

привлечения новых текстов Правды и введения их в научный оборот, в первую очередь Карамзинского списка.

Новая значительная работа о Русской Правде появилась только в 20-х годах XIX века и принадлежит Эверсу. В своей работе Эверс ставит вопрос об историческом развитии древнейшего русского права.[1] Изучение права он начинает с самых древних времен. В 1-й книге своего сочинения Эверс рассматривает русское право во времена язычества, во второй говорит о правовых нормах времен христианства, кончая свое изложение Правдой Ярослава и только в прибавлениях говоря о Правде Ярославичей и Пространной Правде. Эверс, как мы видим, подобно Татищеву, рассматривал краткую редакцию Правды как памятник, составленный из Правды Ярослава и Правды Ярославичей. Однако в сочинении Эверса с некоторой полнотой рассматривается только Правда Ярослава, или первая часть краткой редакции Правды. Происхождение Правды Ярослава Эверс связывает с известием новгородской летописи о Правде и уставе, данном новгородцам от Ярослава, полагая, что согласно показаниям Софийского временника „временем обнародования сего закона с немалым правдоподобием можно положить 1020 г.“ Рассмотрев и комментировав текст Правды Ярослава, Эверс замечает: „Вот и все, что содержится в древнем Законе. Это показывает в нем простоту, свойственную древним уставам, а сия простота вместе есть самое верное ручательство его глубокой древности“.

В прибавлениях к основному тексту Эверс рассматривает Правду Ярославичей, которую он выделяет как „другое собрание законов“, составленное между 1054—1068 годами. „Братья законодатели распространили уложение отца“. Во втором прибавлении к тексту Эверс рассматривает „Правду тринадцатого столетия“, или пространную редакцию Правды, впрочем ограничиваясь только ее переводом и отдельными замечаниями. Важнейшее из них сформулировано в следующих словах: „Еще неизвестно, было ли обнародовано сие собрание законов в позднейшей его форме самим правительством (например Владимиром Мономахом) или оно есть только труд частных людей, собравших отдельно выходившие по временам постановления“.[2]

Эверс по существу наметил важнейшие вехи для дальнейшего изучения вопроса о происхождении Пространной Правды. Деление Краткой Правды на две самостоятельные части впоследствии было принято Сергеевичем и Гетцом. Отнесение первой части Правды к законодательству Ярослава, а второй к законодательству его сыновей впоследствии было принято почти всеми исследователями. Для своего времени работа Эверса была явлением исключительным, так как Эверс впервые старался объяснить Русскую Правду в связи с общеисторическими судьбами Руси.

В 1844 году вышла в свет большая работа, написанная профессором Дерптского университета Тобином и посвященная древне-юридическим памятникам. В первой части своей работы[3] Тобин рассматривает Русскую Правду, во второй — древнерусские договоры (Руси с греками, Смоленска с Ригою в 1229 г. и некоторые новгородские). В обширном введении к издаваемым текстам Русской Правды, говоря об их отличиях и о происхождении самого памятника, Тобин делит списки Правды на две редакции (или фамилии). К первой редакции он относит списки Краткой Правды, ко второй — все известные ему списки Пространной. Он подробно останавливается на четырех известных ему списках Про-

---

[1] И. Ф. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Пер. И. Платонова. СПб. 1835. Сочинение Эверса было ранее издано на немецком языке.

[2] Там же, стр. 229, 358, 359, 369.

[3] Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Die Prawda Russkaja und die aeltesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844.

странной Правды — Крестининском, Болтинском, Карамзинском и Строевском. Следует отметить, что под названием Карамзинского списка Тобин понимал Синодальный список в Кормчей конца XIII века, упомянутый Карамзиным в его Истории, а Строевским называл список, напечатанный в Софийском Временнике, изданном Строевым. В третьей главе своего труда Тобин говорит о „системе" Русской Правды. Эта глава представляет особый интерес для характеристики мнений Тобина, который считает, что Краткая Правда представляет собой соединение двух самостоятельных памятников, так как „уже сама система Правды, не принимая даже в рассчет содержания статей, обнаруживает самостоятельность древнейшей Правды, может быть, даже ее полноту, при всей ее краткости".

В результате сравнения отдельных статей обеих частей Краткой Правды Тобин приходит к мысли, что задача Правды Ярославичей состояла в том, чтобы дополнить древнейшую Правду. Подобно этому поступали русские и греки при замене договора Олега договором Игоря, или новгородские посадники и тысяцкие при внесении изменений в договоры с князьями, пользуясь, однако, более ранними источниками как своего рода основой. Поэтому Тобин, примыкая к Татищеву и Эверсу, делит Краткую Правду на два, очевидно различных, разделенных особыми заглавиями юридических свода (in zwei offenbar verschiedene durch eine besondere Aufschrift getrennte Gesetzesammlungen).

Значительно большую осторожность Тобин проявляет, говоря о системе расположения статей в пространной редакции Правды, которая дает значительно более пеструю картину, чем краткая редакция. Тем не менее и Пространная Правда, по мнению Тобина, состоит из двух частей. Первая часть может быть приписана Ярославу, вторая Владимиру Мономаху. Тобин производит сравнительное изучение обеих частей Пространной Правды и делает вывод, что Пространная Правда делится на две части, которые находятся в таком же соотношении, как древнейшая Правда к ее добавлениям (т. е. к Правде Ярославичей) и что здесь, как и там, существует „известная система".[1] Впрочем, это не мешает Тобину признать, что в пространную редакцию Правды вошли и некоторые позднейшие статьи, дополненные первоисточниками. Так, статью пространной редакции об уроках мостникам Тобин связывает со словами летописи под 1262 годом о срубленном городе в новгородской земле, устав о мостех, внесенный в Софийские (Карамзинские) списки Правды, Тобин относит ко времени Ярослава Всеволодовича († 1246) и т. д. В 4-й главе своего исследования Тобин дает характеристику текстов Русской Правды.

Наконец, важнейшую часть исследования Тобина представляет Синопсис, т. е. сводный текст Русской Правды, в одном столбце которого напечатана краткая, а в другом пространная редакция, вследствие чего статьям Краткой Правды пришлось дать порядок, приноровленный к пространной редакции.

Для своего времени работа Тобина была выдающимся явлением. Автор впервые соединил в одном издании все известные в его время тексты Русской Правды. Полезным было и сопоставление текстов Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. Но общие выводы Тобина о происхождении Краткой и Пространной Правды тем не менее не были приняты наукой, так как Тобин не подтвердил их другими доказательствами, кроме наблюдений над самим текстом памятника. В особенности было ошибочным представление о делении пространной редакции Правды на две части разновременного происхождения.

---

[1] Sammlung kritisch bearbenteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Die Prawda Russkaja und die aeltesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844, стр. 19, 20, 21 и 29.

Свои представления о происхождении Русской Правды в более краткой форме Тобин изложил и в другом своем сочинении, посвященном юридическим памятникам XI—XVI веков.[1] Тобин указывает, впрочем, основываясь на неверном представлении о южнорусском происхождении слова „колбяг", что Древнейшая Правда была законом не для одного Новгорода, но для всей Руси. Древнейшая Правда была дополнена сыновьями Ярослава и притом в законодательной комиссии (Gesetzescommission), которая состояла не только из трех князей (Landesfürsten), но также и из других лиц, может быть из представителей других неупоминаемых князей или из представителей отдельных городов или областей.

В свою очередь Пространная Правда состоит из двух частей. Первая основана на использовании текста Краткой Правды, вторая обязана своим возникновением Владимиру Мономаху.[2]

Одним из важнейших недостатков, свойственных трудам Эверса и Тобина, являлось малое знакомство авторов их с подлинными рукописями, составлявшими текст Русской Правды. Между тем уже ко времени выхода сочинения Тобина появился ряд изданий отдельных списков Русской Правды. Разногласия этих списков, казалось бы, могли заставить исследователей более критически отнестись к вопросу о происхождении самого амятника и попытаться выяснить взаимоотношения отдельных его реакций. Тобин провел подобную работу, но пользовался, главным образом, печатным материалом, которого накопилось совсем недостаточно для уждений о происхождении и составе редакций Русской Правды. Так, омимо изданий Татищева и Шлецера, Тобин мог пользоваться только следующими печатными текстами Правды. В 3-й книге Продолжения Древней Российской Вивлиофики уже в XVIII веке был напечатан текст пространной редакции Правды, найденный корреспондентом Академии Наук Крестининым и выписанный им из Кормчей, принадлежавшей Строгановым. Крестининский список считался утерянным, и только недавно автор этих строк обнаружил полное его тождество с рукописью Исторического музея в Москве (Муз. № 798). Крестинин внес в печатный текст все поправки XVII—XVIII веков, находившиеся на полях и выписанные из других списков Правды. В 1792 году пространная редакция Правды была напечатана Болтиным — „Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха с преложением древнего оных наречия и слога на употребительный ныне... В С.-Петербурге, при святейшем Синоде, 1792 г.". Второе издание этого труда было напечатано в Москве в 1799 году. Издание Болтина также отличалось рядом произвольных поправок, внесенных авторами в текст Правды. В 1815 году Калайдович в 1-м томе „Русских достопамятностей" (издаваемых Обществом истории и древностей российских) опубликовал текст пространной редакции Правды по древнейшему Синодальному списку. Издание Калайдовича могло быть названо первым подлинным ученым изданием Правды.

Новый текст пространной редакции Правды был опубликован в составе Софийского Временника, напечатанного в 1820 году П. М. Строевым. Это был тот текст, из которого Карамзин заимствовал статьи о резоимстве. Софийский Временник был напечатан по рукописи XVI века, принадлежавшей тогда Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю (теперь Историческому музею в Москве, Воскрес. № 154б), и по другой рукописи из библиотеки гр. Толстого (101. № 36). К сожалению, и Строев не мог избежать соблазна исправлять текст Правды по своему разумению на основании других списков.

[1] Die aeltesten Gerichtsordnungen Russlands nach allen bisher entdeckten und herausgegebenen Handschriften verglichen und erläutert durh E. S. Tobien. Dorpat — 1846.

[2] Там же, 13.

В 1843 году во 2-м томе „Русских достопамятностей“ (издаваемых Обществом истории и древностей российских) Дубенским был издан текст пространной редакции Правды по пергаментному списку, принадлежавшему Мусину-Пушкину. Это издание замечательно не только своей точностью и хорошим комментарием к тексту Правды, но и тем, что Дубенский напечатал все содержание сборника Мусина-Пушкина, имевшего громадное значение для изучения Русской Правды. Издание Дубенского и в настоящее время не потеряло своего значения и в известной мере может быть названо образцовым.

Но все эти издания только подчеркивали необходимость поисков новых списков Русской Правды, на основании которых можно было бы дать критически проверенный текст памятника. Эту трудную задачу, вскоре после выхода сочинения Тобина, впервые попытался выполнить Калачов.

Исследование Калачова[1] не только подводило итог всей предыдущей исторической литературе, посвященной Русской Правде, но и сделалось фундаментом для всех дальнейших работ по изучению Правды, не потеряв своего значения и до настоящего времени.

В кратком введении Калачов устанавливает ту программу, выполнение которой, по его мнению, должно дать возможность „этот драгоценный памятник (т. е. Русскую Правду) возвести с одной стороны на степень источника несомненного по достоверности... с другой же стороны для того, чтобы превратить его в сокровищницу, откуда не только историки и юристы брали бы материал для своих исследований, но и филологи могли бы смело и свободно черпать отдельные слова и даже целые выражения“. Для достижения указанной цели необходимо сделать „полное издание текста Русской Правды“. Кроме того, „важнее всего приступить к филологическому объяснению, как отдельных слов, так равно и целых выражений и оборотов речи“. Вслед за разбором филологическим, по мнению Калачова, „может быть предпринято юридическое объяснение Русской Правды“, после чего можно будет приступить к изданию“ „критически очищенного текста, т. е. составленного из тех только статей, которые по своему содержанию и форме как вообще, так и в частности, несомненно могли принадлежать памятнику XI века“. Только после проведения подобной работы Калачов предполагал возможным „приступить к критическим выводам касательно образа составления Русской Правды, ее подлинного содержания в XI, XII и других столетиях, ее достоинства, как источника права и памятника не только отечественного законодательства, но и словесности“. Замечательная программа, предложенная Калачовым, была осуществлена, и притом только частично, уже после его смерти. Сам же Калачов ограничился только „изложением некоторых исследований, которые преимущественно должны служить основанием для подробного юридического разбора этого памятника“.[2]

Сочинение Калачова делится на 4 отдела:

I. Разбор изданий и сочинений, относящихся к Русской Правде.

II. Критическое обозрение известных списков Русской Правды со стороны юридической.

III. Систематическое изложение и издание полного в юридическом отношении текста Русской Правды.

IV. Указание на юридические памятники, находящиеся в особенной связи с содержанием Русской Правды.

В первом отделении своей работы Калачов дает подробную историо-

---

[1] Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Труд Н. Калачова. Вып. 1. СПб. 1846 г. Второе издание было напечатано в 1880 году; ссылки в тексте сделаны на второе издание.

[2] Там же, стр. I—XIV.

графию вопроса, начиная с Татищева и кончая Тобиным. Этот обзор и до настоящего времени не потерял своего значения, хотя в некоторых случаях он несколько растянут, так как Калачов считал необходимым разбирать мнения почти всех авторов, касавшихся Русской Правды, а сочинений, посвященных полностью или частично Правде к 1846 году насчитывалось немало.

Во втором отделении Калачов дает подробный обзор известных ему списков Русской Правды. Все списки он делит на 4 фамилии или разряды „с подразделением сверх того списков второй фамилии на виды". Калачов разделяет списки Русской Правды по фамилиям таким образом: „К первой фамилии относятся списки древнейших летописей: Новгородской и Ростовской; ко второй списки Кормчих так называемого Кирилловского разряда и близко подходящих к ним древних Сборников, известных под именем Мерила Праведного. К третьей фамилии я причисляю списки позднейших Новгородских (Софийских Временников); наконец к четвертой — списки позднейших Сборников отдельных статей весьма различного содержания".[1] Уже в этой краткой схеме Калачов показал замечательную наблюдательность. Он впервые отметил определенную и далеко не случайную связь между отдельными „фамилиями" Русской Правды и составом сборников, в которых эти фамилии или редакции помещены.

Рассматривая „признаки, общие всем фамилиям списков", Калачов приходит к мысли, что ни один из дошедших списков Правды не может быть назван официальным документом и что Русская Правда „есть очевидно сборник, составленный частными лицами и в разное время таким же образом дополненный под влиянием различных условий". Это наблюдение казалось Калачову настолько важным, что он выделил его курсивом. Однако, ограничившись этим замечанием, Калачов не стал входить в более подробный разбор вопроса о происхождении Русской Правды, ограничившись описанием списков всех 4 фамилий.

Калачов указывает 5 списков первой фамилии, к которой он относит все известные ему списки первой редакции Русской Правды. Важнейшим из них он правильно считает Академический — XV века. Ко второй фамилии Калачов относит 30 списков, в том числе 2 пергаментных — Синодальный и Троицкий. Это списки Пространной Правды, но без позднейших добавлений. К этому же виду Калачов причисляет и 2 списка Сокращенной Правды, — характерная ошибка, которая повторялась потом и в целом ряде ученых исследований.

К спискам третьей фамилии Калачов отнес 6 списков пространной редакции, дополненных статьями о резоимстве, впервые опубликованными Карамзиным. Наконец, к четвертой фамилии были отнесены списки пространной редакции, соединенные с Законом Судным людем и имеющие предисловие к статьям. Калачов указывает 3 таких списка.[3]

В третьем отделении своего труда Калачов дал систематическое изложение и издание текста Русской Правды. К сожалению, он подошел к исследуемому памятнику с чисто юридической точки зрения и разбил текст Правды по юридическим рубрикам, не желая считаться с действительным расположением текста.

Тем не менее и такое издание имело громадную ценность, так как к тексту были подведены варианты из большого количества списков, до тех пор не вошедших в научный обиход.[3]

---

[1] Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Труд Н. Калачова. Вып. 1. СПб. 1846. стр. 72.
[2] Там же, стр. 73.
[3] Там же, стр. 118—230.

Наконец в четвертом, самом небольшом по размерам, отделении Калачов опубликовал памятники, находившиеся в особенной связи с содержанием Русской Правды. К ним он причислил извлечения из Законов Моисеевых, некоторые византийские памятники, церковные уставы русских князей и т. д.

Труд Калачова для своего времени был исключительным и выдающимся явлением, но не лишен был и недостатков. К ним следует отнести некоторое стремление автора к формальным, иногда чисто описательным моментам. Читатель мог ожидать от Калачова каких-то общих выводов о времени появления фамилий Русской Правды. Но сам Калачов, повидимому, считал, что это дело будущего, и ограничился только несколькими замечаниями. Само деление на фамилии получило у Калачова характер чисто формальный. Калачов не заметил, что все три последних фамилии представляют собой одну пространную редакцию памятника, которая должна быть противопоставлена первой фамилии или Краткой Правде. Но зато Калачов впервые ввел в науку новые списки Правды, которые можно было использовать для всех дальнейших исследований. После Калачова исследователи имели под руками текст статей Русской Правды с многочисленными вариантами из всех тогда известных списков. Кроме того, Калачов дал краткую, но все-таки достаточно четкую характеристику состава самих сборников, в которых дошли до нас тексты Правды. Казалось бы, работа Калачова должна найти своих продолжателей. Но так не случилось, и новое сводное издание Русской Правды появилось только через 90 лет после диссертации Калачова. Преемники Калачова по изучению Русской Правды только добавляли отдельные тексты к изданному ранее Калачовым и почти полностью игнорировали содержание тех рукописей, в которых сохранилась Русская Правда, рассматривая Правду оторванно, как особое целое, вне связи с окружающими ее памятниками. Даже такой талантливый исследователь, как Дювернуа, считал возможным только сетовать на Калачова за его осторожность в выводах, однако не продолжая и не углубляя его исследований в области изучения списков Русской Правды. Вот что писал Дювернуа и с чем почти в течение 100 лет как будто молчаливо соглашалась историческая наука: „Группировка (Калачова) дает удобное средство пересмотреть все отступления разных текстов. Но этим, мы думали бы, работа над списками не окончена. Можно было бы ожидать, что при такой обширности изысканий, сличение списков приведет нас к тому, по крайней мере, что мы узнаем, какой список служил первообразом для целой фамилии, ибо самое понятие фамилии может держаться только на этом основании. Мы думали бы, что такое сличение, и именно для полных редакций, даст нам возможность сделать заключение о древности той или другой фамилии. К сожалению, таких результатов мы не получаем... Что можно заключить из отсутствия или прибавки статей — это неясно. Всякая отмена, мелкая и крупная, в одинаковой мере способна породить новый вопрос, а мы не всегда можем сказать, какой из этих вопросов важен, какой нет“.[1]

Вопроса о происхождении Русской Правды касается и Н. Ланге в своем большом „Исследовании об уголовном праве Русской Правды“.[2] Ланге возражает против мнения, что Русская Правда является сборником, составленным частными лицами. Если бы Правда была частным

[1] Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 43.

[2] Помещено в „Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России“, кн. I, СПб. 1858; книга III, кн. V, СПб. 1860; кн. VI, СПб. 1861, изд. Н. Калачовым.

сборником, то „отчего же, спрашивается, ни наши летописцы, ни составители Кормчих не сохранили ни одного из этих подлинных документов, а записывали только частные Правды“. Кроме того, частные сборники права у всех народов появились позже, чем официальные. Поэтому предположение, будто Правда не есть официальный документ, а частный сборник законов, оказывается неосновательным“. После этих замечаний Ланге делает вывод: „Правда, в различных ее списках, представляет копии с подлинных уставов уголовного и гражданского права нескольких князей, именно Ярослава, Изяслава с братьями и Мономаха“. В основу своих дальнейших рассуждений Ланге кладет деление Правды на 4 редакции, но тотчас же оговаривается, что „в строгом юридическом смысле можно допустить только две“. К первой редакции относится Краткая Правда, ко второй — Пространная, разновидностью которой является Сокращенная Правда — „позднейшая искаженная выписка из Правды“. Не считая нужным приводить подробные доказательства в защиту своего мнения, Н. Ланге признает что „список Академический и сходные с ним представляют уставы Правды Ярослава, а списки Карамзинский, Троицкий, Синодальный и им подобные — уставы Правды Изяслава с братьями и Владимира Мономаха“. Как вывод из такой посылки следует деление Краткой Правды на две части, из которых первая признается Ланге за „первоначальный устав Ярослава“, а вторая — дополнениями к нему, изданными еще при жизни Ярослава. При этом Ланге ссылается на слова Пространной Правды о том, что сыновья Ярослава „паки“ (т. е. снова) собрались „по Ярославе“, откуда можно предполагать, что первый княжеский съезд Ярославичей произошел еще при жизни самого Ярослава. Во второй части Краткой Правды, или „в дополнительном уставе Ярослава“. Ланге различает три частных устава, к которым были присоединены еще 3 статьи (о пошлинах, уроках вирных и уроках мостникам). Ланге указывает, что каждый из этих частных уставов сперва говорил о нарушении личных прав, затем о нарушении прав собственности. К первому дополнительному уставу он относит (по классификации Калачова) статьи 18 и 24 (нарушение личных прав) и 25—27 (нарушение прав собственности); ко второму — статьи 28—30, к третьему — 31—32 и 33—40. „Дополнительный устав, в отношении к первоначальному уставу, составлял законодательство новое, не исключавшее действия прежних постановлений, так что оба устава, взятые вместе, были в собственном смысле Правдой Ярослава“.

Происхождение Пространной Правды рисуется Ланге также довольно упрощенно. „Изяслав начал преобразование Ярославовой Правды, довершил же это преобразование Владимир Мономах, так что два устава, совместно взятые, как дополнявшие друг друга, составляли новое, исправленное и значительно дополненное издание первого нашего законодательного памятника, которое относилось к Правде Ярослава так же точно, как в настоящее время новое издание Свода законов к прежнему“. Поэтому уставы Изяслава и Мономаха продолжали носить общее название суда Ярослава Владимировича. При таком упрощенном понимании происхождения Пространной Правды Ланге было уже нетрудно разделить ее на две части, отнеся первую ее половину к законодательству Изяслава, а вторую к дополнениям, сделанным Мономахом. Далее Ланге делит Пространную Правду на ряд разделов, доказывая ее единство.[1] Отсутствие у Ланге критического отношения к источнику ярко бросается в глаза при чтении его краткого введения, говорящего о происхождении редакций Правды. Поэтому Ланге отдает предпочтение позднему Карамзинскому списку по сравнению с древним

[1] „Архив исторических и практических сведений, относящихся до России“, кн. 1, СПб. 1858; стр. 4—10.

Синодальным. Все замечания Ланге сведены к следующим выводам (даю в сокращении):

1) Русская Правда не есть сборник, составленный частными лицами и лишенный внешнего единства.

2) Русская Правда по развитию своих постановлений делится на две: на первую, или основную, и последующие.

3) Правда Ярослава заключает в себе два устава: первоначальный и дополнительный и помещена в списках Академическом и сходных с ним.

4) Правда Изяслава и Мономаха делится тоже на два устава: на первоначальный, изданный Изяславом, и дополнительный, составленный при Мономахе. Правда эта заключается в списках Троицком, Синодальном, Карамзинском и сходных с ними по редакции.

5) Между первоначальным уставом Правды Ярослава и первоначальным уставом Правды Изяслава и Мономаха существует разительное сходство в расположении статей...

6) Между дополнительными уставами обеих Правд находится также сходство...

7) При действии Изяславовой и Мономаховой Правды Правда Ярослава не имела более силы закона, за исключением может быть двух постановлений, но при существовании одного устава Изяслава она во многих частях составляла право действовавшее.[1]

Рассмотрев право по Русской Правде, Ланге останавливается на мнении Погодина о заимствовании Правды из германского права и признает Русскую Правду „законодательством чисто славянским".[2]

Хотя работа Ланге появилась на 12 лет позднее „Предварительных исследований" Калачова, на ней почти не отразились выводы этого замечательного труда. Ланге без всякой критики повторяет ряд мнений, высказанных задолго до него. Мысль о том, что краткая редакция Правды составлена из двух уставов Ярослава, первоначального и дополнительного, высказана была уже Татищевым, притом более тонко и осторожно, чем это сделано Ланге. Деление пространной редакции на две части сделано было уже Болтиным и вызвало совершенно справедливую критику Карамзина. Непостижимо, каким образом Ланге мог игнорировать критические замечания своих предшественников и вернуться целиком на позиции историков XVIII века. Во всей работе Ланге его выводы о происхождении Русской Правды являются самым слабым и досадным местом, в то время как в остальном его работа является ценным комментарием к тексту Правды. Слабость аргументации Ланге была настолько ясна, что почти все последующие исследования признавали, вопреки ему, неофициальное происхождение Русской Правды. Слишком уже натянутыми и в то же время голословными казались замечания Ланге, что Правда „представляет собой копии подлинных уставов нескольких князей". В вопрос о происхождении Русской Правды, как мы видели, Ланге не внес ничего нового. Но этого нельзя сказать о следующей работе, подлежащей нашему рассмотрению, — о работе Дювернуа.

Дювернуа рассматривает Русскую Правду только как один из источников древнерусского права.[3] Но это не помешало ему высказать ряд новых и свежих замечаний о происхождении Русской Правды. Дювернуа прежде всего решительно стал на сторону сторонников неофициального происхождения Русской Правды, которая, по его мнению, является сборником, составленным прямо „для руководства суда". Поэтому Дювернуа так определяет цели, которые он ставит при изучении Правды:

[1] „Архив исторических и практических сведений, относящихся до России", кн. 1. СПБ. 1858; стр. 25.

[2] Там же, стр. 303.

[3] Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М. 1869.

„Цель наша при изучении Русской Правды должна заключаться в анализе элементов (уставы, обычаи), которые входили в ее состав, так как, по нашему мнению, все памятники, носящие это название, составляют сборники, а не первообразные акты, как, например, грамоты уставные, жалованные и пр.“[1]

Дювернуа останавливается на вопросе о том, что же собой представляют краткая и пространная редакции Правды? В составе краткой редакции он различает Правду Ярослава и Правду его детей, таким образом присоединяясь к общепринятому мнению о двух составных частях, составляющих вместе краткую редакцию Правды. Но в отличие от Татищева и Ланге, видевших в этих частях различные памятники, объединенные вместе, Дювернуа считает, что „короткая Правда составляет одно целое. Различать две половины в этом целом мы можем толко для того, чтобы определить, что принадлежит самому Ярославу, а что его детям“.[2]

Дювернуа впервые проводит мысль о принципиальном отличии Правды Ярослава от Правды его детей. Правда Ярослава знает под названием мужей свободных людей, тогда как Правда детей Ярослава „непрерывно различает мужей князя и других свободных людей, коней княжих и не княжих, борть княжую и не княжую, раба княжего“. Первые 17 статей Правды и, может быть, 42-я статья, по мнению Дювернуа, были включены в состав этого памятника при Ярославе, остальные после Ярослава. Дювернуа не отвергает полностью мысли о том, что источниками Правды могли быть подлинные княжеские уставы.

Из статей Правды Ярослава он выделяет 42-ю статью Академического списка, или Покон вирный, который по своему содержанию ближе всего подходит к понятию устава. Что касается до Правды Ярославичей, то она, по Дювернуа, представляет собой, преимущественно, княжеский устав. Поэтому оглавление, которое поставлено перед этим рядом статей: „Правда уставлена Русской земле“ совершенно соответствует ее содержанию“.[3] Таким образом, Дювернуа высказывает совершенно новую мысль, позволяющую примирить сторонников официального и „частного“ происхождения Правды. Дошедшие до нас сборники могут быть сборниками „частного“ происхождения, но они имеют своими источниками княжеские уставы.

Менее определенно Дювернуа высказывается о характере пространной редакции Правды, но и здесь он делает ряд интересных наблюдений. Как и другие исследователи, Дювернуа отмечает связь, существующую между краткой и пространной редакциями Правды. Эта связь выражается в следующем:

В Пространной Правде: „1) Составитель не выбрасывает положений, потерявших силу, а выписывает их и отмечает, что так было при Ярославе, а при детях стало иначе... 2) В статьях об убийстве замечается, что составитель соединяет из обеих частей статей Правды все, касающиеся этого преступления“.[4]

Таковы замечания Дювернуа, оказавшие значительное влияние на всех последующих авторов, писавших о Русской Правде.

После Дювернуа вопроса о происхождении Русской Правды кратко коснулся С. М. Соловьев в его „Истории России с древнейших времен“. По мнению Соловьева, „название Русской Правды получил этот устав, как видно, для отличия от уставов греческих, которые, по принятии

---

[1] Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М. 1869, стр. 44.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же, стр. 71.
[4] Там же, стр. 75.

христианства, имели такое сильное влияние на юридический быт Руси".[1] Соловьев отмечает, что этот первый писанный устав приписывается Ярославу. Впрочем, он ограничивается разбором самых постановлений Правды и, подобно Карамзину, одновременно пользуется как краткой, так и пространной редакциями. Говоря далее о русском обществе XI—XII веков, Соловьев отмечает, что сыновья Ярослава внесли изменения в постановления своего отца. В примечании к основному тексту (на стр. 739) Соловьев разбирает вопрос о времени возникновения изменений, внесенных Ярославичами, и как будто склоняется к тому, что они возникли еще до 1071 года.

Как мы видим, Соловьев мало занимался Русской Правдой. Но отдельные его замечания тем не менее имели существенное значение для разрешения вопроса о происхождении Русской Правды. В частности, Соловьев со всем своим авторитетом отверг предположение о заимствовании норм Правды из скандинавского или германского законодательств, так как „варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господствующим народом в духовном, нравственном смысле".[2]

Новая значительная работа о Русской Правде появилась только через 12 лет после выхода в свет сочинения Дювернуа.

„Исследования о Русской Правде" Мрочек-Дроздовского, выпущенные в 1881—1886 гг., состоят из двух выпусков.[3] Первый выпуск этого труда посвящен „опыту исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды". В кратком введении Мрочек-Дроздовский делает общие замечания о Русской Правде, отмечая, что „относительно ученой разработки особенно посчастливилось, так сказать, внешней стороне Правды". Что касается вопроса о происхождении Правды, то он, по мнению Мрочек-Дроздовского, может быть разрешен только тогда, когда будут найдены и исследованы все наличные списки этого памятника. Мрочек-Дроздовский так объясняет цель своего исследования: „Цель моих исследований о Русской Правде состоит в том, чтобы, отпечатав текст двух первых древнейших фамилий памятника с необходимыми дополнениями третьей фамилии и с вариантами по печатным спискам, объяснить его с указанных точек зрения на основании также указанного материала, и затем представить содержание Русской Правды в систематическом виде, разделяя статьи ее по категориям науки права".

Далее Мрочек-Дроздовский объясняет причины, по которым он, в первую очередь, рассматривает вопрос о денежном счете Русской Правды. Он говорит: „приступая к толкованию Правды Русской, исследователь немедленно наталкивается на вопрос о денежной системе этого памятника".

Во втором выпуске своей работы Мрочек-Дроздовский опубликовал тексты Русской Правды и комментарий к ним. В кратком введении Мрочек-Дроздовский отмечает свое согласие с мнениями целого ряда ученых, выделяющих первые 17 статей краткой редакции в особую „первоначальную" Правду или Правду Ярослава. Вслед за Тобиным Мрочек-Дроздовский находит в расположении статей Правды Ярослава особую систему. Последующие статьи краткой редакции он признает дополнениями к Правде Ярослава. Статьи 18—27 „принадлежат, несомненно, самим Ярославичам", остальные представляют собой дополнения к Правде Ярославичей. В расположении статей Пространной Правды

---

[1] История России с древнейших времен. Сочинение Сергея Михайловича Соловьева. Кн. 1. СПб. „Общая польза", стр. 231—238.

[2] Там же, стр. 271.

[3] Исследования о Русской Правде П. Мрочек-Дроздовского. Вып. 1. М. 1881; вып. II. М. 1885. Приложения ко второму выпуску. М. 1886.

Мрочек-Дроздовский также находит систему, приходя в заключение к выводу, что „краткая Правда, как свод, появилась не позднее конца XI столетия, текст же Пространной Правды (по Синодальному списку) относится „ко времени от конца XI до половины XII века“.[1]

После замечаний о разном значении слова „Правда“ в древней Руси Мрочек-Дроздовский печатает тексты Правды: краткую редакцию по Румянцевскому списку, пространную — по Синодальному, Чудовскому второму списку (1499 г.) и по Беляевскому списку (Карамзинского вида). Остальные части работы Мрочек-Дроздовского заняты объяснением отдельных слов и текстов, встречающихся в Русской Правде и в других древне-руских памятниках.

Исследования Мрочек-Дроздовского, как мы видим, не внесли ничего принципиально нового в изучение вопроса о происхождении Русской Правды, повторяя в основном выводы Тобина и Ланге. Такой же компилятивный характер носила и другая работа, посвященная Правде и принадлежащая перу Н. А. Рожкова.

Вопрос о происхождении и составе Русской Правды рассматривается Н. А. Рожковым в его „Очерках юридического быта по Русской Правде“.[2] Рожков прежде всего указывает на существование трех мнений о происхождении Правды. Первое мнение считает Правду официальным законодательным актом, второе — частным юридическим сборником, третье — позднейшей подделкой. Из этих трех мнений Рожков считает правильным только второе, отмечая, что взгляд на Русскую Правду „как на частный юридический сборник, надо считать одним из важнейших приобретений исторической литературы в изучаемой области“. Однако сам Рожков не приводит никаких новых данных в защиту своего мнения, ссылаясь, главным образом, на работы Калачова и Дювернуа. Рожков делит Правду на две редакции — краткую и пространную, доказывая, что текст краткой редакции древнее текста пространной. В составе краткой редакции Рожков различает „два хронологических текста“, допуская, что сначала возник текст первых 17 статей, и в то же время отвергая мысль о том, что краткая редакция Русской Правды представляет собой соединение двух отдельных сборников. „Краткий текст Русской Правды составлен был до 1073 года, т. е. в течение третьей четверти XI века (1054—1073 гг.)“.[3] Местом создания краткой редакции Рожков признает Киев, считая недоказанным ее новгородское происхождение.

Переходя к изучению списков пространной редакции Правды, Рожков делит их на четыре редакции: „первая представляется Синодальным списком, вторая — Троицким, к третьей принадлежат списки, сходные с Карамзинским, типическим представителем четвертой служит список князя Оболенского“.[4] Время возникновения пространной редакции Правды указано Рожковым несколько неопределенно. Повидимому, он склоняется к мысли Дювернуа о сложении Правды уже в XII веке. Основываясь на мнении Мрочек-Дроздовского, в свою очередь ссылающегося на Калайдовича и Строева, о том, что Мерило Праведное составлено в первой половине XII века, Рожков относит к этому времени составление Троицкой редакции Пространной Правды и говорит уже утвердительно: „вот время, когда закончилось составление Русской Правды“. К числу источников Русской Правды Рожков причисляет юридический обычай, княжеские уставы, юридическую практику, а также византийское право.

---

[1] П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Вып. II, стр. XXXVI.

[2] Н. А. Рожков. Из русской истории. Очерки и статьи. Т. I. 1923, стр. 24—130. Очерки юридического быта по Русской Правде.

[3] Там же стр. 27 и 38.

[4] Там же, стр. 40, 47.

Влияние варягов на Русскую Правду, по мнению Рожкова, было незначительным. Остальные очерки Рожкова не имеют уже непосредственного отношения к нашей теме. Во втором очерке он рассматривает уголовное право Русской Правды, в третьем — гражданское право, в четвертом — судебный процесс.

В целом взгляды Рожкова на происхождение Русской Правды были мало оригинальны. Рожков не привлекал никаких новых материалов, пользуясь только известной уже до него литературой, которую он очень тщательно проработал. Но эта литература заставляла его нередко оперировать непроверенными мнениями. Так, без самостоятельного изучения Мерила Праведного Рожков не имел права говорить о времени появления этого памятника. Тем не менее он датировал время создания Русской Правды только на основании предположений о том, что Мерило Праведное возникло в XII веке.

Интерес к изучению Правды резко усилился с начала XX века, когда с особой тщательностью стали разрабатываться вопросы экономических и социальных отношений в древней Руси. Новостью в деле изучения Правды были работы Сергеевича, которые открываются его статьей о списках Русской Правды. Сергеевич прежде всего рассматривает известные ему тексты Правды, насчитывая до 50 списков этого памятника. Все списки Правды он делит на три фамилии. К первой фамилии он относит Краткую Правду. „Во сколько приемов писались списки первой фамилии и когда началось их составление, этого мы не можем определить; но есть основание думать, что окончательная редакция списков этой фамилии завершилась около времени съезда сыновей Ярослава... Это Правда первой половины XI века, окончательная редакция которой не может быть древнее 1054 года и моложе 1065—1070 года. Но первая ее половина могла быть составлена ранее, еще при жизни Ярослава“.[1] Ко второй фамилии Сергеевич относит списки Пространной Правды, указывая, что эта Правда разделена уже на заголовки, которые возникли после составления текста („чтобы сделать такие заголовки... надо иметь перед собой уже готовые статьи“). Время появления Пространной Правды определено Сергеевичем таким образом: „По времени составления эта Правда моложе первой. В начале ее находим материал, современный второму съезду сыновей Ярослава Мудрого. Во второй статье читаем: „По Ярославе же паки совкупившеся сынове“ его и т. д.... Второй съезд мог произойти не позднее 1073 года. Начавшись во второй половине XI века, накопление материалов, вошедших в состав этого памятника, продолжалось довольно долго. В середине помещен устав о процентах Владимира Мономаха, который был составлен „по Святополцѣ“, т. е. после смерти Святополка“.[2] Сергеевич готов приписать составление Пространной Правды одному лицу. „Если составителю Правды в 1073 году было 25 лет, то в 1113 ему было только 65 лет; он мог быть свидетелем обоих событий и сам заносить свои воспоминания“. Общий итог рассуждений Сергеевича сводится к признанию того, что „составление Пространной Правды должно быть отнесено к самому началу XII века, новый же материал, в нее вошедший, за небольшими исключениями, никак не моложе XI века“. Далее Сергеевич отмечает, что составитель Пространной Правды пользовался краткой редакцией.

К третьей фамилии Сергеевич относит списки сокращенной редакции: „Списки этой фамилии не представляют самостоятельной редакции,

[1] Журнал Министерства народного просвещения. 1899, январь, стр. 1—41. В. К. Сергеевич. Русская Правда и ее списки. То же самое повторяет Сергеевич в лекциях и исследованиях по древней истории русского права, за исключением последнего издания.

[2] Там же, стр. 8 и 12.

это извлечение из двух первых...“ „Едва ли можно думать, что третья редакция возникла ранее конца XII или начала XIII века“.

В заключение Сергеевич рассматривает отдельные списки Правды и останавливается на вопросе об официальном и частном происхождении Правды. Сергеевич указывает, что мнение историков об официальном происхождении Правды „не имеет в свою пользу никаких научных оснований“. Наконец, Сергеевич дает такую оценку Правды как исторического источника: „В Правде отразилось современное ей право, и она составляет почти единственный источник для его изучения“.[1]

Новые мнения о происхождении Русской Правды Сергеевич высказывает в предисловии к своему изданию Русской Правды.[2] Он указывает, что ранее он признавал существование трех редакций Правды, но внимательное изучение Академического и Археографического списков Правды привело его к убеждению, „что у нас было не три, а четыре редакции Правды“.

Сергеевич считает, что краткая редакция Правды является простым соединением двух различных памятников — Правды Ярослава и Правды Ярославичей. „Татищев открыл два разных памятника, две самостоятельных редакции Правды; летописец, хотя и занес их под один год, но знал, что это разные Правды“.

Для доказательства своей мысли Сергеевич ссылается на текст краткой редакции Правды, в котором начало второй части выделено киноварной буквой П (в слове „Правда“), как это сделано и в начале первой части Правды. „Летописец, значит, хорошо понимал, что он вносит в летопись. Он вносит в нее два совершенно различных памятника. Первый он приписывает Ярославу, второй был раньше, в попавшем в его руки документе, приписан его сыновьям. Летописец заметил это, а потому и нашел нужным второй документ отличить не только красной буквой, но новой строкой и особой припиской в тексте“. Далее Сергеевич отмечает недостоверность известия Новгородской 1-й летописи младшего извода о составлении Ярославом грамоты, так как этого известия нет в Синодальном списке XIII века. Летописец приписал древнейшую Правду Ярославу потому, что вторая Правда в самих рукописях приписывалась его сыновьям. „Так возникла легенда об Ярославовой Правде. Те же мысли о происхождении Краткой Правды читаем в новом издании „Лекций и исследований“, с заключением: „Итак, открытый Татищевым список дает две разных редакции Правды: древнейшую, которая не упоминает ни об одном князе, и вторую по ней, которая говорит о сыновьях Ярослава“.[3]

Нельзя сказать, чтобы новое воззрение Сергеевича на Правду не заслуживало внимания. Но один киноварный знак еще не решает вопроса о происхождении Краткой Правды, хотя и является показателем того, что составитель или переписчик краткой редакции имел под руками, по крайней мере, два памятника и выделил начало Правды Ярославичей особым значком. Более интересными представляются мнения Сергеевича о времени появления редакций Правды. Особенно интересен первый взгляд Сергеевича на существование всего трех редакций Правды: краткой, пространной и сокращенной. В целом же работы Сергеевича являются ценнейшим вкладом, сделанным в науку в начале XIX века по вопросу о происхождении Русской Правды.

---

[1] В. К. Сергеевич. Русская Правда и ее списки, стр. 37—41.

[2] Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского. Изд. В. Сергеевич. СПб. 1904. Под Археографическим списком понимается список краткой редакции, под списком Оболенского — сокращенная редакция Правды.

[3] В. Сергеевич. Лекции и исследования. 4-е издание. СПб. 1910, стр. 56—59.

В 1903 году вышел 1-й том знаменитого „Курса русской истории" В. О. Ключевского,[1] в котором автор подробно остановился на Русской Правде и дал новую теорию ее прохождения. Ключевский, прежде всего, указывает на существование двух противоположных взглядов на происхождение Правды, один из которых считает Правду официальным памятником древнего законодательства, а другой — частным юридическим сборником. В связи с этим Ключевский отмечает, что в Правде имеется несколько постановлений, данных преемниками Ярослава, его детьми и даже его внуком Мономахом, однако эти постановления представляют собой „не подлинные слова законодателя а их изложение, парафразу, принадлежащую кодификатору или повествователю, рассказавшему о том, как закон был составлен". Далее Ключевский отмечает, что в Русской Правде нет и следов такой важной особенности древнерусского судебного процесса, каким являлся судебный поединок или „поле". Эта последняя особенность указывает на ее возникновение в церковных кругах, всегда восстававших против судебных поединков. То же наблюдение можно сделать при знакомстве с теми сборниками, в которых дошла до нас Русская Правда. Такими сборниками являются юридические памятники церковного или византийского происхождения — Кормчая и Мерило Праведное, в которых Русская Правда помещена наравне с извлечениями из законов Моисеевых, Эклоги, Закона судного людем, Прохирона и др. „Таким образом, Русская Правда жила и действовала в церковно-юридическом обществе". Наконец, между Русской Правдой и статьями церковно-византийского характера, помещенными в сборниках, заметна некоторая внутренняя связь. Для доказательства этой мысли Ключевский делает сопоставления между отдельными текстами Правды, с одной стороны, и извлечениями из Моисеева законодательства, Закона Судного людем и пр., с другой. Из всего сказанного выше Ключевский делает важный вывод: „Читаемый нами текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе".[2] В то время как княжеский судья еще мог обходиться без такого свода, в нем нуждались церковные круги по двум причинам: „1) первые церковные судьи на Руси, греки или южные славяне, незнакомы были с русскими юридическими обычаями; 2) этим судьям нужен был такой письменный свод туземных законов, в котором были бы устранены обычаи, особенно претившие нравственному и юридическому чувству христианских судей, воспитанных на византийском церковном и гражданском праве".[3]

Ключевский считает, что Русская Правда получила обязательное действие только „в одной части русского общества, именно в той, на которую простиралась церковная юрисдикция по нецерковным делам и в таком обязательном значении признаваема была самой княжеской властью".[4]

Краткая редакция Русской Правды, по мнению Ключевского, возникла не позднее начала XII века, на что указывает денежный счет Правды. Пространная редакция Русской Правды, по мнению Ключевского, получила законченный состав во второй половине XII или в начале XIII веков.[5]

Источниками Русской Правды был „закон русский", упомянутый уже в договоре Олега, т. е. „право городовой Руси, сложившееся из довольно

---

[1] В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. 1-я. Лекция XIII—XIV.
[2] В. Ключевский, Курс русской истории. Ч. 1-я, стр. 259. 5-е изд.
[3] Там же, стр. 260, 263.
[4] Там же, стр. 268, 272 и 279.
[5] В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. 1-я, стр. 268, 272, 279.

разнообразных элементов в IX—XI вв.",[1] а также княжеское законодательство и некоторые статьи церковно-византийского происхождения.

Рассмотрев вопрос о происхождении Русской Правды, Ключевский переходит к изучению состава Правды, еще раз указывая, что этот памятник возник в сфере церковной юрисдикции, так как „никакой другой класс русского общества не обладал тогда необходимыми для такой работы средствами, ни общеобразовательными, ни специально юридическими".[2] Ключевский различает две редакции Правды — краткую и пространную, отмечая большую стройность и обстоятельность пространной редакции, но отвергая мысль о происхождении краткой редакции путем простого сокращения пространной.

Конечный вывод Ключевского сводится к признанию Русской Правды сборником разновременных частичных сводов и отдельных статей. „Поэтому Русскую Правду можно признать довольно верным, но не цельным отражением юридического порядка ее времени... Русская Правда — хорошее, но разбитое зеркало русского права XI—XII веков".[3]

Взгляды В. О. Ключевского на Русскую Правду, как мы видим, очень своеобразны. Впервые, после Калачова, Ключевский ставит вопрос о литературном окружении Правды, хотя и не производит детального изучения тех сборников, в которых дошла до нас Русская Правда. Ключевский умело сопоставляет тексты Правды с другими памятниками древней Руси как оригинальными, так и переводными. Он правильно определяет литературную среду, в которой распространялась в XIII—XV веках Русская Правда.

Интересны замечания Ключевского о денежном счете Русской Правды, имеющие громадное значение для правильного понимания этого памятника. Но общий вывод Ключевского о том, что Русская Правда возникла в церковной среде и для судов, подведомственных церковной юрисдикции, не был признан исторической наукой правильным. Взглядам Ключевского противоречило прежде всего даже содержание Правды. Филологи всегда отмечали удивительно слабые следы влияния церковных памятников на язык Правды. Церковная практика также не нашла почти никаких отражений в Правде. В то время как Закон Судный людем и другие памятники такого же характера неоднократно возвращаются к церковной практике, Русская Правда живет всецело в сфере гражданских интересов, только упоминая о чернеческих холопах. Князь и его интересы всюду стоят в Правде на первом месте. К тому же Кормчие и Мерила Праведные являются не единственными сборниками, включавшими в свой состав Русскую Правду. На ряду с ними известны списки Правды в летописях и в особых юридических сборниках. Отнесение Русской Правды к числу памятников, действовавших только в сфере церковной практики, было своего рода компромиссом, которым Ключевский пытался примирить сторонников официального и частного происхождения Правды. Однако примирить оба мнения ему не удалось, хотя и удалось показать, что спор о происхождении Русской Правды нельзя свести к двум мнениям и что дошедшие до нас тексты Правды пережили длительную историю, а следовательно, современный текст Русской Правды, носящий черты раздовременного хкрактера, не исключает возможности использования Правдой действительных законодательных актов княжеской власти.

Новой большой работой, целиком посвященной Русской Правде, явился труд Гетца.

В своем четырехтомном исследовании Гетц[4] подробно останавли-

---

[1] Н. В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. 1-я, стр. 268, 272, 279.
[2] Там же, стр. 268, 272 и 279.
[3] Там же, стр. 293
[4] L. K. Goetz. Das russische Recht. Bd. I—IV. 1910—1914.

вается на изучении Правды. После кратких методических замечаний о характере исследования Гетц дает тексты Русской Правды с параллельным переводом их на немецкий язык. В основном Гетц следует Сергеевичу, считая первую часть Краткой Правды (по Археографическому списку) особой редакцией и выделяя вторую ее часть в особую вторую редакцию. Пространная Правда, по Гетцу, является третьей редакцией, представленной в его работе Троицким списком XIV века с добавлениями из Карамзинского.

Гетц дает подробный комментарий к Древнейшей Правде, выделяя некоторые позднейшие интерполяции. Однако выявление этих интерполированных мест проведено им очень неточно и неубедительно. В результате целого ряда операций над текстом Правды Гетц приходит к мысли, что „древнейшая редакция Русской Правды воспроизводит правовое состояние и степень судебной организации, которая господствовала в России до Владимира", так как в Древнейшей Правде князь стоит на втором плане. Гетц отводит целую главу вопросу о существовании закона или права в древней Руси, пользуясь не только летописью, но и известиями византийских и арабских писателей. Однако приводимые им тексты ни в какой мере не доказывают раннее происхождение Древнейшей Правды, относящейся, по мнению Гетца, по крайней мере, к X веку.

Очень много места отводится Гетцем так называемой реформе Владимира, в результате которой были временно отменены виры и введена смертная казнь для разбойников.

Гетц указывает, что древнейшая редакция Правды представляет нам право восточных славян, существовавшее до Владимира: „sie ist eine vor Vladimir entstandene Aufzeichnung uralter Rechtsgewohnheiten der östlichen Slaven.[1] Гетц особенно настаивает на частном, неофициальном происхождении древнейшей редакции Русской Правды, указывая, что она ближе всего стоит к Lex Frisionum, который является юридическим кодексом „чисто частного происхождения".

В приложении Гетц рассматривает взаимоотношения Древнейшей Правды и других юридических памятников, отмечая, что между договорами Олега и Игоря с греками и Русской Правдой особой близости не существует. Отсутствие сходства между текстами указанных памятников объяснено Гетцем тем, что договоры имеют характер международных памятников. Гетц отвергает и заимствования в Древнейшую Правду из судебника Константина, так как оба эти памятника возникли самостоятельно. Впрочем, отмечая дословное сходство двух статей Древнейшей Правды с судебником Константина, Гетц говорит, что статья об оружии встречается и в списках Пространной Правды, или, по Гетцу, в третьей редакции Правды. Эта статья в Пространной Правде отличается более древним характером, чем в Древнейшей.

В заключение Гетц рассматривает вопрос о степени прямого влияния на Древнейшую Правду германского и древнешведского права и приходит к отрицательным результатам. Общий вывод его сводится к тому, что древнейшая редакция отражает первоначальное обычное право русских. Древнейшая редакция возникла до Владимира, местом ее возникновения был, повидимому, Киев („Dass der Ort der Zusammenstellung der ältesten Redaction Kiev ist, scheint nur nach der ganzen Bedeutung Kievs für altrussland wahrscheinlich).[2]

Во втором томе своей работы Гетц рассматривает вторую часть Краткой Правды или, по его терминологии, вторую редакцию. Общие

---

[1] L. K. Goetz, Das russische Recht. Bd. I, S. 225.
[2] L. K. Goetz. Das russische Recht. Bd. I, S. 276.

выводы Гетца сводятся к следующему. Вторая редакция Правды или Правда Ярославичей не является памятником, однородным по содержанию. Эту мысль Гетц повторяет и далее, говоря, что вторая редакция — это руководство для практической работы судьи. Местом возникновения второй редакции Правды, по Гетцу, является Киев. Вторая редакция, без сомнения, моложе первой, но обе редакции имеют много общего. Гетц думает, что заголовок второй редакции является позднейшим припоминанием. Вторая редакция также неофициального происхождения; „она своим происхождением обязана частной деятельности". Вторая редакция — это руководство для судей. Местом возникновения второй редакции, как и древнейшей, Гетц считает Киев, временем ее возникновения — эпоху Ярослава.

Третью и четвертую книги своей работы Гетц посвящает третьей редакции или Пространной Правде. Третий том является в сущности большим комментарием к Пространной Правде. В четвертом томе Гетц рассматривает ряд вопросов, связанных с происхождением Пространной Правды.

Однако наблюдения Гетца крайне ограничены. В основном он пользуется текстами Синодального, Троицкого и Карамзинского списков. Впрочем и сам Гетц признает, что Карамзинский список, давая иногда лучшие чтения, носит на себе явные следы переработки текста. Гетц указывает источники Пространной Правды. Из нерусских источников Правды он особо отмечает германские. По его мнению, „германо-скандинавское влияние на русское право было бо̀льшим, чем византийское". В качестве доказательств германо-скандинавского влияния Гетц указывает удвоение платы за убийство княжеских людей, оплату за нанесение увечий в полвиры, а не в целую, и т. д. К германскому влиянию Гетц относит и внесение в Правду понятие свода и института закупничества. „В общем мы отмечаем, что в третьей редакции, в противоположность первой, увеличились следы германского влияния или даже прямые заимствования из германского права".[1] Наоборот, Гетц не находит в Правде большого влияния византийского права на русское.

Родиной третьей редакции Гетц считает Киев. О времени же возникновения Пространной Правды он делает только уклончивые замечания. Он готов ее отнести и к XI веку, замечая, что может быть „позднейшие исследователи будут счастливее и успешнее в этой области".[2] Конец четвертой части занят у Гетца изучением юридических особенностей третьей редакции.

Выводы Гетца были во многом оригинальны, как это указывалось большинством рецензентов после выхода его труда. Впрочем, деление Краткой Правды на два различных памятника, как и их датировка во многом были определены работами Сергеевича и даже более ранними работами Эверса. В своем крайне многословном исследовании Гетц, по существу говоря, производит совершенно недопустимую вивисекцию над краткой редакцией Правды, устраняя из нее все, что не укладывается в рамки его положений. Гетц в датировке редакций Правды идет не от текста памятника к дате, а от предполагаемой даты к тексту. Поразительно мала и та источниковедческая база, на которой работает Гетц. Читатель тщетно будет ожидать от него анализа различных изводов. Все операции проводятся Гетцем над немногими текстами, а состав рукописей и общая совокупность памятников, содержащих Русскую Правду, совсем остаются вне поля его работы. Между тем работы Гетца вызвали среди историков совершенно неправильную тенденцию к дати-

[1] L. K. Goetz, Das russische Recht, Bd. IV. S. 79, 83.
[2] Ibidem, S. 96.

ровке редакций Правды. Именно работа Гетца и создала представление о необычайной трудности датировки Русской Правды, в особенности пространной редакции Правды. Этим и объясняется, что после Гетца исследователи с особой тщательностью разрабатывали вопрос о происхождении краткой редакции Правды. Таков был прежде всего труд Н. А. Максимейко.

Работа Максимейко[1] делится на четыре главы. В первой главе он рассматривает мнения ученых о характере краткой редакции Правды, почему-то разбирая особенно подробно только мнения ученых до конца XIX века и только суммарно ссылаясь на замечания позднейших исследователей — Сергеевича, Владимирского-Буданова, Дьяконова и др. Максимейко, впрочем, уже в самом начале своей книги высказывает и собственный взгляд на краткую редакцию Правды, придерживаясь мнения, что Краткая Правда делится на две половины, из которых первая, повидимому, „есть памятник Новгородского права, тогда как вторая принадлежит к системе права, по всей вероятности, действовавшего в Киевской Руси".[2] В доказательство новгородского происхождения первой части краткой редакции Русской Правды Максимейко ссылается на ее терминологию и характерные особенности текста. Эта глава может быть признана особенно удачной частью работы Максимейко, с большой полнотой обосновавшего свой взгляд на первую половину краткой редакции как на памятник новгородского происхождения. Значительно менее яркими представляются доказательства автора в пользу киевского происхождения Правды Ярославичей. Они опираются, главным образом, на слова: „Правда уставлена Роуськой земли". Впрочем немаловажной является мысль Максимейко о том, что в Киеве княжеская власть получила наиболее яркое развитие, а Правда Ярославичей сама является несомненным памятником княжеского законодательства. В Киевской же земле особенно ярко проявилось социальное неравенство, нашедшее свое отражение в Правде Ярославичей.

Во второй главе Максимейко рассматривает Правду „как сборник, обе части которого составлены одновременно и одним и тем же лицом". Рассмотрев замечания ряда авторов о происхождении Правды и особенно полемизируя с Гетцем, Максимейко задает вопрос, чем объяснить поразительную разницу между частями Русской Правды — „чем был обусловлен и как мог произойти такой колоссальный переворот в области права за короткий период времени, продолжительность которого исчисляется всего двумя-тремя десятками лет".[3] На этот вопрос Максимейко отвечает доказательствами „взаимной зависимости и единства обеих частей Краткой Правды". Максимейко рассматривает первую часть краткой редакции Правды как часть кодекса, необходимо предполагающую его продолжение. Обе части краткой редакции Правды говорят об одном и том же предмете, но с различных сторон. „Принадлежность Краткой Правды авторству одного лица обнаруживается и в системе ее изложения", а также в однородности стиля обеих частей Правды. Но как же согласовать мнение автора о новгородском и киевском происхождении двух частей Правды? На это Максимейко замечает, что Правда была, повидимому, составлена новгородцем, дополнившим новгородское право киевским. „Новгородская Правда положена в основу сборника и стоит на первом месте, тогда как Киевская Правда следует за нею, в качестве дополнительной части". Ло-

[1] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. I. Краткая редакция. Харьков. 1914.

[2] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. I, стр. 1.

[3] Там же, стр. 38, 50.

гическим выводом из приведенных выше рассуждений является признание Правды памятником второй половины XI века.

В третьей главе своего труда Максимейко рассматривает Краткую Правду как памятник национального самоопределения русского общества в области права. Автор Русской Правды, не задаваясь практическими целями, „хотел только противопоставить кодексу греческого происхождения соответствующий более или менее равноценный сборник местного национального права“.[1] В связи с этим в 4-й главе своей работы Максимейко рассматривает влияние византийского права на краткую редакцию Русской Правды и приходит к выводу, что автор Краткой Правды „мог иметь сведения об юстиниановом законодательстве“, вернее, об одной из позднейших его переработок, образца которой Максимейко, впрочем, не в состоянии был указать среди греческих памятников. Попутно Максимейко касается вопроса о 17-й статье Академического списка, считая ее позднейшей припиской к Закону Судному людем, попавшей в него из Русской Правды. Наконец, в последней, заключительной главе Максимейко рассматривает особенности списков краткой редакции Русской Правды.

Наиболее неудачной частью книги Н. А. Максимейко является сравнение текста Правды с законами Юстиниана. Общие черты сходства, существующие между византийским и русским правом, не являются доказательствами зависимости одного от другого. Малодоказательным представляется и мнение Максимейко об одновременном возникновении обеих частей Краткой Правды. В самом деле, если „2-я часть краткой редакции не имеет самостоятельного характера, но служит лишь дополнением к первой“, а в свою очередь „1-я Правда — не самобытный кодекс, а лишь начальная и вступительная глава произведения, задуманного в более широком масштабе“, то как объяснить поразительную разницу в терминологии и даже в денежном счете первой и второй частей Краткой Правды. Далее, если 1-я часть Краткой Правды является новгородским, а 2-я — киевским памятником, то каким образом „обе Правды“ могли быть написаны „одновременно одним и тем же лицом?“[2] Не ясно ли, что перед нами два различных памятника, объединенных вместе одним составителем, о редакторской работе которого и следовало бы говорить.

Взгляды Максимейко остались без поддержки в исторической науке, так как разнородность отдельных частей Правды ярко бросалась в глаза исследователям.

Новая значительная работа о Краткой Правде, написанная Н. А. Стратоновым, поставила своей задачей рассмотрение отдельных частей краткой редакции Правды, в составе которой Н. А. Стратонов выделяет следующие части: 1) Древнейшую Правду, 2) Правду Ярославичей, 3) Покон вирный, 4) Устав мостникам. Н. А. Стратонов связывает появление Древнейшей Правды с рассказом новгородской летописи об ярославовой грамоте 1016 года, сравнивая содержание Краткой Правды с предполагаемой ярославовой грамотой, и приходит к выводу, что Древнейшая Правда была составлена в Новгороде.

Вторая часть Краткой Правды или Правда Ярославичей, по мнению Стратонова, возникла в Киевской Руси. В летописи упоминаются Чудин Микула и Никифор, оба киевляне. Стратонов относит возникновение Правды Ярославичей к 1036 году, когда, по известию Татищева, „новгородцы просили Ярослава, дабы им дал грамоту, почему судить

---

[1] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. I, Харьков. 1914. стр. 104.

[2] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды. стр. 52, 65, 39.

и дани давать, понеже прежде данная им неспособна"... Стратонов делает следующий вывод о возникновении Правды Ярославичей: „Составление дополнительного сборника, следовательно, происходило в то самое время, когда Ярослав также особой грамотой закрепил финансовые отношения между новгородцами и посадником, своим сыном Владимиром. В виду того, что цель этого кодекса заключалась в дополнении норм, изложенных в первой Ярославовой грамоте, он вскоре стал известен и в Новгороде, а затем нашел себе место в Новгородской летописи рядом с Ярославовой грамотой, дополнением которой он и должен служить". Ярославова грамота и свод 1036 года (Правда Ярославичей) „только на почве новгородского летописания получили механическое объединение, в судебной же практике XI столетия были известны как два различные акта, дополнявшие друг друга". Третья часть Краткой Правды, или Покон вирный, по мнению Стратонова, является также вполне самостоятельной. Правда Ярослава и Покон вирный („Устав Ярославль") были известны компилятору отдельно. „Урок Ярославль" — это первый опыт в определении финансовых взаимоотношений между местным населением и княжескими „мужами". Наконец, четвертой частью Краткой Правды является Урок мостников.[1]

Работа Н. А. Стратонова вносит много поправок в обычные представления о делении Краткой Правды на две части. Вполне можно согласиться с тем, что Краткая Правда состоит не из двух, а по крайней мере из трех самостоятельных памятников. Покон вирный или Урок Ярославль, действительно, является особой частью Краткой Правды, возникшей самостоятельно от Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. Выделение покона вирного из общего состава краткой редакции можно считать основной заслугой Стратонова. Недостатком его построений является отсутствие анализа Краткой Правды в целом. У читателя создается невольное представление о Краткой Правде, как о памятнике, составленном из механического соединения трех или четырех разнородных памятников. Правда, Стратонов касается вопроса о времени возникновения того текста, „который известен под названием краткой редакции", но выводы его кажутся поспешными и неубедительными. Так, он отмечает, что на краткой редакции Правды отразилось влияние пространной. Но время возникновения пространной редакции и взаимная связь между текстами Пространной и Краткой Правды почти не затронуты в исследовании Стратонова. Вопрос решается чисто догматическим путем, который не может удовлетворить исследователя. Целым рядом натяжек отличаются и выводы Стратонова о времени появления каждой отдельной части Краткой Правды, о чем более подробно будет сказано далее.

Почти все рассмотренные нами исследования исходили из мысли о более раннем происхождении Краткой Правды по сравнению с Пространной. Но были высказаны и мнения, коренным образом противоречащие этому представлению о большей древности Краткой Правды. Замечательно, что все эти мнения принадлежат не историкам, а лингвистам, и притом крупным — Соболевскому и Карскому.

Предположение о позднейшем происхождении краткой редакции Правды было высказано, и притом не в предположительной, а в утвердительной форме, А. И. Соболевским. Аргументация Соболевского сводится к следующему: „Позволительно сомневаться в том, что первые 17 статей Краткой Правды представляют собой „древнейшие статьи

[1] Н. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. 4, стр. 385—494).

Правды“ и что эти статьи „можно назвать Правдою Ярослава“. Есть основание думать, что эти 17 статей взяты из Пространной Правды и при этом некоторые из них сокращены. Но необходимо оговориться: Пространная Правда, из которой взяты первые 17 статей Краткой Правды, имела в тексте отличия от Пространной Правды до нас дошедшей, главным образом, очень мало в юридических нормах, была другого извода“.

Высказав мысль, резко опровергающую все обычные представления о древнем происхождении Краткой Правды, Соболевский приводит ряд примеров, доказывающих, по его мнению, ее позднейшее происхождение, и находит, что „некоторые из 17 статей не имеют смысла“. Таково, например, выражение „чада смирять“, вместо которого, может быть, стояло „ся да смирять“ и т. п. „В общем, — говорит Соболевский, — вторая половина Краткой Правды производит впечатление сокращения соответствующих статей Пространной Правды“.[1]

Однако аргументация А. И. Соболевского совершенно не разработана. На протяжении семи страниц он затронул множество вопросов, связанных с происхождением такого сложного памятника, каким является Русская Правда, не разрешив и даже как следует не разобрав ни одного. Поэтому общий вывод этого большого знатока древнерусской литературы является голословным. Это понимал сам Соболевский, признавая краткую редакцию Правды, вернее 17 первых ее статей, сокращением какого-то не дошедшего до нас извода Пространной Правды. Соболевский оставил без всякого рассмотрения вопрос о том, каким образом позднейший редактор, сокращавший какой-то неизвестный извод Пространной Правды, не сделал ни одного анахронизма, хотя такими анахронизмами нередко изобилуют позднейшие списки Пространной Правды, а также, чем объясняется большая полнота и исправность целого ряда статей краткой редакции Правды по сравнению с Пространной. Наконец он не объяснил, какие причины вызвали появление краткой редакции, малопонятной и неясной, когда уже существовали списки Пространной Правды, внесенные в Кормчие. Таким образом, соображения Соболевского о позднем происхождении Краткой Правды по существу остались недоказанными.

Мнение Соболевского, но в более осторожной форме, повторил в своем издании Синодального списка Е. Ф. Карский, указавший, что „краткий текст... конечно, может основываться на древнейших записях, сделанных еще при сыновьях Ярослава, но мог явиться и как плод извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода в той его части, которая предшествовала уставам этого князя, явившимся уже в Киевской области“. В этом замечании Карского не все понятно, но ясно, что и сам Карский не считал Краткую Правду простым сокращением какого-либо извода Пространной редакции, а искал для нее иных источников. Поэтому он допускал, что могли оказаться здесь даже и некоторые дополнения „из тех запасов, какие отчасти устно, отчасти письменно вращались в судебной практике“, так как новые статьи появлялись и в позднейших списках. Замечание Карского оканчивается общим и по существу правильным выводом: „Не всегда ведь более краткие редакции оказываются древнее более полных“.[2] Как видим, замечания Карского не отличаются подробной и убедительной аргументацией. Поэтому мнения Карского и Соболевского никак не могут поколебать общепринятое представление о большей древности Краткой Правды.

[1] А. И. Соболевский. Две редакции Русской Правды (Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М. 1916, стр. 17—23.

[2] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 9. Л. 1930.

Наш затянувшийся обзор можно считать законченным. После выхода в свет работы Стратонова появлялись только небольшие статьи, посвященные вопросу о происхождении Русской Правды, хотя интерес к этому памятнику никогда не пропадал у историков. Вместе с тем для большинства исследователей стало ясно, что имеющийся материал явно недостаточен и что самой насущной задачей является выполнение той программы изучения Русской Правды, которую когда-то наметил Калачов, в первую очередь, выпуск в свет полного и критически проверенного издания текстов Русской Правды. В 1934 году вышло учебное издание Русской Правды под редакцией Б. Д. Грекова.[1] Новостью в этом пособии было издание текста Троицкого списка XIV века по подлиннику и по строкам, сделанное В. П. Любимовым.

Еще ранее вышло несколько учебных изданий Правды. Из них наибольшее значение имели издания комментированного текста Русской Правды по спискам Академическому (краткая редакция), Карамзинскому и Синодальному (пространная редакция), в хрестоматии М. Ф. Владимирского-Буданова[2] и учебное издание Русской Правды под редакцией А. И. Яковлева.[3]

Еще более важное значение имело издание текстов Русской Правды, предпринятое Украинской Академией Наук под редакцией С. В. Юшкова.[4] С. В. Юшков привлек для своего издания большое количество списков (94 списка, из которых, впрочем, 9 только упомянуты в издании, но не были разысканы издателем). В кратком предисловии Юшков подвергает критике более ранние классификации списков Русской Правды, предложенные Калачовым и Сергеевичем. Списки Правды разделены Юшковым на пять редакций. К первой редакции он относит списки Краткой Правды, ко второй — списки, помещенные в Кормчих и Мерилах Праведных, а также Пушкинский список XIV века; к третьей редакции — так называемые списки Карамзинского вида (с дополнительными статьями о резах), к четвертой — списки Правды в соединении с Законом Судным людем, к пятой — Сокращенную Правду. В этой классификации бесспорным является только выделение в особые редакции Краткой и Сокращенной Правды, остальные же три редакции С. В. Юшкова по существу являются разновидностями Пространной Правды. Недостатки классификации не мешают признать издание списков Правды под редакцией С. В. Юшкова весьма полным и удобным для пользования, хотя точность издания очень далека от совершенства. Но С. В. Юшков не только дал издание списков Правды, но и внес кое-что новое в понимание известных и до него текстов. Он первый обратил внимание на „наличие списков Русской Правды, находящихся в соединении со статьями Судебника царя Константина“ (т. е. Закона Судного людем). По мнению Юшкова, „своеобразие состава этого памятника, отразившего один из последних этапов развития Русской Правды, именно момент влияния на нее византийского законодательства, обусловливает необходимость выделения его в качестве особой редакции“.[5] Это важное наблюдение Юшкова, как далее будет видно, имеет большое значение для объяснения происхождения таких изводов Простран-

---

[1] Русская Правда по спискам — Академическому, Карамзинскому и Троицкому. Под ред. Б. Д. Грекова. М. — Л. 1934.

[2] Христоматия по истории русского права. Составил М. Владимирский-Буданов. Вып. I (выдержала несколько изданий).

[3] Русская Правда по спискам — Академическому, Троицкому, Карамзинскому. Под ред. А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина. М. 1928.

[4] Русская Правда. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций. Составил и подготовил к печати проф. С. Юшков. Киев, 1935.

[5] Русская Правда. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций. Составил и подготовил к печати проф. С. Юшков. Киев. 1935, стр. III.

ной Правды, которые представлены Пушкинским, Археографическим и подобными же списками.

Однако, при всей ценности издания Русской Правды под редакцией С. В. Юшкова, оно не могло целиком удовлетворить научные интересы. Среди основных списков Правды, напечатанных Юшковым, нет ни одного изданного впервые. Классификация списков у С. В. Юшкова также недостаточно дробна и, как мы видели, во многом неверна. Этим объясняется выпуск нового академического издания Русской Правды, под редакцией Б. Д. Грекова, которое, по нашему мнению, является тем критически проверенным изданием, о котором когда-то писал Калачов и работа над которым дала возможность написать новый труд по изучению Русской Правды, предлагаемый нами читателю.

Общие итоги изучения вопроса о происхождении Русской Правды нельзя признать полностью удовлетворительными. С наибольшей полнотой изучена Краткая Правда, и это вполне понятно. Краткая Правда отличается небольшими размерами и дошла всего в двух древних списках, следовательно, особенно доступна для тщательного изучения. Почти все исследователи соглашаются с тем, что Краткая Правда состоит, по крайней мере, из двух частей. Первую часть вместе с тем принято считать древнейшей. Громадное большинство исследователей относит время ее возникновения к эпохе Ярослава Мудрого. Исключением является мнение Гетца, относящего Древнейшую Правду к еще более раннему времени. Вместе с тем в исторической литературе сложилось представление о Древнейшей Правде как памятнике новгородского происхождения. Вторая половина Краткой Правды, по мнению большинства ученых, является Правдой Ярославичей, т. е. памятником киевского происхождения, возникшим между 1054—1071 годами. Только Гетц относит Правду Ярославичей к более раннему времени — эпохе Владимира Святославича. Во всяком случае, почти все историки согласны в том, что Краткая Правда возникла уже в XI веке и не позднее начала XII века.

Гораздо больший разнобой в мнениях ученых виден по отношению к Пространной Правде. Время возникновения этого памятника датируется от конца XI до начала XIII веков. Не сделано и определенных выводов о месте и причинах возникновения Пространной Правды, а также о последующей истории памятника, представленного многочисленными и разноречивыми списками. Таковы итоги изучения Русской Правды за 200 лет. Легко заметить, как много вопросов, связанных с изучением Правды, осталось без разрешения. Предлагаемая работа и ставит своей целью восполнение этого пробела в нашей исторической литературе.

ГЛАВА 3

ОСНОВНЫЕ РЕДАКЦИИ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Русская Правда дошла до нас в большом количестве списков. Списки Правды далеко не однородны по содержанию. Поэтому первой задачей историка, изучающего Русскую Правду, является определение ее редакций. По этому вопросу в науке не существует согласия. Наиболее принятой надо считать классификацию списков Правды, пред-

ложенную Калачовым. Как известно (см. стр. 14), Калачов делит списки на четыре фамилии. Однако деление Калачова не может быть признано вполне удачным. В самом деле, в первую фамилию Калачов отнес списки краткой редакции, а в три последних — все списки Пространной Правды. Между тем краткая редакция Правды или первая фамилия Калачова резко отличается от всех остальных трех фамилий, являющихся разновидностями пространной редакции Правды. Калачов рассматривал Краткую и Пространную Правды как различные редакции одного и того же по происхождению и содержанию памятника, тогда как обе редакции Правды, имея некоторое сходство в отдельных своих частях, являются, по существу, двумя различными памятниками. Краткая Правда была одним из источников, на основании которых была составлена Пространная, но источником, во всяком случае, не единственным. Кроме того, и по своим размерам Пространная Правда раза в четыре больше Краткой и имеет несколько статей, восходящих к последней. Громадное большинство исследователей согласно в том, что Пространная Правда возникла значительно позже Краткой. Не ясно ли, что в Краткой и Пространной Правде мы имеем различные как по содержанию, так и по происхождению памятники. Поэтому эти памятники правильнее называть просто Краткой и Пространной Русской Правдой, сохраняя эти названия как литературные термины, прочно утвердившиеся в исторической науке. Другой неправильностью классификации Калачова являлось отнесение сокращенной редакции к одной из фамилий Пространной Правды, несмотря на явное несоответствие текстов обеих редакций.

Более обоснованной представляется первая классификация списков Правды у Сергеевича, который делит Правду на три редакции: краткую, пространную и сокращенную. В основу такого деления положены наиболее крупные отличия между списками Правды. Менее обосновано позднейшее добавление Сергеевича, согласно которому сама Краткая Правда разделена на два различных памятника или на две редакции. Критика этого нового мнения Сергеевича дана будет в разделе, посвященном Краткой Правде.

С. В. Юшков в своем издании Русской Правды в отличие от Калачова выделил Сокращенную Правду в особую редакцию, а Пространную Правду разделил на три редакции. Критика этого последнего деления будет дана далее. Здесь же следует отметить, что С. В. Юшков довольно произвольно разделил списки Правды на редакции, вследствие чего особенно близкие друг к другу изводы Пространной Правды — Пушкинский и Археографический — попали в разные редакции. Вместе с тем само понятие редакции получило у Юшкова несколько неопределенный характер.

В силу этого в особые редакции, на ряду с Краткой и Сокращенной Правдой, выделены были особые группы или изводы Пространной Правды.

Новая классификация дана в академическом издании Русской Правды. Она составлена В. П. Любимовым на основании изучения всех известных списков Правды. В. П. Любимов делит все списки Правды „на две основные редакции: А. Краткие списки и Б. Пространные списки“.[1] Пространные списки разделены В. П. Любимовым на 3 группы: 1) Синодально-Троицкую, 2) Пушкинскую, 3) Карамзинскую. Каждая из этих групп в свою очередь разделена на виды. Синодально-Троицкая группа имеет 8 видов, Пушкинская — 2, Карамзинская — 3. В своей критике классификации Калачова автор новой классификации, В. П. Любимов,

[1] Правда Русская. 1. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М. 1939, стр. 30.

пишет, что работа Калачова „была только предварительная, была только началом большого труда, который надо было довести до конца".[1] Нетрудно заметить, что классификация В. П. Любимова повторяет деление списков Правды у Калачова, с тем отличием, что краткие списки выделены в особую редакцию от пространных. В самом деле, Синодально-Троицкая группа по классификации В. П. Любимова — это вторая фамилия у Калачова, Пушкинская группа — четвертая и Карамзинская — третья.

В классификации В. П. Любимова новым и особенно ценным является деление Пространной Правды на группы и виды, что не было сделано до него еще ни одним исследователем с такой тщательностью. Это большая заслуга В. П. Любимова перед нашей исторической наукой.

Основной же ошибкой классификации В. П. Любимова, которую он повторил вслед за Калачовым, является отнесение сокращенной редакции Русской Правды к Синодально-Троицкой группе пространных списков. С этим можно было бы согласиться, если бы сокращенная редакция явилась в результате механического сокращения Пространной Правды. В действительности этого нет и сокращенная редакция отличается от пространной редакции Русской Правды не только текстом, но и дополнительными статьями.

Общая особенность всех классификаций списков Русской Правды заключается в том, что авторы их создают свои классификации по внешним признакам, не затрагивая вопроса о времени и причинах возникновения того или иного вида Русской Правды. Такие классификации Русской Правды позволяют с большим удобством разделить Правду на основные виды списков, но не объясняют истории их возникновения. Ставя перед собой вопрос о происхождении Русской Правды и, следовательно, предполагая дать объяснение причин происхождения отдельных изводов этого памятника, автор настоящей работы исходит из мысли о существовании трех особых редакций памятника, известных под именем Русской Правды (Краткой, Пространной и Сокращенной). Каждая из этих редакций имеет свою особую судьбу и по существу является особым памятником. Краткая Правда, как это признается большинством исследователей, была одним из источников Пространной. Некоторые ученые склоняются к мысли о том, что Пространная Правда выросла на основе Краткой. Но и в этом случае Краткая и Пространная Правда явились бы особыми памятниками, относящимися друг к другу, примерно, так, как судебники к Соборному уложению. В науке давно принято рассматривать судебники 1497 и 1550 годов как особые памятники.

Но различия между текстами двух судебников гораздо меньшие, чем между текстами Краткой и Пространной Правды. Наоборот, различия между отдельными группами или фамилиями Пространной Правды далеко не столь значительны, чтобы мы могли выделить их в особые редакции.

Понятие редакции, применяемое одинаково к группе списков Пространной Правды и к Краткой Правде, далеко не адэкватно по содержанию. Поэтому списки Пространной Правды объединены мною в одну редакцию, делящуюся на изводы, которые проведены по классификации В. П. Любимова и соответствуют группам и видам академического издания. Все изводы Пространной Правды имеют в своей основе один и тот же текст с некоторыми отличиями, с прибавлением или отсутствием тех или других статей. Эти отличия объясняются дальнейшей историей текста Пространной Правды, ведущего свое начало для всех списков

[1] Правда Русская. 1. Под. ред. Б. Д. Грекова. М. 1939, стр 22.

от одного общего протографа. Поэтому происхождение изводов Пространной Правды будет рассмотрено в непосредственной связи друг с другом.

Наиболее спорным может показаться выделение Сокращенной Правды в особую третью редакцию. Исследователи единогласно считают Сокращенную Правду выборкой из Пространной. Но даже и в этом случае текст Сокращенной Правды можно было бы выделить в особую редакцию, так как его нельзя назвать простой механической выборкой из Пространной Правды.

Сокращенная редакция дает текст, существенно отличающийся от всех нам известных текстов пространной редакции, как это будет показано далее. Автор настоящей работы рассматривает Сокращенную Правду как особый памятник, протограф которого появился раньше Пространной Правды.

ГЛАВА 4

КРАТКАЯ ПРАВДА В СОСТАВЕ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ МЛАДШЕГО ИЗВОДА

Для разрешения вопроса о происхождении Краткой Правды большое значение имеет знакомство с теми рукописями, в которых сохранился этот памятник. В последнем издании Русской Правды под редакцией проф. С. В. Юшкова указано 12 списков краткой редакции. Но из этих списков один неизвестно где находится, а девять других относятся к XVIII веку и, повидимому, ведут свое происхождение от известных нам списков Новгородской летописи XV века.[1] Таким образом, исследователь по существу имеет дело с двумя текстами XV века, помещенными в так называемой Новгородской 1-й летописи младшего извода.

Первый из списков этой летописи (Археографический или Комиссионный) написан на 238 листах, полууставом половины XV века, и заключает в себе, кроме Новгородской летописи, ряд других статей, о которых будет сказано далее в главе о сборниках Археографического извода. Второй (Академический) написан в 4° полууставом второй половины XV века.[2] Текст Краткой Правды в обоих списках помещен в составе Новгородской летописи, которая в Археографическом списке кончается 1446, а в Академическом — 1441 годом. Таким образом, текст Краткой Правды восходит, по крайней мере, к половине XV века, хотя это ни в какой мере не разрешает вопроса об его происхождении.

В своей последней, недавно опубликованной, работе о летописных сводах А. А. Шахматов, заново пересматривая вопрос о Новгородской 1-й летописи младшего извода, пришел к мысли, что протограф Архео-

[1] Исследователь списков Краткой Правды Г. Л. Гейерманс называет все эти списки Татищевскими, так как они восходят к труду Татищева по подготовке к печати Русской Правды. Эти списки „не ведут нас к какому-либо недошедшему древнему списку и поэтому не могут быть принимаемы во внимание при изучении текста Правды" (см. Правда Русская, 1. Под ред. Б. Д. Грекова, стр. 31—32).

[2] Эти списки изданы и кратко описаны в издании Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб. 1888, стр. VII—IX.

графического (или Комиссионного) списка (свод 1433 года) был составлен на основании трех источников: 1) Новгородского свода 1421 года (так называемого Софийского Временника), 2) протографа Синодальной харатейной летописи, 3) Софийского владычного свода. В основу Академического списка положен текст протографа Археографического списка с рядом дополнений его по другим источникам, в частности по Троицкому списку Новгородской 1-й летописи. Временем составления Археографического списка Шахматов считает 1453—1462 годы.[1] Следовательно, для суждений о тексте Краткой Правды мы имеем два текста, восходящие к одному древнему источнику.

В Археографическом и в Академическом списках Краткая Правда помещена под 1016 годом после следующего летописного рассказа о победе Ярослава над Святополком: „А Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отця своего Володимира, и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новьгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся, и давъ им правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: „по сей грамотѣ ходите, яко же списахъ вамъ, такоже держите. А се есть Правда Рускаа“ (следует текст Краткой Правды).[2]

Текст Новгородской 1-й летописи младшего извода, рассказывающий о пожаловании Ярослава, находит себе аналогию в Софийской 1-й летописи, но в несколько иной редакции: „И давъ им правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: „по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ“.[3] Но это известие о грамоте Ярослава помещено в Софийской первой летописи не под 1016, а под 1019 годом. Примерно те же слова находим и в Новгородской 4-й летописи.[4] Следовательно, слова о грамоте Ярослава были в общем источнике Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей или, по Шахматову, в своде 1448 года. Однако в Софийских летописях после этих слов следует текст не Краткой, а Пространной Правды, в Новгородской же 4-й летописи Правда отсутствует. Уже это различие редакций Русской Правды, помещенных после известия, сходного во всех упомянутых летописях, позволяет думать, что тексты летописной заметки об Ярославовой грамоте были связаны с различными памятниками. Составители Новгородской 1-й летописи или ее источник принимали за Ярославову грамоту Краткую Правду, Софийская летопись — Пространную.

Эта мысль подтверждается сравнением текста Новгородской 1-й летописи младшего извода с Синодальным списком, написанным в древнейшей своей части не позднее XIV века и восходящим к более раннему протографу. В Синодальном списке под 1016 годом отсутствуют слова о пожаловании Ярославом устава и Правды, а также текст Русской Правды. Отсутствие в Синодальном списке слов о правде и уставе Ярослава представится необъяснимым, если признать, что эти слова уже находились в протографе Синодального списка. Сомнительно, чтобы новгородский летописец сознательно выбросил не только грамоту, приписываемую Ярославу, но даже и слова об этой грамоте. Следовательно, надо предполагать, что фраза об Ярославовой грамоте и текст Краткой Правды внесены в состав Новгородской 1-й летописи младшего извода не из протографа Синодального списка, а из какого-то другого источника.

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. 1938, стр. 161—181.

[2] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб. 1888, стр. 84 (далее просто — Новгородская летопись).

[3] Полное собрание русских летописей. V, стр. 134.

[4] В Новгородской 4-й под 1020 годом сказано: „и дав правду им и оустав списав, глаголюще: „по сеи грамоте ходите, якоже списах вам, тако дрьжите“. Полное собрание русских летописей, т. IV, 2-е изд., стр. 110.

А. А. Шахматов, рассматривая вопрос об источнике, откуда были заимствованы слова об уставе и правде, помещенные в Новгородской 1-й летописи, пришел к следующим выводам:

„Не сомневаюсь в том, что и эти слова и текст Правды попали в Комиссионный (т. е. Археографический) список из свода 1448 года; в свод же 1448 года они внесены из общерусского свода, а в этот последний — из новгородской владычной летописи, в частности же из лежащего в основании ее свода 1167 года, хотя возможно, что в новгородском источнике общерусского свода читался не текст Русской Правды, а текст Ярославовой громоты“.[1]

А. А. Шахматов придавал большое значение предполагаемой Ярославовой грамоте, считая, что „главной побудительной причиной для новгородца занести в летопись события 1015—1016 годов являлось стремление внести эту грамоту в состав летописи. Новгородцам важно было закрепить вписанием в летопись тот учредительный акт, который даровал Новгороду Ярослав, провожая в 1016 году из Киева посадивших его на великое княжение новгородцев“.[2] Далее А. А. Шахматов уже прямо говорит, что „в 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, повидимому, называлась Ярославова грамота)“ в летопись.[3]

Предположение А. А. Шахматова на первый взгляд представляется убедительным, хотя оно и не объясняет причин, по которым Синодальный список игнорирует столь важный новгородский памятник. Мысль о наличии слов о пожаловании Ярославом правды и устава уже в новгородском своде 1167 года, несомненно, заслуживает полного внимания. Действительно, в составе Новгородской 1-й летописи младшего извода находим перечни киевских и новгородских князей, русских митрополитов, новгородских архиепископов, посадников и тысяцких. Эти перечни являются явной вставкой в текст летописи, где они помещены под 989 годом. Те же статьи, но только в несколько измененном виде, читаем в начале Археографического списка. Таким образом, можно думать, что они первоначально входили в состав особого исторического сборника, из которого попали в текст летописи.

Текст большинства из этих статей оканчивается именами лиц, живших в первой половине XV века, но некоторые из них были составлены значительно ранее и лишь позднее дополнены. Одна из этих статей (о новгородских князьях) имеет непосредственное отношение к нашей теме. В ней читаем слова: „И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и, а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: „по сей грамотѣ ходите“.[4]

Таким образом, этот летописный отрывок по-новому объясняет происхождение грамоты Ярослава. Грамота была дана после смерти старшего сына Ярослава — Ильи, когда в Новгороде сел князем Владимир, а посадник Константин был отправлен в заточение. Об этом событии в Софийской 1-й летописи под 1035 годом записано в таких словах: „Великый князь Ярославъ иде въ Новъгородъ и посади сына своего Володимера в Новѣгородѣ, и епискупа постави Жиряту; и людемъ написа грамоту, рекъ „по сей грамотѣ дадите дань“.[5] Нетрудно заметить боль-

---

[1] А. А. Шахматов. Розыскания о древнейших летописных сводах, стр. 215—216.
[2] Там же, стр. 507 и 508.
[3] А. А. Шахматов. Розыскания о древнейших летописных сводах, стр. 507 и 508.
[4] Новгородская летопись, стр. 66.
[5] Полное собрание русских летописей, т. V, стр. 136; теми же словами это событие изложено в Воскресенской летописи, протограф которой (свод 1480 г.) также пользовался Софийской I-й летописью или сводом 1448 г.

шую близость между текстом отрывка о князьях в Новгородской 1-й и текстом Софийской летописи. Оба известия восходят к общему источнику, но текст отрывка о князьях в Новгородской 1-й летописи более краток и не упоминает об епископе Жиряте и установлении дани. Зато в отрывке о князьях упоминается о других обстоятельствах дарования грамоты Ярославом, в частности о гневе Ярослава на посадника Константина. Если происхождение известия 1035 года в Софийской первой летописи нам неизвестно, то текст отрывка о князьях, наоборот, может быть отнесен к определенному времени. В настоящем своем виде отрывок, внесенный в текст Новгородской 1-й летописи младшего извода, доведен до Василия Темного (+ 1462), а текст того же отрывка, находящийся среди дополнительных статей Археографического списка, кончается великим князем Василием Дмитриевичем. Это показывает, что летописный отрывок составлялся не одновременно, а постепенно пополнялся. Первая часть отрывка является выдержкой из Новгородской летописи, подробно рассказывающей о смене князей в Новгороде, кончая Романом Мстиславичем, Изяславлим внуком (сидел в Новгороде в 1167 г.). Здесь, повидимому, кончался первоначальный текст отрывка, так как далее следует лишь перечисление князей, начинающееся словами: „и по том“, „по сем“. Сам отрывок связан с помещенной перед ним статьей, под названием — „а се по святомъ крещении о княжении Киевьстѣмъ“, которая кончается Ростиславом Мстиславичм, сидевшим в Киеве в 1168 году. Поэтому можно думать, что отрывок был заимствован из какой-то летописи, оканчивавшейся 1167—1168 годами. Эту летопись Шахматов называет новгородским сводом 1167 года.[1]

С этим мнением Шахматова можно вполне согласиться. Таким образом, известие 1035 года в Софийской 1-й летописи и подобное же известие в отрывке о князьях Новгородской 1-й летописи младшего извода восходят к летописному своду второй половины XII века. Это же событие в Лаврентьевской летописи отнесено к 1036 г.

Но откуда же появилось второе известие об Ярославовых грамотах, будто бы данных в 1016 или 1019 году? Ответ на этот вопрос дает сличение текстов, помещенных в Новгородской 1-й летописи младшего извода под 1016 годом и в отрывке о князьях.

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ 1016 г.	ИЗВЕСТИЕ ИЗ ОТРЫВКА О КНЯЗЬЯХ
и давъ им правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: „*по сей грамотѣ ходите*, яко же списахъ вамъ, тако-же держите	и писа грамоту Ярославъ рекъ тако: „*по сей грамотѣ ходите*.

Несмотря на большую краткость указанного известия в отрывке о князьях оно представляется более древним. Пожалованный Ярославом акт назван в нем грамотой, тогда как в известии 1016 года он является уже правдой и уставом, хотя летопись тут же называет этот акт грамотой („по сей грамотѣ ходите“). Но известие 1016 года о пожаловании новгородцам грамоты Ярославом находит аналогию не только в тексте, помещенном в отрывке о князьях, но и в Софийской 1-й летописи.

---

[1] Летописный отрывок о князьях киевских и новгородских, несмотря на свою краткость, дает ряд важных сведений, которых мы не найдем в других источниках. Это обстоятельство может быть объяснено его древностью. В тексте Новгородской 1-й летописи он разрывает повествование и является позднейшей вставкой. А. А. Шахматов в „Розысканиях“ (стр. 251—252) также отметил большую разницу между приемами в описании событий в отрывке о новгородских князьях до и после 1167 г.: „До приведенных слов („и введоша Романа Мстиславица, Изяславль внук“) видим в перечне один прием, а после них другой, до этих слов, начиная именно с княжения Мстислава Владимировича, перечень указывает, сколько времени каждый князь сидел на новгородском столе; между тем за этими словами нет почти ни одного хронологического указания“.

Напомню здесь, что в Софийской 1-й летописи помещены два известия о грамотах Ярослава под 1019 и под 1035 годами. Известие 1035 года, как мы видели, ведет свое происхождение от летописного свода второй половины XII века и находит себе аналогию в тексте, помещенном в отрывке о князьях. Первое же известие 1019 года имеет полное сходство с известием Новгородской 1-й летописи младшего извода под 1016 годом.

НОВГОРОДСКАЯ 1-Я ЛЕТОПИСЬ МЛАДШЕГО ИЗВОДА	СОФИЙСКАЯ 1-Я ЛЕТОПИСЬ
и давъ имъ правду и устав списавъ тако рекши имъ: „по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите.	и давъ им правду и уставъ списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ.

Но в Новгородской 1-й летописи, как сказано выше, после этих слов следует текст Краткой, а в Софийской 1-й — Пространной Правды. Между тем слова летописи относились только к какой-либо определенной редакции Правды. Такой редакцией можно считать лишь Пространную Правду, так как только она носит въ заголовке некоторых изводов название „устава“, как и назван список Пространной Правды в Софийской 1-й летописи. Та же Софийская 1-я летопись объясняет нам, каким образом могло образоваться известие 1016—1019 годов об Ярославовой грамоте. Рассказав о пожаловании новгородцев Ярославом, летопись замечает: „Коснятинъ же бяше тогда в Новѣгородѣ и разгнѣвася на нь великый князь Ярославъ и поточи и въ Ростовъ и на третие лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ, на рѣцѣ на Оцѣ“.[1] Таким образом, мы имеем все составные части известия 1016—1019 годов, помещенного в Новгородской 1-й летописи младшего извода и в Софийской 1-й летописи: дарование грамоты, как и в отрывке о князьях, связано с гневом Ярослава на посадника Константина. Так как время гнева на Константина и пожалование грамоты не было оговорено в одном из источников Софийской летописи, то летописец поставил его по своему разумению под 1019 годом. Из другого источника было заимствовано известие 1035 года. Таким образом возникли два известия о двух грамотах Ярослава, данных в 1019 и 1035 годах, хотя речь идет об одном и том же событии — пожаловании грамоты в 1035 году.

Составитель Новгородской 1-й летописи младшего извода перенес рассказ о грамотах Ярослава под 1016 год, желая доказать, что пожалование грамоты было вызвано заслугами новгородцев, так как момент победы Ярослава над Святополком при помощи новгородцев казался наиболее удобным для пожалования Новгороду особой грамоты. Возможно, что у него были и другие материалы, указывающие на 1016 год, как на время какого-то пожалования новгородцам особых льгот. Вместе с тем текст Пространной Правды был заменен текстом Краткой, как более подходившей по содержанию к пожалованию Ярослава. Подобная архаизация памятника очень типична для новгородских летописей XV века,[2] когда вопрос о новгородских вольностях получил для Новгорода практический интерес. Известны те споры о новгородской вольности, которые во второй половине XV века начались между великими князьями и Новгородом. В эту эпоху, т. е. примерно в 50-е—60-е годы XV века составители Новгородской 1-й летописи заменили текст Пространной Правды более архаической Краткой Правдой.

Откуда же был взят текст Краткой Правды? Все данные говорят, что этот текст находился уже в летописном своде 1167 года. К нему

[1] Полное собрание русских летописей. V, стр. 134.

[2] См. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XI вв. М.—Л. 1938, стр. 179—180.

и относились слова отрывка о князьях, помещенные под 1035 годом, об епископе Жиряте и грамоте Ярослава. Составитель свода 1167 года мог еще знать о какой-то Ярославовой грамоте 1035 года и отнести Краткую Правду к этому времени. Таким образом, списки Краткой Правды, помещенные в Новгородской 1-й летописи младшего извода, восходят к своду 1167 года, где Правда была помещена под 1035 годом.

Но из какого источника была заимствована Краткая Правда в свод 1167 года? Можно думать, что уже в источнике свода 1167 года под 1035 годом стояли не только слова о пожаловании Ярослава и какая-то Ярославова грамота, может быть, близкая по содержанию к Краткой Правде. Для свода 1167 года такая грамота могла казаться неполной и архаичной, вследствие чего она и была заменена Краткой Правдой. Причины вписания Правды в свод 1167 года могут быть объяснены с большим вероятием. Свод 1167 года возник в эпоху ожесточенной борьбы Новгорода за свою вольность. В 1168 году в Новгороде сидел князь Роман Мстиславич, перед этим новгородцы сидели несколько месяцев без князя „о Якуне", т. е. с одним посадником Якуном. В 1170 году суздальские войска неудачно осаждали Новгород.[1] Военные действия, как обычно, сопровождались переговорами, подкрепленными взаимными доказательствами правоты. Отголоски этих споров о новгородской вольности, прямо указывающие на какие-то документы, находим в Лаврентьевской летописи, где под 1169 годом читаем знаменитые слова: „Не глаголемъ же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени новгородци прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предние князи крестъ преступати, или внукы, или правнукы соромляти".[2]

Документ, на который ссылается летописец, вызвал у него некоторые сомнения („но аще бы тако было"), но приписывается им прадедам современных князей. Такими прадедами для Андрея Боголюбского приходились Ярославичи (Изяслав, Святослав, Всеволод) и сам Ярослав.[3] Разногласия новгородцев с ушедшим от них в 1167 году князем Святославом Ростиславичем носили, повидимому, внутренний характер. Святослав уже однажды был посажен в Новгороде „на всей воли его" (в 1161 году). Снова уходя от новгородцев, он выразил какое-то неудовольствие своим положением: „не хоцю у вас княжити, не любо ми есть". По словам Ипатьевской летописи, „недобре живяху новгородци съ Святославомъ".[4]

Осложнения с Андреем Боголюбским, вызвавшие поход 1170 года, были вызваны сбором дани, которую новгородские данники (т. е. сборщики дани) взяли на Волоке на суздальских смердах. В этих условиях вполне уместно было вспомнить о существовании грамоты, которую новгородцы считали пожалованием Ярослава и которая определяла льготное положение новгородцев.

Таким образом краткая редакция Русской Правды была памятником, уже известным во второй половине XII века. Некоторые намеки на это обстоятельство встречаем и в Лаврентьевской летописи, говорящей о ворах и продажах в Ростово-Суздальской земле, на что указал еще М. Д. Приселков.

[1] Новгородская летопись, стр. 148—149.
[2] Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, стр. 343—344.
[3] Андрей Боголюбский был сыном Юрия Долгорукого, внуком Владимира Мономаха, правнуком Всеволода, упомянутого в Краткой Правде и бывшего прадедом Андрея.
[4] Полное собрание русских летописей. II, стр. 94.

ГЛАВА 5

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КРАТКОЙ ПРАВДЫ

Краткая Правда, как мы видели, дошла в составе памятника новгородского характера. Но это еще не решает вопроса о происхождении Краткой Правды, так как новгородские рукописи нередко передавали тексты, сложившиеся на юге Руси.

Известно, что Новгородская и Псковская земли являлись настоящими сокровищницами древне-русской литературы, сохранившими для потомства такие шедевры, как например, „Слово о полку Игореве" и многие списки летописей, в том числе известный Ипатьевский список, в основе которого лежит памятник галицко-волынского происхождения. Следовательно новгородское происхождение списков Краткой Правды еще не является доказательством ее новгородского или вообще говоря северно-русского (например, смоленского) происхождения.

В настоящее время известны два древних списка Краткой Правды — Академический и Археографический, которые оба дошли до нас в составе Новгородской летописи. Но Татищеву был известен третий древний список Краткой Правды. О нем читаем такое несколько неясное сообщение Татищева: „Зде представляется во-первых древний закон, о котором, хотя преподобный Нестор, историк руский, сказует, что Ярослав I дал закон новогородцам; поп Новогородский Иоанн, живший во время Ярослава II и сына его Александра I и Невского проимянованного, точно оной в своей истории положил и Аврамий Ростовский, хотя нечто с разностью в летопись свою внес".[1] В примечаниях к тексту Правды Татищев называет рукопись Аврамия Ростовского просто Ростовской летописью. Повидимому, о той же Ростовской летописи Татищев упоминает в примечаниях к своей „Истории".[2] Из них выясняется, что Ростовская летопись имела некоторые чтения, не известные по другим летописям. Так, под 920 годом в ней, как и в новгородской летописи, известной Татищеву, говорилось о рождении Святослава, а в 1135 году, соответственно Раскольничьему манускрипту, упоминалось, что Юрий вернулся к себе на родину в Белую Русь. Оба эти замечания очень странны. Название Белая Русь не употребляется в наших летописях в применении к Суздальской земле. О рождении Святослава упоминается в списке Царского (Софийская 1-я летопись), но под 6450—942 годом, а также в Тверской летописи. Ссылка Татищева на Ростовскую и Новгородскую летописи одновременно позволяет думать, что Татищев мог ошибиться годом или перенести его по собственному разумению на другое место, но о самом факте написал правильно. Таким образом, Ростовская летопись имела какое-то сходство с Новгородской. Это обстоятельство объясняет нам причину, по которой в Ростовскую летопись могла попасть Краткая Правда, заимствованная из Новгородской летописи. Текст летописи, соединившей суздальские (главным образом ростовские) и новгородские известия, имеем в неизданном Владимирском летописце, где также под 1019 годом читаем ссылку на грамоту Ярослава: „а новогородцев одарив, отпусти их, дасть им судебную грамоту, почему им ходить".[3] В Ростовскую летопись Краткая Правда попала из новгородского источника, соединенного с летописью, близкой по содержанию

---

[1] Продолжение Древней Российской Вавлиофики. Часть I, содержащая Правду рускую и судебник. СПб. 1786, стр. 1.

[2] В. Н. Татищев. История. Часть II, прим. 101 и 389.

[3] Рукопись Государственного Исторического музея в Москве. Синодальное собрание, № 793.

к упомянутой Владимирской летописи, которая в начальных своих статьях сходна с Троицкой пергаментной летописью, сгоревшей в 1812 году. Татищев приписал Ростовскую летопись некоему Авраамию Ростовскому, как мне кажется, по ошибке. Известен только один Авраамий Ростовский, который согласно его житию жил в XI веке и не мог быть автором летописи, упоминавшей о событиях XII века. Но существовал Авраамиев Ростовский монастырь. Поэтому полагаю, что Ростовская летопись, упомянутая Татищевым, имела запись об ее принадлежности Авраамиеву Ростовскому монастырю и представляла собой довольно поздний свод (Татищев не говорит, что она была написана на пергаменте), соединивший известия суздальского (ростовского) и новгородского летописаний.

Татищев приводит из Ростовской летописи всего два варианта к тексту Краткой Правды, но очень важные. Ростовский манускрипт дает текст „то холопа не яти" (в Академическом — „пояти"), в статье о холопе, ударившем свободного мужа, и другой вариант „3 гривны и 30 рѣзан" (в Академическом — „то гривноу и тридесять рѣзан" в статье о краже). Далее Татищев указывает, что цифры в поконе вирном показаны в „дву манускриптах (т. е. Академическом и Ростовском) весьма разно". Значение приведенных вариантов очень велико, если принять во внимание, что им соответствует текст Пространной Правды. Между тем Татищев не знал о существовании Пространной Правды, иначе бы он о ней упомянул. Следовательно, существование Ростовской летописи не подлежит сомнению, как и подлинность дополнительной статьи Русской Правды, помещенной только в этой летописи и известной только по Татищеву. В ней читаем: „Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дверѣ, ино убитъ, оли подымутъ ноги за вороты, толи платити в немъ". Однако эта статья носит все черты позднейшей подправки текста. В этом смысле особенно характерно употребление слова „оли", которое не встречается в тексте Краткой Правды, но постоянно употребляется Татищевым в его „Собрании законов древних русских".[1] Повидимому, Татищев считал это слово особенно подходящим к стилю древнерусских памятников. Характерная описка „въ дверѣ" вместо „во дворѣ", как предлагают читать большинство исследователей, вероятно также была сделана Татищевым.[2]

Таким образом, мы получаем важное указание на существование списков Краткой Правды, обладавших дополнительными статьями, не известными нам по дошедшим до нас двум спискам XV века. Вместе с тем показания Татищева заставляют думать, что Краткая Правда и в Ростовском списке имела в основном черты известного нам текста. Дополнительная же статья о тате могла и не восходить к первоначальному тексту.

Обращаясь теперь к сравнению сохранившихся списков Краткой Правды — Археографического и Академического[3], — мы должны притти к выводу о независимом их происхождении от общего протографа. Отличия Археографического списка от Академического, главным образом, заключаются в том, что Археографический список более вольно передавал текст своего оригинала, языком более понятным для читателя XV века, чем Академический список. В нем мы находимъ следующие чтения: „никоего" (*Ак.* никотораго); „а онъ не можеть, ино" (*Ак.* — аще ли не можеть); „вынемъ" (*Ак.* — вынезь); „поняти" (*Ак.* — пояти); „за него" (*Ак.* — за нь); „ездовом" (*Ак.* — подъѣздномъ); „изыщоуть" (*Ак.* — ищоуть); „аще кто" (*Ак.* — а иже); „то тои оубитъ и есть" (*Ак.* — то

[1] См. варианты к тексту Краткой Правды в издании „Русская Правда" под редакцией С. В. Юшкова.

[2] См. М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории древнерусского права, вып. I. 5-е изд. 1899, стр. 33, примеч. 16.

[3] Правда Русская, 1, стр. 67—81.

тои оубитъ); „изъясти" (*Ак.* — ясти). Но рядом с этими чтениями, происхождение которых не вполне ясно и вызывает предположение о позднейшем подновлении текста, Археографический список кое-где обнаруживает более ранние чтения. Так, известная статья об изводе перед 12-ю мужами изложена в Археографическом списке так: „то ити емоу на изводъ пред 12 моужа". В Академическом списке здесь читаем: „пред 12 человѣка". Между тем во всех других случаях Краткая Правда употребляет термин „муж" или „мужи". Вместо фразы „а лѣтцю мъзда" Академического списка в Археографическом читаем: „а личьцю мьзда". Здесь слово „личець" произошло из "лѣчець". Вместо слова „поклонъ вирный" Академического списка в Археографическом находим „поконъ вирный". Зато в других случаях писец Археографического списка просто не понимал текста Краткой Правды. Таково чтение „любо сопретесь", которое находим в Археографическом списке вместо варианта „перетесъ" в Академическом.

Шахматов считал, что Академический список Новгородской 1-й летописи младшего извода зависел от текста Археографического, отмечая также, что на Академический список влиял, кроме того, Троицкий список Новгородской летописи и Новгородский свод 1448 года.[1] Действительно, текст Академического списка носит черты правки по какому-то другому списку. Этим, на мой взгляд, объясняются известные заметки („зри") на полях Академического списка, на которые обратил внимание Сергеевич. Эти пометки обращали внимание переписчика на необходимость сверки текста Правды с другим оригиналом. Характерная поправка особенно бросается в глаза в статье об убийстве огнищанина в разбои, где находим какую-то подчистку в слове „вирное" и особенно в слове „вири", которое написано с пропуском чистых мест для букв. Даже фототипическое воспроизведение листа Академического списка с этой статьей, приложенное к изданию Сергеевича,[2] позволяет видеть, что первоначально на месте слова „вири" было написано другое, большое по размерам слово, повидимому, „вирнѣи", как это стоит в Археографическом списке. Текст Академического списка был изменен под влиянием какого-то другого текста Правды, — предположительно, текста, помещенного в Троицком списке Новгородской летописи. Такую же неуверенность писца в правильности передаваемого им текста находим в Академическом списке и ниже, где читаем: „а от грние" с титлом сверху, тогда как Археографический список дает здесь простое чтение „гривне". Общее впечатление от сравнения Академического списка с Археографическим приводит к мысли о большей сложности академического текста, на который оказал влияние какой-то другой, повидимому более древний, список Краткой Правды. Эта большая древность текста Академического списка находит себе и другое подтверждение. Текст Краткой Правды послужил одним из источников Пространной. Поэтому некоторые особенности текста Пространной Правды могут быть использованы для суждения о большей или меньшей древности отдельных вариантов Академического и Археографического списков. Сравнение говорит в пользу большей древности Академического списка. Так, Академический список в статье об убиении огнищанина в разбое дает чтение „или оубиица не ищоуть", тогда как в Археографическом здесь читаем „не изыщоут". Пространная Правда в статье о княжем муже, убитом в разбое, дает текст „не ищють".

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л. 1938, стр. 181.

[2] Русская Правда в четырех редакциях. Изд. Сергеевич. СПб. 1904. См. также примечания к тексту Краткой Правды у Г. Е. Кочина в „Памятниках истории Киевского государства IX—XI вв. Л. 1936, стр. 86—89.

Различия в чтениях Академического и Археографического списков не могут быть названы очень большими, но они показывают существование еще в XV веке других списков Краткой Правды, имевших небольшие, но интересные отличия от дошедших до нас. С другой стороны, все данные приводят нас к мысли, что Краткая Правда в списках, явившихся непосредственными предшественниками Академического, Археографического и даже Ростовского текстов, была того же состава, какой нам известен в настоящее время. Следовательно, Краткая Правда сложилась раньше XV века и раньше времени внесения ее в текст летописи.

Дошедшие до нас тексты Краткой Правды являются, несомненно, цельным памятником. В том виде, в каком она до нас дошла, Краткая Правда помещена не только в Академическом и Археографическом списках, происходящих от общего протографа, но и в Ростовской летописи Татищева. Нет никаких доказательств того, что составители этих летописей рассматривали Краткую Правду как сборник статей. Но это не мешает нам видеть разнородность отдельных частей Правды, в первую очередь большую разницу между первой и второй частями Правды. Выделение составных частей Правды и определение взаимоотношения этих частей между собой является очередной задачей историка. Но это дело крайне нелегкое, вследствие чего в науке установилось несколько взаимно исключающих мнений о составных частях Краткой Правды. Из них особенно противоположны взгляды Максимейко, с одной стороны, Сергеевича и Гетца — с другой. Максимейко, как мы видели выше, считает Краткую Правду произведением одного автора, соединившего в один сборник нормы новгородского и киевского права.

Доказательства Максимейко в пользу одновременного происхождения обеих частей Русской Правды в значительной мере были вызваны противоположными мнениями Сергеевича и Гетца, разделивших Краткую Правду на две части. Сергеевич в своих „Лекциях и исследованиях" отмечает, что списки первой фамилии (т. е. Краткой Правды), представляя древнейшую редакцию Правды, написаны, однако, не сразу, не в один прием.[1] Позже он прямо делит Краткую Правду на два особых памятника или на 1-ю и 2-ю редакцию Русской Правды. Гетц целиком повторяет Сергеевича.

Оба крайних мнения, одно из которых считает Краткую Правду памятником, обе части которого возникли одновременно, а другое — сборником, состоящим из двух совершенно самостоятельных частей, представляются несостоятельными. Признавая Краткую Правду сборником, „обе части которого составлены одновременно и одним и тем же лицом", как это доказывает Максимейко, мы окажемся перед лицом непреодолимых трудностей при объяснении различий между первой и второй частями Краткой Правды. Нельзя же, в самом деле, объяснить молчание первой части Правды о князе тем, что ее составитель знал, „что это лишь первая часть работы, за которой последует продолжение, где будет возможность остановиться на князе и дать о нем надлежащие определения на основании более благодарного и богатого материала, какой заключала в себе практика Киевской Руси".[2] Не проще ли в этом молчании Краткой Правды о князе видеть особенность первой части рассматриваемого памятника, как это делали другие исследователи? Максимейко приписывает составителю Краткой Правды „руководящую идею", аналогию для которой мы не найдем в других памятниках древней Руси. По мнению Максимейко, идея заключалась в том, что „автор 1-й

---

[1] В. Сергеевич. Лекции и исследования. СПб. 1903, стр. 55.
[2] Н. А. Максимейко, указ. сочин., стр. 51 и 61.

Правды называл лишь те имена, которые отсутствуют во второй".[1] Таковы явные натяжки, которые понадобились для доказательства теории, опровергаемой всем текстом Краткой Правды.

Но и мнения Сергеевича и Гетца также вызывают возражения. Выделение двух частей дошедшего до нас в целом виде памятника должно быть сделано с большой осторожностью. Оба списка Краткой Правды дают памятник в полном виде. Для того чтобы разделить Краткую Правду на два различных документа, надо иметь уверенность в том, что мы имеем в ней обычный сборник, в который были вписаны два памятника, лишь механически соединенные вместе. Но как раз эта мысль и не может быть доказана, так как есть все основания думать, что дошедший до нас текст Краткой Правды представляет собой сборник, положивший в свое основание несколько источников, которые соединены в один памятник после соответствующей переработки и редакционных изменений.

Поэтому можно согласиться со следующими словами М. А. Дьяконова: „Первая и вторая части Краткой Правды говорят вовсе не об одном и том же; они различаются содержанием, а не изложением; это скорее два памятника, соединенные, однако, между собою потому, что один служит дополнением другого, а вовсе не разные редакции одного и того же. Между частями краткой редакции Правды необходимо делать различие, как это и делал Тобин и другие. Но все же это будут две части одного и того же списка, а не две разные редакции одного памятника."[2]

Впрочем, само традиционное представление о делении Краткой Правды на две части также было подвергнуто сомнению. В этом отношении особый интерес представляет работа Н. А. Стратонова, заново рассматривающая вопрос о составе и происхождении Краткой Правды. Стратонов, как это сказано было выше, выделяет из состава Правды в особые памятники — покон (или поклон) вирный и устав мостников. Вместе с этим выделением новых составных частей Краткой Правды рушится и традиционное представление о двух частях Правды, и самый вопрос об ее происхождении принимает характер большей сложности, чем это обычно указывается в научных работах.

Во всяком случае, при самом беглом знакомстве с Краткой Правдой мы можем различать по крайней мере три части этого памятника, выделенные в самом тексте. Первую часть Правды, обнимающую 18 (17) первых статей, вторую часть, начинающуюся киноварной буквой „П" (словами „Правда оуставлена Роуськой земли"), и третью часть, начинающуюся словами „А се поконъ вирный" и имеющую ссылку на Ярослава. Оставляя в силе традиционные названия, которые установились для различных частей Краткой Правды, я буду называть в дальнейшем первую часть краткой редакции — Древнейшей Правдой, вторую — Правдой Ярославичей, а третью — Поконом вирным.

Какие же данные существуют у нас для суждения о происхождении этих отдельных частей Краткой Правды? Обычный способ сравнения изводов памятника здесь неприменим. У нас под руками всего лишь два древних списка Краткой Правды, к тому же происходящие от одного общего текста. В этом случае наиболее наглядным способом для определения разновременного происхождения отдельных частей Краткой Правды может служить лишь терминология самого памятника.

Чрезвычайно показательны те отличия, которые могут быть отмечены в терминологии Краткой Правды.

---

[1] Н. А. Максимейко, указ. сочин., стр. 61.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 1926, стр. 36.

Приведем слова, обозначающие различные социальные и этнические группы и встречающиеся только в Древнейшей Правде:

русин	словенин
гридин	варяг
купчина	кольбяг
ябедник	челядин
изгой	

К этим словам надо прибавить другие термины, точно так же отсутствующие во второй половине Краткой Правды. К ним относятся такие термины Древнейшей Правды:

знамение	поручник
видок	извод
мъзда	скот (деньги)
мир	господин
свод	муж

Не все из этих терминов имеют одинаковое значение для нашей темы, но в своей совокупности они дают картину больших терминологических отличий между Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей. В этом смысле особенно убедительный результат дает сравнение синонимов того и другого памятника. Слова гридин и ябедник не встречаются в Правде Ярославичей, хотя этими терминами обозначались княжеские дружинники. Наоборот, в Правде Ярославичей встречаются огнищане. Древнейшая Правда дважды называет рабов челядинами, хотя и знает холопов, тогда как Правде Ярославичей известны только холопы, термин же „челядин" в ней отсутствует. Древнейшая Правда называет деньги термином „скот". Правда Ярославичей не знает этого термина, а Покон вирный говорит о кунах в значении денег („тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ"). Древнейшая Правда знает термин „видок" в значении свидетеля, Правда Ярославичей говорит о послухе.

Не менее характерны различия и в денежном счете Древнейшей Правды и Правды Ярославичей.

Древнейшая Правда знает только одну денежную единицу — гривну. Плата в 40 гривен устанавливается за убитого, 3 гривны — за нанесение побоев (с кровью или синяком), 12 гривен — за побои каким-либо предметом и т. д.

Совершенно иное мы находим в Правде Ярославичей и Поконе вирном. Здесь встречаются штрафы, выраженные в 80, 12, 5, 3 гривны. Рядом с этим упомянуты и другие денежные единицы — ногата, резана и куна. Перед нами иной памятник с более обильным и разнообразным денежным счетом.

Уже эти различия в терминологии Древнейшей Правды и Правды Ярославичей достаточны для того, чтобы признать разновременное происхождение этих частей Краткой Правды.

Не менее важны и другие отличия Древнейшей Правды от Правды Ярославичей. Древнейшая Правда упоминает во второй части первой статьи только о княжеских людях. Князь в Древнейшей Правде не упомянут, а к платежам прибавляются объяснительные слова, что деньги выплачиваются „за обидоу". Правда Ярославичей знает не только обиду, но и „продажу", о которой ничего неизвестно Древнейшей Правде. Если Правда Ярославичей ставит всюду на первое место князя и его выгоды, то Древнейшая Правда дает нам иную социальную среду. На эту особенность Древнейшей Правды давно уже обращено было внимание нашей исторической литературы. В особенности подробно развита мысль об особом характере Древнейшей Правды в известной работе Гетца.

Различия в терминологии подчеркиваются также существованием особого заголовка, которым начинается вторая часть краткой редакции: „Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула“. Попытки заподозрить подлинность этого заголовка должны быть признаны неудачными. Позднейший сводчик не мог знать о существовании таких участников съезда, как Коснячко, Перенег и др. Поэтому появление этого заголовка может быть объяснено только тем, что с него начинается один из источников Краткой Правды. Вопрос, следовательно, в том, где кончается этот второй источник; является ли вторая часть Краткой Правды особым памятником или она составлена из ряда памятников. Различие же между первой и второй частями Русской Правды резко подчеркнуто терминологическими особенностями, о чем говорилось выше.

Такие же терминологические отличия мы видим между Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей, с одной стороны, и Поконом вирным — с другой. Покон (в Академическом списке „Поклонъ“) вирный знает следующие термины, отсутствующие в Древнейшей Правде и Правде Ярославичей:

вирник	веверица
емец	урок

Слово „вирник“ отсутствует как в Древнейшей Правде, так и в Правде Ярославичей, но в Правде Ярославичей имеется ссылка на „вирное“, которое платится за огнищанина. Покон вирный знает ногату и резану как денежные единицы, подобно Правде Ярославичей, тогда как Древнейшая Правда упоминает лишь о гривнах. Особый характер Покона вирного подчеркивается самим памятником, отметившим начало („А се покон вирный“) и конец („то ти оурок Ярославль“) вставки. К Покону вирному по своему содержанию примыкает как предыдущая („А от гривне мечнику коуна“), так и последующая („А се оурокъ мостьниковъ) статьи, заимствованные из особых источников. Впрочем, как далее будет указано, эти статьи возникли в тесной связи с Поконом вирным.

Таким образом, в составе Краткой Правды можно выделить по крайней мере три самостоятельных части: 1) Древнейшую Правду, 2) Правду Ярославичей, 3) Покон вирный с сопровождающими его статьями. Можно думать, что все эти части составляли особые источники, которые были соединены и соответственно переработаны составителем Краткой Правды. В действительности и это деление, вытекающее из терминологических особенностей отдельных частей Краткой Правды, полностью не отражает пестроты ее состава. Такое деление имеет лишь подсобный, рабочий характер, позволяющий более легко ориентироваться в сложном составе Правды. Между тем выделение отдельных частей памятника в основном определяет, как далее будет видно, этапы работы над составлением Краткой Правды.

По-иному ставит вопрос о составных частях Краткой Правды В. П. Любимов.[1] Он обращает внимание на то, что в тексте Академического списка встречаются „большие буквы, написанные не киноварью, а чернилами“. По его мнению, эти буквы „служат для деления текста на некоторые статьи или для выделения того, что можно назвать статьями“. В связи с этим В. П. Любимов делает общий вывод: „такого рода разделение текста наводит на мысль, не отражают ли эти деления самый процесс создания памятника, обозначая отдельные фрагменты, из которых

[1] В. Любимов. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды. Историк-марксист № 5, 1938 г., стр. 156—161.

он складывался". Мысль В. П. Любимова уже нашла отклик в нашей исторической литературе, но, к сожалению, основана на неправильной предпосылке. Большие чернильные буквы А, С, И, О и т. д. встречаются не только в тексте Правды, но и на протяжении всего Академического списка, да и не только в тексте этого списка, но и в громадном количестве рукописей XV—XVI веков. Они зависели от графической манеры писцов, а не от внутреннего содержания текстов. Ошибка В. П. Любимова заключается в том, что он игнорирует общепалеографические выводы и оперирует наблюдениями, хотя и крайне тщательными, только над текстом Русской Правды.

ГЛАВА 6

ДРЕВНЕЙШАЯ ПРАВДА

Первый вопрос, который возникает при изучении Древнейшей Правды, это — вопрос о ее первоначальном тексте. Дошедшие до нас списки Правды, по мнению Соболевского, как и некоторых других исследователей, дают уже несколько испорченный текст. Так, несомненный пропуск можно отметить в статье об отсечении руки и ноги: „Оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть, то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла или начьнеть храмати, тогда чада смирять".[1] Здесь ясно бросается в глаза несоответствие между началом и концом статьи и обнаруживается довольно большой пропуск. Впечатление такого пропуска, но уже более сознательного и не столь механического, остается после чтения статьи о своде: „Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днии". Эта статья может быть переведена на современный язык только при помощи вставки целого ряда дополнительных слов. Между тем статья о своде в более полном виде имеется в Пространной Правде. Здесь она имеет такой вид (в скобках поставлены слова, отсутствующие в Краткой Правде): „Аже кто познаеть (свое, что будеть погубилъ, или оукрадено оу него что и, или конь, или портъ, или скотина), то не рци и: (се) мое, (но) поиди на сводъ, кдѣ есть взял" ...[2] С большим вероятием можно думать, что слова, поставленные в скобки, находились в том списке Краткой Правды, который был одним из источников Пространной. Таким образом, статья о своде в Краткой Правде также дошла до нас в неполном виде.

На ряду с сокращениями первоначального текста в Древнейшей Правде обнаруживаются некоторые вставки. Важнейшей из них надо считать дополнение к первой статье, вследствие которого первая статья Краткой Правды получила сложный характер: „Оубьеть моужь моужа, то мстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу — чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу, аще боудеть Роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо

---

[1] Тексты Краткой Правды цитируются по академическому изданию Правда Русская, 1, стр. 69—81, текст взят по Академическому списку.
[2] Там же, стр. 107 (Троицкий список).

ябетникъ, любо мечникъ; аще изъгои боудеть, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь".

Отсутствие киновари в тексте, характерное для списков Краткой Правды, лишает нас возможности дать деление Правды на статьи, которое было бы принято всеми исследователями. Калачов принимает весь вышеприведенный текст за одну статью как и Владимирский-Буданов. В учебном издании Грекова данная статья разделена на две. Вторая статья, по мнению Грекова, начинается словами: „Аще боудеть роусинъ... В примечании к этой статье в издании Грекова добавляется: „Эта часть статьи, повидимому, вставлена позднее, в момент вручения Правды новгородцам, оказавшим помощь Ярославу при овладении им Киевом, т. е. в 1016 году. Смысл этой приписки делается ясным при сопоставлении ее с записью о событиях 1015—1016 годов в Новгороде (Новгородская 1-я летопись)."[1] Однако смысл этой приписки совсем не так ясен, как может казаться при первом взгляде. Начало Правды уже устанавливает 40 гривен за убитого мужа при отсутствии мстителя. Приписка является совершенно бесполезной, так как под категорию „мужей" или свободных людей подходили и все люди, перечисляемые в предполагаемой приписке. Поэтому мне представляется, что первоначальный текст был разделен совершенно по-иному. После общего установления о мстителях шла статья о том случае, когда мститель отсутствовал, которая читалась таким образом: „аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу, аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ". Иными словами, статья устанавливала ответственность за убийство людей, находившихся под защитой князя, даже при отсутствии мстителя. Таким образом, отпадает всякая необходимость в предположении позднейшей вставки. Наоборот, слова „аще изъгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривень положити за нь" представляются явным позднейшим дополнением. Вставной характер этих слов доказывается повторением слова „аще", которое обычно начинает новую статью или мысль составителя Правды, тогда как рядом разделение княжеских людей произведено словом „любо". Слова об изгое и словенине представляются дополнением, сделанным редакторами Краткой Правды.[2] Остальной текст Древнейшей Правды не дает ясных признаков каких-либо вставок и позволяет думать, что этот памятник дошел до нас в относительно исправном виде.

Текст Древнейшей Правды многократно изучался с разных сторон. Наиболее точно устанавливается пока место возникновения Правды. Уже Тобин пришел к мысли о новгородском происхождении Древнейшей Правды. Эта мысль особенно развита в недавнее время Н. А. Максимейко. Так, Максимейко отмечает новгородское происхождение таких терминов, как варяг, колбяг, гридин, купец, изгой, ябедник и особый новгородский оттенок, вкладываемый Древнейшей Правдой в словоупотребление терминов русин и словенин.

Вполне соглашаясь с мнением Н. А. Максимейко о новгородском происхождении Древнейшей Правды, я считаю необходимым привести еще несколько доказательств того, что Древнейшая Правда возникла в Новгородской земле. Это тем более необходимо, что термины — гридин, купец, изгой, ябедник встречаются только во второй половине первой статьи Древнейшей Правды, которая, как мы видели, признается учеными за позднейшую интерполяцию.

Одной из особенностей Древнейшей Правды является употребление слова „видок" в значении „свидетель". Это слово упомянуто в Древ-

[1] Русская Правда. Под ред. Б. Д. Грекова. Огиз. 1934, стр. 4.
[2] См. далее главу о Краткой Правде как памятнике начала XII века.

нейшей Правде четыре раза в различных местах. В Правде Ярославичей слово „видок“ уже заменено термином „послух“. В Пространной Правде слово „видок“ встречается значительно реже, чем „послух“ и притом в текстах, заимствованных из краткой редакции. Слово „видок“ по словарю Срезневского не принадлежит к числу распространенных. В его словаре кроме ссылок на Русскую Правду указан еще только один текст с термином „видок“, взятый из жития Андрея Юродивого: „хлапъ [холоп] онъ видокъ есть былъ“. Житие Андрея Юродивого (жил в X веке), родом славянина, было написано в конце X века на греческом языке и переведено на славянский уже в XI веке, как это думает Истрин и другие исследователи древнерусской литературы. А. И. Соболевский указывает, что житие Андрея Юродивого в отрывках находится во всех русских списках Пролога XIII—XIV веков, и отмечает в языке этого жития целый ряд слов, характерных для древней Руси. Некоторые же данные позволяют думать, что житие было если не переведено, то наиболее распространено в новгородских пределах.

Слово „видок“ встречается также в одном поучении, приписываемом святому Василию, но несомненно русского и вероятнее всего новгородского происхождения, о чем будет сказано далее. Наконец, термин „видок“ известен еще по одному памятнику уже безусловно новгородского происхождения. Новгородский архиепископ Василий в своем послании о рае ссылается на свидетельство многих новгородцев, называя их видоками — „много детей моих новогородцев видоки тому“.[1] Таким образом, употребление слова „видок“ ведет нас на север, точнее в пределы Великого Новгорода.

То же самое можно сказать о термине „поручник“ (поручьник), который употребляется в смысле поручителя и заложника. По Срезневскому, это слово также упоминается, главным образом, в северо-русских памятниках. Оно уже встречается в Ефремовской Кормчей XII века и в том же самом смысле, как и в Древнейшей Правде: „тако оубо испрошеное лице ни единѣмь же образъмь ноудиться поручьника даяти“. В том же значении поручителя находим это слово в Псковской Судной грамоте („исцу знати поручника въ своемъ серебрѣ“) и в Судебнике 1497 года. Слово „поручник“ нередко встречается и в договорных грамотах Новгорода с великими князьями.

Слово „извод“ в значении оправдания указано у Срезневского исключительно в псковско-новгородских памятниках: в договорной гра-

---

[1] А. И. Соболевский (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб. 1901, стр. 157) отмечает в житии Андрея Юродивого ряд характерных слов, аналогию которым найдем и в новгородских памятниках: староста, близок (родственник, ср. запись Остромирова евангелия), зобати, насочити (найти), улица. К этим словам И. И. Срезневский (Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Сб. отд. рус. яз. и слов., т. XV, № 1, СПб. 1876, № XXXVII) добавляет еще ряд слов, которые мы найдем в Русской Правде: „говѣние, задница („ци задница есть родитель твоих), куны („сребролюбци, яко же куны иже прирѣзомъ оубогыхъ душа погубляють“), староста („заклинание от старосты нашего (демонского); улица („хожаше по улицам граднымъ“), хлапъ („хлапъ в лѣпших портѣх господина своего ходит“), „раб, благодѣть и т. д. Срезневский сравнивает словарь жития Андрея Юродивого с другими памятниками и, находя в нем сходство со словарем другого древнерусского переводного сочинения — сказания об Иудейской войне, — готов приписать их одному переводчику. В сказании об Иудейской войне находим слова: завести ротѣ („народы заведе ротѣ“), забрало („стену высоку с древеными забрало“), наймит („работнии и слоугы и наимиты“), острог („поустише и жити в острозѣ“). В этом сказании встречаем и характерное слово „дѣтинецъ“ („церковьныи бо градѣ бысть градоу самомоу оны дитинецъ“), которое сохранилось в Новгороде для обозначения новгородского Кремля. Житие Андрея известно по древним прологам новгородского и псковского происхождения (например, Новгородско-Софийский и Лобковский XIII века). Эти данные могут указывать на Новгородскую землю, где житие было распространено и могло подвергаться соответствующим переделкам.

моте Василия Дмитриевича с Новгородом 1399 года, в Двинской уставной грамоте („до десяти изводовъ“), в Псковской Судной грамоте („а то пророка кто изводъ поставилъ“). В новгородской летописи под 1375 годом встречаем и глагол „изводить“ в значении отстаивать („изводя честь своего князя“).

Любопытно, что и термин „мьзда“ находит себе аналогию не только в церковных памятниках в широком смысле этого слова, но и в гражданских памятниках новгородского, псковского и смоленского происхождения. В этих памятниках он встречается в особом понятии вознаграждения и оплаты, как и в Древнейшей Правде. Смоленская грамота 1229 года говорит о детском, собирающем мзду („возьма мьздоу“). Псковская летопись под 1365 годом говорит о выдаче строителям каменной стены 400 рублев „мзды“. Почти все остальные примеры, указанные у Срезневского, употребляют слово „мьзда“ уже в смысле воздаяния за грехи или заслуги.

Наконец, давно уже указано, что Древнейшая Правда обозначает деньги термином „скот“, также очень типичным для новгородских памятников. Каким бы ни было происхождение этого слова, во всяком случае все данные указывают на его большое распространение на севере Руси и в новгородских пределах.[1] Таково, например, употребление этого слова в договоре новгородцев с немцами в 1195 году — „оже емати скотъ Варягоу на Роусине“.[2]

Новгородское происхождение Древнейшей Правды объясняет нам и характер памятника. Влияние князя ограничивается кругом ближайших к нему и зависимых от него людей. Особенно характерно известное выражение Древнейшей Правды о своем „мире“. Слова „мир“, „мирской сход“, „мирское дело“ впоследствии постоянно упоминаются в северных городах Московского государства, в особенности в поморских областях, а также в Новгороде и Пскове. Нет никаких оснований относить этот термин к позднейшему времени. Во всяком случае терминология Древнейшей Правды находит себе полное и наиболее ясное объяснение именно в памятниках новгородского или вообще северорусского происхождения.

Если новгородское происхождение Древнейшей Правды может быть доказано с большим процентом вероятия, то вопрос о времени и причинах возникновения Древнейшей Правды представляется в достаточной мере темным. По этому вопросу существует ряд противоречивых мнений, которые, впрочем, могут быть сведены к трем главным положениям: 1) Древнейшая Правда возникла еще до Ярослава (Гетц), 2) Древнейшая Правда датируется временем Ярослава (у А. А. Стратонова 1036 годом), 3) Древнейшая Правда возникла одновременно с Правдой Ярославичей во второй половине XI века (Н. А. Максимейко). Последнее предположение об одновременном происхождении Древнейшей Правды и Правды Ярославичей было уже рассмотрено в предыдущей главе, что позволяет к нему уже не возвращаться. Поэтому нашему рассмотрению подлежат лишь два первых предположения, наиболее яркими защитниками которых являются, как это было ранее указано, Гетц и Стратонов.

Гетц считает, что Древнейшая Правда в известном нам виде не может считаться первоначальной. К первоначальному ее составу он относит только статьи (по его делению) 1—2, 4—12, 15—17, 19—20.

[1] См. Н. Е. Бауер. Денежный счет Русской Правды (Вспомогательные исторические дисциплины. М. — Л. 1937. Стр. 189—193). Мнения Бауера о заимствовании этого слова из Скандинавии кажутся недостаточно обоснованными.

[2] Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права. Вып. 1, -е изд., стр. III.

22—23. „Позднейшими дополнениями к первоначальному составу, которые быть может возникли уже вскоре после первой записи древнейшей редакции, я считаю на основании ранее приведенных доказательств (статьи первой редакции) 3, 13, 14, 18, 21, 24, 25“.[1] Гетц не высказывается о времени записи Древнейшей Правды, а подвергает анализу ее правовые нормы, относя некоторые из них ко времени очень раннему. Но в таком случае существовала не одна, а, по крайней мере, две Правды: 1) самая древняя, нам не известная и восстановляемая Гетцом, 2) более подробная, известная нам по подлинникам XV века, или наша Древнейшая Правда. Нетрудно заметить и шаткость построений Гетца. По его мнению, дошедшая до нас Русская Правда — это частное руководство („ein privates Handbuch der privatrechtlichen Kompositionen“), составленное участником общинного суда („von einem Mitglied des Gemeindegerichts“).[2] Он почему-то считает, что общинный суд мог происходить только в самое отдаленное время. Насколько шатки эти выводы, показывает уже то обстоятельство. что „копные“ суды существовали в Литовском государстве даже в XVII веке. Малая роль князя в Древнейшей Правде может быть объяснена особенными причинами ее происхождения. Гетц по существу говорит не о письменном памятнике, известном под названием Русской Правды в краткой редакции, а о нормах русского права в различные эпохи. Но и в этом случае нельзя не подивиться некоторым слишком поспешным выводам Гетца. Так, слова о колбяге и варяге в Краткой Правде он относит к дохристианскому времени, ссылаясь на то, что в пространной редакции о них говорится с прибавлением слов „крещения не имея“. При этом Гетц даже не ставит вопроса, откуда эти слова попали в Царский II список. Ссылаясь на упоминание русского закона и русского обычая в договорах Олега и Игоря, Гетц считает возможным отнести Древнейшую Правду („die älteste Redaktion“) в предполагаемом им виде ко второй половине IX или даже к VIII веку.[3] Но даже и в этом случае доказательства Гетца далеко не столь убедительны, как это может показаться. Некоторые юридические нормы продолжали жить долгое время. Так, даже в таком позднем памятнике, как закон Вепринцев 1507 года, читаем постановление, крайне сходное с некоторыми статьями Краткой Правды: „кто ударит (друга) дланью (ладонью), тот платит марок 5. А кто ударит пястью или камнем платит марку 1. Кто на кого вынул мечь (нож) платит марку одну, если опять его спрячет“.[4]

Наиболее убедительным доводом Гетца, как будто, является близость некоторых статей Древнейшей Правды к „закону Русскому“, известному по договорам Руси с греками. Но как раз сравнение Древнейшей Правды с договорами Руси приводит к обратным выводам и говорит о более позднем характере Древнейшей Правды.

Первая статья Краткой Правды устанавливает порядок мести за убитого („оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу“). В договоре Руси с греками 945 года этот же обычай мести устанавливается в таких словах: „Аще убьеть хрестеянинъ Русина, или Русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убииство от ближнихъ убьеного да убьютъ и. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возмуть имѣнье его ближнии убьеного; аще ли есть неимовитъ (ство-

[1] L. K. Goetz. Das Russische Recht. B. I, S. 141.
[2] Там же, стр. 230.
[3] Там же, I стр. 270—277.
[4] Ф. И. Леонтович. Древнее хорвато-далматское законодательство. Журнал Мин. Нар. Пр., 1881, март.

ривый убииство) и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется да убьенъ будеть".[1] И в Краткой Правде и в договоре 945 года мы находим кровную месть. Но нетрудно заметить и большую разницу между Правдой и договором 945 года. Договор говорит о мести от ближних. Таким образом, перед нами еще родовые отношения. Древнейшая Правда уже ограничивает месть только ближайшими родственниками. Эта особенность Древнейшей Правды была отмечена К. С. Аксаковым: „Здесь ясно означены пределы семьи, а не рода".[2] Кроме того, в той же статье Правды устанавливается денежная шкала за убийство, если не будет мстителя.

Таким образом, мы имеем большое отличие между постановлением Древнейшей Правды и договором 945 года. Первая статья Правды носит несомненно черты более позднего времени по сравнению с подобной же статьей договора 945 года. Нельзя говорить и об особой архаичности первой статьи Краткой Правды. Она не была архаичной для отдельных областей Руси даже во второй половине XI века. Это доказывает случай 1071 года, когда Ян Вышатич расправился с волхвами на Белоозере. Характерен тот вопрос к пострадавшим от волхвов, который наша летопись вкладывает в уста Яна: „ци кому васъ кто родинъ отъ сею?". Пострадавшие отвечают: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженье". Это как раз круг людей, близких к убитому, по Краткой Правде: отец [или мать], брат [или сестра], сын [или дочь]. Слова Яна „мьстите своих" только дополняют характеристику круга мстителей.[3]

Архаичность Древнейшей Правды, по мнению Гетца, выражается и в том, что Древнейшая Правда знает только две противоположных общественных группы: свободных (мужей) и рабов. Таким образом, возникает соблазнительная возможность отнести происхождение Краткой Правды в отдаленные времена. Эта особенность Древнейшей Правды особенно бросается в глаза при сравнении с Правдой Ярославичей, которая знает уже различные общественные группы. Но вся сила аргумента Гетца и других исследователей, отмечающих архаичность Древнейшей Правды, тотчас же падает, если для сравнения будут привлечены другие памятники. В этом отношении особый интерес представляет сравнение Древнейшей Правды с договором Новгорода с немцами около 1195 года.

Правда, которая определяет отношения между новгородцами и немцами по договору 1195 года, употребляет также безыменное название „мужа" без дальнейшего пояснения термина или каких-либо дальнейших градаций. Слово „муж" равнозначуще в договоре 1195 года новгородцу или русину, немцу или варягу, какого бы он ни был положения. В договоре нет никаких намеков на социальное расслоение новгородского общества, достигшее больших размеров в конце XII века. Выделены только послы, купцы и попы, за убийство которых установлена двойная плата. Между тем договор был заключен новгородцами с немцами „на сей правде", после чего следует изложение статей предлагаемой Правды. Оказывается, что Правда 1195 года имеет непосредственное отношение к содержанию Древнейшей Правды. Договор уже не знает мести родственников, но устанавливает за убитого („за голову") плату в 10 гривен серебра. Уже доказано, что 10 гривен серебра равны 40 гривнам „старых" кун.[4] Эти старые („ветхие") куны тут же упомя-

---

[1] Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, стр. 50—51.
[2] К. С. Аксаков. Полное собр. соч., т. I, стр. 104.
[3] Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, стр. 173.
[4] М. Владимирский-Буданов (Христоматия по истории русского права. Вып. 1. 1899, стр. 108) относит заключение договора к 1195 г., в русско-ливонских актах дого-

нуты в договоре. Таким образом, договор 1195 года сохраняет некоторые нормы Древнейшей Правды. Кроме того, наше внимание обращает одна статья, являющаяся явным повторением нормы Древнейшей Правды. Приведем два параллельных текста:

ДРЕВНЕЙШАЯ ПРАВДА	ДОГОВОР 1195 ГОДА
Аще гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть: то ити ему на изводъ пред 12 человѣка, да аще боудеть обидя не вдалъ боудеть, достоино емоу свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ	Оже емати скотъ Варягоу на Роусинѣ или Русину на Варязѣ, а ся его заприть; то 12 мужь послухы, идеть ротѣ, възметъ свое

В той и другой статьях речь идет о спорах из-за денег, которые обозначены одним и тем же термином „скот". Одинаково упомянут и извод перед 12 мужами. Таким образом, перед нами одна и та же юридическая норма.

В договоре 1195 года, кроме того, имеется еще одна особенность, сближающая его с Древнейшей Правдой. Так, договор подобно Древнейшей Правде, употребляет безличные выражения: „а оже моужа свяжут", „оже оударять моужа", „оже упьхнеть". Этот характерный способ выражения, который некоторые исследователи пытались объяснить особой архаичностью Правды, повидимому, является также новгородской особенностью.

Замечательна и другая особенность Древнейшей Правды, сближающая ее с договором 1195 года, — это словарный материал памятника. Приведем несколько характерных терминов, встречающихся как в договоре 1195 года, так и в Древнейшей Правде: купчина, муж, скот, заприть (ся запирати — в Древнейшей Правде), рота. Если принять во внимание, что договор 1195 года преследовал специфические торговые цели и в то же время был мирным трактатом, то и приведенные черты близости между текстом договора и Правды представятся нам очень показательными. Между тем у нас нет никаких данных считать, что договор 1195 года отличается какой-либо особой архаичностью. Дело только в том, что некоторые термины особенно долго сохранялись в Новгородской Руси.

Все сказанное позволяет отвергнуть гипотезу Гетца о раннем происхождении Древнейшей Правды. Особенность терминологии Древнейшей Правды объясняется не ее архаичностью, а новгородским происхождением памятника.

По-иному рассматривают вопрос о происхождении Краткой Правды те историки, которые относят время ее возникновения к первой половине XI века. Особый интерес в этом отношении имеет статья Стратонова как одна из последних работ, посвященных Краткой Правде.

Стратонов прежде всего допускает существование двух Ярославовых грамот. Первая из них была дана Новгороду в 1016 году, вторая — в 1036 году, как на это указывают наши летописные источники. Первая из „уставных грамот" Ярослава была по существу грамотой судебной, как это доказывается сравнением содержания Двинской уставной грамоты с Русской Правдой. Древнейшая Правда, по мнению Стратонова, является той уставной грамотой, которая была дана Ярославом в 1016 году, а Покон вирный, заключающий Краткую Правду, грамотой 1036 года.[1]

вор датирован 1189—1199 гг. (стр. 1). Гетц отождествляет упомянутого в договоре тысяцкого Якова с боярином Яковом, убитым в 1193 году. Гетц также указывает, что договор знает лишь морской путь к немцам, тогда как в 1201 г. немецкое посольство впервые пришло в Новгород сухим путем. (L. K. Goetz. Deutsch-Russisch Handelsvertrage des Mittelalters. Hamburg. 1916, S. 63—64.

[1] И. А. Стратонов, указ. сочинение, стр. 387—398.

Мнение Стратонова производит, несомненно, большое впечатление. Действительно, нет никаких оснований предполагать, что грамоты Ярослава имели какой-то особо политический смысл. Даже уставные грамоты XVI века имеют очень ограниченный, большей частью судебно-финансовый характер. Нельзя отвергать и упорные ссылки новгородских летописей на какие-то Ярославовы грамоты. Замечание Стратонова о характере первоначальных уставных грамот, данных Ярославом, является безусловно правильным. Действительно, Древнейшая Правда имеет характер уставной грамоты, определяющей судебные права новгородцев, которые освобождаются от платежей в пользу княжеской администрации. Этому выводу не противоречит и начало Древнейшей Правды — Правда Роськая или Руская. Нельзя забывать о том, что Древнейшая Правда дошла до нас в составе сборника, составленного из разных источников и в несколько дефектном виде. Начало Правды могло иметь ссылку на Ярослава, которая была опущена при внесении в летопись, так как текст летописи сам уже указывал на действия Ярослава. Если бы такой пропуск был сделан в начале договора 1195 года или смоленского договора 1229 года, мы также имели бы в них безыменный текст. В договоре 1195 года после вступления и перед текстом Правды читаем слова „на сей правде", в списках смоленского договора 1229 года „зде починаеться Правда, или даже „а се починок Правдѣ."[1] Краткая Правда также начинается словами „а се Правда Роськая".

Таким образом, отсутствие прямых ссылок на князя или на причины и время составления Правды не может считаться доказательством ее частного происхождения.

Поэтому можно принять мнение Стратонова об официальном происхождении Древнейшей Правды. Но так как известие летописи об Ярославовой грамоте 1016 года не находит себе опоры, то мы должны отнести Древнейшую Правду к другой дате, имевшейся в Новгородской летописи уже в своде 1167 года, к известию 1035 или 1036 года. Текст Правды не только не противоречит, но и подтверждает наше предположение. Так, в Древнейшей Правде мы встречаем термины „варяг и колбяг". Слово „варяг" употреблялось на Руси в двояком смысле. Древнейший смысл этого слова обозначал выходца из Скандинавии, по преимуществу воина, позднейший — иноземца в широком смысле слова. В X и первой половине XI века варяги принимают участие в княжеских войнах в качестве наемных воинов. В битве с печенегами в 1036 году варяги составляли особый отряд и стояли посредине, тогда как по правой стороне от них находились киевляне, а на левом крыле — новгородцы.[2] Повидимому, такое же расположение войска имело место и в битве при Лиственах в 1024 году. Мстислав поставил своих северян „в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома".[3] Это обособленное положение варягов очень характерно, оно объясняет нам возможность тех насилий, которые вызвали в 1015 году восстание новгородцев против варягов.

Приток варягов как особых наемных отрядов, повидимому, прекращается уже в первую половину XI века. Во всяком случае о них больше не упоминается в рассказе о распрях Ярославичей. Изяслав ищет помощи в Польше. Никто из Ярославичей больше не обращается за помощью в Новгород. Вспомогательными чужеземными войсками в смутах XI века в Киевской Руси являются уже не варяги, а половцы. Таким образом, время привилегированного положения варягов в Нов-

---

[1] Русско-ливонские акты, стр. 1 и 422—423.
[2] Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, стр. 147.
[3] Там же, стр. 144.

городе должно быть отнесено к княжению Ярослава, т. е. к первой половине XI века.

Но Древнейшая Правда знает и кольбягов. Кольбяги — это кольфингры, упоминаемые под этим названием в наемных войсках византийского императора. Упоминания о кольфинграх в византийских источниках также относятся к X и первой половине XI века.

Древнейшая Правда знает варягов и колбягов, живущих особой общиной. Только так можно понимать слова: „аще ли челядинъ съкрыется, любо оу Варяга, любо оу Кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обидоу“. Варяги в большом количестве жили в Новгороде еще в конце X — начале XII века, когда у некоего Сигурда при дворе Владимира, бывшего тогда новгородским князем, скрывался Олаф Триггвассон.[1] Позже при дворе Ярослава (до 1030 г.) жил норвежский король Олаф Святой. Еще позже сын Олафа, Магнус, тоже находился в изгнании при дворе Ярослава и только в 1036 году вернулся обратно в Норвегию.[2] Варяжская и новгородская дружины помогали Ярославу в 1036 году победить печенегов. Русская Правда предоставляет некоторые льготы варягам и колбягам, обеспечивая им возможность вместо привода двух свидетелей итти на роту. Но рядом с этим она вводит ответственность варягов и колбягов за сокрытие челядина, накладывая на них обязанность уплатить „3 гривнѣ за обидоу“.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Древнейшая Правда возникла в Новгороде в первую половину XI века, в эпоху Ярослава Мудрого. Временем ее возникновения можно считать 1036 год. К этому году Лаврентьевская летопись относит поездку Ярослава в Новгород, где он посадил на княжение своего сына Владимира и епископа Жиряту. Упомянутый же ранее список новгородских князей связывает вокняжение Владимира в Новгороде с грамотой Ярослава. Свод 1167 года говорил о грамоте в связи с заточением посадника Константина, вскоре убитого по приказанию Ярослава в Муроме.

К тому же 1036 году относится и победа Ярослава над печенегами, одержанная при помощи новгородцев и варягов. Участие варягов в битве с печенегами объясняет особое внимание к ним в Краткой Правде. Древнейшая Правда была дана под давлением обстоятельств, о которых можно судить только на основании некоторых намеков летописи. Так, Лаврентьевская летопись указывает, что в том же 1036 году Ярослав посадил своего брата Судислава в заточение в Пскове. Судислав был оклеветан перед Ярославом. Эта клевета могла быть связана с боязнью Ярослава встретить претендента на новгородский стол. Крайне характерно и то обстоятельство, что в Лаврентьевской летописи именно под 1036 годом встречаем целый ряд указаний на новгородские события, которые обычно пропускаются в повести Временных Лет.

Какое же право получило свое отражение в Древнейшей Правде? Исследователи XVIII и первой половины XIX вв. особенно упорно отмечали влияние на Краткую Правду (даже в ее целом виде) германского и, в особенности, скандинавского законодательства. В недавнее время этот взгляд, в свое время усердно защищаемый М. П. Погодиным, нашел защитников у лингвистов-филологов, в том числе Карского. Карский с ссылкой на Погодина прямо говорит, что Русская Правда „в основе своей есть устав норманский, принесенный Варяго-Русью,

[1] Wheaton. Histoire des peuples du Nord. Paris, 1844, p. 364.

[2] Там же, стр. 309 и 405. См. там же приключения Гаральда Сигурдсона, брата Олафа. В 1034 г. он женился на Елизавете, дочери Ярослава Мудрого. Стр. 406—409. Об этом же подробнее говорит Е. Щепкин, „Варяжская вира“. Одесса, 1915, стр. 148—153.

и только с течением времени переведенный на язык того народа, среди которого они поселились.[1]

С трудом верится, что такое примитивное воззрение на Русскую Правду нашло себе место на страницах академического издания в 1930 году. Ведь для того, чтобы доказать даже не заимствования, а только влияние одного права на другое, надо опираться на какие-то совершенно ясные свидетельства, а не на общие рассуждения. Более обоснованы доказательства Е. Щепкина в его книге „Варяжская вира". Общий вывод его работы сводится к следующему: „Так как Новгородская и Киевская Русь была вовлечена в сферу влияний культуры викингов главным образом скандинавским происхождением своей первой династии князей, а варяжская дружина „русских" князей являлась одно время устойчивым проводником этой единообразной культуры, то есть основание назвать пеню в 40 гривен за убийство подданного „варяго-русского" князя варяжской вирой".[2] Щепкин приводит ряд выдержек из различных скандинавских законов для доказательства своей мысли о большом влиянии скандинавского права на Русскую Правду. Но сам же Щепкин отмечает, что „для Швеции самый ранний областной закон дошел от Западных Етов и в древнейшей из сохранившихся редакций относится к середине XIII века".[3] Другие скандинавские законы, выдержки из которых приводятся в сочинении Щепкина, относятся к еще более позднему времени и, таким образом, не могли влиять на Русскую Правду. На это указал уже Пресняков, отметивший, что 40-гривенная пеня появляется в шведских законах XIII века как нововведение.[4] Но даже признание шкалы Русской Правды в 3—6—12—40 гривен исконной особенностью скандинавского права не дает еще права говорить о том, что Древнейшая Правда заимствована из Скандинавии, так как у нас имеются доказательства того, что Древнейшая Правда отражает собой не пришлое, а исконное славянское право. Миклошич в специальной работе о кровной мести у славян отмечает тот замечательный факт, что кровная месть исчезает у славян, подпавших под немецкую власть, как отсутствует у них также понятие кровной мести. В этом отношении поучительна история Польши. Туземное население имело свои славянские установления (Institutionen), также и кровную месть: немецкие поселенцы следовали немецкому праву и поэтому в системе наказаний возникли большие различия.[5]

Между тем Древнейшая Правда рисует нам кровную месть еще не отмененной. Об этой мести говорит не только первая статья Древнейшей Правды, но статья о мести детей за потерпевшего („тогда чада смирять").[6] В Древнейшей Правде встречаем и обозначение пени за убийство как платы „за голову". У славянских народов этому соответствуют термины: глава [сербск.] и глова [польск.].[7] В Древнейшей Правде упоминается „свод", характерный способ доказательства невиновности, именно для славянских народов. Сами выражения статьи о своде в Древнейшей Правде близки к некоторым текстам грамот Сербии и Далмации: „вели [скажет]: то е мое"; „да да сводь у нога есть купиль" и т. д.[8]

---

[1] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 90.
[2] Е. Щепкин. Варяжская вира. Одесса. 1915, стр. 153.
[3] Там же, стр. 105.
[4] Пресняков. Княжое право. 1909, стр. 256—259.
[5] Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven, S. 162.
[6] Слово „смирять" в таком же смысле употребляется в древнерусском памятнике — пророчестве Исайи о последних днях — „зане князи не смирять властителей" (Яковлев, В. И. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса. 1893, стр. 265).
[7] Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven, 138—141.
[8] Майков. История сербского языка. М. 1857, стр. 112.

Но самым важным и ощутительным признаком связи Древнейшей Правды с юридическими памятниками южного славянства является присутствие в ней двух статей, находящих полную аналогию в статьях Закона Судного людем. Исследование Закона Судного людем не входит в мою задачу, но для ясности вопроса мне придется несколько задержаться на рассмотрении этого памятника. По исследованию Т. Д. Флоринского, Закон Судный людем или судебник царя Константина, как он назван в некоторых рукописях, возник в Болгарии „вероятнее всего . . ., в эпоху царя Симеона". Флоринский различает две редакции Закона — пространную и краткую. Пространная редакция дошла до нас в составе особых юридических сборников русского происхождения (Мерил Праведных) и Софийской I-й летописи. Краткая редакция сохранилась в Кормчих. Списки пространной редакции Закона Судного людем могут быть разделены на два извода. Один из них представлен списком XIV века, напечатанным в Русских достопамятностях (т. II), другой — текстами, внесенными в Софийскую летопись. „С точки зрения общего состава памятника краткая редакция, без сомнения, должна быть признана первоначальной".[1]

В пространной редакции Закона Судного людем мы находим статьи, имеющие прямое отношение к Древнейшей Правде, это статьи о всядении на чужого коня и о порче копья и щита. Одна из этих статей (о всядении на чужого коня) находится в тексте Закона Судного людем, другая поставлена в Пушкинском списке XIV века перед Законом Судным людем, в софийских же летописях в конце текста. Приведем сравнительные тексты сходных статей Закона (по Пушкинскому списку) и Древнейшей Правды.

ЗАКОН СУДНЫЙ	ДРЕВНЕЙШАЯ ПРАВДА
Аще кто бес повѣлѣния на чюжемь конѣ ездить, да ся тепеть и по три краты, и да тепеть и продасться, яко и тать	А кто поѣдеть на чюжом конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ

Давно уже замечено, что три удара („да ся тепеть по три краты") Закона Судного людем заменены в Древнейшей Правде обычной русской нормой, выраженной в денежном штрафе.

Еще более ясную связь между Краткой Правдой и Законом Судным людем находим в статье о порче копья или щита. Вот параллельные тексты этой статьи в обоих памятниках:

ЗАКОН СУДНЫЙ	ДРЕВНЕЙШАЯ ПРАВДА
Иже изломить копие другу, любо щитъ, любо портъ да аще оу себе начнетъ держати, то прияти скота у него, иже что есть изломилъ; аще ли начнеть скотомъ примѣтати ему, заплатить предъ чадию, иже начнеть вѣдати, *колко будеть далъ на немъ*[2]	*А иже изломить хопье, любо щитъ любо портъ, а начнеть хотѣти его держати оу себе, то приати скота оу него,* а иже есть изломилъ; аще ли начнеть примѣтати, то скотом емоу заплатити, *колько далъ боудеть на немъ*

Прямая связь этих статей была подчеркнута уже Н. В. Калачовым, который приводит текст той же статьи, помещенный в редакции Закона Судного людем, так называемой в Софийской летописи.[3] Позже та же связь между отдельными текстами Закона Судного людем и Краткой Правдой

[1] Т. Д. Флоринский. Древнейший памятник болгарского права (Сборник в честь М. Ф. Владимирского-Буданова).

[2] Н. В. Калачов. Предварительные юридические сведении для полного объяснения Русской Правды, 1880, стр. 247. Текст Закона приведен по списку, напечатанному во II томе Русских достопамятностей.

[3] Н. В. Калачов, указ. сочин., стр. 247.

была отмечена и В. О. Ключевским. Сравнивая статьи о всядении на чужего коня в Краткой Правде и в Законе Судном людем, В. О. Ключевский так объясняет их сходство: „Русь времен Правды не любила телесных наказаний, и византийские удары плетью переведены в Правде на обычный у нас денежный штраф, на гривны“. Ключевский считает доказанным влияние Закона Судного людем и других подобных памятников на Русскую Правду.

Основную часть Закона Судного людем обычно возводят к болгарскому оригиналу X века, но отдельные статьи этого памятника, как это признают многие исследователи, могли возникнуть уже на Руси. Это относится, в первую очередь, к дополнительным статьям, помещенным в конце Закона Судного людем. К числу таких дополнительных статей принадлежит и ранее указанная статья о порче копья или щита, имеющаяся как в Краткой Правде, так и в Законе Судном людем. Между тем статья о порче копья и щита дана в списках Закона Судного людем с некоторыми отличиями. Так, в списках Закона Судного людем, помещенных в Софийских летописях, не находим термина „скот“, вместо которого стоит „ино что“ или „инѣм чимъ“. Кроме того, слово „портъ“ заменено словом „топоръ“. Слово „топоръ“, действительно, более соответствует глаголу „изломить“, который более применим к словам — копье, щит и топор, чем к слову „портъ“ (или одежда). Само появление слова „портъ“ может быть объяснено неправильным прочтением слова топор. Таким образом, можно думать, что Закон Судный людем в редакции Софийского временника сохранил более правильное чтение, чем Пушкинский сборник. Но, с другой стороны, текст статьи о порче копья и щита в Краткой Правде стоит в связи с текстом Закона Судного людем в Пушкинском сборнике, а не в Софийских летописях. Краткая Правда также употребляет выражение „портъ“ вместо „топоръ“ и термин „скотъ“. Ясно, что не Закон Судный людем пользовался Краткой Правдой, а, наоборот, Правда — Законом Судным людем и притом в редакции Пушкинского сборника.

Заимствования из Закона Судного людем в Краткую Правду обличают нам в ее редакторе человека, хорошо знакомого с церковно-юридическими памятниками, среди которых Закон Судный людем имел особый интерес для древнерусских книжников. Значение Закона Судного людем в древней Руси с большой четкостью выясняется из одного малоизвестного поучения, находящегося в составе Измарагда и известного Горскому и Новоструеву по списку XVI века.[1] Поучение приписывается Василию Великому, но является несомненным памятником русского происхождения. Горский и Новоструев считают, что Измарагд, в котором помещен наш памятник, восходит к XIV веку. Приведем это небольшое слово целиком по списку XVI века.[2]

ПОУЧЕНИЕ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ОТЦА ВАСИЛИА

Благослови отче.

Оустроите любимии спасение своимъ душамъ в мало се время, едино житиа время и едина смерть, и едина душа. Тѣмъ пещися его крѣпцѣ и оустрааи житие свое добрѣ. Часть от имѣниа богови отлоучаи, а прочее имѣние дѣтем при животѣ яви пред послоухи, а женним льстем не ими вѣры. Мнози бо лукави жены суть, дѣтеи дѣля се писано есть. Аще бо пред послухи дѣтемъ не явиши имѣниа, то жена твоа утаивши имѣние

[1] Горский и Новоструев. Описание рукописей Синодальной библиотеки. Отдел II.

[2] Печатается по Измарагду XVI в., находяшемуся в Государственном Историческом музее, собр. Уварова № 252, листы 302—303. Это слово ранее было напечатано в Православном собеседнике за 1858 г. кн. III, стр. 509—512, а также Вл. Яковлевым. К литературной истории древнерусских сборников, стр. 225—226.

замоуж поидеть и не будет тебѣ памяти, а ни дѣтемъ твоего стяжаниа. Того дѣля яви имѣние свое пред послухы дѣтемъ. Многы бо соуть жены, егда в болѣзни моужь будеть и хощеть даати бога дѣля имѣние, она же плачеть оумиленно лжоущи дабы мужь не раздавалъ имѣниа, ротит бо ся много и глаголеть: „сѣсти по тобѣ хощу вдовою или постригоуся в черници“. Многы бо жены того не исполняють. Того дѣля блюди своего житиа да не сългавши замоуж поидет, но управи, яко же святии отци взаконили пред седмью послоухы. Да аще жена обѣтъ положит по тобѣ, слава богоу, почести ю, яко доушю свою, но богови часть отлоучивъ остави еи имѣние, но рци пред послоухы. Аще ли еи оставиши обило черническа дѣля чина, а аще не постриженться и замоужь восхощет или блоудити начнеть, то вземши от неа имѣние дѣтемъ съблюсти. Аще тогда неразумни боудуть, на том же семъ (!) послоуховъ постави добрых. Аще замоуж въсхощеть ити да идеть в томъ, иже боудеть на неа възложилъ порты и кузнь. Оувѣжьте, яко мало есть женъ добрых, иже ся бога боятъ и своего не пременять слова. И аз бо видокъ многым женамъ, предо мною обѣт положивше постричися, и тии моужи яша вѣроу имъ и не явиша дѣтемъ имѣниа пред послоухи, тако же нынѣ не постригошася и заможь (!) идоша, а дѣтемъ ничего не даша. И тако посмѣяшеся дѣтем блядливыа ты жены. И сего же много. Аще болѣнъ мужь и даати от имѣниа спасениа дѣля души, жена же плачюще глаголеть: „а мнѣ что ясти постригшися по тобѣ“. Он же оумыслитъ: „се ми задушие готово, пострижется по мнѣ жена“. Она же лоукаваа имѣние изблядши замужь идеть, имѣние то оставленое ни души ни дѣтемъ боудеть. Того дѣля 7 послухов добро, и яви дѣтем имѣние. Сие бо написано и речено злых жен и лукавых для, а добраа жена и по смерти мужа своего спасеть, иже и при живомъ мужи все доброе творитъ и моужа своего, яко бога чтит, а по смерти же много души помощи моужа своего творить и о добро велми. Аще бы есте здрави еще и душевное участие богови отдали и живот свои оурядили бы есте пред седмью послуховъ, не смѣли быша злыа жены ничего лукавиа сътворити. Того дѣля устроаите жизнь сию добрѣ да безмятежно здѣ поживѣте, а онома въ царство небесное приидете“.

Время составления поучения не датировано, но у нас нет никаких сомнений в его русском происхождении. Употребление слова „видок“ как будто ведет нас к признанию в авторе новгородца. Имя Василия, поставленное в заголовке, напоминает нам об известном новгородском архиепископе XIV века — Василии Калике, в послании которого также встречаем редкое слово „видок“. Это имя впоследствии по ошибке могло быть отожествлено с Василием Великим, вследствие чего в заголовке появились слова „святаго великаго отца Василиа“. Такие приписывания русских слов известным церковным писателям древности очень нередки и многократно отмечены. Наиболее интересны ссылки автора поучения на какой-то памятник, приписанный им святым отцам. Автор ссылается на необходимость сделать распоряжение о своем имуществе перед 7 послухами, „яко же святии отцы взаконили“. Известно, что Закон Судный людем отводит много места вопросу о наследстве, указывая, что каждому умирающему „лѣпо оустроити пѣрвое о задушьи, второе о дѣтех и о женѣ“. Под словом „задушье“ Закон Судный людем, как и наше поучение, понимает имущество, оставленное на поминовение по душе. Закон Судный людем устанавливает и передачу имущества перед послухами: „оустрояти имѣние сдравымъ ходящим и цѣлымъ оумомъ, послухы поставити... не мниеѣ (в других списках не мними, или не мнѣ, т. е. не меньше) седмы от того града, идѣ же живуть“.[1] Таким образом, автор

[1] Русские достопамятности, ч. 2. М. 1843, стр. 196—198.

поучения пользовался Законом Судным людем и ссылался на него, порицая существующую практику передачи всего имущества женам. Это свидетельство указывает на большое распространение и авторитетность этого памятника в церковных новгородских кругах.

В свою очередь заимствования, сделанные составителем Древнейшей Правды из Закона Судного людем, заставляют видеть в нем представителя духовенства. Действительно, летопись связывает новгородскую грамоту 1036 года с поставлением в епископы Луки Жидяты. О характере Жидяты дает понятие сообщение летописи о том, как Лука расправился со своими холопами, оклеветавшими его перед митрополитом: „Дудици же холопу оскомины бѣша, урѣзаша ему носа и руцѣ отсѣкоша и збѣже в Нѣмци“.[1] Время епископства Луки было отмечено таким важным событием, как построение Софии Новгородской. А. И. Пономарев, характеризуя деятельность Луки, отмечает следующие „факты сами по себе незначительные, но свидетельствующие очень о многом“: 1) потребность Новгорода в книгах не только богослужебных, но и четьих, 2) обращение записи попа Упыря Лихого, сделавшего список пророчеств в 1047 году в Новгороде, не только к князю, но и к другим читателям; 3) умение переписчиков того времени перекладывать глаголицу на кирилловское письмо; 4) наличность в Новгороде некоторых книг, которые были редкостью даже в XV веке.[2] Крайне характерно то обстоятельство, что поп Упырь Лихой переписал книги пророчеств „ис кириловицѣ“, под которой он понимал не современную кириллицу, а глаголицу, распространенную на Балканском полуострове, так как в тексте пророческих книг, им переписанных, обнаружены остатки глаголического письма. Нет ничего невероятного в том, что в Новгороде был уже известен список Закона Судного людем, который был внесен в первоначальный Номоканон или Кормчую, как это доказал А. С. Павлов, возводящий появление Кормчей на Руси уже ко времени Ярослава Мудрого.

Древнейшая Русская Правда явилась первым опытом законодательства в Новгороде. Она представляла собой запись обычного новгородского права, дополненного некоторыми статьями Закона Судного людем. Как всякая запись древнего права, Древнейшая Правда имеет несколько примитивный характер. Но этот характер Правды и является доказательством ее подлинности. Древнейшая Правда, таким образом, возникла на русской почве и не может быть названа простым заимствованием какого-либо чужеземного права. Дошедший до нас текст Древнейшей Правды довольно верно передает ее первоначальные черты.

Но возникает и другой вопрос, — является ли Древнейшая Правда однородной по составу и не предшествовал ли ей какой-либо другой письменный памятник. Ответить на этот вопрос крайне затруднительно, но с некоторым вероятием можно указать два слоя в Краткой Правде. Древнейшие статьи, повидимому кончаются 11 статьей („аще ли челядин съкрыется“). Далее идет заимствование из Закона Судного людям, и статьи имеют уже другое содержание. Быть может, основа Древнейшей Правды восходила к более раннему времени, чем 1036 год. В этом случае приходит на память 1016 год, к которому летопись приурочивает пожалование Ярослава, быть может на основании ранних припоминаний. Тогда удовлетворительно объясняются обе летописные даты — 1016 и 1036 годы. Упоминание же о варягах и колбягах ведет нас к рассказу летописи о восстании новгородцев против варягов и позднейшем соглашении Ярослава с новгородцами в 1016 году.

---

[1] Новгородские летописи. СПб. 1879, стр. 3.

[2] А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб. 1894. стр. 8—13 и 17—23.

ГЛАВА 7

ПРАВДА ЯРОСЛАВИЧЕЙ

В науке давно уже установилось мнение, что вторая часть Краткой Правды представляет собой особый памятник, который по его заголовку принято называть Правдой Ярославичей, как бы в противоположность более ранней Древнейшей Правде. Название „Правда Ярославичей" сделалась традиционным в русской исторической науке и по существу не требует изменений. Впрочем, в процессе изучения Правды Ярославичей выяснилась компилятивность и этого памятника, что вызвало попытки согласовать отдельные противоречащие друг другу статьи второй половины Краткой Правды. Однако, Сергеевич все-таки выделяет всю вторую половину Краткой Правды в особую 2-ую редакцию. Сергеевич, впрочем, признает, что далеко не все следующие за приведенным заголовком („Правда оуставлена Руськой земли") статьи принадлежат законодательству сыновей Ярослава. Так, он считает, что поконы вирные „установлены самим Ярославом, а не его сыновьями". В самой Правде Ярославичей он выделяет постановление о платеже за убийство старого конюха у стада, которое принадлежит только одному из сыновей Ярослава (Изяславу), а не трем. Общий же вывод Сергеевича сводится к тому, что „окончательная редакция списков этой фамилии (т. е. „Краткой Правды") завершилась около времени первого съезда сыновей Ярослава... Это Правда первой половины XI века, окончательная редакция которой не может быть древнее 1054 и моложе 1065—1070 года".[1] Позже Сергеевич внес в свои выводы некоторые поправки, признав, что к „указной деятельности этих князей (Ярославичей) принадлежат не все ее (Правды) статьи, а не более четырех первых"... „Весь памятник мог быть составлен не позднее последней четверти XI века, когда еще были в действии распоряжения Ярослава"[2].

Взгляд Сергеевича, несмотря на всю свою простоту, а, может быть, именно благодаря этому, может считаться наиболее принятым в науке. Примерно то же самое представление о времени возникновения Правды Ярославичей имеет и Максимейко. Более своеобразное мнение высказывает Стратонов. Он связывает написание Правды Ярославичей с упоминанием у Татищева о том, что в 1035 году новгородцы просили Ярослава дать грамоту, вследствие чего он повелел своим сыновьям Изяславу и Святославу созвать в Киев знатных людей и „сочинить закон, еже и учинили, и им грамоту дал, как судить и дани давать и, отдав, заповедал по всем градом, по оной поступать непременно". Стратонов считает, что у Татищева речь идет о том же самом событии, о котором говорит и заголовок Правды Ярославичей, перечисляющий сыновей Ярослава. Однако в 1035 году самому старшему Ярославичу — Изяславу было всего 11 лет. Это затруднение разрешается Стратоновым путем рассуждений о пассивной, чисто представительской роли, которую могли играть Ярославичи на съезде. Мнение Стратонова отличается множеством натяжек. Ярослав, по мнению Стратонова, сам не участвовал в съезде, потому что был в Новгороде вместе со старшим сыном Владимиром. Всеволод же, которому было 5—6 лет, упомянут в Правде. Сообщение Татищева могло быть взято из какой-либо позднейшей летописи и т. д. Между тем известие о съезде 1035 года у Татищева носит все черты его домысла. Читая под 1035 или 1036 годом известие о даровании Ярославом

[1] В. Сергеевич. Лекции и исследования. 3-е изд. СПб., 1903, стр. 54—56.
[2] То же сочинение. 4-е издание, СПб., 1910, стр. 60—61.

грамоты для Новгорода, Татищев связал это известие со словами заголовка Правды Ярославичей. Этот путь увязки двух известий в сущности повторил Стратонов.

Ход рассуждений Татищева восстанавливается рукописью Академии Наук под названием „Собрание законов древних русских для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Василием Татищевым“.[1] Текст заголовка в этой рукописи читается так: „Правда уставлѣнная Руской земли, егда си совокупи Изяслава, Святослава и Всеволода, Коснячка, Печенега, Никифора Киевлянина, да Чудина Никулу Новогородца“. В этом тексте мы находим все элементы ранее приведенного известия о съезде 1035 года в изложении Татищева. Слова „совокупи“ указывают на лицо, собравшее съезд, следовательно, на Ярослава; Перенег делается Печенегом; Микифор Кыянин подправляется в Никифора Киевлянина; наконец Чудин и Никула соединяются в одно лицо с эпитетом новгородца. Таким образом, несомненное свидетельство Правды Ярославичей получает ту окраску, которую придает ему Татищев в известии, внушившем доверие Стратонову. Но есть и еще одно важное доказательство несостоятельности мнения Стратонова о возникновении Правды Ярославичей в 1035 году. Сам Стратонов указывает, что Чудин и Коснячко, упомянутые в Правде Ярославичей, встречаются на страницах летописей, Чудин в 1072, Коснячко в 1068 году. Упоминание о Никифоре также ведет нас к 70-м годам XI века. Если малолетние князья и могли как-нибудь участвовать, хотя бы для представительства, в съезде, уставившем Правду, то совершенно невероятно думать, что Никифор, Коснячко и Чудин, известные в 70-х годах XI века, играли такую же роль за 30—40 лет до этого времени. Летопись говорит о них как о людях, живших и действовавших в эпоху гораздо более позднюю, чем та, к которой их относит Стратонов.

Главная трудность, которая встает перед исследователями при изучении Правды Ярославичей, заключается в неоднородности этого памятника. В самом деле, многие исследователи допускают возможность позднейших дополнений к первоначальному тексту Правды Ярославичей, но не указывают, где кончается текст, к которому собственно и относится заголовок „Правда оуставлена Роуськой земли“.

Некоторую помощь в данном случае оказывают прежде всего наблюдения над терминологией памятника. Первая часть Правды Ярославичей дает текст, совершенно однородный по содержанию. Здесь мы имеем шкалу пеней, установленных за убийство княжеских людей: огнищанина, княжеского тиуна, конюха старого у стада, сельского и ратайного старост, княжеского рядовника, смерда, холопа, кормилицы и кормильца.

Совсем иной характер имеет вторая часть Правды Ярославичей. Неслаженность и неоднородность текста этой части Правды особенно бросается в глаза после слов о княжеском коне и о платежах за скот. Здесь находим две статьи, которые имеют некоторое сходство с Древнейшей Правдой. Первая из них говорит о краже чужого холопа: „А оже оуведеть чюжь холопъ любо робоу, платити емоу за обидоу 12 гривнѣ“. Эта статья не имеет ничего общего с предыдущим текстом, устанавливающим распорядки в княжеском имении. Для нас важно отметить, что в этом тексте мы опять находим термин Древнейшей Правды „за обидоу“. Сама же статья о краже холопа в Правде Ярославичей имеет только отдаленное сходство с подобной же статьей Древнейшей Правды, устанавливающей пеню за сокрытие холопа варягом или колбягом в „3 гривнѣ за обидоу“.

[1] Пользуюсь изданием „Русская Правда“ под ред. С. В. Юшкова, где приведены варианты из этой рукописи к краткой редакции под № 3.

Другая статья Правды Ярославичей имеет значительно более близкое сходство с текстом Древнейшей Правды

ДРЕВНЕЙШАЯ ПРАВДА	ПРАВДА ЯРОСЛАВИЧЕЙ
Или боудеть *кровавъ и синь* надъражен, *то не искати емоу* видока человѣкоу томоу	*Аще же приидеть кровавъ моужь любо синь, то не искати ему* послоуха

Помимо текстуального сходства с текстом Древнейшей Правды, цитируемая статья опять оперирует безличным термином „муж", столь типичным для Древнейшей Правды. Такой же характер имеет и остальная часть Правды Ярославичей. Поэтому можно считать, что Правда Ярославичей по существу состоит из двух памятников — собственно Правды Ярославичей, кончающейся статьей о княжем коне, и позднейшего ее продолжения.

Рассмотрим прежде всего первую часть нашего памятника, или собственно Правду Ярославичей. Давно уже существует спор о происхождении заголовка: „Правда оуставлена Роуськои земли", и т. д. Известно мнение Дьяконова о том, что этот заголовок в Правде Ярославичей испорчен. Но мнение Дьяконова основано на признании большей первоначальности текста Пространной Правды, где говорится, что Ярославичи „отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати". Однако статья о съезде Ярославичей в Пространной Правде сама основана на тексте Краткой и имеет позднейшие черты. Слова Правды Ярославичей „егда ся съвокоупилъ", действительно, указывают на какие-то позднейшие изменения в первоначальном заголовке, но они станут понятными, если мы вспомним, что Правда Ярославичей дошла до нас не в чистом виде, а в составе более поздней компиляции, которая и является Краткой Правдой.

Время съезда, на котором была установлена Правда, датируется обычно временем правления Ярославичей, т. е. 1054—1073 годами. Но эта датировка может быть еще более уточнена.

Среди событий эпохи совместного правления трех братьев внимание привлекает съезд 1072 года, когда по Лаврентьевской летописи „совокупившеся Ярославичи". Съезд трех князей происходил в Вышгороде по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба. Об этом событии сохранился рассказ в сказании о Борисе и Глебе, помещенном в Успенском сборнике XII века. Церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов. Летопись добавляет, что Вышгород тогда держал Чудин, имя которого мы находим в заголовке Правды Ярославичей. В том же сказании о Борисе и Глебе, в Успенском сборнике, находим имя Никулы, который был „старейшина" огородьникомъ, зовомъ же бяше Жьданъ по мирьскомоу, а въ хрьщении Никола".[1] Уже Голубовский, а вслед за ним Дьяконов, отожествили этого вышегородского Николу с Микулой Русской Правды. Что касается до отдельных участников совещания, то имена Коснячки и Никифора Киянина встречаются в Начальной летописи. О Коснячке говорится в Начальной летописи под 1068 годом. Он назван воеводой, против которого выступали киевляне („начаша людие говорити на воеводу на Коснячько"). Никифоров двор упомянут в летописи под 945 годом, но в записи, ясно обнаруживающей свое позднейшее происхождение. В летописи говорится, что город Киев раньше был там, „иде же есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ", а княжеский двор, „иде же есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ". Между тем имя Чюдина мы уже читали

[1] Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1. М. 1899. (отд. оттиск из Чтений в Обществе истории и древностей российских).

летописи под 1072 годом. Таким образом, запись о дворах киевлян, на месте которых ранее находился город Киев и княжеский двор, возникла не ранее 70-х годов XI века. Двор Никифора, упомянутый в летописи под 945 годом, существовал на глазах составителя летописной записи в тех же 70-х годах. С этим Никифором, имеющим в Киеве двор, можно сопоставить Микифора Киянина в Правде Ярославичей. Таким образом, кроме князей в качестве участников совещания, находим двух киевлян (Коснячко, Никифора), одного вышегородца (Микулу) и одного киевлянина, державшего в своих руках Вышгород (Чюдина). Следовательно, из пяти участников совещания с князьями, по крайней мере, двое имеют какое-то отношение к Вышгороду, где, по нашему предположению, в 1072 году состоялось совещание, запись о котором мы находим в Правде Ярославичей.

На этом совещании в Вышгороде принимало участие и духовенство: митрополит Георгий, Неофит Черниговский, Петр Переяславский, Никита Белогородский, Михаил Юрьевский, а также игумены во главе с Феодосием Печерским. Совещание 1072 года носило все черты позднейших княжеских съездов, хотя и было облечено в церковную форму.[1] Повидимому, на этом Вышегородском съезде братья пришли к какому-то соглашению, которое, впрочем, было нарушено уже в следующем 1073 году. Житие Феодосия рисует нам чисто мирскую роль этого крупного деятеля XI века. После изгнания Изяслава он занял непримиримую позицию по отношению к его кратковременному преемнику, Святославу. Феодосий обличал Святослава, „яко неправьдно сътворивъша“. Эти обличения могли стоять в непосредственной связи с нарушением соглашения 1072 года.

В этих условиях, на мой взгляд, и появилась Правда Ярославичей. Она должна была установить порядок, нарушенный событиями 1068 года и последующих лет, в княжеских землях. Это не был устав в нашем смысле слова, а специальное постановление или запись, вызванная событиями 1068 года.

Содержание записи, повидимому, довольно точно передано Правдой Ярославичей. Оно касалось исключительно людей, живших в княжеских вотчинах и непосредственно подсудных юрисдикции князей.

Какая же причина вызвала постановление Ярославичей? Этой причиной, на мой взгляд, являлись те серьезные политические затруднения, которые испытывали Ярославичи. В своей книге „Киевская Русь“ Б. Д. Греков указал, что 1068—1071 годы были особенно тревожными. Киевское восстание 1068 года, несомненно, было вызвано не только стремлением свергнуть Изяслава. Некоторые указания на это дает летопись, согласно которой сын Изяслава, Мстислав, перебил 70 человек „чади“. Между тем словом „чадь“ или „простая чадь“ нередко обозначаются простолюдины. Так, в 1228 году новгородская простая чадь созвала вече и выпроводила владыку Арсения со двора.[2] Восстание 1068 года было направлено против княжеской администрации, в частности против воеводы Коснячко, упомянутого в Правде. Летопись говорит лишь о грабеже княжеского двора. Но восставшие едва ли ограничились только княжеским двором, можно предполагать, что были разграблены и дома княжеских приближенных. В Начальной летописи под тем же 1068 годом встречаем поучение о бедствиях, являющееся как бы предисловием к рассказу о восстании 1068 года. Основная мысль этого поучения направлена против „лишающая мзды наимника, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ“. Эта мысль о неправедных судах повторяется в поу-

---

[1] Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1. М. 1899, стр. 31—32.
[2] Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 228.

чении и дальше: „взыщѣте суда, избавите обидимаго“. Поучение является как-бы пояснением к рассказу летописи, вскрывая действительные причины восстания 1068 года, когда Изяслав отказался дать киевлянам оружие для борьбы против половцев, повидимому опасаясь, чтобы это оружие не обратилось против него самого, как это позже и произошло.

События 1068—1071 годов объясняют нам появление Правды Ярославичей. Объединение Ярославичей диктовалось общей борьбой против Всеслава и поддерживавшей его простой чади.[1] Перенесение мощей Бориса и Глеба было хорошим предлогом для княжеского съезда, на котором была принята Правда. В науке, со времени работ А. Е. Преснякова, установился взгляд на Правду Ярославичей как на своего рода устав для княжеских доменов. Но этот „устав“ отличается рядом странных особенностей. Непонятно, зачем понадобилось узаконивать случаи убийства огнищанина или тиуна, совершавшего кражу. Повидимому, кража „у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы“ совершалась не в княжеском домене, а где-то на стороне. Можно удивляться и внесению в список лиц, охраняемых князем, кормилицу и кормиличича. Дядька-воспитатель или кормилец наших летописей, — явление совсем не столь частое в княжеском домене, чтобы его убийство специально охранялось княжескими постановлениями. Но появление Правды Ярославичей становится понятным после событий 1068 года. Разграбление княжеского двора в Киеве, вероятно, сопровождалось такими же разгромами в княжеских имениях. Об этом и говорит постановление Правды о конюхе старом при стаде, „его же оубилѣ Дорогобоудьци“. Правда узаконивала ту высокую виру за конюха старого, которую Изяслав установил во время своей расправы в Дорогобуже. Победившие Ярославичи устанавливали штрафы за убийство княжеских людей, в прямой зависимости от тех событий, свидетелями которых они были. Высокие виры должны были оградить княжеских людей от повторения разгромов 1068—1071 годов. Рядом с этим пришлось пойти на уступки и хоть несколько ограничить произвол княжеских мужей. Отсюда появление в Правде Ярославичей постановления об убийстве огнищанина „в обиду“ с устранением от платежа виры всех, кто не участвовал в убийстве, а также постановление о безнаказанном убийстве огнищанина, грабящего чужое имущество, отнимающего коня, корову или быка.

Так представляются нам причины появления Правды Ярославичей, вернее первой части памятника, которую принято называть таким именем, и которая только и имеет право носить подобное название. Повидимому, Правда Ярославичей первоначально кончалась статьей о пенях за скот („за кобылоу . . . за боранъ ногата“). Однако некоторые черты Правды Ярославичей говорят нам о том, что этот памятник подвергся значительной переделке. Такая переделка прежде всего обнаруживается в тексте заголовка Правды, который носит книжный характер („егда ся съвокоупилъ“) и мало отвечает нашим представлениям о княжеских грамотах. В самой терминологии Правды Ярославичей встречаются слова, указывающие на какие-то переделки. Так, слово „огнищанин“ не встречается в киевских памятниках, но было в употреблении в Новгороде, что засвидетельствовано нашими летописями.[2] Пространная Правда

---

[1] Восстание 1068 г. и участие в нем Всеслава, повидимому, произвело большое впечатление на народные массы Киевской Руси. Образ Всеслава в благоприятных чертах очерчен в „Слове о полку Игореве“: „Всеслав князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше“. Это представление о Всеславе, как о выдающемся князе, отразилось и в былинах о Волхе Всеславиче“.

[2] Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л. 1936, стр. 214.

знает на месте огнищанина княжа мужа, подчеркивая этим редкость употребления слова „огнищанин“, которое с XIV века пропадает и в чисто новгородских памятниках. В южных памятниках, например в Ипатьевской летописи, мы читаем не об огнищанах, а о княжеских мужах. В одном древнерусском поучении, неправильно приписываемом Иоанну Златоусту, читаем такое образное сравнение: „егда бы пошла рать к нѣкоему граду ти, то кто бы простъ людинъ не въскликнулъ: „люди побѣгнете въ градъ, рать иметь на вы“, то быша слышавше, людие смыслени бѣжали въ градъ, избыли бы зла, а несмыслении рекли быша: „не княжь мужь повѣдаетъ, не бѣжимъ“.[1] Можно думать, что в Правде Ярославичей на месте „огнищанина“ первоначально стояли, как и в Пространной Правде, слова — „княжь мужь“. Замена же произошла значительно позже при обработке Краткой Правды. Позднейшей вставке, повидимому, подверглась и последняя статья Правды Ярославичей о платежах за скот. В этой статье находим двойной счет на резаны и на куны. Как раз на куны переведен счет „за третьяка“. Третьяк и лоньщина — термины очень распространенные в северо-восточной Руси для обозначения трехлетнего скота. Поэтому и эта часть Правды Ярославичей может быть заподозрена в переделке.

Вторая часть Правды Ярославичей начинается, как мы видели, кратким повторением двух статей, близких по содержанию к Краткой Правде. Отсюда начинается новая часть Краткой Правды, позже присоединенная к Правде Ярославичей.

Сходство двух вышеприведенных статей Правды Ярославичей (об уводе чужого холопа и о кровавом муже) с такими же статьями Древнейшей Правды не представляется случайным. Две эти статьи совершенно не связаны с предшествующими, где речь идет о платах за убиение княжеских людей. Как и текст Древнейшей Правды, статьи об уводе холопа и о кровавом муже в Правде Ярославичей являются безличными и не указывают никаких общественных групп. Поражает и то обстоятельство, что в этих статьях устанавливается штраф в 12 гривен за увод холопа, тогда как стоимость холопа в Правде Ярославичей ранее установлена в 5 гривен, а за убийство сельского старосты полагается также платить всего 12 гривен. Уже это обстоятельство показывает, что статья об уводе холопа не принадлежит законодательству Ярославичей, а взята из какого-то другого источника, близкого к Древнейшей Правде, так как сокрытие чужого холопа наказывается в ней в $2\frac{1}{2}$ раза дороже, чем стоимость холопа и даже смерда по Правде Ярославичей.

Из того же источника заимствована и статья о кровавом муже, также безличная по характеру своих постановлений. Однако источником этой статьи не могла быть Древнейшая Правда, знающая не послухов, а видоков, челядинов, а не холопов.

Такое же противоречие между первой и второй частями Правды Ярославичей находим в статье о кражах, сделанных 10 мужами („а иже крадеть любо конь... и по 30 рѣзань платити моужеви“).[2] В самом деле, в первой части Правды Ярославичей находим следующую шкалу, установленную за кражу скота: за коня (смердьего) 2 гривны, за вола 1 гривну. В статье о 10 ворах находим уже общее постановление о пени за кражу в 3 гривны и 30 резан. Плата в 3 гривны 30 резан устанавливается безразлично за кражу коня, вола и даже

[1] В. Я. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Стр. 127.

[2] Эту статью читаю так: „или ихъ будетъ и 10“. Аналогию этому тексту вижу дальше в статье о краже овцы — „а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ“. Смысл этих статей можно передать словами, „хотя бы их было и десять в значении „хотя бы их было и много“.

за кражу в клети. Таким образом, и эта статья не может принадлежать Правде Ярославичей.[1]

Пересмотр содержания дальнейших статей, дополняющих Правду Ярославичей, также убеждает нас в их более позднем происхождении. Такова, например, статья о мучении смерда без княжеского слова, устанавливающая платеж „за обиду“ в 3 гривны. Этот термин „за обиду“, встречающийся и в статье о меже и перетесе, характерен, как мы видели раньше, для Древнейшей Правды. Вместе с тем он стоит в противоречии со всем предыдущим текстом. За мучение смерда платится „за обиду“, 3 гривны, за огнищанина, тиуна, мечника — 12 гривен. Вопрос о том, что значит термин „за обиду“, имеет целую литературу, но он может быть разрешен только в смысле платежа в пользу обиженного. В самом деле, прямое указание на это мы находим далее, где читаем: „а оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обидоу 3 гривны“. „Чюжь пес“, несомненно, обозначает не княжеского пса, а принадлежащего какому-то лицу, которому наносится ущерб.

Но можно ли считать, что дополнение к Правде Ярославичей является особым памятником. Это предположение следует отвергнуть, так как вторая часть Правды Ярославичей сама отличается особенной пестротой своих постановлений, которая отразилась, прежде всего, на денежном счете этой части Краткой Правды, отличающемся значительным разнообразием, а также и на характере самих штрафов, оцениваемых то как плата „за обиду“, то как „продажа“. Так, за кражу лодьи платится 30 резан и 60 резан „продажи“, за украденную утку, гуся, журавля и лебедя — столько же. Кроме того, 60 резан продажи указаны за кражу скота (овцы, козы или свиньи). Рядом с этим кража голубя и курицы оценивается в 9 кун, так же как и кража сена и дров. Тут же за кражу коня или вола указываются пени в 3 гривны и 30 резан. Можно ли считать, что статьи с подобным разнообразным денежным счетом возникли в одно время? Ответ на этот вопрос должен быть только отрицательным. Повидимому, мы имеем дело со слиянием самых разнообразных источников в один юридический сборник. Действительно, пеня в 9 кун за голубя и курицу, за сено и дрова не сопровождается указанием на продажу, хотя кража утки, гуся, лебедя и журавля тут же обусловлена продажей в 60 резан, так же как кража овцы, козы и свиньи.

Все сказанное выше приводит к мысли, что дополнительные статьи к Правде Ярославичей первоначально были не связаны с тем письменным памятником, который по существу и должен называться Правдой Ярославичей. В основании этой второй части лежали какие-то особые записи, в некоторых своих частях близкие к Древнейшей Правде. Это доказывается существованием в дополнении к Правде Ярославичей статей об уводе чюжого холопа и о кровавом муже, находящих себе аналогию в Древнейшей Правде, но оставшихся неоконченными, так как редактор Краткой Правды увидел, что они повторяют уже ранее переписанные статьи. Памятник, положенный в основу второй части Правды Ярославичей, несомненно был более позднего происхождения, чем Древнейшая Правда, так как вместо челядина он говорит уже о холопе и устанавливает за его увод более высокую пеню (12 гривен вместо 3 гривен Древнейшей Правды). Этот памятник был дополнен рядом записей и соединен с Правдой Ярославичей. Однако такое соединение

---

[1] В Академическом и Археографическом списках читаем: „аще боудеть един кралъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу“. Но это чтение исправляется Ростовским списком.

Татищев пишет: „В Ростовском летописце положено с каждого по 3 гривны и 30 рѣзань“ (стр. 19).

не было чисто механическим. Правда Ярославичей была дополнена статьями определенного направления, составленными в защиту княжеских интересов. Так, непосредственное отношение к власти и правам князя имеет статья о краже коня или вола. Пеня, распространяемая на нескольких участников кражи, несомненно шла в пользу князя. О князе говорится в статьях о краже лодьи, птицы и скота; княжеский двор упомянут в статье об убиении татя. К перечисленным в Правде Ярославичей княжеским людям дополнительные статьи причисляют мечника. Тот же мечник упомянут ниже при расчетах о десятине и в первой статье Древнейшей Правды. Смерд, приравненный Правдой Ярославичей к холопу, во второй части идет наравне с огнищанином, тиуном и мечником, хотя и выделен меньшей суммой пени за его мучение. Таким образом, перед нами иное отношение к смерду, чем в Правде Ярославичей.

Когда же и где возникли дополнительные статьи Правды Ярославичей в дошедшем до нас виде, представляющем соединение, по крайней мере, двух разнородных частей? На этот вопрос дает ответ пестрый характер текста Правды Ярославичей, некоторые черты которого указывают на его происхождение. Так, сходство дополнительных статей к Правде Ярославичей с Древнейшей Правдой говорит о ее новгородском происхождении. Особая забота о сене и дровах, возможно, характернее для русского севера, чем для юга. Новгородская летопись под 1143 годом говорит о наводнении в Волхове, которое „сено и дръва разнесе“.[1] Вопрос о заготовке сена постоянно занимает новгородского летописца. Под 1228 годом отмечается великий дождь, когда „ни сена людьмь бяша лзѣ добыти“, в том же году большая вода в Волхове „поима около озера сена“. В 1251 году дожди унесли все сено в Волхов. Какое значение имела для Новгорода заготовка сена, показывает рассказ летописца о низведении с архиепископского престола Арсения. „Простая чадь“, придя на владычен двор, заявила Арсению: „тебе деля стоит тепло долго, выпроводил еси владыку Антониа на Хутино... а нам нѣлзѣ ни сѣна добыти“.[2] Упоминание о ладье (лодке) ведет нас также к новгородским пределам с развитыми водными путями. Это приводит к мысли, что дополнения к Правде Ярославичей могли возникнуть в Новгороде не ранее последней четверти XI века, во всяком случае позже написания самой Правды Ярославичей.

Но, конечно, забота о сене, дровах и ладье не является исключительной особенностью Новгорода. Для характеристики Новгородской окраски дополнительных статей к Правде Ярославичей значительно показательнее то обстоятельство, что эти статьи знают огнищанина и смерда, которому полагается „за обиду 3 гривны“, если его мучат без княжеского повеления. Новгородская летопись под 1136 годом отмечает, что новгородцы ставили в вину князю Всеволоду Мстиславичу: „не блюдеть смердъ“. Три гривны за муку смерда можно сопоставить с 5 гривнами за убийство смерда в Правде Ярославичей. За мучение огнищанина в дополнительных статьях назначается всего 12 гривен, только в 4 раза больше, чем за смерда. Между тем Правда Ярославичей указывает 80 гривен виры за огнищанина, т. е. в 20 раз больше, чем за смерда. Быстрый рост феодальных отношений в Киевской Руси, отмеченный уже ранее Н. А. Максимейко, нашел свое отражение и в статьях Правды Ярославичей.

Правда Ярославичей, несомненно, подверглась дополнительной переработке, некоторые черты которой были указаны выше. Можно указать

---

[1] Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб. 1888, стр. 135.
[2] Там же, стр. 227, 228, 279, 444.

на следующие особенности, сближающие Правду Ярославичей с некоторыми дополнительными статьями, о которых шла речь выше. Так, в дополнительных статьях читаем: „а въ гнищанинѣ и в тивоуницѣ и въ мечници 12 гривънѣ". В Правде Ярославичей находим слова, добавленные к постановлению об убийстве огнищанина у клети, „а то же поконъ и тивоуницоу". Известные слова Правды Ярославичей в той же статье „то оубити въ пса мѣсто" (первоначально, вероятно, читалось „то оубит[ь] и въ пса мѣсто") повторены в статье о воре, убитом на дворе или у клети: „аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ". Таким образом, выясняется, что Правда Ярославичей была дополнена новыми статьями не механически, а была подвергнута дополнительной переработке. Смысл, время и причины этой переработки будут выяснены в следующих главах этой работы.

ГЛАВА 8

ПОКОН ВИРНЫЙ И УРОК МОСТНИКОВ

Третья и последняя часть Краткой Правды представляют собой два памятника, которые условно могут быть названы — Поконом вирным и Уроком мостников. Началом этой третьей части можно считать слова: „а от гривне мечникоу коуна". Следует отметить, что в литературе существует представление о Поконе вирном, как о непосредственном дополнении к Правде Ярославичей. В связи с этим рассматриваемую часть Краткой Правды читают таким образом: „Аже оукрадоуть овьцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому 10 рѣзанъ, а отъ гривне мечникоу коуна, а в десятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а от 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а в десятиноу 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ". Так разбивается текст Краткой Правды в большинстве изданий. Такому делению следовал А. И. Яковлев, а вслед за ним и Г. Е. Кочин в своем учебном, но проверенном по подлинникам издании Краткой Правды.[1] И только В. Сергеевич и Б. Д. Греков вводят новое деление, относя слова „а хто изималъ тому 10 рѣзанъ" к предыдущей статье, как это сделано в академическом издании.[2]

Нетрудно заметить правильность последнего чтения. Слова „а хто изималъ, тому 10 рѣзанъ" являются явным продолжением предыдущего текста, в котором упоминается о 60 резанах продажи и пойманных ворах. Поэтому началом последней части Краткой Правды или покона вирного надо считать слова: „А от гривне мечникоу коуна"... Как далее будет видно, вся остальная часть Краткой Правды является особым памятником, отличающимся по своему содержанию от Правды Ярославичей и ее дополнения. Это представление о Поконе вирном, как об особом памятнике с особой ясностью было высказано уже Стратоновым. Покон вирный представляется Стратонову первым опытом „в определении финансовых взаимоотношений между местным населением (новгородским)

[1] Г. Е. Кочин. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л. 1936, стр. 89.
[2] Правда Русская, I. Под ред. Б. Д. Грекова, стр. 399.

и княжескими „мужами". По мнению Стратонова, Покон вирный возник при Ярославе в 1036 году. Именно о нем упоминает под этим годом летопись, рассказывая, что Ярослав дал грамоту людем, и сказал: „по сей грамоте дадите дань".

Мнение Стратонова о том, что Покон вирный возник при Ярославе, не является единичным. Из всей Краткой Правды большинству исследователей рассматриваемый нами Покон вирный представляется, пожалуй, наиболее бесспорным памятником законодательной деятельности Ярослава, так как в конце его помещена прямая ссылка на Ярослава („то ти оурокъ Ярославль").

Однако вопрос о времени возникновения Покона вирного не представляется мне столь ясным, как Стратонову и некоторым другим исследователям. Прямая ссылка на Ярослава, вовсе не имеет столь абсолютного значения, какое ей придают. Нам известны памятники, написанные как будто прямо от лица князей, например, некоторые списки церковных уставов Владимира и Ярослава и тем не менее очень далекие от подлинности.

К тому же ссылка на Ярослава сделана в третьем лице, повидимому, значительно позднее его княжения, когда авторство Ярослава присваивалось ряду памятников.

Между тем содержание Покона вирного заставляет думать об его относительно позднем происхождении. Прежде всего бросается в глаза забота составителя о соблюдении постов. Упоминается „говѣние", когда вирник должен получать за рыбы. Замечание о „говѣнии" изложено словами, очень напоминающими некоторые памятники церковной литературы XI—XII веков — „или ся пригоди въ говѣние рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ". Такую же заботу о соблюдении постных дней находим в поконе вирном и выше — „а въ среду рѣзаноу, въ же сыры, в пятницоу такоже". В то время как остальные части Краткой Правды отличаются полным отсутствием интереса к церковной жизни, Покон вирный обнаруживает не только осведомленность в постных днях, но и заботу об их обязательном соблюдении. Между тем соблюдение постов даже в XII веке не было еще очень строгим, как это показывает Вопрошание Кириково.[1] Тем более странно читать регламентирование постов в памятнике, приписываемом Ярославу. Однако характер постановления Покона вирного станет более понятным, если мы будем считать, что этот памятник возник в церковной среде. Действительно, в самой терминологии покона вирного встречаются некоторые черты, характерные для церковных памятников. В то время как Правда Ярославичей говорит об овцах, Покон вирный для обозначения овец употребляет слово „овенъ", характерное для памятников церковного происхождения. Например, слово „овен" читаем в правиле с именем Максима — памятнике XII—XIII веков, повидимому, возникшем в Киевской Руси.[2] Приводя в своем словаре слово „овен", Срезневский также ссылается только на памятники церковного происхождения. В памятниках же гражданского происхождения слово „овен" обычно не употребляется.[3]

Можно привести еще аналогию между терминами Покона вирного и текстами, взятыми из некоторых церковных памятников XII века. Выше уже было указано, что слова „или ся пригоди" Покона вирного напоминают слова некоторых церковных памятников. Буквально то же выражение находим в постановлениях новгородского архиепископа Илии

[1] Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 50.
[2] Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1912, кн. 3, стр. 53.
[3] См. Материалы для терминологического словаря древней России.

1164—1168 годов по поводу двух случаев церковной практики („оже ся пригодить оу слоужьбы“, „аще ся пригодит се“).[1]

Термин „веверица“ в значении мелкой денежной единицы, упоминаемый в летописи и в гражданских памятниках древней Руси, находим в Вопрошании Кирикова — „много бываеть свѣчь и вѣвериць 40“.[2] В таком небольшом по размеру памятнике, каким является Покон вирный, можно отметить по крайней мере три термина, характерных для церковных памятников XI—XII веков: овен, говение, неделя (воскресенье).

Поражает, наконец, еще одна особенность Покона вирного. В нем устанавливается точная цифра сбора, взимаемого вирником: „60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици“. К кому же может относиться столь точно установленный сбор? Во всяком случае, не к самому Новгороду. Покон вирный не может иметь характер и общего постановления, так как денежный сбор определен в дробных цифрах (60 гривен, 10 резан и 12 веверил). Повидимому, мы имеем дело с записью о каких-то сборах, которые производились с населения определенной, конкретно известной территории. Эта территория была относительно невелика, так как с нее шел сбор в 60 гривен денег и относительно небольшие натуральные поборы — 7 ведер солоду, овца или полоть мяса и т. д. По уставу Святослава Ольговича 1187 года новгородский епископ получал от даней 100 гривен новых кун. С этой цифрой должен быть сопоставлен сбор в 60 гривен Покона вирного, необыкновенно высокая сумма сборов, оставшаяся совершенно непонятной для составителей Пространной Правды, которая устанавливает сбор вирника всего в 8 гривен.

Происхождение Покона вирного становится более понятным при рассмотрении предшествующей ему статьи о пошлинах в пользу князя и его людей. Эта статья начинается малопонятными словами: „а от грние“, с титлом над этим словом в Академическом списке, и просто „а от гривнѣ“ в Археографическом. Однако смысл статьи довольно ясен. В ней устанавливаются сборы в пользу князя и его людей, а также отчисления в десятину. Слово десятина и объясняет нам происхождение этой статьи. Каково бы ни было первоначальное происхождение десятины,[3] в памятнике XII века она уже является сбором в пользу церкви. В церковном уставе Всеволода, основанном на более раннем уставе Владимира, читаем, что в десятину следовало платить „отъ всякого княжа суда десятую вѣкшу, а ис торгу десятую недѣлю, а из домовъ на всякое лѣто и отъ всякого стада и отъ всякого жита десятое“. Десятина упоминается и в уставной грамоте Ростислава, данной смоленской епископии в 1150 году. Ростислав дает епископу „десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ“.[4] По этой уставной грамоте десятина представляет собой отчисление в пользу епископа ровно в $1/_{10}$ от доходов („а в Жидчичихъ 10 гривенъ, а из того епископу гривна; вь Басѣи 15 гривенъ, а и епископу изъ того гривна“).

О какой же десятине идет речь в рассматриваемой статье Краткой Правды?

В то время как князю следует 3 гривны, в десятину поступает 15 кун. По счету в 25 кун на гривну князь получает 75 кун, тогда как в десятину поступало 15 кун. Таким образом, по Краткой Правде

---

1 Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 75—78.

2 Там же, стр. 40.

3 О происхождении десятины очень подробно говорится в трудах А. С. Павлова и проф. Суворова.

4 М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права. Вып. 1. 5-е изд., стр. 257—265.

десятина была равна не $^1/_{10}$, а $^1/_5$ княжеских сборов. Этот пересчет может показаться ошибочным, но он подтверждается дальнейшим текстом той же статьи: „а от 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а в десятиноу 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ". Здесь десятина опять равна $^1/_5$, а не $^1/_{10}$ княжеских сборов. Повышенный размер десятины говорит о церковном происхождении этой статьи Краткой Правды. В установлении повышенной десятины была заинтересована церковь, а не князь. Рассчеты на размер десятины в $^1/_5$ от княжеских сборов отражают претензии церковных кругов, притом претензии довольно позднего времени. Поэтому и статью о десятине можно считать возникшей в церковных кругах. Характерна ошибка, сделанная в статье о десятине, которая первоначально названа „девятиной". Слово „девятина" имело определенный технический смысл в церковных памятниках, обозначая поминовение по умершим в течение 9 дней.[1]

Покон вирный и статья о десятине первоначально могла представлять собой запись о сборах в пользу церкви, с какой нибудь определенной территории.[2] Уже Мстиславова грамота 1130 года передает Юрьеву монастырю село Буицы „съ данию и съ вирами и съ продажами". Позднейшие памятники рисуют нам сборы с населения, производившиеся в пользу владельцев. В документе половины XV века читаем: „А кормъ с десяти сохъ князя великого черноборцемъ взяти тридцать хлебцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневаго корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали, по старинѣ".[3] Бросается в глаза чрезвычайная близость этого позднейшего документа, опиравшегося, впрочем, на старину с поконом вирным. Грамота черноборцам буквально повторяет слова Правды: „баранъ, а любо полоть мяса". Таким образом, покон вирный рисует нам обычное право, согласно которому вирники собирали пошлины и получали корм. Ссылка на Ярослава должна была придать больший авторитет Покону вирному, который представляется более тяжким для населения, чем постановления о том же, записанные в Пространной Правде. По своему характеру Покон вирный примыкает к дополнительным статьям, приписанным к Правде Ярославичей. Он возник в церковных кругах и первоначально представлял собой устав для какой-то определенной церковной вотчины, а позже был приспособлен для гражданских нужд. К этой части Правды вполне применимы слова В. О. Ключевского о том, что „Русская Правда, имевшая обязательное действие только в сфере церковной юрисдикции, — стала служить руководством и для княжеских судей".[4]

Покон вирный является самой поздней частью Краткой Правды, памятником, вышедшим из-под пера редактора Правды.

В самом конце Краткой Правды к Покону вирному присоединена еще одна статья, заканчивающая Краткую Правду и устанавливающая Урок для мостников. А. И. Соболевский, а вслед за ним Н. А. Стратонов, объясняют слово „городница", как звено большого моста, и видят в этой статье указание на Новгород, где существовал большой мост через Волхов. Стратонов прямо говорит, что такой мост мог существовать „только в Новгороде". Соглашаясь с мнением о новгородском

---

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. III, 1912, стр. 144.

[2] Чтение грние с титлом над словом в Академическом списке не является ли каким-либо испорченным термином, тогда это запутанное место Краткой Правды читалось бы значительно по иному, чем сейчас.

[3] Акты Археографической экспедиции, т. I, № 32, стр. 24.

[4] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1. М. 1914, стр. 264.

происхождении этой статьи, я тем не менее считаю, что объяснение Соболевского и Стратонова грешит неточностью. Прежде всего большие мосты через реки существовали и в других городах XI—XII веков, а не в одном Новгороде. Ипатьевская летопись прямо говорит, что Владимир Мономах в 1115 году построил мост через Днепр.[1] Но самая основная ошибка упомянутых исследователей заключается в том, что они слово „городница" усваивают звеньям лишь больших мостов. Между тем в Новгороде существовал не только „великий мост", но и более мелкие мосты местного значения. Так, Новгородская летопись под 1338 годом упоминает Жилотужский мост. Существовали и другие мосты, о которых собраны сведения в книге Передольского.[2] Кроме того, Устав Ярослава о мостех также упоминает о городских мостах, которыми мостили болотистые улицы Новгорода, и переходы через многочисленные протоки и болота. Без этих мостов новгородские улицы превратились бы в непроходимое болото. Раскопки в Новгороде доказали существование в нем деревянных мостовых. Между тем Урок мостников, несомненно, говорит не о „великом" мосте, а о мелких мостах, мостиках и мостовых. Стоимость замощения моста равна всего 1 ногате. Кроме того, берется по 1 ногате с городницы. Тут же указано, что за исправление 3—5 досок моста также платится ногата. Следовательно, за устройство городниц установлена такая же плата, как за исправление 3—5 досок. Ясно, что речь идет о городницах очень малого размера. Поэтому Урок мостников может быть сопоставлен с Уставом о мостех, который говорит о городских мостах местного значения. Урок мостников устанавливает стоимость городень одного из таких мостов, забота о которых лежала в Новгороде на духовенстве, в первую очередь на епископе. Урок мостников является первой записью такого характера.

ГЛАВА 9

КРАТКАЯ ПРАВДА КАК ПАМЯТНИК НАЧАЛА XII ВЕКА

Подробный разбор составных частей Краткой Правды привел нас к целому ряду выводов. Важнейшим из них прежде всего является признание того факта, что Краткая Правда является памятником не однородным по своему составу, а компилятивным, составленным на основании ряда более ранних источников. Важнейшими из этих источников являются Древнейшая Правда и Правда Ярославичей, дополненные рядом статей. Но указанные источники подверглись соответствующей переделке составителями Краткой Правды. Следы этих переделок, пропусков, дополнений и вставок встречаются с самого начала Краткой Правды. Так, в текст Древнейшей Правды были вставлены слова „аще изъгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь".

Вопрос об изгоях до сих пор принадлежит к числу наиболее темных в нашей историографии, но одно является достоверным — это несомнен-

---

[1] Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 7.

[2] В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898.

ная связь изгойства и церкви. Все памятники, упоминающие об изгоях, являются памятниками церковного происхождения. Церковный устав Всеволода включает изгоев прямо в число церковных людей.[1] Особое отношение новгородского владыки к изгоям отмечается в Уставе Ярослава о мостех, согласно которому епископ заботится о мостовых „сквозѣ городняя ворота съ изгои, съ другыми изгои до Острои городни".

Близость изгоев к новгородскому архиепископу объясняет появление вставки об изгоях в Краткой Правде. Изгои упомянуты рядом со словенами, под которыми составители Краткой Правды могли понимать новгородцев, противополагая их русинам Древнейшей Правды, упомянутым несколько выше. В особой редакции вопрошания Кирикова „словенин" противополагается болгарину, половчину и чудину.[2]

Лицо, сделавшее вставку в Древнейшую Правду об изгое и словенине, повидимому, принадлежало к новгородским церковным кругам. Цель вставки заключалась в том, чтобы русину, под которым редактор Краткой Правды, несомненно, понимал жителя южной или Киевской Руси, противопоставить „словенина" — новгородца. Такое противоположение Новгорода „Руси" (т. е. южной Руси) встречается в новгородских памятниках XII века, например в житии Аркадия Новгородского, относящемся к XII веку и помещенным уже в Прологе XIV века.[3]

Гораздо многочисленнее вставки и переделки, сделанные редактором Краткой Правды в тексте Правды Ярославичей. Такова замена названия „княжь мужь" специфическим новгородским термином — „огнищанин". Такой же новгородский характер, как мы видели, имеют и дополнительные статьи к Правде Ярославичей и также Урок мостников.

Единственным выводом из этих наблюдений является признание Краткой Правды новгородским памятником. Такой вывод подтверждается и самой историей списков Краткой Правды, которые дошли до нас в составе новгородских памятников и имеют на себе следы новгородского говора с его меною „ч" на „ц", „и" на „ѣ", и обратно. Редакторы или составители Краткой Правды принадлежали к церковным кругам. Этим объясняется вставка Покона вирного, повидимому, первоначально предназначенного к употреблению в одной из церковных вотчин. Участие духовенства в составлении текста Краткой Правды нашло свое отражение в довольно густом налете терминов, известных по церковным памятникам, который заметен в Краткой Правде. Таково постоянное употребление слова „аще", рядом с которым Краткая Правда тут же употребляет термины „оже", „или". В Краткой Правде читаем слова „братоучадо", „егда", „единъ" (вместо „одинъ"), „мъзда". Даже известные слова „въ пса мѣсто" напоминают выражение Закона Судного людем „убиеть я обою, яко пса у мерзости".[4] Покон вирный знает, кроме того, слово „говѣние", прямо указывающее на церковную практику.

Общий вывод о месте и среде, в которой появилась Краткая Правда, может быть сведен к следующему: Краткая Правда составлена в Новгороде на основании различных источников, являющихся отражением обычного права XI века. Однако соединение этих источников в один памятник произошло не случайно и не путем механической переписки в одну рукопись, а явилось плодом редакционной работы, которая отразилась и на всем памятнике в целом.

---

[1] Новейшее мнение об изгоях высказано Б. Д. Грековым в его известной книге „Киевская Русь" М.—Л., 1939, стр. 151.

[2] Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. 3. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины, стр. 26.

[3] Издано А. С. Орловым в Чтениях Общества истории и древностей российских, 1899, кн. 3. В житии читаем „Пришедшю же из Руси князю Изяславу" (стр. 16).

[4] Русские достопамятности, ч. 2, 1843 г. стр. 196—198.

Гораздо труднее ответить на вопрос о времени и условиях возникновения Краткой Правды, так как хронологические указания этого памятника скудны и неточны. Краткая Правда едва ли могла возникнуть ранее смерти Всеволода Ярославича, о котором она упоминает в третьем лице, наравне с другими участниками с'езда Ярославичей, т. е. ранее 1093 года. С другой стороны, Краткая Правда, как будет видно далее, была одним из источников Пространной, возникшей не позднее начала XIII века. Некоторый более точный ответ на вопрос о времени возникновения Краткой Правды дает начало Правды Ярославичей, в котором князья перечисляются в таком порядке: „Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ", что не соответствует их действительному старейшинству.

В Пространной редакции Правды старшинство сыновей Святослава показано в соответствии с Повестью Временных Лет по-иному: „Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ". На это различие между Краткой и Пространной редакцией обратил внимание Гетц и упрекнул „русские исследования" в недостаточном внимании к мелким филологическим наблюдениям над текстом Правды. Гетц считает, что текст пространной редакции дает более древнее чтение, чем текст краткой. В доказательство подобного заключения Гетц приводит выдержки из Повести Временных Лет, где Святослав всюду упоминается на втором месте раньше Всеволода.[1] Таким образом, летопись подтверждает выводы Гетца.[2] Однако возникает вопрос о причинах, которые заставили редактора Краткой Правды отказаться от первоначального текста. Ведь совершенно ясно, что в памятнике, изданном от лица трех Ярославичей и при их жизни, имена князей были указаны по их действительному старшинству, так как Всеволод никогда не оспаривал старшинства у Святослава и даже действовал вместе с ним против Изяслава. Но совершенно иное мы видим во втором поколении Ярославичей. Известна борьба Святополка и Владимира Мономаха с потомками Святослава, в первую очередь с знаменитым Олегом. Борьба Мономаховичей с Ольговичами продолжается всю первую половину XII века. Сомнительные права Мономаховичей на Киевский стол всегда оспаривались черниговскими потомками Святослава, неоднократно захватывавшими Киев в XII веке. Единственная причина, по которой Мономаховичи могли считать свои права на Киев обоснованными, заключалась лишь в том, что Святослав владел Киевским княжеством незаконно при жизни старшего брата Изяслава. Отсюда даже в новейшей литературе возникла легенда о бóльших правах Мономаховичей на Киевский стол по сравнению с Ольговичами. Но по памятникам XI—XII века эти права представляются очень спорными. Сам Владимир Мономах в письме к Олегу Святославичу готов признать за ним его отчину. Певец же слова о Полку Игореве прямо говорит об „обиде" Олега „храбра и млада князя". Борьба между потомками Всеволода и Святослава особенно усилилась после смерти Владимира Мономаха в 1125 году. Таким образом, распределение князей по старшинству могло иметь в начале XII века не только исторический, но и политический интерес, что и было отмечено уже Н. А. Максимейко, который, однако, не сделал из этого соответствующих выводов. Поэтому, вопреки мнению Гетца, неправильный порядок старшинства князей в Краткой Правде, вовсе не является

---

[1] Goetz, K. L. Das Russische Recht. Вып. II, стр. 5—6.

[2] И. Стратонов считает неправильное указание старшинства князей признаком того, что Краткая Правда возникла в 1036 г. и на совещании князей еще при жизни Ярослава, когда реальное значение названных (в Краткой Правде) князей было одинаково ничтожным, поэтому можно было написать их имена в любом порядке, тогда как после смерти Ярослава то или другое место, занимаемое Ярославичем в составе княжеской семьи, имело большое политическое значение (И. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды в Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Ун-те, т. XXX, вып. 4, стр. 402—403).

доказательством ее позднейшего происхождения, а является результатом сознательной редакторской работы. Новгородское же происхождение Краткой Правды объясняет нам ее пристрастие к Мономаховичам. До 1117 года в Новгороде сидел Мстислав Владимирович, а после него до 1136 года его сын Всеволод. В этом году он был выгнан новгородцами, и вместо него сел Святослав Ольгович. Ко времени Всеволода удобнее всего отнести и возникновение Краткой Правды. Как известно, с именем Всеволода Мстиславича связан церковный устав Всеволода. Устав дошел до нас только в позднейших копиях и носит явные черты позднейших поправок и добавлений. Но в нем есть прямые указания на время его составления при Всеволоде (ссылка на совещание с 10 сотскими, старостой Болеславом, биричем Мирошкой и старостой Иванским Васятой). В этом уставе находим и известное место об изгоях, которых устав включает в состав церковных людей. В этом же уставе находим и постановление о передаче в церковь десятины, которое обнаруживает сходство с терминологией Покона вирного в Краткой Правде. Устав определяет три вида изгойства, добавляя еще один новый вид изгоев — князей без отчины. Забота об изгоях характерна для церковных кругов XII века, стремившихся поставить их под свою юрисдикцию. В таком смысле я понимаю упрек митрополита Климента, вероятнее всего, направленный против смоленского епископа Мануила, получившего от князя Ростислава вотчины с изгоями: „Да скажу ти: сущих славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селомъ, изгои же, и сября, и бортии“.[1] Поэтому уже в раннем памятнике, носящем название „предсловие покаянию“ и, по мнению А. С. Павлова, принадлежащим по языку и содержанию к глубокой древности, читаем слова в защиту изгоев: „и се пакы горѣе всего емлющимь изгойство на искупающихся от работы: не имуть бо милости...“[2] Устав Всеволода, как это доказал С. В. Юшков, имеет компилятивный характер. Устав составился, по крайней мере, из двух памятников: 1) Устава Всеволода и 2) Устава Владимира.[3]

К этой же эпохе относятся еще несколько новгородских памятников, в той или иной мере связанных с именем князя Всеволода Мстиславича. Таков Устав Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках. Слова этого устава „самодержець Мстиславець, внук Владимиров, властвующе всею Рускою землею и властию новгородскою“ обычно считаются позднейшей вставкой. На самом деле, эти слова могли выражать претензии незадачливого Всеволода на великое княжение в Киевской или Русской земле, где он недолгое время сидел — вначале в Переяславле, а позже в Вышгороде.[4] Не забудем, что Всеволод был старшим сыном Мстислава. Тому же Всеволоду принадлежат три грамоты, данные им Юрьеву монастырю. Одна из них дана Всеволодом совместно с его отцом Мстиславом, который говорит, что он дал грамоту „дрьжа Русьску землю въ свое княжение“. В двух других грамотах Всеволод также называет себя великим князем.[5] Поражает необыкновенная щедрость Всеволода к духовенству, которое впоследствии отплатило этому князю возведением

---

[1] Памятники древней письменности, вып. 90. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, СПб, 1892, стр. 13—14.

[2] Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 842—843, а также Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1912, кн. 3 (С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины), стр. 49—50 и 324—332.

[3] С. В. Юшков в статье „Устав князя Всеволода (Юбилейный сборник на помину академика Дмитрия Ивановича Багалия, у Киев. 1927, стр. 405—424) — рассматривает связь устава Всеволода с церковным уставом Владимира и доказывает, что в одном памятнике слиты: 1) устав Всеволода и 2) устав Владимира.

[4] Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 12—14.

[5] Г. Е. Кочин. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 39—40 и 46—47.

его в ранг святого, что произошло в том же XII веке (торжественное открытие мощей Всеволода праздновалось в 1192 году).

Деятельность Всеволода оставила значительный след в истории Великого Новгорода, хотя и кончилась печально для самого князя. В 1136 году Всеволод был изгнан из Новгорода, причем ему ставилось в вину, помимо других поступков, отсутствие заботы о смердах („не блюдеть смердъ"). Это обвинение может быть сопоставлено с Поконом вирным и другими статьями Краткой Правды, в достаточной мере тяжелыми для населения.

Летопись дает ряд указаний на близость Всеволода к церковным кругам. Князь Святослав Ольгович, сменивший Всеволода на новгородском столе, уже в первый год своего княжения вступил в конфликт с архиепископом Нифонтом. По словам летописи, Святослав женился в Новгороде и был обвенчан своими попами, так как Нифонт запретил новгородскому духовенству венчать князя, „глаголя: не достоить ея пояти". „Милостници", т. е. сторонники Всеволода, в том же году пытались застрелить Святослава. В результате компромисса с новгородским духовенством появился устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года.[1]

В среде духовенства, несомненно, еще до изгнания Всеволода в 1136 году, и возникла краткая редакция Правды. Этим объясняются церковные особенности в языке Правды, смущающие исследователей. Компилятор использовал для своего труда Древнейшую Правду, к которой добавил Правду Ярославичей и Покон вирный, а также краткую запись об уроках мостникам. Все эти памятники были соответственным образом переработаны. В результате получился компилятивный памятник с очень яркой тенденцией в пользу защиты княжеских прав, против которых выступали новгородцы. При составлении новгородского летописного свода 1167 года Краткая Правда была включена в этот свод, так как из других источников было известно о даровании Ярославом какой-то грамоты. Ссылка на Ярослава в конце Краткой Правды („то ти урокъ Ярославль") могла показаться достаточной для того, чтобы весь памятник в целом приписать Ярославу, несмотря на его явные анахронизмы. Можно привести достаточное количество примеров в пользу того, что даже явные анахронизмы в тексте не мешали древнерусским книжникам приписывать сочинения древним авторам. В особенности этим злоупотребляли составители различных слов и поучений, писавшие в заголовках своих произведений имена Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др.

Словарный материал Краткой Правды обнаруживает ее сходство со многими новгородскими памятниками первой половины XII века. Особая близость Всеволода к Юрьеву монастырю позволяет думать, что в составлении Краткой Правды принимали участие монахи этого монастыря, в стенах которого было написано известное „Вопрошание Кириково".

Все сказанное выше позволяет отнести время составления Краткой Правды ко времени князя Всеволода. Краткая Правда должна была явиться сборником гражданских законов Новгорода, подобно тому, как другие грамоты Всеволода определяли права церкви (св. Софии) и купечества.

Такова история Краткой Правды, как она нам представляется. Краткая Правда сохранилась, как мы видели, в составе только двух древних рукописей, но послужила одним из источников для нового памятника — Пространной Правды, к истории которой мы и обратимся.

---

[1] Русские достопамятности, изд. Общества истории и древностей российских, М., т. I, стр. 82—85.

ГЛАВА 10

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА И ЕЕ ИЗВОДЫ

В то время как Краткая Правда сохранилась всего в двух древних текстах, Пространная Правда дошла до нас в многочисленных списках. В настоящее время можно насчитать более 100 списков Пространной Правды. Бросается в глаза, что из этого богатства мы не имеем ни одного списка, написанного в пределах Украины и Белорусии, хотя нормы Русской Правды были безусловно распространены на территории Литовского великого княжества, отразившись на содержании Судебника Казимира 1468 г. и даже литовских статутов XVI века. Какие-то неблагоприятные условия, повидимому, мешали распространению списков Русской Правды на территории Литовского великого княжества и способствовали их переписке в северо-восточной Руси.

При самом беглом изучении этих списков бросается в глаза их разнообразие. Списки Пространной Правды отличаются друг от друга не только отдельными чтениями, но и отсутствием или наличием в них тех или иных статей. Например, списки Карамзинского типа имеют обширные дополнительные статьи о резах (процентах) и вставной Устав Ярослава о мостех. В древнейшем Синодальном Новгородском списке находим иное расположение статей, чем во всех остальных списках Пространной Правды. В нем же отсутствует статья о поклепной вире, имеющаяся в остальных списках и т. д. Исследователи нередко теряются перед большим количеством разночтений, находимых ими в текстах Пространной Правды и требующих того или иного объяснения. Многие из подобных разночтений кажутся простыми описками, зависевшими от небрежной переписки или от домыслов позднейших писцов. Так, А. И. Соболевский готов признать, что вся история Пространной Правды представляет лишь нагромождение одной ошибки на другую. Но происхождение различных изводов Пространной Правды нельзя объяснить столь просто, как это представляется А. И. Соболевскому. Действительно, значительная часть разночтений, обнаруживаемых в описках Пространной Правды, может быть объяснена позднейшими искажениями текста, но даже эти искажения возникли не без некоторой закономерности. Писцы старались осмыслить древний текст и приспособить его к понятиям позднейшего времени. Таким образом, даже простые списки или искажения текста, зависевшие от домыслов позднейших переписчикой, также имеют свой исторический интерес.

Рядом с этим в списках Пространной Правды встречаются явные поправки, внесенные в древний текст. Определенные чтения соответствуют не одному какому-либо единичному списку, а целой группе списков. Это показывает, что данная группа списков происходила от одного общего протографа, уже обладавшего целым рядом особенностей. В некоторых списках Правды перед нами проходит ряд разночтений, объединенных одной общей идеей и обнаруживающих большую редакторскую работу, проделанную неизвестными нам составителями над текстом Пространной Правды. Подобная работа могла производиться только над документом, который не потерял еще своего значения и продолжал жить как юридический и литературный памятник, вызывавший к себе интерес у позднейших переписчиков, а вероятнее всего не только у переписчиков. Таким образом, поздние списки Пространной Правды показывают нам историю этого памятника в XIV—XVII веках.

Определение причин, в силу которых возникали те или иные группы списков Пространной Правды, имеет большое значение для историков. Пока не будут датированы и объяснены отдельные особенности списков

Пространной Правды, до тех пор историк будет стоять перед грудой вариантов, допускающих самые произвольные объяснения. Известно, какая буря ученых споров шла вокруг терминов „своиский“ и „воискии“ конь. Но какой смысл имеют доказательства в пользу „своиского“ коня, если такое чтение встречается только в поздних списках Карамзинского типа, тогда как в древнейщих списках единодушно читается „воискии“ конь.

Каким же образом разобраться в этом обилии необъясненных вариантов. Первым шагом в этой области является правильная классификация списков Пространной Правды. Такая классификация выработана В. П. Любимовым, и настоящая работа в основном следует этой классификации, проверенной и надежно обоснованной работой коллектива под руководством Б. Д. Грекова над академическим изданием Пространной Правды.[1] Но правильная классификация списков Правды является лишь первым шагом в деле изучения разночтений, встречающихся в списках Пространной Правды. Без разрешения вопроса о происхождении различных изводов Пространной Правды, без установления истории текста невозможно установить первоначальность того или иного чтения. Вместе с тем без такой предварительной работы нельзя разрешить и другого важного вопроса, от которого зависит правильное понимание текста самого памятника, вопроса о происхождении Пространной Правды.

Между тем установление времени и причины появления того или иного вида или извода Пространной Правды кажется делом почти невозможным. Списки Пространной Правды не дают каких-либо хронологических дат, на основании которых было бы возможно установить время появления того или иного извода Правды. Некоторые намеки на это мы находим в характере самих разночтений, но подобные намеки сами по себе недостаточно показательны. К счастью, мы имеем путь, который ведет нас к пониманию отдельных разночтений изводов Правды, в общей своей совокупности дающих материал для суждения о времени их возникновения. Этим путем является прежде всего определение состава тех рукописей, в которых дошли до нас списки Русской Правды. Уже Калачов обратил внимание на связь Русской Правды с составом тех рукописей, в которых она до нас дошла. Но из этого факта Калачов не сделал надлежащих выводов. Между тем определенный извод Правды соответствует такому же совершенно определенному составу сборников. Мы наблюдаем некоторое закономерное отношение между составом рукописи и помещенным в ней изводом Русской Правды. Исключений из общего правила мы почти не имеем.

Следовательно, определенные изводы Русской Правды тесно связаны с происхождением тех сборников, в которых они до нас дошли. Отсюда можно сделать совершенно точный вывод: изводы Русской Правды появились одновременно с составлением тех сборников, в которых они сохранились, значит связь между составом этих сборников и Русской Правдой не случайна, а вполне закономерна. Таким образом, мы получаем ключ к суждению о возникновении изводов Пространной Правды, так как состав сборников, в которых они дошли до нас, может быть более легко датирован, чем это позволяют сами тексты Правды. Поэтому в своем исследовании о Пространной Правде я буду опираться не только на текст изводов этого памятника, но и на состав рукописей, заключающих Правду.

Пространная Правда, как это указывалось выше, является памятником наименее изученным. Поэтому в своем исследовании мне придется итти несколько необычным путем и разобрать вначале вопрос о происхожде-

[1] В. П. Любимов. Списки Правды Русской (Правда Русская, I, тексты под ред. Б. Д. Грекова, М. — Л., 1940, стр. 11—54.

нии отдельных изводов Пространной Правды, а далее уже перейти к истории возникновения самого памятника. Без такой предварительной работы невозможно говорить о памятнике, различные списки которого заполнены множеством разночтений. Предвосхищая несколько результаты дальнейшего исследования, следует сказать, что списки Пространной Правды делятся на две большие ветви. К первой относятся списки Правды, помещенные в Кормчих и Мерилах Праведных, ко второй — списки, находящиеся в составе особого юридического сборника, впоследствии включенного в летопись. В своем исследовании я начну с первой ветви, давая в скобках шифры, под которыми списки Пространной Правды отмечаются в академическом издании.

ГЛАВА 11

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В СИНОДАЛЬНОЙ НОВГОРОДСКОЙ КОРМЧЕЙ

Изучение изводов Пространной Правды правильнее всего начать с двух древнейших списков: Синодального и Троицкого. Синодальный помещен в Новгородской Синодальной Кормчей, хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве (Син. № 132). Этот список давно уже известен в исторической литературе как древнейший список Русской Правды. Текст Русской Правды по этому списку (по старой нумерации № 82) был издан Калайдовичем в 1-й части Русских достопамятностей, издаваемых Московским обществом истории и древностей Российских.

Кратко Синодальный опис был описан в исследовании Н. В. Калачова,[1] который, однако, не привел сведений о составе Кормчей, заметив только, что „Русская Правда" составляет статью девятую (из статей русского происхождения) под названием „Суд Ярославль Володимирица". Замечание Калачова о статье „девятой" может ввести в заблуждение, так как русские статьи не выделены в Синодальной Кормчей из общего текста, следовательно, статьей девятой Русская Правда является только в условном обозначении Калачова.

Более подробно о Синодальном списке писал И. И. Срезневский, который дал полное постатейное описание Синодальной Кормчей.[2]

В 1930 году Русская Правда по Синодальному списку была издана Е. Ф. Карским[3] с приложением фотомеханических снимков с рукописи.

Синодальная Кормчая написана в 1° (у И. И. Срезневского в большую четверку) в 2 столбца на 631 лл. пергамента. По описанию И. И. Срезневского: „Первые 346 лл. составляют 31 тетрадь, из которых каждая помечена внизу первой и последней страницы у корешка. Следующие затем листы 347—462 составляют 27 тетрадей, также помеченных с 1.

[1] Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. I—II, СПб. 1880, 2-е изд., стр. 94—95.

[2] И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, стр. 85—112.

[3] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л. 1930, изд-во Акад. Наук.

Остальные листы 463—631 составляют 22 тетради, меченные снизу не у корешка, также начиная с первой. В каждой из этих трех частей есть несколько разных почерков, повторяющихся в каждой из частей и во всех трех почти без исключения".

О времени написания книги говорится в начале книги на первом листе и почерком рукописи. Эта запись прочтена Срезневским так: „В лѣто ѕ҃ѱ҃ написана быша гнигы сия повѣлениемь благовѣрнаго князя Новъгородьскаго Дмитрия, а стяжаниемь боголюбиваго архиепископа Новгородьскаго Климента и положены быша в церкви святыя Софии на почитание священникомъ и на послоушание крестьяномъ и собѣ на спасение души; ачи кто възмѣть я исъ церкви, а рекъ тако: се мнѣ достоить взяти мое, попинъ ли, или епископъ, или кънязь, или игоуменъ, или дияконъ, или причетникъ"...

Калайдович, кроме того, смог еще прочитать продолжение записи на той же странице во втором столбце, которое в настоящее время прочитать нельзя: „или инъ которыи мирьскыи... не боуди ему наше благословление... на пагоубу души, и да боудеть проклятъ святыми семью сборовъ вселенскыхъ иже въ Ефесѣ и въ Халкидонѣ и въ Костянтинополи на Аригена ...ра..."

Следы выскабливания, как указал Калайдович и Срезневский, после цифры ясно заметны в рукописи. По указанию Калайдовича и Срезневского, после цифры ѱ҃ (700) была видна полустертая черта, которую Калайдович предположительно считал за цифру ч҃ (90).

На обороте передней корки переплета, к которому приклеен лист пергамента, имеется запись полууставом XVI века, сделанная рукою митрополита Макария: „Правило Софеиския старыя, дал их князь великии Василѣи Иванович всѣ [а] Руси архиепископу Макарью, какъ его с Москвы в Новград отпустил, а велѣлъ их князь великии в Софѣи положити по старинѣ в лѣта з҃м҃ [7040—1532]". По средине этого же листа пергамента написано почерком XIV (?) века: „манoccанунъ влци" (т. е. владыци). На обороте последнего 631 листа чернилами сделаны наброски чудовищных зверей и пробы пером.

На обороте 1-го листа следует оглавление Кормчей под красной заставкой звериного орнамента после слов: „Книгы глаголемыя Кърмичия, рекъше правило законоу, грецькымь языкомь Номокан [онъ]". Оглавление Кормчей не совпадает с ее составом, так как охватывает только статьи, помещенные до л. 546 включительно. Последней статьей по оглавлению должны являться „Правила митрополита Кюрила роускаго". Однако никакого различия в почерке между этой статьей и следующими за ней не имеется.

Запись рукописи, если даже отвергать, что после ѱ҃ было ч҃ и следовательно было написано ѕ҃ѱ҃ч҃ [6790]—1282 год, все-таки указывает на определенное время. Климент был новгородским архиепископом с 1276 по 1299 год. Под новгородским князем Дмитрием можно понимать только великого князя Дмитрия Александровича, который сидел в Новгороде в 1277—1280 и в 1284—1292 годах. В 1294 году Дмитрий Александрович уже умер.

В 1282 году новгородцы были в ссоре с Дмитрием и вели с ним войну. Поэтому надо предполагать, что Кормчая была написана не в 1282 году, а несколько раньше или позднее, вернее же всего в период между 1277—1280 или 1282—1292 годами.

Для суждения о происхождении списка Русской Правды, находящегося в Синодальной Кормчей, особенно важно выяснить ее состав. И. И. Срезневский называет Синодальную Новгородскую Кормчую — сводной. Сравнивая известную Рязанскую Кормчую с Синодальной

Срезневский находит, что Синодальная Кормчая зависела от Рязанской, так как „расположение статей в этой (Синодальной Кормчей) своею неправильностью сравнительно с Кормчей 2-го разряда указывает неопровержимо, что Кормчая 2-го разряда была главным источником при ее составлении, а русские статьи доказывают, что она в том виде, как теперь известна, была обделана на русской почве“.[1] Зависимость Синодальной Кормчей от Рязанской особенно заметна по статье „Отъ различныхъ тителъ, рекше грании Оустиньяна цесаря новых заповѣдии главы“, где в Синодальной Кормчей поставлено число 47. Срезневский по этому поводу замечает, что цифра 47 в Синодальной Кормчей непонятна, а в Рязанской обозначает главу 47-ю.

Признание зависимости Синодальной Кормчей от Рязанской имеет большое значение для разрешения вопроса о появлении в этой Кормчей списка Русской Правды, но не решает вопроса об его происхождении, так как в Рязанской Кормчей текста Русской Правды не имеется. Но для суждения о происхождении Синодального списка Правды у нас имеются другие данные, извлекаемые из состава самой Синодальной Кормчей.

Одной из особенностей Синодальной Кормчей является несоответствие между ее содержанием и оглавлением статей, помещенным в начале. Это может быть объяснено только тем обстоятельством, что первая часть Синодальной Кормчей была списана с законченной рукописи, имевшей оглавление статей и послужившей одним из источников Синодальной. В конце этой рукописи (судя по оглавлению) находились следующие русские статьи: 1) Правило Ильи архиепископа Новгородского с Белогородским епископом, 2) Правило Иоанна митрополита русского; 3) Вопрошание Кириково, 4) Правило митрополита русского Кирилла. Вопрошание Кирика и правило Ильи ведут нас к новгородским пределам и второй половине XII века. К более позднему времени относится правило митрополита Кирилла 1274 года, в составлении которого принимал участие новгородский архиепископ Далмат. Таким образом, одним из источников Синодальной Кормчей была рукопись, написанная не раньше 1274 года, и притом, по всей видимости, в новгородских пределах. Повидимому, продолжение синодальной Кормчей было заимствовано из каких-то других источников.[2] Для определения происхождения этих заимствований очень важным пособием являются опять-таки русские статьи. В продолжении Синодальной Кормчей мы находим: 1) Летописец Никифора патриарха (л. 567 об.), 2) Сказание о черноризческом чине Кирилла Туровского, 3) Русскую Правду (л. 615 об.), 4) церковный устав Владимира (л. 628), 5) устав князя Святослава Новгородского. Две последние статьи по указанию Срезневского написаны на особой тетради и другим более поздним почерком XIV века. Следовательно, они не входили в состав первоначальной Кормчей.

Таким образом, в продолжении Синодальной Кормчей мы имеем три русских статьи. Сказание Кирилла Туровского указывает только на русский характер этой статьи и на возникновение ее во второй поло-

---

[1] И. И. **Срезневский**. Обозрение, стр. 12.

[2] В том, что в основу Синодального списка положена была Кормчая особого состава, убеждает Кормчая Щукинского собрания (№ 495) Государственного Исторического Музея, написанная в лист, на 475 листах, южнорусским полууставом XVI века. По указанию рукописного описания Щукинского собрания в письме этой Кормчей „явны следы юго-славянского оригинала“ (смены юсов, преобладание „ь“ над „ъ“). Кормчая по составу подходит к Новгородской Синодальней Кормчей, но с особым счетом глав (95 вместо 70 в Новгородской). В Щукинской Кормчей имеются добавочные статьи против Новгородской и в то же время отсутствует „Вопрошание Кириково“, а также все последующие за ней статьи Новгородской Кормчей. Среди же лишних статей находится глава 56 — „Иоанна митрополита Русского о опрѣснокахъ“.

вине XII века. Более датирующие указания дает Летописец Никифора, начинающийся словами: „Никифора патриарха Цaряграда лѣтописѣць въскорѣ". После рассказа о библейских, римских и византийских событиях в этом летописце с известия 6370 [862] года о призвании варягов приводятся уже русские события на ряду со счетом византийских царей. Последним из греческих царей указан „Иван Порфирогенит", после чего следуют только русские события. Изложение русских событий обнаруживает в их авторе жителя Суздальской, точнее Ростовской земли. Так, в заметках упоминается о Васильке, сидевшем в Ростове, после чего говорится: „По съмѣрти Олькcандровѣ братъ его Ярославъ лѣт 10, и оумре; Василии братъ его лѣт 4, и оумре; в 1-е лѣто княжения его 2-е число бысть. От Адама 6781 [1273] лѣто сѣде въ Володимѣри Ярославъ братъ Юрьевъ лѣт 9, а Ростовѣ сѣде княгыни Василькова съ сынома Борисомь и Глѣбомь". Заметки оканчиваются словами: „И нача вѣдати великое княжение Дмитрии Олькcандровичь, Борись Ростовьскыи княжи лѣт 40 и оумре въ татарехъ и сѣдоста въ Ростовѣ сына его Дьмитрии и Костяньтинъ, а Глѣбъ, приехавъ ис татаръ, княживъ 7 мѣсяць и оумре". Глеб Ростовский умер в июне или в июле 1278 года.[1] Таким образом, заметки были написаны не раньше этого времени. Характерно отметить полное игнорирование даже важнейших новгородских известий, проявленное авторами заметок.

Внесение этих заметок в состав Синодальной Кормчей может быть объяснено тем обстоятельством, что составители Синодальной Кормчей нашли их в одном из своих источников, причем этот источник был владимиро-суздальского и, вероятно, даже ростовского происхождения. Заметки не могли быть написаны слишком поздно, так как автор их еще ничего не знает о соперниках Дмитрия Александровича на великое княжение и борьбе с ним его брата Андрея (с 1281 г.), в которой принимал участие Дмитрий Борисович Ростовский, а также о войне между Дмитрием и Константином Ростовскими, происшедшей уже в 1281 году.[2]

Летописец Никифора дает важные датирующие указания на время написания и условия происхождения Синодальной Кормчей, которая не могла быть написана раньше 1278 года, смерти Глеба Ростовского. Едва ли она была написана и спустя долгое время после 1281 года, когда против великого князя Дмитрия Александровича, по повелению которого написана была Кормчая, выступил его брат Андрей. Наиболее вероятным временем написания Синодальной Кормчей надо считать 1280 год. По указанию Никоновской летописи, новгородский архиепископ Климент в 1280 году „прииде к Кирилу, митрополиту Киевскому и всеа Русии, и благословися у него, тоже иде к великому князю Дмитрию Александровичу внуку Ярославлю о мирѣ и любви от Новгородцев".[3] Эту поездку Климента в Суздальскую землю можно считать тесно связанной со словами записи о написании Кормчей „повелѣниемь" князя Дмитрия. Поэтому с большим вероятием можно думать, что Кормчая была написана не в 1282, а в 1280 году, тем более, что после буквы ѱ҃ в ней достаточно места не для одной, а для двух цифр (например могло быть ѕ҃ѱ҃п҃п҃). Все сказанное, однако, решает вопрос только о происхождении Синодальной Кормчей, а не списка Русской Правды, внесенного в него. Для решения этого вопроса необходимо привлечь материал Чудовской Кормчей, сходной по составу с Синодальной, но не имеющей текста Правды.

[1] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II, стр. 24.

[2] Там же, т. II, стр. 24.

[3] Полное собрание русских летописей, т. X, стр. 158.

Чудовская (Варсонофьевская) Кормчая № 4, написана в 1°, в два столбца, на пергаменте, красивым полууставом конца XIV века. Чудовская Кормчая, совпадая с Синодальной по составу, имеет тем не менее ряд отличий. Так, в ней нет текста вопрошания Кирикова (в Син. на л. 518), двух небольших статей (в Син. на л. 563 и 564), а также отсутствуют следующие статьи Синодальной Кормчей: 1) речь жидовьского языка переложена на Русскую, 2) Правда Русская (л. 615 об.) и две последние статьи — церковный устав Владимира и устав Святослава. В конце Чудовской Кормчей помещено несколько дополнительных статей, не имеющихся в Синодальной. В тексте также добавлены: на л. 134 об. выписка из Постникова Номоканона, а на л. 189 — статья под названием „Поученье к попомъ святаго великого Василья".

Возникает вопрос, отчего зависели эти различия между Синодальной и Чудовской Кормчей. В этом отношении показательна дополнительная статья Чудовской Кормчей — Поученье к попом (на л. 189). Несмотря на имя Василия Великого в ее заголовке, мы имеем в этой статье известное поучение к попам, приписываемое митрополиту Кириллу,[1] после которого следует (на л. 190 об.) без заглавия — поучение епископа сыну великого князя Александра".[2] Датировка этого послания очень сложна. Макарий относит ее к концу XIII века (после 1292 года). Но, если датировка этого памятника неясна, то происхождение его определяется довольно точно — Владимирско-Суздальской землей. После этого послания помещено слово епископа, начинающееся словами: „А се пишю ти другое слово", в котором говорится о церковных судах.

Таким образом, Чудовская Кормчая имеет дополнительные статьи владимиро-суздальского происхождения. Этот владимиро-суздальский характер объясняет отсутствие в Чудовской Кормчей Вопрошания Кирикова, хотя этот памятник указан в Чудовской в оглавлении к Кормчей. Вопрошание Кириково, как памятник новгородский, не было включено в состав Чудовской Кормчей.

Наиболее важным представляется вопрос об окончании Синодальной и Чудовской Кормчих. Статьи в конце Чудовской Кормчей (на л. л. 322—328), отсутствующие в Синодальной, могут быть признаны позднейшими добавлениями. Но в конце Синодальной Кормчей в свою очередь помещены статьи, отсутствующие в Чудовской, а последняя статья Синодальной Кормчей — устав Владимира — имеет различный текст в обоих памятниках. Это различие между Синодальной и Чудовской Кормчей, как мне кажется, указывает на то, что в общем протографе Синодальной и Чудовской Кормчих этих лишних как в том, так и в другом памятнике, статей не было, а они были приписаны позже, причем текст оканчивался уставом Владимира.[3] Текст этого устава в Чудовской носит характер более древний и заменен более полным в Синодальной. Поэтому можно думать, что в общем источнике Синодальной и Чудовской Кормчих, не имелось списка Русской Правды, взятого, таким образом, из какого-то другого источника.

Срезневский, как было указано выше, доказал, что одним из источников Синодальной Кормчей была Рязанская Кормчая, вернее ее прото-

[1] Митрополит Макарий. История русской церкви, т. V, стр. 388—389 и 391—392.

[2] В Чудовском списке (Государственный Исторический музей, Чудовское собр. № 4) оно оканчивается словами: „а нынѣ, сыну князь, а[з] отець твои епископ володимерьскыи, поминаю ти, сыну своему о церкви божии, а сам, сыну, вѣдаешь, аже церкви та ограблена и домы ея пусты" (л. 190 об.).

[3] На происхождение Чудовской Варсонофьевской Кормчей от общего протографа с Кормчей 1276 г. указывает С. В. Юшков (Исследования по истории русского права, Вып. 1, стр. 41—43).

граф, полученный митрополитом Кириллом из Болгарии. Ягич, изучавший язык Рязанской Кормчей, пишет следующее: „В Рязанской Кормчей (1284 года) нет единства языка. Это понятно. Несколькими годами раньше только что был получен митрополитом Кириллом II первый экземпляр этой редакции Кормчей с юга из Болгарии... Но и сербизмы попадаются в рязанском списке, для южнославянских памятников второй половины XIII века это не удивительно... Наконец вышеприводимые примеры форм южнорусских не допускают ни малейшего сомнения в том, что из Киева в Рязань был доставлен не подлинный южнославянский, болгаро-сербский экземпляр, а один из списков, сделанных с него в Киеве... Замечательное свидетельство южнорусского говора заключается в триичи, как известно до сих пор по малорусски говорится трейчи, а в Киевской губернии даже тричи“.[1] Но в Рязанской Кормчей отсутствует текст Русской Правды. Следовательно, текст Правды не был внесен в состав Кормчей в Киеве, как не был он внесен, согласно показанию Чудовской Кормчей и во Владимиро-Суздальской земле. Поэтому можно предполагать, что Русская Правда попала в состав Кормчей при ее составлении на севере Руси, в Новгороде, а не была принесена из Киева. Карский отмечает в языке Синодального списка Правды яркие новгородские особенности и думает, что этот список был переписан уроженцем северной Новгородской Руси.[2] Он указывает, что орфография Синодального списка еще сохраняет употребление „ъ“ и „ь“ „в тех местах в середине слов, где они стоят, в самых древних русских и старославянских памятниках“. Но рядом с этим Карский отмечает, что в языке Правды „сильные „ъ“ и „ь“ уже начали заменяться посредством „о“ и „е“, а слабые исчезать.»[3] Это указывает на определенное переходное время.

Синодальный список, подобно многим другим, отличается некоторой неисправностью текста, зависевшей как от невнимательности писца, так и от недостатков оригинала, с которого был списан текст. Но общее количество таких описок и пропусков киноварных букв относительно невелико, во всяком случае не больше, чем в остальных статьях Кормчей. Писец в некоторых местах поправлял текст, повидимому на основании каких-то дополнительных материалов. Так, к заголовку „оже боудоуть холопи татье“ добавлено „Соуд княж“. К заголовку „о задници боярьстѣи и о дружиннѣ“ сделан значок вставки и внизу несколько иным почерком написано „а сѣ о заднѣцѣ“. Такая же вставка сделана к заголовку „о задници“, на нижнем поле написано „о холопъихь дѣтеи“. Упомянутые вставки были сделаны несколько иным почерком, чем основной, и внесены уже после переписки рукописи, следовательно заимствованы из особого источника, который нам в достоверности пока полностью неизвестен.

Как известно, важнейшей отличительной особенностью Синодального списка Пространной Правды является расположение материала во второй половине памятника. Уже Тобин указывал, что несходство Синодального списка с другими списками Русской Правды произошло от неверной сшивки отдельных листов Кормчей. Замечание Тобина вызвало возражения Н. В. Калачова, который считал мнение Тобина о причинах отличия Синодального списка от других „особенно важным“ промахом. Калачов замечает по этому поводу: „зачем автор (т. е. Тобин) не хотел покороче познакомиться с нашими памятниками древности в их под-

---

[1] И. В. Ягич. Четыре историко-палеографических статьи, СПб. 1884, стр. 100, примечание.

[2] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 21.

[3] Там же, стр. 14—15.

линниках, к которым доступ теперь уже не так труден, особенно в Петербурге; а если он не имел случая, то как решился так самонадеянно толковать о подлинных рукописях, которых никогда не видел. Вот, по крайней мере урок для будущих объяснителей Русской Правды и памятников древности вообще".[1]

Это замечание Калачова, к сожалению, заставило исследователей отказаться от попытки наиболее простого объяснения различий в расположении Синодального списка по сравнению с остальными. Поэтому В. Сергеевич[2] выставил искусственное объяснение, что переписчик „перепутал последовательность статей". Это позволило Е. Ф. Карскому высказать положение: „настоящий вид Русской Правды в Новгородской Кормчей 1282 года — рукописи древнейшей — указывает, как при Владимире Мономахе и после него постепенно нарастали статьи в этом памятнике".

Карский рассматривает текст Троицкого списка как уже более или менее кодифицированный памятник XIV века, списанный с оригинала, послужившего для всех дальнейших изводов.[3]

Однако вопрос решается не так, как думал Карский. В самом деле, на ряду с Троицким списком существует еще Пушкинский список XIV века, текст которого возник независимо от Синодального и Троицкого списков, и в отдельных местах их дополняет. Между тем расположение Пушкинского списка соответствует Троицкому, а не Синодальному. Следовательно, в первоначальном протографе Пространной Правды расположение текста соответствовало Троицкому и Пушкинскому спискам.

У нас нет никаких данных, говорящих за то, что листы в Синодальном списке были перепутаны. Но такое предположение может быть сделано об оригинале, с которого делался Синодальный список, внесенный в Новгородскую Кормчую 1280 года. Синодальный список, как уже было указано, написан в два столбца, имея по 25 строк в столбце. Никаких перерывов в тексте Русской Правды не имеется. Однако отличия в расположении статей Синодального списка от других списков, в первую же очередь от Троицкого, связаны с определенной последовательностью статей. Синодальный список местами сохраняет полное сходство с Троицким списком, местами в нем статьи расположены в другом порядке, но целыми комплексами статей, внутри которых сохраняется сходство с расположением статей в других списках. В Синодальном списке можно насчитать 8 комплексов статей, расположенных в таком порядке: 1) статья о закупе („Оже закоупъ бѣжить"), занимающая в тексте 12 строк или 1/2 столбца; 2) статьи о послушестве, о бороде, о зубе, о борти, о накладах, занимающие 65 строк или 2 1/2 столбца; 3) статьи о жене, о заднице („аже оумреть смердъ"), о заднице боярстей, в 59 строк или в 2 1/2 столбца; 4) статьи о жене („оже въручеться сѣдѣти"), о судебных уроках, о заднице, об уроках ротных в 76 строк или 3 столбца; 5) статьи о купце и о долге в 54 строки или 2 столбца; 6) статьи о закупах, о холопе („аже холопъ оударить") — 74 строки или 3 столбца; 7) статьи о борти, о смерде, о перевесех, о гумне — 125 строк или 5 столбцов; 8) статьи об уроках городнику, об уроках мостнику, о задници („аже боудоуть робье дѣти") — 70 строк или 3 столбца. Конец же Синодального списка не отличается от других списков по расположению матерьяла и таким образом имеет с ними полное сходство.

---

[1] Калачов. Предварительные юридические сведения для полн. объяснения Русской Правды, стр. 66.

[2] В. Сергеевич. Лекции и исследования, стр. 64.

[3] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнему списку, стр. 8—9.

Наблюдая размеры комплексов этих статей, мы найдем в их объеме закономерность, которая будет ясна из следующей таблицы:

1 комплекс	12 строк	1/2 столбца
2 „	64 „	2 1/2	„
3 „	59 „	2 1/2	„
4 комплекс	76 строк	3 столбца
5 „	54 „	2	„
6 „	104 „	4	„
7 „	125 „	4	„
8 „	70 „	3	„

Как мы видим, каждый такой комплекс текста Синодального списка, соответствующий Троицкому, укладывается в число, очень близкое, а иногда прямо совпадающее с количеством строк (25 строк) в столбце Синодальной Кормчей. Из восьми указанных комплексов текста это можно определенно сказать о шести. В первом же и втором случае количество строк, взятое вместе, равняется также цельным трем столбцам. Приведенные цифры нельзя объяснить простым совпадением. Поэтому следует думать, что они объясняются особенностью того оригинала, с которого списывался текст Русской Правды в Синодальном списке. В этом оригинале каждая страница текста примерно соответствовала одному столбцу Синодального списка, вероятно иногда начинаясь заглавием новой статьи. Листы же этого оригинала были в середине перепутаны, и в таком виде с них был сделан список, причем редактор устанавливал порядок листов по своему разумению. В тех же случаях, когда порядок статей установить было трудно, они были расставлены предположительно.

Таким образом, можно предполагать, что отличие в расположении текста Синодального списка от других списков Русской Правды зависело не от большой древности его редакции, а от позднейшей редакционной работы. Не лишне отметить и еще один факт, который будет объяснен далее — это отсутствие списков, следующих расположению текста Синодальной Кормчей. Это обстоятельство кажется особенно странным, если принять во внимание официальное происхождение Синодальной Кормчей, принадлежавшей Софийскому Дому в Новгороде.

ГЛАВА 12

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В СОСТАВЕ МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО

Троицкий список XIV века сохранился в рукописи, принадлежавшей ранее Троицкому Сергиеву монастырю и хранящейся в настоящее время в Ленинской Публичной библиотеке в Москве (Троицкое собрание № 15). Рукопись размером в 4°, написана на 348 листах пергамента. Начала и конца рукописи не сохранилось. По листам второй части рукописи (с л. 70) идет счет тетрадей (по 8 листов), причем последний 348-й лист начинает 45 тетрадь. Рукопись написана красивым и четким полууставом XIV века. М. Н. Сперанский относит его ко второй половине, Арсений и Калачов к концу того же века.

По своему содержанию рукопись представляет собой Мерило Праведное. В начале рукописи (на л. 1 об.) находится миниатюра в красках, изображающая вседержителя как праведного судью. Эта миниатюра сильно пострадала от времени, но исполнена хорошим художником. Никаких записей о времени, происхождении и позднейшей судьбе не имеется. Впрочем в тексте списка находится ряд поправок, сделанных бледными чернилами. В. П. Любимов считает, что эти поправки возникли „не старше XVIII века“.[1] Однако это мнение требует значительной проверки. Характер приписок не противоречит и более раннему времени, может быть XVI веку. Во всяком случае в XVIII веке поправки к тексту производились другими чернилами и другим почерком.

Текст Русской Правды в Троицком списке находит аналогию еще в 4 списках, помещенных в Мериле Праведном XV—XVI веков. Все списки подобного характера относятся к одному „Троицкому“ изводу. К их числу принадлежат:

1. Рукопись Ленинской библиотеки в Москве (собрание Моск. Духовной Академии, № 187) в 4°, написанная на 336 лл. полууставом конца XV века (*МА*). Писцом рукописи был известный дьяк конца XV века Иван Волк Курицын. Позже она принадлежала митрополиту Иоасафу, от которого, повидимому, поступила в книгохранительницу Троицкого монастыря. По крайней мере, в 1609 году рукопись уже принадлежала монастырю, как об этом говорит запись на 2-м ненумерованном листе.

2. Рукопись Государственного Исторического музея в Москве (Синодальное собрание № 525) в 4°, написанная на 359 листах полууставным почерком конца XV века (*СII*). Бумага рукописи указывает на 1470—1480 годы. В XVI веке рукопись принадлежала митрополичьей библиотеке. На обороте передней корки переплета рукою митрополита Макария (+ в 1563 г.) написано „книга Мерила Праведьная“.

3. Рукопись того же собрания (Синодальное № 524) в 4°, написанная на 434 л.л. одним полууставным почерком в 1587 г. (*СIII*). В длинном послесловии (на л. 429) писец Стефан говорит, что рукопись написана по повелению митрополита Дионисия, и выражает страх, что он „гдѣ любо в сеи книзе в возрѣнии продерзноух, прописах ли приписах или не дописах в забвении статиею и в нерадѣнии запятою; или в невѣдѣнии силою, и въ всякомъ премѣненнемъ словеси“. Писец, действительно, произвольно и неправильно делил слова и во многом прописал и не дописал, как говорит сам о своей работе. Из записи по листам выясняется, что рукопись позже принадлежала Киприану Старорушенину, архимандриту Хутынского монастыря (в 1612—1620 г.), а впоследствии новгородскому митрополиту. Вероятно, по смерти Киприана она осталась в казне Софийского дома, а позже попала в руки патриарха Никона, вкладная которого 1661 года в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь также написана по листам этой рукописи.

4. Рукопись Ленинградской Публичной библиотеки (собрание Кирилло-Белозерского монастыря № 145/1222) в 4° написана на 340 лл. мелкой скорописью XVI века и заключает в себе Диоптру и Мерило Праведное (*КБIII*).[2]

Из перечисленных выше рукописей Мерила Праведного имеют вполне сходный состав только Троицкая, Синодальная II (№ 525), Синодальная III (№ 524) и Кирилло-Белозерская III. Московская Академическая

[1] В. П. Любимов. Палеографические наблюдения над Троицким списком русской Правды (Доклады Академии Наук СССР, 1929, № 6). То же мнение (несмотря на возможность другой датировки) повторено В. П. Любимовым уже категорически в академическом издании Правды — „все эти приписки с наибольшей вероятностью следует отнести к концу XVIII — началу XIX века“ (стр. 91).

[2] Правда Русская. Изд. Акад. Наук СССР. 1938, стр. 89—103.

(*МА*) рукопись имеет сходство по своему составу с Троицкой только в первой части. Однако тексты Русской Правды во всех этих рукописях однородны и, повидимому, восходят к одному общему источнику. Троицкий список свидетельствует нам, что этот основной источник не мог быть моложе второй половины XIV века, но этим вопрос еще не решается, так как возникает вопрос о времени появления самих Мерил Праведных.

Вопросом о происхождении Мерила Праведного занимались неоднократно, но к сожалению несколько односторонне. С наибольшей полнотой говорит о Мериле Праведном Н. В. Калачов. Калачов указывает: 1) „что под именем Мерила Праведного известны юридические сборники, составленные преимущественно в руководство для суда и имевшие, следовательно, практическое значение; 2) что это название они получили от заглавия, которое указывает на праведный суд; 3) что общее введение, помещенное между заглавием и самим сборником, состоящее из обращения к князю и извлечений из разных мест ветхого завета, деяний, соборов, сочинений отцов церкви и пр., которые включены в них с целью увещания и назидания судьям. „Введение это могло быть самостоятельным сочинением; но впоследствии, будучи включено в книги Мерила Праведного, и само в отдельности стало называться также Мерилом Праведным".[1] Дав общую характеристику Мерила Праведного, Калачов, однако, обошел вопрос о времени и месте его происхождения.

На этот вопрос ответил М. Н. Сперанский, изучавший связь Мерила Праведного с Пчелой. Сперанский указывает, что в Мериле Праведном „статей, которые бы относились ко времени более позднему, даже последней четверти XIII столетия (не принимая в расчет „наказания" Семена Тверского) мы не находим. Это заставляет нас полагать, что и самый сборник Мерила сложился не позднее XIII века, второй его половины".[2] О времени появления Мерила Праведного говорили и другие авторы, опираясь, главным образом, на имя князя, помещенное в первой статье нашего памятника. Однако эти попытки сами по себе не очень доказательны, так как имена князей, которым посвящалось Мерило, по-разному указаны в различных рукописях. Следовательно, они могут служить лишь косвенным указанием на время происхождения памятника. Поэтому для определения происхождения Мерила Праведного нам будет необходимо прежде всего обратиться к его составу.

Во всех пяти известных нам полных списках Мерила Праведного, памятник разделен на две части с различной нумерацией глав. Однако по своему составу наши списки резко разделяются на два вида. К первому принадлежит Троицкий список, Синодальный II, Синодальный III и Кирилло-Белозерский III, ко второму Московский Академический. Остановимся вначале на первом виде списков. В Троицком и в других перечисленных списках первого вида текст начинается словами: „Сия книги Мѣрило Праведное, извѣсъ истиньныи, свѣтъ оумоу, око слову, зерцяло свѣсти, тмѣ свѣтило, слѣпотѣ вожь, припутенъ умъ, скровенъ разумъ, прикрутъ помыслъ, пастырь стаду, кораблю кормьникъ, волкомъ ловець, татемъ песъ, воронамъ соколъ, нетопыремъ солнце, оку квасъ, червемъ соль. Чинъ изященъ, всякомоу начинаемому словеси, ищи от бога начати и въ бозѣ кончати; добро бо от бога к божию слузѣ начати великому князю"...

В древнейшем Троицком списке имя князя в этом посвещении выскоблено. Оно занимало конец строки и всю следующую строку. Эта подчистка была произведена еще до написания нумерации рукописи, сделанной в XVIII веке. Имя князя отсутствует также в Московском Академи-

[1] Н. В. Калачов. Мерило Праведное (в Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России, книжка 1, СПб, 1876, Отделение III, стр. 29—42).

[2] М. Н. Сперанский. Переводные сборники в славянско-русской письменности, изд. Общества истории и древностей российских, М. 1904.

ческом и в Синодальном III, но имеется в Синодальном II, где говорится „къ божию слузѣ начати великомоу князю Ярослову Святославичю". В рукописи, которую Розенкампф видел у одного старообрядца, князь назван Дмитрием.

После посвящения во всех списках следует длинное предисловие, начинающееся словами „Богъ есть надъ всѣми вѣки и преже бытья всея твари и преже свѣта разумнаго".[1] В этой вводной статье какое-то высшее духовное лицо, повидимому митрополит, обращается к великому князю с увещанием о праведном суде. Таким образом, предисловие к Мерилу Праведному теснейшим образом связано с заглавием самого памятника и обращением к великому князю. Однако в тексте вводной статьи говорится просто о благочестивом князе без титула „великий" (тебе мудраго нашего кормьчию бл[а]гочестиваго князя). Характерно, что в Троицком списке имя князя в этом месте также выскоблено, в трех других рукописях указаны различные княжеские имена. Это показывает, что посвящения к князьям менялись в зависимости от места и времени переписки рукописи, причем имя князя в заглавии к Мерилу Праведному и в тексте вводной статьи не совпадает.

После введения следует ряд статей, заимствованных из библии, Пчелы, а также отдельные „слова" (отъ Исхода, Пророка Исайи, о судьях и властелях и т. д.). В числе других статей имеется выписка из Русского летописца,[2] а также „Семена, епископа Тфѣрьскаго, наказание" о князьях, ставящих неправедных тиунов. Следует отметить, что все эти статьи имеют не юридический, а учительный характер.

В Троицком списке, а также в Синодальном II, Синодальном III, Кирилло Белозерском III, после этого следует новое оглавление ко второй части рукописи, разделенной на 30 глав с добавлениями к ним. Эта часть Мерила Праведного названа С. В. Юшковым сборником в 30 глав.[3]

Вторая часть Мерила Праведного по своему содержанию резко отличается от первой, заключая в себе в основном памятники юридического характера, в том числе церковный устав Владимира и Русскую Правду. В конце второй части Мерила Праведного добавлено несколько статей без обозначения глав. Этими статьями заканчивается Троицкий и сходные с ним списки Мерила Праведного (*С II, С III, КБ III)*, имеющие, таким образом, в своей основе общий протограф.[4]

Калачов допускает, что первая часть Мерила Праведного, которую он называет введением, могла быть первоначально самостоятельным сборником и уже впоследствии получила название Мерила Праведнаго.[5]

---

[1] Частично по другой рукописи издано Б. Розенкампфом в „Обозрении Кормчей книги", 2-е изд.

[2] Выписка из летописца начинается словами: „Яко богъ даеть власть, ему же хощеть". Выписка соответствует целиком тексту Радзивилловской (а не Лаврентьевской) летописи под 1015 годом (см. Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб, 1872, стр. 136, варианты из Радзивилловской летописи).

[3] С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, вып. 1, стр. 36—37.

[4] Вся первая часть Мерила Праведного, следующая за введением, по существу является единым целым, объединенным общей идеей о борьбе с несправедливыми судами. Следует отметить, что вся эта часть (до л. 68 включительно) дана без разделения на главы. Первая часть оканчивается в Троицком списке на л. 68, после чего л. 68 об. оставлен пустым. На следующем л. 69 верхняя часть листа оставлена чистой, судя по размерам, для заставки. Ниже (у Арсения описаны не отчетливо) следуют небольшие статьи: 1) Афонасья Александрьскаго къ Евлогию, 2) Того же къ Генадью, 3) Васил[ья] ко Амфилохию. На обороте л. 69 помещено оглавление второй части рукописи в 30 главах. Но в рукописи после 30 главы „о власѣхъ" следует еще без особого выделения: „Вопрос. Почто повелѣно туго поясатися апостолом" и другие мелкие статьи, а также статейка „о крестѣ иже на земли и на леду пишют" (л. 346) и „Офонасья мниха Иерусалимскаго о наузѣ и о стрѣлѣ громнѣи".

[5] Н. В. Калачов. Мерило Праведное, стр. 41 (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Изд. 2-е, СПб, 1876).

Это предположение Калачова имеет за собой много данных. В самом деле, первая и вторая часть Мерила Праведного по своему составу являются совершенно различными памятниками. В первой части дается материал церковно-учительного (слова, поучения, выписки из библии и Пчелы), во второй — церковно-юридического характера (Закон Судный людем, Градской закон, Русская Правда и пр.). Кроме того, вторая часть имеет особое оглавление и делится на 30 глав, тогда как первая часть Мерила Праведного не разделена на главы и не имеет в сохранившихся рукописях оглавления. Замечательно, что, именно, первая часть Мерила была использована в некоторых списках Хронографа 3-ей редакции, где вставлены отдельные статьи из Мерила.

Рассмотрим вначале состав первой части Мерила Праведного. Как уже указано выше, сборник начинается большой статьей вводного характера. „Богъ есть надъ всѣми вѣки“ . . . Н. В. Калачов правильно указывает, что эта статья представляет собой поучение, адресованное какому-то русскому князю. Розенкампф напечатал половину этой статьи, к сожалению, оставив неизданной наиболее интересную часть памятника. Между тем неизданная часть поучения как раз заключает в себе датирующие указания. Автор поучения обращается к своим слушателям с такими словами: „тебе мудраго нашего кормьчию благочестиваго князя . . . заступника воистину въстави, устраяюща словеса на судѣ, храняща истину въ вѣки, творяща судъ и правду по средѣ земля, его же мудрость порожьшии съблюдъши, добрѣ добродетелми въспита и украси законоположении, аки нѣкими стѣнами чюдными свое стадо крестьянское огради, камень твердости тебе во основу вложи, и аки камень солонъ тобе Христосъ стаду своему положи да вси събираяся к тобѣ, аки нѣмый скотъ лижюще тучни будуть, крестьянскии сборъ, аки риза господня от многихъ странъ собрана и истъкана, и мы немощнии, аки утокъ сдержимъся тобою, аки невидимою душею видомою тѣло носиться. Се и еще трудъ есть предъ мною к тобѣ великому князю и ко всѣмъ сыномъ твоимъ русьскимъ княземъ“.[1]

Таким образом, речь идет о каком-то великом князе и его сыновьях. Имя князя в Троицкой рукописи выскоблено, но в других списках оно сохранилось. В Синодальном II князь назван Владимиром, в Синодальном III — Михаилом, в одной Кормчей, известной Розенкампфу, — Дмитрием. Сравнивая количество букв, выскобленных в Троицкой рукописи, находим, что оно равно 9—10 буквам, причем остался невыскобленным нижний кончик буквы р. Это позволяет думать, что и в древнейшем Троицком списке XIV века первоначально могло стоять имя Владимира. Под великим же князем Владимиром трудно понимать какое-либо другое лицо, кроме Владимира Мономаха. Этот вывод подтверждается и содержанием самого поучения. Речь идет о великом князе и его сыновьях, к которым автор поучения обращается со словами: „слышите, сѣмя духовное, церковная чада, от матерьня чрѣва и к вѣрѣ придосте, въ самыхъ колыбѣлехъ слово живота вѣчнаго слышасте, с плотнымь молокомь от сесцю святыя церкве евангельскаго учения насытистеся“. Эти слова, несомненно, особенно приложимы к ранним русским князьям, еще в недалеком прошлом христианизированной Руси. Особенно интересно указание на то, что великий князь, к которому обращено поучение „украси законоположении“. Подобную фразу можно поставить в тесную связь со словами Русской Правды об установлениях Владимира Мономаха.[2]

В связи с этим возникает вопрос об авторе поучения. Автором, по нашему мнению, был митрополит Никифор, который был посажен на

[1] Троицкая рукопись, № 15, лл. 4—5 об.

[2] См. Пространную Правду (Троицкий список): „оуставъ Володимирь Всеволодича“.

митрополичий стол в Киеве 18 декабря 1104 года. Никифор умер в апреле 1121 года. Ипатьевская летопись сообщает, что в 1113 году Владимир Мономах при въезде в Киев был встречен митрополитом Никифором. Митрополит Никифор написал несколько посланий. Одно из них носит заглавие: „послание от Никифора митрополита Кыевскаго к Володимеру князю всея Руси, сыну Всеволожю, сына Ярославля". Оно начинается словами: „Въпрашал еси былъ, благородный княже, како отвръжени быша Латина". В послании перечисляются „вины" латинян (т. е. католиков), по которым они отвергнуты от православия. Наше внимание обращают следующие слова этого послания: „мал квас все вьмѣщение квасить". Почти такое же выражение („малъ бо квасъ все тѣсто квасить") встречаем в вводном поучении к Мерилу Праведному. В конце послания Никифора против латинян находим заключение: „Тѣхъ дѣля винъ и инѣхъ многихъ отвръгохомъ от святыя церкве. И прочитай же, княже мой, ни единого, ни дважды, но множицею, и ты, княже, и сынове твои. Подобаетъ бо княземъ, яко от бога избраном и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основание церковное твеpъдое" ...

Другие списки того же послания Никифора против латинян имеют уже в виду не Владимира Мономаха, а других адресатов. Один список послания имеет заголовок: „Послание отъ Никифора митрополита Киевьскаго всеа Рускыа земля, написание на Латыну ко Ярославу князю Мурьскому Святославичю сына Ярославля о ересѣх". Испорченное слово „Мурьский" должно быть прочитано как Муромский. Таким образом, послание адресовано к Ярославу Муромскому, к которому обращается и заголовок Мерила Праведного. В другом списке послание Никифора озаглавлено: „послание от Никифора митрополита Кыевьскаго к Ярославу князю Святополчичю". А. Н. Попов справедливо видит в нем князя Ярослава Святополковича, княжившего во Владимире Волынском до 1119 года и убитого в 1123 году. Только к нему могли относиться слова Никифора — „земля Лядская в сусѣдахъ у тебе есть".[1] Таким образом, одно и то же послание в различных переделках было адресовано трем князьям-современникам. Но с таким же явлением мы имеем дело и в вводном поучении к Мерилу Праведному. Теперь могут найти объяснение имена адресатов этого поучения в списках Мерила Праведного. Князь Михаил — великий князь Святополк — Михаил, имена Владимира (и Василия) — одинаково обозначают Владимира Мономаха. К ним первоначально и было адресовано поучение, в одних списках адресованное к Михаилу — Святополку, в других к Владимиру — Василию Мономаху.

Известно и другое послание митрополита Никифора, о чувствах, адресованное к Владимиру Мономаху.[2] Сравнивая послание о чувствах с вводным посланием к Мерилу Праведному, мы найдем в том и в другом сходные мотивы. После общих рассуждений о душе как в послании, так и в поучении делается увещание к великому князю о праведных судах и милости к оклеветанным. „Мудрый Кормчий" поучения находит себе аналогию в похвале „человеколюбивому и кроткому" Владимиру Мономаху в послании. Как в том, так и в другом памятнике приводится в пример библейский Финеес (в послании „Финеесъ божиа ради ревности", в поучении — „ревнителя Финееса"). Слова поучения о детях великого князя, уже в колыбелях приведенных к вере, находят себе аналогию в послании, где говорится о Владимире Мономахе:

[1] А. Попов. Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI—XV в.) М. 1875, стр. 99—118.

[2] Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, ч. I, стр. 59—75.

„его же изъ утробы освяти и помазав и святаа Христова купѣлъ из младъ ногтии очисти“.[1]

Для датировки Мерила Праведного важно выяснить, в каком отношении поучение митрополита, поставленное в его начале, относится ко всему последующему содержанию. Поучение могло быть написано и отдельно, являясь особым памятником. Однако характер этого поучения очень своеобразен и целиком направлен против неправедных и поспешных судов. В конце же поучения говорится: „сладко божественая правила утвержають, цело и недвижимо пребывание в них, заповѣданая от святыхъ и духовныхъ трубъ прехвалныхъ апостолъ и всея вселенныя шести съборъ и помѣстныхъ святыхъ собравшихся святых отецъ нашихъ, поданая в них повелѣния и благочестивых нашихъ царь и правовѣрныхъ князии, им же по своему человѣколюбию область поручи, градьскыя бо законы уставиша от единаго святаго духа вси озарившиеся заповѣдаша полезная“.

Эти слова не могут относиться к первой части Мерила Праведного, заключающей в себе материал исключительно церковно-учительного характера. Но они в полной мере приложимы ко второй части сборника, где помещены статьи: о различных соборах, О царѣхъ и о князѣхъ, Закон Судный людемъ, Закона городьского главы различны и т. д. Эта последняя статья может быть прямо сопоставлена со словами введения: „градьскыя бо законы оуставиша“. Таким образом, следует признать, что вторая часть сборника является неразрывно связанной с поучением митрополита, поставленным в начале Мерила Праведного.

Целый ряд наблюдений заставляет думать, что первоначальный текст Мерила Праведного был впоследствии переработан. Некоторое понятие об этом дает сравнение текста Троицкого и сходных с ним списков с Московским Академическим. Текст Троицкого и Московского Академического оказывается сходным только в первой части и прерывается на статье „о исправлении суда“. С большим вероятием можно думать, что здесь кончалась и первая часть Мерила Праведного, продолжение которой, имеющееся в Троицком и других списках, является уже позднейшим добавлением. В силу этого и статья „Семена, епископа Тфѣрьскаго наказание“ должна также считаться позднейшим добавлением.

Позднейшие вставки заметны и во второй части сборника, разделенного на 30 глав. Так, несомненно позднейшими приписками являются короткие статьи в конце сборника (о кресте, наузах и т. д.), не обозначенные главами. Кроме того, в составе Мерила Праведного имеются и другие статьи, не выделенные в особые главы. Так, к главе 11-ой („Григория Нусьскаго к Литою Мелетинскому“) добавленье правила „Иоанна митрополита Русьскаго“ и „Ильи, пискупа Новгородскаго, правило“. Такой же характер имеет глава 25. Характерно, что в этой 25 главе имеются два правила Иоанна, митрополита русскаго.

Ряд статей, помещенных в 30 главах второй части Мерила Праведнаго, едва ли может быть возведен к началу XII века. Таковы статьи, имеющиеся не только в Мериле Праведном, но и в Рязанской Кормчей (новая заповедь благочестиваго царя Алексея Комнина, воспоминание хранителя... Иоанна Фракисия и т. д.). Можно сомневаться в том, что эти статьи имелись в первоначальном составе второй части Мерила Праведного. Вернее будет предположение, что они вошли в его состав позже при переработке этого памятника.

Какой же состав мог иметь первоначальный сборник, положенный в основу позднейшего Мерила Праведного, и к какому времени отно-

[1] В сборниках XVI века встречается „Слово святых отец о правдѣ и о неправдѣ (Государственный Исторический музей, Увар, № 252, Изм. № ... XVI в.), которое дословно сходно с частью поучения Никифора, начинаясь словами „Воста бо на дѣвьство блоуд“.

сится его возникновение. Ответ на этот вопрос находим в приведенном выше поучении митрополита Никифора. Никифор указывает следующие источники права, которым надлежит следовать. На первом месте следуют — „заповѣданая от святыхъ и духовныхъ трубъ прехвалныхъ апостолъ и всея вселенныя шести съборъ и поместныхъ“. Речь идет, несомненно, о собрании извлечений из апостольских правил, помещенных в Мериле Праведном в 3—10 главах. Среди других источников права в поучении отмечаются „повеления и благочестивыхъ нашихъ царь и правоверныхъ князии“. Под повелением царей можно понимать многочисленные византийские памятники подобные закону градскому, помещенные далее в Мериле Праведном. Под повелениями же благоверных князей трудно видеть иные памятники, чем уставы князей. Можно думать, что первоначальный юридический сборник, положенный в основу Мерила Праведного, уже имел в своем составе устав о церковных людях, которым он и оканчивался. В Троицком списке начало следующей главы, заключающей в себе Правду Русскую, начинается с новой страницы, тогда как остальные главы имеют начало тотчас после окончания предыдущего текста. Таким образом, слова поучения точно совпадают с расположением глав в Мериле Праведном, хотя о первоначальном его составе можно судить только предположительно. Надобность в таком юридическом сборнике появилась уже очень рано. Приведенное выше поучение настоятельно указывает на необходимость праведного суда: „вам паче фарисѣи и книжьникъ правду имѣти богъ повелѣлъ, да не возношениемь господьства властельски престолъ держа“.

При такой датировке первого составления Мерила Праведного удовлетворительно объясняется характер памятника. О том, что время Владимира Мономаха было временем большой юридической деятельности показывает прежде всего ссылка Русской Правды на законы (или „уставъ“) Владимира Мономаха. Поучение Владимира Мономаха также обнаруживает в его авторе знакомство с церковной литературой, близкой по содержанию к статьям первой части Мерила Праведного („избавите обидима, судитѣ сиротѣ, оправдайте вдовицю“), как и наставления о правом суде. Мономах прямо ссылается на Василия, повидимому понимая под ним Василия Великого, некоторые из слов которого помещены в первой части Мерила Праведного. Этому не противоречит и окончание вводной статьи, говорящей о пленении Русской земли, аналогию, которой мы находим в предисловии к Софийскому Временнику, где написано: „за наше несытьство навелъ богъ на ны поганыя, а и скоты наши и села наши и имения за тѣми суть.[1]

Дальнейшая история Мерила Праведного представляется в таком виде. Сборник был дополнен целым рядом статей. Из числа русских статей в него вошли Русская Правда, правила митрополита Иоанна, наказание Семена Тверского и др. Появление статьи с именем Семена Тверского датирует дополнение памятника временем не ранее конца XIII века, так как Симеон Тверской умер в 1289 году. Возможно, что статья первоначально просто носила в заглавии имя епископа Семена, тогда под „Семеном“ можно понимать полоцкого епископа Семиона, принимавшего участие во владимирском соборе 1274 года, которого некоторые историки отожествляют с Симеоном Тверским. Эта догадка находит себе подтверждение в самом тексте статьи, где рассказывается о пире у полоцкого князя Константина Безрукого.

„Наказание“ епископа Семена ведет нас к концу XIII века, как ко времени переделки Мерила Праведного и составления той его редакции, которая дошла до нас в Троицком списке XIV века. Но к тому же

[1] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб, 1888, стр. 2.

времени ведет нас и ряд других соображений. Сравнивая правила владимирского собора 1274 года с текстом Мерила Праведного, мы находим в этих памятниках определенное сходство.

Приведем для сравнения оба текста:

МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ

градскиѣ законы оуставиша от единаго святаго духа вси озарившеся заповѣдаша полезная, ничто же приложивъше, ли отъемше изложеныхъ ли повелѣныхъ, да не *паки преступающе отечьскиѣ заповѣди горе наслѣдуем. Не расѣя ли ны богъ по лицю всея земли, не взяти ли быша гради наши, не падоша ли силнии князи наши остриемь меча, не поведены ли быша в плѣн чада наша; не запустѣша ли святыя божия церкви; не томими ли есмы на всякъ день отъ поганъ. Сия вся бывають намъ, зане не хранимъ* спасителя нашего заповѣди и кланяю ти ся

ПРАВИЛА 1274 ГОДА

Тѣмъ иже невѣдѣниемь прочее богъ да съхранить насъ, а грѣх да простить, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтить ны богъ и вразоумить ны, да никакоже *преступающе отечьскыя заповѣди,* горе *наследуем.* Кыи оубо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставльше божия правила. *Не расѣя ли ны богъ по лицю всея земля, не взяти ли быша гради наши. Не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча, не поведени ли быша в плѣнъ чада наша, не запоустѣша ли святыя божия церкви; не томими ли есмы на всякъ день от безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ. Си вся бывають намъ, зане не хранимъ* правилъ святых нашихъ и преподобныхъ отецъ [1]

Не трудно заметить как сходство приведенных текстов, так и зависимость текста правил 1274 года от поучения, которым начинаются Мерила Праведное. Заповеди спасителя в поучении, новое („паки“), нарушение которых угрожает божескими карами в правиле 1274 года превращаются в правила святых и преподобных отец. Впрочем, правила 1274 года обнаруживают и другие заимствования, давно отмеченные в литературе, являясь памятником компилятивным. Во всяком случае сходство текстов поучения и правил говорит за то, что Мерило Праведное в том или ином виде уже существовало в эпоху владимирского собора 1274 года.

На конец XIII века, как на время возникновения Мерила Праведного в дошедшем до нас виде, указывает и еще один памятник, до сих пор вызывавший много недоумений — „послание Иякова черноризьца ко князю Дмитрию Борисовичу“. Можно считать доказанным, что этот памятник написан, не в XI, как это думали ранее, а в конце XIII века, и адресован на имя ростовского князя Дмитрия Борисовича.[2] Послание обнаруживает знакомство его автора с поучением, находящимся в начале Мерила Праведного. Сравним эти сходные места.

МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ

Оуподобишеся... пастырю Христову, и в него устроити дворѣ и повинути, *аки тяжаръ отребляти садъ желѣзомь чюжая прилоги, яко кормъчии крѣпокъ противу* вѣтромъ и бурямъ *волны миную правимъ благодатью, не съступая праваго пути* (л. 7 об.)

приходить и на много разливаеться, *малъ бо квасъ* все тѣсто квасить (л. 7 об.)

Аще знаема ти будеть, то в свѣтѣ еси Божии и свѣтъ мирови, око вселенѣи оума чистотою, свѣт видя и къ свѣту правя подвластныя (л. 6 об.)

ПОСЛАНИЕ ИАКОВА

На недѣланѣ нивѣ имаши силу и удолѣти еи страхомъ божиимъ, *аки тяжаръ отребляти садъ желѣзомъ чюжа прилогы, акы кормьчии волны и миную и правим благодатью и не ступи праваго пути.*

малъ квасъ око смутитъ

Аще знаема ти будуть божия, то во свѣте еси божии и свѣтъ мирови, и возлюбить доброту сердца ти, и благословить мощь твою

---

[1] Русская Историческая библиотека, том VI, стр. 85—86.

[2] С. И. Смирнов, Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3, 1916, стр. 189—19[illegible] и 431—446.

С. И. Смирнов указывает, что Иаков был типичным начетчиком, приводя многочисленные заимствования в послании Иакова из Пандектов Антиоха. К числу таких выписок относятся и слова, приведенные выше — „аки тяжаръ... не ступи правого пути“, но в Пандектах они помещены в двух разных главах, а не соединены вместе. Таким образом, Иаков в данном контексте заимствовал их из Мерила Праведного. Смирнов полагает, что Иаков написал послание в 1281 году „в год ратен“. В таком случае Мерило Праведное возникло уже до 1281 года.

Итак, ряд данных определенно указывает на конец XIII века, как на время возникновения Мерила Праведного в редакции Троицкого списка конца XIV века. На это время указывает и заглавие памятника. Сравнивая заглавие Мерила Праведного с неоднократно уже упоминаемым вводным поучением Никифора, мы находим между ними определенное сходство. В поучении говорится: „разумѣи своего оума, сторожа татемъ, и ловця волкомъ и губителя всякимъ злымъ звѣремъ“, в заглавии — „волкомъ ловець, татемъ песъ“ и т. д. Следовательно, заглавие Мерила Праведного представляет собой как бы расширенную выписку из поучения митрополита Никифора. Это происхождение заглавия объясняет на мой взгляд и разницу в именах князей в оглавлении и в поучении Никифора. Заглавие было составлено позже поучения. Так в нем могло появиться имя великого князя Дмитрия — несомненно, Дмитрия Александровича, при котором была написана Синодальная Кормчая 1280 г.

О том, что имя великого князя Дмитрия первоначально стояло в заглавии Мерила Праведного доказывает и Послание Иакова, начинающееся словами: „добро бо от бога кь Божию слузѣ начати великому князю Дмитрею“, в заглавии же послания сказано, что оно написано к князю Дмитрию Борисовичу. Верный своему правилу переписывать источник, Иаков списал начало Мерила Праведного, обращенное к великому князю Дмитрию, адресовав его к князю Дмитрию Борисовичу, не носившему титула „великого“.

Таким образом, все данные приводят нас к мысли о возникновении дошедшей до нас редакции Мерила Праведного в конце XIII века, однако на основе более ранней редакции начала XII века.

По иному рисуется происхождение Московского Академического списка Мерила Праведного, отличающегося по своему составу от Троицкой рукописи и сходных с ней сборников.

Первая часть Мерила Праведного в Академическом списке гораздо короче, чем в Троицком. Еще более отличий имеется во второй части Мерила Праведного по Академическому списку, которая насчитывает 69 глав. Содержание этих глав имеет мало общего с другими списками Мерила Праведного, отличаясь особым составом. Так, в Московском Академическом списке совершенно отсутствует большинство юридических памятников, характерных для Мерила в Троицком списке, за исключением Русской Правды, разделенной на 2 главы и помещенной под 63 и 64 главами. Вместе с тем, состав Академического списка ясно указывает на специфические интересы его составителя. Здесь мы находим статьи, направленные против епископов, переходящих из града в град (л. 69), не учащих людей (л. 105 об.) играющих и деющих ловы (л. 123) и т. д. Здесь же встречаем многочисленные статьи об ересях.

Однако последние статьи второй части Мерила Праведного по Академическому списку указывают на их зависимость от Троицкого списка XIV века. К этим статьям относятся в Московском Академическом главы: 62 — о церковных людех, 63 — суд Ярославль Владимерича, 64 — устав Владимира Всеволодича, 65 — вопрос, почто повелено туго поясатися, 66 — Афанасия мниха о наузе, 67 — великого собора 6-го правило 62-е, 68 — вселенского 7-го собора правило 13-е.

Расположение этих статей указывает на однородность источника списков — Троицкого XIV века и Московского Академического.

Отличия Московского Академического списка можно объяснить личностью составителя — Ивана Волка Курицына, брата дьяка Федора Курицына. Иван Курицын был сожжен в 1504 году, как один из „жидовствующих“. Можно думать, что Курицын сознательно включил в сборник статьи, направленные против епископов, прикрыв их авторитетом Мерила Праведного. Таковы некоторые статьи, явно направленные против врагов „жидовствующих“. Они могли быть легко использованы хотя бы против Иосифа Волоцкого, разорвавшего со своим прямым начальником — новгородским архиепископом Серапионом (глава 6 — „без вины отвергнуться епископа, и ину поставив церковь“ ... и глава 22 — „молитвенный храм и монастырь без ведения епископа не поставляеться“). Таким образом, следует признать, что Академический список в своем настоящем составе возник в конце XV века на основании памятника, близкого по составу к Троицкому Мерилу Праведному XIV века.

С. В. Юшков также считает редакцию Мерила Праведного по Академическому списку позднейшей, отмечая, что „в сборнике 2-й редакции (т. е. по Академическому списку) перемешаны статьи разного содержания и апологетического и догматического“.[1]

Текст Русской Правды во всех списках, помещенных в Мерилах Праведных, обнаруживает большую близость и восходит к общему источнику. Вместе с тем древнейший Троицкий список следует признать наиболее точным и исправным, а, следовательно, по его имени и все списки подобного же типа можно отнести к одному Троицкому изводу. Особенно близки к Троицкому списки Синодальный II, Синодальный III и Кирилло-Белозерский III. Текст этих списков отличается от Троицкого, главным образом, своими описками и позднейшими словообразованиями. Приведем несколько примеров.[2]

ТРОИЦКИЙ	СИНОДАЛЬНЫЙ II	СИНОДАЛЬНЫЙ III	КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ III
мечникъ (1)	мченикъ		
словѣнинъ (1)	словѣникъ		словѣнянинъ
Коснячько (2)	Костнячек	Костячко	
головника (3)		главника	
колбягъ (30)		колбагъ	
городѣ (33)	оградѣ	огородѣ	градѣ
соудъ княжь (45)		соуть княжи	
жито во просопъ (48)		живото въ присопъ	
рядилъ (109)	родилъ	родила	

Близость текста всех указанных четырех списков настолько ясна, что могла бы быть объяснена общим происхождением позднейших трех от старейшего Троицкого. Но это предположение опровергается рядом данных. Так, во всех трех позднейших списках, как, впрочем, и в Московском Академическом, заголовок „о бородѣ“ поставлен, как и в Синодальном, не на месте, разбивая статью о послушестве. Между тем в Троицком списке тот же заголовок поставлен на полях. Ясно, что Синодальный II, Синодальный III, Кирилло-Белозерский III, следовали протографу Троицкого списка, где, подобно Синодальному списку, заголовок „о бородѣ“ стоял в тексте. Этим же обстоятельством объясняются и некоторые другие чтения, аналогичные чтениям Синодального

[1] С. В. Юшков, Исследования по истории русского права. Вып. I, стр. 39—40.

[2] Цитируется по рукописям; ссылки по академическому изданию; в скобках номера статей, указанные в том же издании на полях; в таблице даны только разночтения от основного списка. Далее цифры в скобках обозначают статьи по академич. изданию.

списка. Такую же близость с Синодальным списком можно видеть в чтении Синодального II „с материю“ вместо первоначального „смертию“ в Троицком списке. Любопытно отметить, что в Синодальном III находим всетаки „смертию“, а в Кирилло-Белозерском III „с м[а]т[е]рию, но с поставленной над словом выносной буквой с (смтрию). Эта неопределенность, вероятно, указывает на какую-то неясность в тексте оригинала, с которого списывались рукописи Троицкого извода. То же самое относится и к чтению „оурокъ“ в статье об убийстве холопа в Синодальном II, Синодальном III, Кирилло-Белозерском III, которым заменено слово „оукоръ“, первоначально стоявшее в Троицком списке, как это доказал В. П. Любимов. Позднейшие списки дают чтение, сближающее их с Синодальным, а не Троицким списком. Поэтому можно думать, что Синодальный II, Синодальный III, Кирилло-Белозерский III произошли не от Троицкого списка, а от общего с ним протографа. Этот вывод имеет свое значение, если вспомнить, что Синодальный II, Синодальный III, Кирилло-Белозерский III, сохранили имена князей в вводной статье к Мерилу Праведному, счищенные в Троицком списке.

Все сказанное относится к истории текста в Синодальном II, Синодальном III, Кирилло-Белозерском III. Другое происхождение имеет Московский Академический список. Как и другие списки он иногда искажает текст Троицкого списка: *Т* (13) — или в ротаинѣмь; *МА* — или врата или инѣмъ; *Т* — а ть идеть, *МА* — а оть[и]деть; *Т* (45) всѣдано, *МА* — свѣдано; *Т* — чюжего, *МА* — оу чего, *Т* — вьньметь, *МА* — въ немъ, и т. д. Однако в других вариантах *МА* дает чтения, являющиеся первоначальной особенностью Троицкого списка. Так, в Троицком первоначально было написано „оукоръ“, в Московском Академическом также находим „оукоръ“, в Троицком до счистки было „смертию“ в Московском Академическом находим тоже „смертию“ и т. д. Можно сделать справедливое предположение, что Московский Академический список надо считать копией с Троицкого списка, сделанной еще до того, как некоторые места в Троицком списке были подчищены. Так как Московский Академический был написан в конце XV или в самом начале XVI века (не позже 1504 года), то, следовательно, подчистки в Троицком списке были произведены позже. Некоторые сомнения могут внушать только заголовки Московского Академического, но они могли произойти самостоятельно, путем изменения первоначального текста Троицкого списка.

ГЛАВА 13

ОСОБЕННОСТИ ПРОТОГРАФА СИНОДАЛЬНОГО И ТРОИЦКОГО ИЗВОДОВ

Уже Калачов указал на большую близость текстов Синодального и Троицкого списков, отнеся их к одной и той же фамилии. Эти списки действительно можно было бы отнести к одному и тому же изводу, если бы не различия в расположении статей во второй части Правды. Сличение Троицкого и Синодального списков дает возможность установить особенности их общего протографа. В случае разногласия чтений

этих двух списков решающими являются показания списков другой ветви Пространной Правды, в первую очередь Пушкинского списка XIV века.

Далеко не все разночтения Синодального и Троицкого списков имеют для нас значение, так как многие из них произошли от своеобразной орфографии XIII века.

Синодальный список по своей орфографии целиком относится к той эпохе, когда по мнению Карского „сильные „ъ“ и „ь“ уже начали заменяться посредством „о“ и „е“, а слабые исчезать... Рядом с „дълж-бити“ уже имеем „портъ“, „отобиються“, рядом с „дьржать“, „смьрда — смердъ“.[1] Для писца во многих случаях было безразлично — написать „ь“ или „е“, „ъ“ или „о“. Такую манеру письма мы встречаем и в других памятниках XIII века. Таковы, например, договоры Смоленска с Немцами. Еще ближе к Синодальному списку Русской Правды стоит известная духовная новгородца Климента конца XIII века, в недавнее время вновь открытая и теперь хранящаяся в Историческом музее в Москве. Троицкий список имеет уже другое правописание (XIV века). Между тем количество разночтений, зависевших от правописания писцов Синодального и Троицкого списков (или их протографов) очень велико. К ним относятся подобные разночтения (первое чтение Синодального, второе Троицкого списка): „вирьвноую — виревную, вьрвь — вервь, овьсь — овесъ, кльпалъ — клепалъ, мьнѣ — мнѣ, мьнѣ — мене, мьчь — мечь, тьрпя — терпя, пьрьстъ — перстъ, кръвавъ — кровавъ, търгоу, — торгу, пъртъ — портъ“ и т. д.

Эти разночтения представляют интерес для лингвиста, но дают мало материала для выяснения вопроса о происхождении Синодального и Троицкого списков. Другие разночтения Троицкого и Синодального списков объясняются ошибками писцов или своеобразным пониманием ими текста. К числу таких ошибок принадлежит пропуск отдельных слов. В статье „а се о борти“ (75) в Синодальном после слов „подъ-неть, то 3“ пропущено слово „гривны“, имеющееся в Троицком и Пушкинском списках, что можно объяснить простым недосмотром писца. Несомненной ошибкой писца является чтение Синодального списка (99) „то токмо имъ“. Слово „токмо“ образовалось из чтения (см. Троицкий и Пушкинский списки) „то кто имъ“, более понятного и исправного.

К числу ошибок писцов принадлежит и характерная разница в статье об уроках скоту. В то время как в Троицком списке (45) стоят слова „аже за кобылу 7 кунъ“, в Синодальном и Пушкинском списках согласно показано 60 кунъ. Эта разница была бы мало объяснима, если бы мы не предположили здесь описку писца. В рукописях XIII века цифра 60 писалась как ѯ҃, но в тех же рукописях цифра 7 изображалась как з҃. Эта незначительная разница при недосмотре писца легко могла привести к переделкам 60 на 7. Наше предположение подтверждается и самим текстом статьи об уроках скоту, где за корову во всех списках показана плата в 40 кун. Плата 7 кун за лошадь и в 40 кун за корову, при явной большей стоимости лошади, была бы необъяснима. Такое же различие, но уже в обратном смысле находим между Синодальным, с одной стороны, и Троицким и Пушкинским списками, с другой. В то время как Синодальный список (59) устанавливает платежи за обиду закупа в 7 кун, Пушкинский и Троицкий ставят здесь цифру 60. Подобного же происхождения и разночтения в Троицком и Синодальном списках в статье об уставе Владимира Мономаха. В Синодальном (53) здесь стоит „оустави люди до третьяго рѣза“, в Троицком и Пушкинском списках вместо этих слов написано „оуставили“. Множественное лицо в данном

[1] Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930, стр. 14.

случае больше соответствует тексту, где говорится о совещании Мономаха с тысяцкими. Писец мог неправильно прочесть текст „уставили до“, как „устави люди“.

Такой же опиской представляется чтение Троицкого списка в статье „о долзѣ“ (55) — „а пришедъ господь из иного города“. Вместо малопонятного „господь“ в Синодальном и Пушкинском поставлено слово „гость“. Чтение „господь“ едва ли не образовалось из слова „гость“, написанного с титлом (гт҃ь), что дало писцу представление о слове „господь“.

Но существует ряд других отличий между текстом Синодального и Троицкого списков, которые не могут быть объяснены особенностями графики и орфографии.

Прежде всего мы встречаем ряд отличий в заголовках Синодального и Троицкого списков. Так, в Троицком списке (10) отсутствует заголовок „о вирах“, имевшийся в первоначальном протографе, как показывает Синодальный и Пушкинский списки. Однако, как указано было уже В. П. Любимовым, этот заголовок был написан в Троицком списке, но позже был счищен. Вместо заглавия Синодального списка „о княжи отроцѣ“ в Троицком (11) написано „о княжи мужѣ“. Что чтение Синодального в данном случае предпочтительнее, доказывается следующим. В тексте самой статьи упоминается не мужи, а отроки, в Пушкинском же списке имеется заголовок „о отроцѣ“. Такой же характер носит и заголовок Троицкого списка (15) „о ремественицѣ“ и о ремественицѣ“, тогда как Синодальный и Пушкинский согласно пишут только „о ремьстьвеницѣ“.

В Троицком (23) отсутствует заголовок „оже кто оударить мечемь“, имеющийся в Синодальном и, как показывает Пушкинский список, находившийся уже в протографе Пространной Правды. Далее вместо заголовка Троицкого списка (38) „аже познаеть кто челядь“ в Синодальном, как и в Пушкинском, имеем просто „о челядинѣ“. Интересное различие находим и далее в заголовке, которым в Троицком списке отделяется вторая часть Пространной Правды. Этот заголовок звучит в Троицком списке (53) так: „оуставъ Володимѣрь Всеволодича“, причем на полях здесь отмечена глава 28. Некоторую аналогию этому находим в Пушкинском списке с его заголовком: „оуставъ Володимира князя“, тогда как в Синодальном мы имеем: „А се устави Володимиръ“. Таким образом, по Синодальному списку вторая часть Правды ничем не выделена и заголовок может относиться к ближайшему тексту. Любопытно, что в Троицком списке совершенно исчезли слова, имеющиеся в самой статье: „А се оуставилъ“, хотя они имеются в Синодальном и в Пушкинском.

Не вполне ясно происхождение различий другого заголовка Пространной Правды. В Синодальном списке (54) мы имеем „а се о коупци, оже истопиться“, тогда как в Троицком написано „аже которыи купець истопиться“. В Пушкинском здесь стоит просто: „о купцѣ“. Заметное различие между Синодальным и Троицким списками находим и в заголовке о бегстве закупа. В Троицком списке (56) здесь имеем заголовок „аже закупъ бѣжить“, тогда как в Синодальном написано „о закупѣ, а в Пушкинском совсем нет особого заголовка. Можно предположить, что в данном случае заголовки Троицкого и Синодального списков произошли самостоятельно и вне связи с их общим протографом, где такого заголовка могло и не быть.

Не менее любопытно происхождение заголовка „о бърти“, имеющегося в Синодальном списке (69) и пропущенного в Троицком и Пушкинском. Этот заголовок показывает, что чтение „бобръ“ вместо „борть“ имелось уже в источнике Синодального списка.

Сравнение заголовков статей Синодального и Троицкого списков приводит нас к мысли, что некоторые заголовки возникли вне связи этих списков между собой. Это независимое происхождение Синодального и Троицкого списков еще яснее выступает при сравнении главных разночтений этих списков. Количество таких разночтений, меняющих смысл самих статей Правды сравнительно не велико, но в то же время и показательно.

Остановимся прежде всего на тех чтениях, которые обнаруживают большую древность и исправность Синодального списка.

В Троицком списке (20) имеем чтение — „а от виры помечнаго 9“, тогда как вместо слов „помечного“ в Синодальном написано „помоченаго 9 коун“. В данном случае, как показывает Пушкинский список, чтение Синодального списка должно быть предпочтено, так в Пушкинском находим „помоцного“ (из „помочного“, новгородская смена „ц“ и „ч“). В статье о челядине в Троицком списке (38) нет слов „не вѣдѣ“, которые имеются в Синодальном. Чтение Синодального списка находит себе подтверждение в Пушкинском, где также читаются слова „не видѣвъ“. Нет никакого сомнения, что в общем протографе читалось также „не вѣдѣ“.

Более исправное чтение встречаем в Синодальном списке (54) в статье о купце, где находим чтение — „чье то куны“. Этому чтению имеется аналогия в Пушкинском („чьи куны“), тогда как в Троицком имеем — „чии то товаръ“. Чтение Синодального и Пушкинского списков находит подтверждение в тексте самой статьи о купце, где речь идет о купце, идущем „сь чюжими коунами“.

Такое впечатление оставляет и начало статьи „о послушьствѣ“, начинающейся в Синодальном списке (66), как и в Пушкинском, „напослушьство холопа“..., тогда как в Троицком имеем позднейшее осмысление „а послушьства на холопа“.

В Синодальном списке (57) имеется слово „боудеть“ в статье о закупе („ролеиныи закупь боудеть“), отсутствующее как в Троицком, так и в Пушкинском.

Особый интерес представляют те чтения Троицкого списка, которые подвергались позднейшему изменению и были в рукописи подчищены. Честь открытия этих разночтений принадлежит В. П. Любимову.[1] Таково чтение Троицкого списка „оукоръ“ в статье об убийстве холопа (86) вместо „оурокъ“ Синодального и Троицкого списков, а также „смертию“ Троицкого (98) вместо „с материю“ в Синодальном и Пушкинском. Эти чтения Троицкого списка не были в его протографе, как доказывают другие списки Троицкого извода. Из всего сказанного можно сделать только тот вывод, что Синодальный список возник независимо от протографа Троицкого списка, восходя к общему с ним источнику. Вместе с тем некоторые чтения Троицкого списка не были в этом общем источнике и произошли в результате дальнейшей редакционной работы.

Теперь остановимся на тех многих случаях, когда обнаруживается большая исправность Троицкого списка. Так, в статье о кровавом муже Троицкий список (29) дает чтение — „а вылѣзуть послуси“, тогда как в Синодальном встречаем „а выстоупять послоуси“. Пушкинский список дает испорченный вариант „вылизу“, доказывая, что в протографе Пространной Правды было написано „вылѣзуть“, как в Троицком списке.

Такую же близость к Пушкинскому списку и к общему протографу дает чтение Троицкого списка (35) в статье „о вседении на чюжего коня“ — „кдѣ есть взялъ,“ тогда как в Синодальном „есть“ заменено словом „еси“, вследствие чего меняется вся конструкция фразы.

---

[1] В. П. Любимов, „Палеографические наблюдения над Троицким списком Русской Правды (Доклады Академии Наук СССР, 1929, № 6).

В смысле разночтений особый интерес представляет статья о закупѣ, за которого должен платить господин. Приведем текст этой статьи по всем трем спискам.

СИНОДАЛЬНЫЙ	ТРОИЦКИЙ	ПУШКИНСКИЙ
О закупѣ, оже оувѣдеть что, то господинъ въ томь, нъ оже господинъ индѣ налѣзоуть, то заплатить передний господинъ его конь или ино что боудеть взялъ (64).	Аже закупъ выведеть что, то господинъ в немь, но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатить господинъ его конь или что будеть ино взялъ (64).	Аще закупъ выведе что, то господину в томъ не платити, но оже гдѣ налѣзуть, то переди заплатить господинъ его конь или что будеть взялъ.

Прежде всего бросается в глаза большая исправность Пушкинского списка и близость его к Троицкому. В Синодальном, наоборот, дается испорченный текст. Так, несомненно, испорчено начало статьи „о закупе, оже оувѣдеть что“ вместо слов „аже закупъ выведеть что“. Чтение Синодального списка „индѣ“ вместо „кдѣ и“ могло произойти из переставленного „и кдѣ“, чему помогала некоторая близость начертания букв „к“ и „и“. Во всяком случае чтение Троицкого списка в данном случае невозможно вывести из чтения Синодального.

В смысле спорности чтения особый интерес имеет статья о краже борти или бобра. В Синодальном списке (69) читаем „аже оукрадеть кто борть, то 12 гривнѣ продаже,“ тогда как в Троицком и Пушкинском вместо слова „борть“ написано „бобр“. Повидимому, речь шла первоначально о бобре, как показывает дальнейший текст о поисках татя по верви. В этой части опять проявляется характерная близость Троицкого и Пушкинского списков. На ряду с этим, именно, в Синодальном списке в тексте этой статьи имеются пропущенные в Троицком и Пушкинском слова „на земли“ и „въ собѣ“.

В статье „о, задницѣ боярьстѣи“ в Синодальном списке (92) читаем: „аже кто оумирая раздѣлить домъ, на томъ же стоять“. В Троицком и Пушкинском списках после слова „дом“ добавлено „свои дѣтемъ“.

В конце этой же статьи находим опять характерное отличие Синодального списка от Троицкого и Пушкинского. Вместо слов „не надобѣ“, поставленного в Синодальном списке, в Троицком читаем „не имати“, а в Пушкинском „не имать“.

Важное различие имеем между Троицким, Пушкинским и Синодальным списками в статье о закупе. В Синодальном списке (57) здесь написано слово „ковоу“, в Троицком „купу“ и в Пушкинском „копу“. Не входя в исследование о происхождении слова „ковоу“, можем согласиться с мнением Карского, считающего более правильным чтение Троицкого и Пушкинского списков. Слово „купу“ в Троицком списке могло произойти из Пушкинского „копу“, или обратно.

Такое же различие имеем и ниже в другой статье о закупе (59). Синодальный список дает чтение „а оувѣдить враждоу“. Троицкий имеет вместо этого текст „а оувидить купу“, а Пушкинский — „а въведеть копу“. Таким образом, совершенно ясно, что Троицкий список в данном случае ближе к Пушкинскому, причем чтение „купу“ не могло произойти из слова „враждоу“ и обратно.

Краткий обзор разночтений Синодального и Троицкого списков[1] позволяет нам сделать следующие выводы об их взаимоотношении. Как показывает их близость, Синодальный и Троицкий списки ведут свое происхождение от общего источника. В этом нас убеждает то

[1] Более подробный разбор этих разночтений будет сделан в приложении о протографе Пространной Правды.

обстоятельство, что Синодальный и Троицкий списки имеют общие и крупные отличия от Пушкинского. Нет никаких оснований думать, что Синодальный список является источником Троицкого, как и обратно. Синодальный и Троицкий списки произошли совершенно самостоятельно. Однако, в тех случаях, когда Троицкий список дает чтение, отличающееся от Синодального, это чтение находит себе аналогию в Пушкинском списке. Эта большая близость Пушкинского и Троицкого списков может быть объяснена прежде всего тем, что Троицкий список (или его протограф) мог быть выправлен по протографу Пушкинского. Но такое предположение не находит себе подтверждения, так как в ряде мест Синодальный список сам сближается с Пушкинским, имея с ним общие отличия от Троицкого. Поэтому следует предположить, что черты Троицкого списка, сближающие его с Пушкинским, зависели от общего протографа Синодального и Троицкого списков. Черты этого протографа во многих случаях точнее отразились в Троицком списке, чем в Синодальном. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Карского, что Синодальный список „лучше других отражает основной текст Русской Правды, появившейся в основных частях в XI веке и дополненной в начале XII века“.[1]

Ряд особенностей Синодального списка позволяет говорить о том, что первоначальный текст Пространной Правды был изменен редактором Синодального списка или его ближайшего протографа, что и вызвало появление новых чтений, отличающихся от Троицкого списка. Таково начало статьи „о бърти: Аже оукрадеть кто борть, то 12 гривнѣ продаже“. Как было указано выше, слово „борть“ заменило собой первоначальный текст, где стояло „бобръ“ вследствие чего понадобился заголовок „о бърти“, отсутствующий как в Троицком, так и в Пушкинском списках. Этот заголовок отсутствует и в Синодальном II, Синодальном III, Кирилло-Белозерском III, хотя там вместо слова „бобръ также стоит „борть“, показывая, что это чтение имелось уже в общем протографе Синодального и Троицкого списков. Таким же редакционным изменением представляется и слово „ковоу“, вместо которого в Троицком имеем „купу“, а в Пушкинском „копу“. Непонятное „ковоу“ могло быть произведено редактором Синодального списка (или его ближайшего протографа) от глагола ковать в применении к плугу и бороне. Таким образом, следует предполагать, что общий протограф Синодального и Троицкого списков еще не имел некоторых отличий Синодального списка, внесенных в него позже. Но такие же изменения внесены были и редактором Троицкого списка, как показывает чтение „оукоръ“ и „смертию“, что не мешает считать Троицкий список имеющим самостоятельное происхождение.

Признание за Троицким списком равной ценности по сравнению с Синодальным позволяет нам сделать и некоторые выводы об их общем протографе. Выше указывалось, что Синодальная Кормчая, в которую внесена была Правда, была составлена около 1280 года. Официальный характер этой Кормчей подчеркивается тем, что она была составлена „повелением“ князя Дмитрия Александровича, а „стяжанием“ (т. е. на средства и под руководством) новгородского архиепископа Климента. Это официальное значение Синодальной Кормчей подчеркивается записью митрополита Макария и пометкой „Манаканун владыци“ имеющейся в самой рукописи. О „Манакануне“ говорится и в Новгородской Судной грамоте — владыке „судити судъ свои судъ святительски по святых отець правилу, по манакануну“.[2] В Новгородской Судной грамоте ре

[1] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л. 1930, стр. 21.
[2] Г. Е. Кочин, Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 96.

идет о церковном суде, как видно из продолжения статьи о владычном суде „а судити ему всѣхъ ровно, какъ боярина, так и житьего, такъ и молодчего человѣка". Однако Номоканон имел значение, не только для церковных, но и для светских судов. Это доказывается позднейшим отношением к нему московских великих князей (Ивана Даниловича Калиты и Василия Дмитриевича).[1] Таким образом, участие князя Дмитрия Александровича в составлении Новгородской Кормчей не является случайностью. В свою очередь переписка в Синодальную Кормчую такого, несомненно ростовского памятника, каким является летописец Никифора, доведенный до 1278 года, показывает, что в числе источников Синодальной Кормчей были памятники владимиро-суздальского происхождения. Новгородская Кормчая включила в себя и отдельные статьи из Рязанской Кормчей, происхождение которой связано с именем митрополита Кирилла.

Почти одновременно с созданием Новгородской Кормчей возник тот юридический сборник, который известен теперь под названием Мерила Праведного, в основу которого была положена более ранняя юридическая компиляция. Назначение Мерила, указанное в его заглавии, подчеркивается владельцами рукописей, содержащих этот памятник. Древнейший Троицкий список Мерила не имеет записи о владельце, но принадлежал Троицкому Сергиеву монастырю. Богатая внешность памятника, украшенного миниатюрой в красках, говорит о том, что в нем надо видеть рукопись, переписанную для богатого заказчика. Троицкое Мерило, повидимому, было написано по заказу какого-либо видного официального лица, после которого рукопись попала в монастырь. Московский Академический список принадлежал митрополиту Иоасафу. Синодальный II список находился в XVI веке во владении митрополита Макария. В начале XVII века его владельцем сделался архимандрит Хутынского монастыря Киприан, впоследствии новгородский митрополит и составитель чиновника Софийского собора. После Киприана рукопись находилась во владении патриарха Никона. Синодальный III список был написан по приказанию митрополита Дионисия. Таким образом, владельцами 3 из 5 известных списков Мерила были московские митрополиты и патриархи (Иоасаф, Макарий, Дионисий и Никон). Уже одно это обстоятельство говорит о той среде, в которой имели обращение рукописи Мерила Праведного. Это была среда высшего духовенства, нуждавшегося в подобных сборниках, среди которого они должны были находить большое распространение.

Можно предполагать, что Мерило Праведное было составлено при митрополичьей кафедре в эпоху митрополита Кирилла, недаром и в соборных постановлениях 1274 года находим дословные выписки из Мерила Праведного. Время возникновения Мерила Праведного ведет нас к концу XIII века. Характер памятника говорит против его новгородского происхождения, так как в Мериле Праведном отсутствуют новгородские статьи (за исключением двух выписок из Правил Илии Новгородского). Большинство статей Мерила Праведного находится и в Рязанской Кормчей, которую можно считать одним из источников этого сборника. Вместе с тем некоторые статьи Мерила обнаруживают свое владимиро-суздальское происхождение. Таково, например, „наказание" Семена епископа Тверского. Как показывают заимствования из Мерила Праведного, имеющиеся в послании черноризца Иакова, сборники типа Мерила были распространены во Владимиро-Суздальской, точнее в Ростовской земле. Сам сборник, повидимому, был связан с именем великого князя Дмитрия Александровича. Таким образом, как Новгородская

---

[1] А. Павлов. Книги законные, СПб, 1885, стр. 37.

Кормчая, так и Мерило Праведное связаны с деятельностью великого князя Дмитрия Александровича.[1]

Почти одновременное возникновение двух сборников юридического характера — Новгородской Кормчей и Мерила Праведного, связанных к тому же с именем одного и того же князя (Дмитрия Александровича), нельзя считать случайным. Перед нами определенная и вполне сознательная деятельность, направленная на создание юридических пособий, несомненно имевших практический характер. Создание Новгородской Кормчей, написанной по повелению князя Дмитрия и стяжанием архиепископа Климента, не было явлением исключительным. Такая же работа происходила в других русских землях, как нас убеждает в этом Рязанская Кормчая. Вот что говорится в записи этой Кормчей о времени и причинах ее возникновения:

„Во дни благовѣрнаго христолюбца князя Ярослава и брата его Федора, Рязаньскихъ князь и великыѣ княгыни матере ихъ Анастасьи, благодать и истина Иисуса Христа и спаса нашего посѣтивши святую церковь Рязаньскую ... Не прѣзрѣ богъ въ державѣ нашеи церковь вдовьствующь, сирѣчь безъ епископа и безъ оучѣнья святыхъ отецъ; благодаримъ о семь бога и преосвященого Максима митрополита, исполни бо желание богомь избраному пастырю и оучителю словеснаго стада правовѣрныя вѣры нашея отцю нашему по духу священому епископу Иосифу богоспасенoѣ области Рязаньскиѣ ... Буди в любви писание се господьству князии нашихъ, миръ ти о господѣ, пресвященныи епископе Иосифе ... Мы же раздѣливше на 5 частеи, исписахомъ 80 днии, почахомъ ноября I, а кончахомъ декамбря 19 въ лѣто 6792 [1284] солнечного круга 5, а луньного 13, законние 19-е, индикта въ 13“.[2] Такова эта замечательная запись.

Таким образом, Рязанская Кормчая предназначалась не только для духовенства, но и для светской власти, в первую очередь для князей („буди въ любви писание се господьству князии нашихъ“). Поэтому составление Кормчей нельзя объяснить частной инициативой отдельных представителей духовенства или даже епископских кафедр. Первоначальный оригинал Рязанской Кормчей был списан „повелѣниемъ же и по цѣнѣ великого господина Иякова Святослава деспотѣ болгаромь“.[3] Этот оригинал получил митрополит Кирилл и с него позже был сделан Рязанский список. Таким образом, Рязанская Кормчая 1284 года, Новгородская Кормчая 1280 года, Мерило Праведное конца XIII века являются памятниками северо-восточной Руси второй половины XIII века. Большое значение придавалось созданию надежных юридических посо-

---

[1] Повидимому с именем этого князя надо связывать и еще один памятник-послание владимирского епископа к местному князю. Имя князя не названо, но указан отец его, великий князь Александр. Владимирский епископ напоминает князю, что церковь Богородицы Владимирской „ограблена и дома ее пусты“ (Русская историческая библиотека, том VI, стр. 118). Макарий понимает слова об ограблении церкви в буквальном смысле, полагая, что речь идет о нападении на Владимир татар. Но епископ ни слова не говорит о бедствии от татар, указывая только, что прежние князья богатили церковь „домы великими, десятинами по всѣмь градомъ и суды церковными“. Далее епископ еще подробнее говорит об епископских судах. В этом сыне великого князя Александра также можно видеть великого князя Дмитрия Александровича.

[2] И. И. Срезневский. Обозрение Кормчей Книги, стр. 48—49.

[3] Там же, стр. 60—61. В Болгарском списке была запись: „Написана бысть сия Зонара в лѣто 6778 [1270] ендих во дни благовѣрнаго царя Костянтина, предержаща столъ Болгарский, повелѣниемъ же и по цѣнѣ великого господина Иякова Святослава деспотѣ болгаром ... Богом избранному пастырю и оучителю словесного стада правовѣрныя вѣры нашея отцу ми по духу святому преосвященному архиепископу Кирилоу преславнаго града Киева, оучителя ж всеи Росии и свѣтилника церквам Богом спасаемого града Киева.“ Иаков Святослав был русским князем и претендентом на болгарский престол, убит в 1273 году (W. N. Zlatarski. Geschichte der Bulgaren. Leipzig, — 1918, стр. 145—146).

бий и в южной Руси. Известен Номоканон, написанный для князя Владимира Васильковича.

Книга поучений Ефрема Сирина была написана для тиуна того же князя некоего Петра. Запись говорит об этом тиуне: „о таковых бо рече пророкъ: блажени милостивии до сиротъ яко то помилованы будуть“.[1] Новгородские грамоты указывают „на насилье“, которое Новгород терпел от великого князя Александра. На насильство тиунов указывают многие памятники XIII—XIV веков. Против них направлено „наказание“ Семена Тверского, о котором шла речь ранее; в том же Мериле Праведном помещена особая статья „наказание княземь, иже дають волость и судъ небогобоинымъ и лоукавымъ моужемъ“. Сборник поучительных статей против неурядиц в социальной жизни XIV века, связан с именами митрополита Максима и Сарайского епископа Феогноста.[2] Таким образом, составители Кормчей и Мерила Праведного, включая в их состав Русскую Правду, преследовали совершенно определенные практические цели.

ГЛАВА 14

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В СПИСКАХ КОРМЧИХ В СОЕДИНЕНИИ С МЕРИЛОМ ПРАВЕДНЫМ 2-й РЕДАКЦИИ

Включение текста Русской Правды в состав Кормчих и Мерила Праведного имело большое значение для дальнейшей истории памятника. Кормчая принадлежала к числу наиболее распространенных книг в Древней Руси и дошла до нас во многих списках. Вместе с текстом других статей Кормчей переписывался текст Пространной Правды, даже в тот период, когда Русская Правда уже потеряла характер действующего юридического пособия. Этим объясняется большое количество списков Правды, относящихся к XVI—XVII векам. Из общего количества списков памятника XIV—XVII веков до 80% списков сохранилось в Кормчих и в Мерилах Праведных.

Наибольшее количество списков из этого числа дошло до нас в Кормчих особого состава. В подобных Кормчих текст соединен с Мерилом Праведным. Древнейшие списки такого вида Кормчей восходят к концу XV века, но время ее возникновения можно перевести в значительно более раннюю эпоху. Одной из древнейших рукописей Кормчей в соединении с Мерилом Праведным является список Исторического музея (Увар., № 791), принадлежавший ранее Розенкампфу (и далее указываемый сокращенно *РМ*). К сожалению, этот список, положенный в основу так называемого Розенкампфовского извода Русской Правды в академическом издании заключает в себе только вторую половину Кормчей. Поэтому для наших суждений о составе Кормчей в соединении с Мерилом удобнее пользоваться другим полным и к тому

---

[1] См. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. VI, стр. 37—38.

[2] Памятник древней русской словесности (Москвитянин на 1851 год, ч. II, М. 1851, № 6, март, кн. 2). Этот сборник „Поучение ко всѣмъ крестьяномъ“ помещен уже в „Златой Чепи“ XIV века, принадлежавшей Троицкому монастырю.

же датированным списком такого же состава, написанным в 1499 году и принадлежавшим Чудовскому монастырю (сокращенно *Ч*; в академическом издании *Ч II*).[1]

Всего можно насчитать до 40 списков Кормчей в соединении с Мерилом Праведным. Эти списки могут быть разделены на два извода, один из которых назовем Чудовским (в Академическом издании—Розенкампфовским), другой Ферапонтовским изводом.[2] Основная масса указанных списков Кормчих в соединении с Мерилом Праведным сходна между собой по составу и состоит из 110 глав, причем последней—110-й главой отмечена Русская Правда. Таким образом, Русская Правда является органической частью сборника.[3] Наибольшей устойчивостью по составу во всех списках отличается как раз вторая часть Кормчей, заключающая в себе Мерило Праведное.

В основу Чудовской Кормчей была положена какая-то Кормчая типа Новгородской Синодальной. Так, первые 23 главы Кормчей с Мерилами как по содержанию, так и по порядку находят себе аналогию в Новгородской Кормчей. Эта зависимость наблюдается и далее (главы 29—40, 42—47, 48—51), но составитель Кормчей в соединении с Мерилом пользовался и рядом других источников, в том числе, повидимому, Рязанской Кормчей, откуда заимствованы два предисловия в начале книги („пролог рекше предисловие“ и „другое предсловие“). Кроме того, Кормчая была дополнена рядом других источников, в том числе некоторыми статьями русского происхождения (Правила Максима митрополита, Иоанна митрополита русского об опресноках и пр.). Составление Кормчей нельзя отнести ранее, чем к началу XIV века, так как в ней уже имеется правило Максима митрополита (1305 г.).

Непосредственным продолжением Кормчей является Мерило Праведное, которое имеет особый заголовок, но составляет органическую часть всего памятника. В этом нас убеждает прежде всего то, что Кормчая и Мерило Праведное имеют общую нумерацию глав, а в оглавлении всей Кормчей даже не показано заглавие Мерила. Любопытной особенностью оглавления к Чудовской Кормчей является его несоответствие содержанию Мерила Праведного. Так, оглавление кончается статьей „Соудь Ярославль сына Володимеря“, тогда как в самом Мериле Праведном вслед за Русской Правдой следует еще ряд статей без выделения их в особые главы. В оглавлении нет также никаких указаний на имеющиеся в тексте Мерила Праведного статьи церковно-учительного характера, которые помещены в первой части Мерила. Статьи второй части Мерила Праведного перечислены в оглавлении в следующем порядке: „102 [глава] — Законъ Судный людем царя Константина, 103 — Закона градьского главы различны въ 40 гранех, 104 — Леона и Константина царя о свѣщании обручения, 105 — Новая заповѣдь благочестиваго царя Алексиа Комнина, 106 — Того же царя Алексиа заповѣдь, изложена от Варды, 107 — Того же царя о браце повѣление Иоанну Фракисию, 108 — Царя Леона Философа, 109 — Оть книгъ Еноха праведнаго, 110 — Соудь Ярославль сына Володимеря“, которым кончается оглавление.

Рассмотрим теперь состав Мерила Праведного в Чудовской Кормчей. Мерило Праведное имеет следующее заглавие, написанное киноварью: „Сия книгы Мѣрило Праведное, извѣсъ истинныи, тмѣ свѣтило, слѣпотѣ вожь, оуму просвѣтъ, око слову. Се же есть который праведныи судия по достоиньству и опаснѣ да смотрит, еже бо суди

[1] См. в академическом издании т. н. „Розенкампфовский вид“, стр. 203—231.
[2] См. об этих изводах статью В. П. Любимова в академическом издании (стр. 49—5
[3] В Розенкампфовской Кормчей другой счет глав. Русская Правда там показа под главой 120.

божии санъ его и бога единаго достоино. Сказание от псалом Давида царя, еже не на лицѧ судити, ни по мздѣ" (без обозначения особой главы).

В этом заголовке по существу слиты 3 разных фразы. Начало заглавия из Мерила Праведного 1-й редакции (или Троицкого типа)[1] с соответствующей переработкой, но с сохранением отдельных выражений. Далее следует окончание толкования на псалом Асафов, помещенное в начале Мерила 1-й редакции и выделенное в нем киноварью. В этом нас убеждает следующее сличение текстов:

МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ ЧУДОВСКОЙ КОРМЧЕЙ	ТРОИЦКОЕ МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ
Се же есть *которыи праведныи судья по достоиньству* и опаснѣ *да смотрит*, еже бо судити божии санъ есть и бога единаго достоино	*Который праведны соудиа по достоиньству смотря,* аки от степени на степень

Слова заглавия в Чудовской Кормчей „сказание от псалом книги Давида царя, еже не на лицѧ судити, ни по мздѣ" относятся к следующему далее тексту толкования на псалом Асафов. Само толкование на псалом почти одинаково в Мериле 1-й редакции и в Чудовской Кормчей, но различны окончания. Сходный текст оканчивается словами толкования „Христово бо наслѣдие бышя вси языци вѣроваша в онь", после чего в Мериле 1-й редакции следует конец толкования и слова „которыи праведны соудиа" (см. выше), в Чудовской же Кормчей здесь дается следующий отрывок: „Нынѣ же царии и князи разумѣите, вам бо поручилъ богъ санъ и соудъ свои на земли, и яко сеи талантъ божии прияли есте да не лѣностьным платом обивъ небрѣжениемъ погребете въ мысленѣи земли сердцѧ своего во своемъ оутѣшении. Помьните, яко длъжни есте и вѣсте, что подъя съкривыи талантъ, но тому было се невѣдомо". Этот конец взят из статьи, помещенной в Мериле 1-й редакции и являющейся заголовком к статье „Того же, кому поручил богъ сан".[2]

Общий вывод, который можно сделать из наблюдения над началом Мерила Праведного в Чудовской Кормчей и в Мериле 1-й редакции сводится к следующему: составители Кормчей имели под руками Мерило Праведное, начинавшееся толкованием на псалом Асафов, как и в Мериле Троицкого типа. Это начало в более первоначальном виде сохранилось в Мериле 1-й редакции, а не в Чудовской Кормчей, составители которой произвели переработку текста.

Дальнейший текст в Кормчих и Мериле 1-й редакции расходится. Однако большинство статей Чудовской Кормчей находит себе аналогию в Мериле 1-й редакции, хотя Чудовская Кормчая пользовалась и другими источниками. Рассмотрим состав Мерила Праведного в Чудовской Кормчей.

1. Избрание от закона богомъ данаго Израильтом Моисеомъ (глава 101, лист 358). Этот текст помещен в Мериле 1-й редакции под главою 15 (л. 112). Сравнивая тексты в обоих памятниках, мы находим, что текст в Мериле 1-й редакции стоит ближе к первоначальному тексту, так как в нем отмечаются главы Библии, откуда заимствован текст (от Исхода, Чисел и т. д.). Эта особенность уже потеряна в Чудовской Кормчей.[4]

---

[1] Под Мерилом Праведным 1-й редакции здесь и далее понимается Троицкая № 15 рукопись, о которой говорилось в предыдущих главах.

[2] Ленинская публичная библиотека, *Тр.* № 15, л. 12.

[4] Состав Мерила Праведного 1-й редакции по Троицкой рукописи XIV века приведен в „Описании рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры", часть 1, № 15, стр. 28—33.

2. Законъ Судныи людем (глава 102, л. 361 об.) Тот же текст находим и в Мериле 1-й редакции, где эта статья помещена под 16 главой (л. 15 об.). Но в Мериле 1-й редакции эта статья носит более полный заголовок: „Царя Констянтина Законъ Судныи людемъ". Следует отметить, что в Чудовской Кормчей и Мериле 1-й редакции состав статей в этой главе различен. Основное различие между ними заключается в том, что после окончания „Закона" в Мериле 1-й редакции сразу следует статья „Отъ различных тителъ, рекше грани Иоустиньяна царя новыхъ заповѣдии", тогда как в Кормчей помещены еще две статьи „о малжену" и „толкъ Козмы Халкыдоньскаго", „яко не подобаеть жены госпождею звати".

3. „Закона градьского главы различны в 40 гранех, от них же 20, и о поставлении епископъ и поповъ, есть грань 1 о съвѣщании обручения" (гл. 103, л. 365). В Мериле 1-й редакции эта статья находится в конце рукописи перед церковным уставом Владимира, под 26 главою, причем вместо слов „от них же 20 (т. е. 20 граней) и о постановлении епископъ и поповъ написано „в 14-хъ гранехъ о женитвахъ."

Действительно, о постановлении епископов в градском законе не говорится, а первые 14 граней посвящены брачному праву. Следовательно и в этом случае Мерило 1-й редакции стоит ближе к первоначальному подлиннику, чем Чудовская Кормчая.

4. „Слово да не обидять силнии менших" (без обозначения главы, л. 414 об.). Это слово помещено в Мерилах 1-й редакции под другим заголовком: „Слово, како подобаеть тязатися предъ богомь съ насилники, иже обидять меншаго". Вместе с тем в Мериле 1-й редакции имеется весь конец этого поучения, пропущенный в Чудовской Кормчей, вообще говоря сокращающей текст своих источников.

5. „Слово о вдовах и о сиротах" (на полях — не обидите их цари и князи и вси властители силнии — без обозначения главы, л. 414 об.). Под названием „О вдовах и сиротах да не обидите их" эта статья имеется и в Мериле 1-й редакции.

6. „Слово о властелѣх" (без обозначения главы, л. 415). В Мериле 1-й редакции эта статья названа „того же о властелехъ", так как перед ним помещено слово Евагрия, которому приписывается эта статья.

7. „Слово о еже судити право" (без обозначения главы, л. 415). В Мериле 1-й редакции эта статья имеет более длинное и первоначальное заглавие „От житья св. Епифания, право судити, не обиноватися на суд, ни богату ни убогу".

8. „Слово святаго Иоанна Златоустаго о смиряющихся, яко божия заповедь есть и мъзду тѣм богъ обѣщалъ, аще кто речет смиряющемуся самому судъ есть, тотъ самоборець есть еуангелию Христову всему" (без обозначения главы, л. 415 об.). Это слово является концом статьи, которая в полном виде помещена в Мериле 1-й редакции под названием: „От Еуангелия толкование Златоуста, како обидимо терпѣти" (л. 64 об.).

9. „Германъ милостию божиею архиепископъ вселенныя патриархъ" (л. 415 об.). Эта статья[1] выделена только киноварной буквой Г и не имеет обозначения главы; в составе Мерила 1-й редакции не имеется.

10. „Леонъ и Коньстантин вѣрная царя" (глава 104, л. 416 об.). Под таким же заглавием эта статья помещена в Мериле 1-й редакции под главою 19 (л. 165 об.).

11. „Новая заповѣдь благочестиваго царя Алексиа Комнина" (глава 105). Эта статья следует за предыдущей и в Мериле 1-й редакции под главою 20.

---

[1] См. Русская Историческая Библиотека, т. VI, стр. 79.

12. „Заповѣдь новая бывшия от христолюбиваго царя нашего Алексиа Комнина мѣсяца июнь индикта седмаго в лѣто 6592, иже изложена бысть от Варды хранителя полаты и пръваго судию сильнаго“ (глава 106, л. 434 об.). Эта же статья показана вслед за предыдущей и в Мериле 1-й редакции под главою 21.

13. „Въспоминание хранителя великаго стража Иоанна Фракисия“ (глава 107, л. 437 об.). Эта же статья помещена вслед за предыдущей и в Мериле 1-й редакции под главою 22.

14. „Царя Леона зачяток“ (глава 108, л. 441 об.). Эта статья заключает в себе выписки о послушестве, из тех же законов Леона и Константина, которые показаны выше, под главою 104, и статьи царя Алексея Комнина от новых заповедей.

15. „Отъ книгъ Еноха праведнаго прѣжде потопа“ (глава 109, л. 443 об.). Эта статья имеется в Мериле 1-й редакции под заголовком „от книгъ Еноха праведнаго преже потопа и нынѣ живъ есть“. Таким образом, в Мериле 1-й редакции заголовок статьи сохранился полнее.

16. „Слово о том, еже судити божия достоиньства есть“ (без обозначения главы, л. 445). Краткое слово о различии суда („инако бо судить епископу, инако судить князю и боярину, инако же судить игумену, инако же оученику, инако же старцу, инако оуноши, инако болному, инако здравым“).

17. „Образ винам“ (без обозначения главы, л. 445). Эта статья выделена не особым заголовком, а только киноварной буквой. В Мерилах 1-й редакции эта статья помещена тотчас после оглавления второй части перед главой о послухах.

18. „Никиты митрополита Ираклииского к Коньстантину Памфилиискому ответ“ (без обозначения главы, л. 445). Статья включает в себя ряд подзаголовков, в том числе суд „Володимира князя о послушестве“ и статьи „о муже кроваве“. При ближайшем рассмотрении эта сложная статья почти целиком стоит в зависимости от главы о послухах в Мериле 1-й редакции, где она носит заголовок: „О послоусѣх и о числѣ ихъ Костянтина Памфилиискаго въпрос“ (глава 2). Этот заголовок относился к началу статьи. Составители Чудовской Кормчей пропустили начало, а взяли прямо продолжение статьи, начинающееся словами — „Никиты митрополита Ираклиискогo“. Вся статья в Кормчих является сокращением статьи о послухах в Мериле 1-й редакции, но с добавлениями из других источников; к числу добавлений принадлежит статья „о муже кроваве“.

19. „Соудъ Ярославль Володимиричя. Правда русская“ (глава 110, л. 447), имеется и в Мериле 1-й редакции.

20. „Слово Сирахово на немилостивыя цари и князи, иже неправдою судятъ“ (без обозначения главы, л. 453 об.). Это слово имеется и в Мериле 1-й редакции.

21. „Слово о гордости“ (без обозначения главы, л. 454). В Мериле 1-й редакции эта статья под тем же заглавием имеет другое начало. Сравнивая ее со статьей в Чудовской Кормчей, мы находим, что в Мериле 1-й редакции начало сохранилось полнее:

ТРОИЦКОЕ МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ	ЧУДОВСКАЯ КОРМЧАЯ
Слово о гордости. Не имѣимы того велика, еже нас человѣци боятся, величаешили ся силою и властию	Слово о гордости. Величаешися силою и властию

22. „Слово о судиях и о властителех, емлющих мъзду и не въ правду судящиих“ (без обозначения главы, л. 454). Это слово имеется в Мериле 1-й редакции, но там оно сохранило свое начало, потерянное в Кормчих.

ТРОИЦКОЕ МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ	ЧУДОВСКАЯ КОРМЧАЯ
Сице глаголеть господь: слышите судья земнии вси	**Слышите судия земли всеи**

23. „Слово Аввакума пророка на обидящая и насильствующая" (без обозначения главы, л. 454 об.). Такое же слово имеется в Мериле 1-й редакции.

24. „Слово святаго Василия о судиях и властелехъ" (без обозначения главы, л. 454 об.). В Мериле 1-й редакции есть статья под названием „Слово св. Василья о судьях и о клеветахъ," с таким же началом, но другого содержания. В Чудовской Кормчей эта статья составлена из отдельных слов без выделения заголовками, но только киноварными буквами. В состав статьи входят части следующих слов:

а) „Святыи великыи Коньстантинъ рече власть дръжащим".

б) „Внимаите како писано есть бози есте".

Под таким началом дана в переделке статья Мерила 1-й редакции „наказание княземъ" (л. 52 об.).

г) „Тѣм же рече великыи Константинъ да будеть судия нелицемеренъ".

25. „Слово святыхъ отецъ 100 и 60 и 5 об обидящихъ церкви святыя". Этой статьи не имеется в Мериле 1-й редакции, но такая статья помещена уже в Чудовском сборнике (№ 21) XIV века.

26. „Сии рядъ и судъ церковный" ... Этой статьей, которая также отсутствует в Мериле 1-й редакции, оканчивается Кормчая.

Сравнение состава Мерила Праведного в Чудовской Кормчей с Мерилом 1-й редакции убедительно обнаруживает зависимость состава первого от второго. Больше того, можно считать, что Мерило Праведное в Чудовской Кормчей представляет собой переделку Троицкого Мерила и, таким образом, может быть названо Мерилом 2-й редакции. За исключением статей, заимствованных из других источников, статьи Мерила Праведного в Чудовской Кормчей находят себе источник в таких же статьях Троицкого Мерила. Однако первоначальный текст Мерила Праведного подвергся во 2-й редакции сильному сокращению. Некоторые статьи были совершенно выброшены, другие переделаны. Так, от некоторых статей Мерила 1-й редакции в новой переделке остались только небольшие выдержки под иными названиями.

В основу дошедшей переделки был положен текст, близкий к Мерилу 1-й редакции. Однако, особенности текста Мерила Праведного 2-й редакции позволяют думать, что он возник не сразу, а в два приема. Так оказывается, что нумерацию по главам в Мериле Праведном Чудовской Кормчей имеют только статьи юридического характера, источником которых являлась вторая половина Мерила Праведного 1-й редакции или так называемый сборник в 30 глав. Исключением является лишь статья „от книгъ Еноха праведного". Наоборот, статьи церковно-учительного характера остались без нумерации. Следовательно, они были внесены позже. Это наблюдение подтверждается и оглавлением к Чудовской Кормчей, в котором отсутствуют все дополнительные статьи, не имеющие обозначения глав.

Таким образом, в составе Мерила Праведного 2-й редакции мы можем обнаружить следующее. Вначале был создан основной костяк текста, заимствованный из сборника в 30 глав. В этот основной текст в числе других статей входила Пространная Правда, которой кончалось Мерило Праведное. Позднее возникший текст Мерила 2-й редакции был дополнен на основании церковно-учительных статей Мерила Троицкого типа. При этом были привлечены дополнительные источники в том числе статья „о кровавом муже". Вся эта новая компиляция заканчивалась статьей

„сии рядъ и судъ“, которая получила значение послесловия ко всей Кормчей. Во многих рукописях последние строки этой статьи написаны в виде угольника, обращенного вниз, показывая окончание книги. Мерило Праведное было объединено с Кормчей одной нумерацией глав, составив с ней одно целое. Однако самостоятельное происхождение Мерила отмечено в наших рукописях тем, что заглавие его почти всегда начинается с нового листа. Так как прототип Чудовской Кормчей включил в себя правила Максима митрополита, умершего в 1305 году, то разбираемый памятник мог возникнуть не ранее XIV века, а дополнения в него были сделаны еще позднее.

Наиболее важным выводом из сделанного разбора содержания Мерила Праведного в Чудовской Кормчей является признание того, что тексты Русской Правды и статьи о муже кроваве (см. выше стр. 111) заимствованы из разных источников. Текст Пространной Правды в Мериле Праведном 2-й редакции имеет ряд важных отличий, к выяснению которых мы сейчас обратимся, с тем чтобы в конце главы вернуться к вопросу о происхождениии времени возникновения самого Мерила Праведного 2-й редакции. При этом мы должны заранее отметить, что текст Русской Правды в Мериле Праведном 2-й редакции отличается большой устойчивостью во всех списках, которые происходят от одного общего для них протографа.

В основу нашего изучения удобнее всего положить текст Чудовского списка, датированного 1499 годом. Изучение особенностей Чудовского извода Русской Правды приводит к выводу, что в основу его был положен один из списков Троицкого извода, как это впрочем и надо было думать на том основании, что Мерило Праведное Троицкого типа являлось, главным образом, источником Мерила Чудовской Кормчей. Постоянная близость текстов Чудовского извода к Троицкому не подлежит никакому сомнению. Оригинал Троицкого извода, послуживший основой для текста Русской Правды в Чудовской Кормчей имел, впрочем, ряд отличий от Троицкого списка XIV века, сближаясь с другими списками того же извода, *СII*, *СIII* и *КБ III*. Таковы следующие чтения Чудовского[1] списка: *Т* (5) сплати; *Ч*, *С III* — съплатити; *Т* (49) — поклажии; *Ч* — покладежь, *КБ III* — покладяж; *Т* (55) — должебити, *Ч* — должьбити, (но было „должьбыти“, как и в других списках Чудовского извода), *С III* — должебыти; *Т* (56) — робять, *Ч*, *С III*, *КБ III* — работять и пр.

Эта близость Чудовского извода к *С II*, *С III*, *КБ III* не может быть объяснена непосредственной зависимостью Чудовского извода от указанных списков, так как в ряде других случаев Чудовский извод имеет более древний текст. Вместе с тем уже ранее было доказано, что списки *С II*, *С III*, *КБ III* не зависят от Троицкого списка XIV века, а восходят к общему с ним протографу. Поэтому можно предполагать, что и ряд особенностей Чудовского извода Русской Правды указывает на его происхождение от протографа Троицкого извода. Таким образом, некоторые чтения Чудовского извода могут служить для восстановления первоначального протографа Пространной Правды. Впрочем, к этим чтениям надо относится с очень большой осторожностью, так как чудовский список явился плодом позднейшей редакционной работы.

Список Троицкого извода, послуживший оригиналом, положенным в основу Чудовского, повидимому, был кое-где дефектным. Этим обстоятельством можно объяснить пропуски в Чудовском изводе текста в ряде случаев, примеры которых приводятся ниже.

---

[1] Далее он условно обозначается Ч II, в скобках поставлена нумерация статей по академическому изданию.

ТРОИЦКИЙ ИЗВОД	ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД
заплатить ту виру (4)	нет
а головничьство самому головнику, а в 40 гривенъ ему заплатити и съ дружины *своя часть* (4)	*а головничьство, а то самому головнику* *своя часть*
оже будеть оубилъ или *въ свадѣ* (6)	*иже будет въ свадѣ*
а за смердии холопъ 5 гривен (16)	нет

Приведенные выше пропуски в тексте Чудовского извода могли бы быть объяснены позднейшей работой редактора, но этому противоречит то обстоятельство, что пропуск слова „а за смердии холопъ 5 гривенъ“ имеем и в Пушкинском списке XIV века. Отдельные выражения Пространной Правды, повидимому, не были поняты составителем Чудовского извода. Так, в статье о холопстве в Троицком изводе читаем — „не доходять года“, тогда как в Чудовском имеем „не ходять тогда“. Текст Троицкого извода, положенный в основу Чудовского, подвергся, кроме того, значительной переработке и дополнениям.

Ряд разночтений Чудовского извода находит себе аналогию в Сокращенной Правде.[1]

ТРОИЦКИЙ ИЗВОД	ЧУДОВСКИЙ ИЗВО	СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА
то же будеть послуховъ 7 (18)	то же *не* боудеть послоухъ седмь	а *не* будет послух 7
не платить верви (19)	не платити *виры*	не платити *вѣры*
кдѣ есть взялъ (34)	где *еси* взялъ	гдѣ *еси* взялъ
за кобылу 7 кунъ (45)	за кобылу 60 коунъ	за лошади 60 кун
а пришедъ господь (55)	*а приидеть гость*	*а приидеть гость*
то вести и на торгъ (55)	*тогда* вести и на торгъ	*тогда* вести его на торгъ
то по верви искати татя (70)	то по връви искати въ себѣ татя	то по верви искати татя *въ себѣ*
борть подътнеть (75)	борть *посѣчеть*	борть *посечет*
аже кто подотнеть вервь в перевѣсѣ (80)	аже ли кто *потнеть* вервь *перевѣсну*	аще кто *потнет* вервь *перевѣсную*
аже зажгуть гумно (83)	аже кто *зажьжеть* гоумно	аще кто *зажжет* гумно
пакощами конь порѣжеть (84)	пакости дѣля (в других списках Чудовского извода — дѣя) конь порѣжеть	*пакости дѣя*, любо конь зарѣжет
свобода имъ смертью (98)	свобода имъ съ матерью	свобода имъ с *матерею.*
а что срѣзить товаромь (99)	а что *изрѣзить* товаром	а что *изрѣзит* товаром
а второе холопьство (110)	а *другое* холопьство	а *другое* холопство
аче оупоустить и гоня (114)	аще ли устрѣлить и гоня	аще ли за ним гоня застрѣлит

Приведенные примеры обнаруживают ясную связь текста Чудовского извода с текстом Сокращенной Правды.

В большинстве случаев, когда текст Чудовского извода отступает от Троицкого, он находит себе аналогию в Сокращенной Правде. Наиболее просто эта связь текста Чудовского извода с Сокращенной Правдой объяснялась бы признанием позднейшего происхождения последней, путем ее выделения из текста какого-либо списка Чудовского извода. Но это простейшее предположение не может быть доказано, так как некоторые чтения Сокращенной Правды нельзя вывести из Чудовского извода. Так, наше внимание прежде всего останавливает статья о бороде, более полно изложенная в Сокращенной Правде, чем в Чудовском изводе.

---

[1] В академическом издании Сокращенная Правда известна под названием Толстовского сокращенного вида (по классификации В. П. Любимова), тр. 267—272.

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА
О бородѣ. А в малѣ тяжѣ по нужи сложите на закупа. *А кто порветь бородоу, а в неи знамение, а вылѣзоуть людие, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (67)*	*О бородѣ. А кто порвет бороду, а возмет знамение и станут видоки, то 12 гривен продажи:* аже безъ людей, в поклепе нѣту продажи. О зубе. А зубъ выбьють, кровь у него видят во рте, а людие вылезут, то 12 гривен продажи, *а за зубъ гривна.*[1]

Даже, если признать, что составитель Сокращенной Правды пользовался особым списком Чудовского извода, где статьи о бороде и о зубе сохранились в полном и исправном виде, отсутствие слов „а в малѣ тяжи по ноужи сложити на закупа" в Сокращенной Правде уже указывает на особый источник, которым пользовался ее составитель. Между тем пропуск текста в статьях о бороде и о зубе, обнаруживаемый в Чудовском списке, является особенностью всех списков Чудовского извода. Полный текст указанных статей мы находим только в позднейшем, заново переработанном из Чудовского, так называемом Ферапонтовском изводе, но так же в иной редакции, чем в Сокращенной Правде.

У нас имеются и другие данные, которые не позволяют принять догадку о зависимости Сокращенной Правды от Чудовского извода. К их числу принадлежат следующие разночтения Чудовского извода и Сокращенной Правды.

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА
аже кто всядеть на чюжъ конь не прошявъ, то гривна (33)	аще кто сядет на чужь конь не прошав, то за то 3 гривны
а будоуть людие видѣли и связана (40)	*а буди люди видѣли связана,* а убиють
аже за кобылу 60 коунъ, *за волъ гривна* (45)	*аще* крадетъ скотъ, за лошади *60 кун, за волъ гривна*
дать ему вязебную (114)	дати ему вяжчего
аже кто крянеть чюжъ холопъ не вѣдая (118)[2]	а кто купит, не вѣдая, чужъ холопъ

Признание зависимости Сокращенной Правды от Чудовского извода делает необъяснимым и расположение текста Сокращенной Правды, где статья „о мужи кроваве" помещена в начале текста. Кроме того, эта же статья в Сокращенной Правде отличается по своему содержанию от статьи под таким же названием, находящейся в списках Пространной Правды, в том числе в Чудовском и Ферапонтовском изводах. По своему содержанию она носит ясные черты происхождения от особой статьи „о муже кровавѣ", помещаемой в Мериле Праведном 2-ой редакции перед текстом Русской Правды. Не останавливаясь на детальном разборе особенностей статьи „о муже кроваве", имеющейся в Сокращенной Правде, так как об этом будет говориться далее, поставим вопрос о происхождении источника этой статьи. Таким источником, как указывалось выше, должна быть признана отдельная статья „о муже кроваве", помещаемая в Чудовском изводе непосредственно перед текстом Русской Правды и внесенная в Мерило Праведное 2-й редакции из особого источника. Эта статья во всех списках Чудовского извода имеет заголовок „о муже кровавѣ" (или крововѣ). По своему содержанию она представляет собой часть статьи о послухах, имевшейся уже в Троицком изводе и в переработанном виде помещенной, как мы видели в Мериле Праведном 2-й редакции без осо-

[1] Попытка вывести этот текст из Ферапонтовского извода также не приводит к благоприятным результатам: „А в малѣ тяжѣ по ноужди сложити на закупа. А кто порвет бороду, а вънмет знамение, а вылѣзут людие, то 12 гривен продажѣ; аже без людии, а в поклепѣ, то нету продажѣ" (стр. 255 в академическом издании).

[2] Такой же текст находим и в Ферапонтовском изводе.

бого заголовка. Переработка первоначальной статьи о послухах выра зилась прежде всего в сокращении этой статьи, составленной из выдер жек, заимствованных из памятников церковно-юридического характера В сокращенном виде статья о послухах получила в Мериле Праведно 2-й редакции несколько односторонний характер, так как в ее состав были сохранены тексты, главным образом говорящие о клевете на епи скопов и вообще клириков. В конце переработанной статьи „о послухах" был добавлен текст „о мужи кровавѣ". Трудно сомневаться в том, что текст этой статьи был заимствован из какого-то особого источника, от личавшегося по своему содержанию от известного нам текста Простран ной Правды. Поэтому можно думать, что статья „о мужи кроваве", по мещенная в Чудовском изводе перед Русской Правдой является только частью или отдельной статьей большого юридического памятника. Этот памятник был известен составителю Чудовского извода, который по не му дополнил и выправил текст Русской Правды. Так как эти дополне ния и поправки обнаруживают близость к Сокращенной Правде, то сле дует признать, что предполагаемый нами юридической памятник имел с ней сходство, отличаясь от Сокращенной Правды в известном вид более полным и исправным текстом Русской Правды особого характера

Таким образом следует признать, что связь текста Сокращенной Правды с Чудовским изводом Русской Правды объясняется тем, что составитель Чудовского извода, положив в основу текста Русской Правды какой-то список, близкий к Троицкому, исправил его по особой редакции близкой к Сокращенной. Составитель Чудовского извода не ограничился только заимствованиями из особого источника, но подверг текст Про странной Правды дополнениям и редакционной обработке. Так, прежде всего были изменены все заголовки статей. Заголовки Чудовского из вода ясно обнаруживают свое более позднее происхождение. Описатель ная форма заголовков в Троицком изводе, нередко начинающаяся словам „а се" заменена в Чудовском изводе заголовками, составленными из мень шего количества слов (*Т* — а се ouроци скоту; *Ч* — о уроцѣх скоту и т. д. Слово „вира" заменено словом — „урок", указывающим также на боле позднее время возникновения заголовков Чудовского извода.[1]

Текст Пространной Правды был подвергнут составителями Чудов ского извода не только правке и дополнениям по протографу Сокращен ной Правды, но и целому ряду исправлений, придающих тексту Чудов ского извода характер большей исправности и кажущейся древност текста. Такова прежде всего статья об ударении мечем.

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
аще ли утнеть рукоу и отпадеть роука или усъхнеть или нога, или око истъгнеть (27)	*аче ли оутнеть руку и отпадеть ру или оусхнеть или или нога, или о* или не оутнеть

Слова „око истьгнеть" являются особенностью только Чудовског извода, обнаруживая более исправное чтение, чем в Троицком и друг

[1] Приводим сравнение наиболее характерных заголовков Троицкого и Чудовского сп сков: *Т* — о вирахъ, *Ч* — о оуроцѣхъ; *Т* — о княжи мужѣ, *Ч* — о княжиих отроцѣх и о епис плих винъ; *Т* — а придеть кровавъ моужь, *Ч* — о моужи кровавѣ; *Т* — аже кто всядеть чюжь конь, *Ч* — о всядении на чюж конь; *Т* — аже познаеть кто челядь, *Ч* — о познан челяди; *Т* — а се оуроци скоту, *Ч* — о оуроцѣх скотоу; *Т* — оже кунъ взищеть, *Ч* — о вз скании товара; Т — аже которыи купець истопиться, *Ч* — о потоплении купця; *Т* — закупъ бѣжить, *Ч* — о закупѣ; *Т* — а се аже холопъ оударить, *Ч* — о оударении; *Т* — кто борть разнаменаеть, *Ч* — о разнамении борти; *Т* — а се о борти, *Ч* — о посѣчен борти; *Т* — аже оумреть смердъ, *Ч* — о задницѣ; *Т* — о заднице боярьстѣи и о дружьн *Ч* — о задницѣ боярьстѣи; *Т* — о женѣ, аже върчеться сѣдѣти, *Ч* — аже върчется же сѣдѣти; *Т* — а се оуроци судебнии, *Ч* — о судебныхъ оуроцѣхъ.

древнейших списках. Следовательно, здесь имеем пример поправки текста Правды, сделанный на основании какого-то дополнительного источника. Приведем еще ряд примеров:

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
како любо тѣмъ чьи куны (54)	како любо тѣмъ чии то товаръ

Выше было уже отмечено, что слово „куны" стоит в Синодальном и Пушкинском списках и должно быть предпочтено чтению Троицкого списка („товар"). В данном случае можно снова обнаружить указание на то, что составитель Чудовского извода пользовался или особой ветвью Троицкого извода, сохранившей ряд древних чтений, или дополнительными источниками.

Некоторые чтения Чудовского извода, повидимому, зависели от редакторской работы его составителей. Приведем примеры:

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
того ему своему господиноу не платити (57)	то того ему не платити

Текст Чудовского извода более точен и понятен, но носит характер позднейших дополнений и вставки слова „господиноу" отсутствующей в других изводах. В тех же статьях о закупе находим другое любопытное место:

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
аже ли господинъ переобидить закупа и оувередить цѣну его или отарицу (59)	аже ли господинъ переобидить закупа, а оувидить купу его или отарицю

Слово „цѣна" является характерной особенностью Чудовского извода. Так, составители этого извода перевели непонятное слово „купу" Троицкого извода. Дальнейший текст той же статьи о закупе отличается характерной поправкой, отсутствующей в древних списках Пространной Правды.

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
продасть ли господинъ закупа обель, то закупу свобода во всѣхъ коунахъ (61)	продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всѣхъ кунахъ

Чрезвычайно интересна в Чудовском изводе переделка конца статьи о свержении виры:

ЧУДОВСКИЙ ИЗВОД	ТРОИЦКИЙ ИЗВОД
то тогда дати емоу желѣзо из неволи до полоугривны золота, аже ли до гривны золота, *аще ли до двою гривенъ*[1] золота. *аще ли менѣ, то ротѣ ему ити по своя куны* (22)	*то тогда дати ему желѣзо из неволи до полоугривны золота;* аже ли мнѣ, то на воду, оли *до дву гривенъ,* аже мене, *то ротѣ ему ити по своѣ куны*

Смысл статьи в Чудовском изводе более понятен: железо присуждается в тяжбах до полугривны, гривны и две гривны золота, если же менее, то надо идти к роте. В Троицком изводе, как и в других списках Пространной Правды текст с первого взгляда более неясен, что особенно подчеркивается повторением слов „аже ли мнѣ". Редактор Чудовского извода не понял первоначального текста, в котором после полугривны золота упоминались 2 гривны кун, переведя весь счет на золотые гривны.

Переработка первоначального текста заметна и в других особенностях Чудовского извода. В текст Правды были введены слова и обороты,

обнаруживающие свое происхождение из памятников церковного характера. Этим объясняется некоторое количество церковно-славянизмов, отличающих Чудовский извод от Троицкого. Например, мы читаем: *Т* — молоко, *Ч* — млеко; *Т* — язъ, *Ч* — азъ; *Т* — семь, *Ч* — седмь и т. д. Слово „аже" в начале статей Троицкого списка также последовательно было заменено в Чудовском изводе словом „аще". Уже эти особенности переделки говорят о том, что текст Русской Правды, положенный в основу Чудовского извода, был переделан составителем, хорошо знакомым с церковными памятниками. Это наблюдение может быть продолжено и далее. Наше внимание обращает на себя заголовок одной из статей Чудовского извода: „о княжих отроцѣхъ и о епископлѣхъ винъ" (11). В тексте Троицкого извода в этом месте стоит заголовок „о княжи мужѣ". Как указано было выше, заголовок Троицкого извода не сохранил первоначальный текст Правды, в котором стояло просто „о княжих отроцѣх". Таким образом, в первоначальном тексте говорилось только о княжеских отроках, к которым редактор Чудовского извода добавил слова „и о епископлѣхъ винъ" или „вины" в других списках. Смысл этой добавки ясен. Редактор извода желал сказать, что в статье речь идет не только об отроках княжеских, но и епископских. Эта приписка в заголовке обнаруживает определенную общественную среду, из которой вышел составитель Чудовского извода. Приписку „и о епископлѣхъ" (понимается „отроцѣхъ") мог сделать только человек, принадлежавший к двору высшего духовного лица — епископа. Характерно, что редактор говорит о „епископских", а не о митрополичьих или архиепископских отроках. Это доказывает, что редактор не принадлежал к митрополичьему двору или ко двору новгородского архиепископа. Поэтому следует думать, что Чудовский извод возник вне Москвы и Новгорода.

Первоначальный текст Пространной Правды, положенный в основу Чудовского извода, как мы видели, был подвергнут довольно тщательной переработке. Отдельные чтения Чудовского извода не могут быть объяснены простыми описками писцов. Перед нами очень тщательная и сознательная работа над текстом Правды, который, следовательно, во время этой работы имел определенный юридический интерес. К какому же времени относится составление Чудовского извода и кому принадлежат исправления текста Пространной Правды? Был ли этот текст исправлен уже при соединении Мерила Праведного с Кормчей или позже, когда в текст Мерила Праведного 2-й редакции были внесены дополнительные статьи церковно-учительного характера? На второй вопрос ответ напрашивается сам собой. Мы видели, что в числе дополнительных статей, внесенных в текст Мерила Праведного 2-й редакции, находилась и статья о кровавом муже, находящая себе аналогию только в Сокращенной Правде. Между тем текст Чудовского извода был правлен по какому-то памятнику, близкому к Сокращенной Правде. Следовательно, правка Чудовского извода была сделана при внесении в текст Мерила Праведного дополнительных статей, а не ранее. Труднее ответить на вопрос о времени, когда текст Чудовского извода был выправлен его редактором, но и здесь можно сделать некоторые наблюдения. Текст Правды в Чудовском изводе был подвергнут ряду изменений в сторону приближения его к памятникам XIV века. Так, слово „вира" было заменено словом „оурокъ". Рядом с этим в Правде появляется понятие „вины", употребленное уже в заголовке о княжих и епископских отроках, которое впрочем находим уже и в Пушкинском списке („дикая вина"). В уставной Двинской грамоте 1397 года за перепаханную межу уплачивается „вины боранъ". В той же грамоте говорится о платеже „вины полтина" „с тяжебного рубля". Таким образом, понятие Чудовского извода

о „вине“ совпадает с терминами Двинской грамоты, по которой наместники „вины не емлют“ за холопа, убитого господином.[1]

Любопытную замену видим и ниже. В статье о закупе вместо слов Троицкого извода „но дати емоу правдоу“ (56) в Чудовском читаем „но дати ему исправу“. В Двинской грамоте встречаем слова: „а учинится татба от Двинских людей... и язъ (великий князь) самъ тому учиню исправу“. Слово „исправа“ в данном случае заменяет собой древний термин — „правда“. Кроме Двинской грамоты „исправа“ в том же значении упоминается, во многих памятниках, главным образом московского происхождения. Например, в грамоте 1430 года, заключенной пронским князем Иваном Владимировичем с Витовтом, и во многих других договорах XV века.[2]

Такое же осмысление позднейшего времени находим и далее. В тексте о холопе, ударившем свободного человека, в Троицком изводе читаем „любо ли взяти гривна кунъ за соромъ“, в Чудовском это место изложено иначе „любо ли вязати, а гривна коунъ за соромъ“ (65). В Двинской грамоте встречаем указание на „вязбу“ как на пошлину — „а вязбы в том нет“. Таким образом, и это место надо считать позднейшей редакторской правкой XIV века. Сходство терминологии Пространной Правды по Чудовскому изводу с Двинской грамотой 1397 года еще раз убедительно указывает на время возникновения Чудовского извода в XIV веке. Любопытной особенностью Чудовского извода является пропуск частицы „не“ в статье о холопах-татях. В Троицком изводе читаем „аже будуть холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть несвободни“. Все списки Чудовского извода дают здесь текст: „их же князь продажею казнить“. В этом изменении можно видеть значительную переделку текста. Если великий князь Мстислав Владимирович около 1130 года жаловал Юрьеву монастырю волость Буице „с данию и вирами и с продажами“, то в XIV веке грамоты обычно не знают таких безусловных пожалований.

Таким образом, мы приходим к выводу, что Чудовский извод был составлен уже в XIV веке. В основу его, как мы видели, был положен протограф Троицкого извода. Время между эпохой возникновения Мерила Праведного 2-й редакции и дополнением этого памятника новыми статьями с одновременной правкой текста Правды по другому источнику едва ли было длительным. Соединение Кормчей и Мерила Праведного 2-й редакции в один памятник, повидимому, произошло уже в начале XIV века. Некоторый намек на это находим в последней статье Мерила Праведного 2-й редакции — „сии рядъ и судъ церковныи“. Уже А. С. Павлов указал, что в Требнике 1504 года эта статья встречается с добавлением слов „даи бог и на много лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Руси“. Павлов считал это доказательством того, что какие-то судебные установления производились в первой половине XIV века при Иване Даниловиче Калите.[3] Возражая против мнения Павлова о том, что статья „сии рядъ и судъ“ была результатом законодательной деятельности Калиты, С. В. Юшков тем не менее соглашается с тем, что приписка с упоминанием имени Калиты, „хотя и не может служить доказательством авторства этого князя, дает некоторые указания на то, что этот сборник (помещенный в Требнике), если не составлен был по его инициативе, то по крайней мере, в его

---

[1] М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, Вып. 1, СПб., стр. 140—147.

[2] Акты Археографической экспедиции, т. 1, стр. 9, 18, 22, 23 и др.

[3] А. С. Павлов. Книги законные (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. XXXVIII, № 3), стр. 36 и примечание.

княжение он существовал, следовательно существовала и выдержка".[1] Таким образом, получаем указание на то, что соединение Кормчей с Мерилом Праведным 2-й редакции произошло уже в первой половине XIV века, при Иване Даниловиче Калите, а может быть и несколько ранее, в начале XIV века.

Переделка же Мерила Праведного 2-й редакции и внесенного в нее списка Пространной Правды произошла еще позднее. С. В. Юшков указывает на существование списка Кормчей в соединении с Мерилом Праведным 2-й редакции, написанного в XVI веке будто бы со списка, составленного в 1375 году монахом Дорофеем при великом князе Дмитрии Константиновиче, Суздальском и епископе Дионисии. Юшков замечает: „нет оснований считать именно эту Кормчую оригиналом всех Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным". Тем не менее он готов думать, что „время возникновения данного памятника широким образом определяется тем, что он находится в Кормчей, датированной 1375 годом". Такого взгляда придерживался и я до ознакомления с подлинным списком Кормчей XVI века, имеющей запись 1375 года. Случаи переписки записей из более древних в новые рукописи настолько общеизвестны, что не требуется доказательств, чтобы признать, что запись 1375 года могла быть переписана в Кормчую из источника XIV века. Но знакомство с подлинной рукописью приводит к совершенно иным выводам. Погодинский список (№ 235) сделан с Кормчей, уже соединенной с Мерилом Праведным, которое оканчивается статьей „сии рядъ и судъ церковныи". Погодинский список (ПI) имеет перепутанные листы и написан несколькими почерками, которые сменяют один другой. Русская Правда начинается после перерыва в тексте продолжением статьи о холопстве. В конце Погодинской рукописи имеется такая запись, якобы переписанная с более ранней рукописи:

„Азъ хоудыи и недостоиныи и многогрешныи рабъ божий Дорофеи мнихъ написалъ есмь книгоу сию глаголемоую Номоканонъ законоу правило, мѣсяца марта въ 20 день на память святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри святаго Саввы избиенныхь от срацынъ лѣта 6883 [1375] при благовѣрномъ и христолюбивомъ князи великомъ Димитрии Костантиновичи и при епископѣ нашемъ христолюбивомъ священномъ Дионисьѣ Соуздольском и Городьскомъ". Запись сделана другим почерком, чем остальная часть рукописи. Почерк записи — подражательный полуустав XVI века. Подложность записи доказывается некоторыми ее чертами. Так, слово „день" пишется с „е" и без титла, над словом „христолюбивом" также нет титла. В этом же слове совершенно неуместно вставлен юс большой (ѫ) вместо „ю". Сама запись по своему содержанию является почти буквальным повторением записи монаха Лаврентия в Лаврентьевской летописи 1377 года, чем и устанавливается источник подлога. Поэтому для датировки времени возникновения Мерила Праведного 2-й редакции и Чудовского извода запись Погодинской рукописи не имеет никакого значения.

Более точные сведения для суждения о времени возникновения Чудовского извода Пространной Правды мы получаем при изучении рукописей Кормчих, в которых сохранился этот извод. Из общего числа 18 подобных рукописей XV—XVII веков у нас есть сведения, по крайней мере, о 7 владельцах, которым принадлежали рукописи подобного состава.[2] Упомянутая Погодинская рукопись в XVI веке находилась во владении архиепископа Суздальского Иова (по записи в 1541 г.), другая

---

[1] С. В. Юшков. Исследования по истории русского права. Вып. 1, стр. 56.

[2] См. описание рукописей Розенкампфовского вида в академическом издании Правды, стр. 203—214.

принадлежала рязанскому архиепископу Филофею (1562—1569 гг.), третья постриженику Владимирского-Рождественского монастыря и позднее вологодскому архиепископу Ионе в конце XVI века; две рукописи в XVI—XVII веках принадлежали старцам Троице-Сергиева монастыря, одна рукопись была подарена Строгановыми в Сольвычегодский собор и одна написана в 1499 году при митрополите Симоне и подарена в Чудов монастырь в 1543 году. Две более поздние записи указывают на Пошехонье и Тулу. Таким образом, Кормчии в соединении с Мерилом Праведным 2-й редакции находили себе распространение в пределах Московской земли в широком смысле этого слова. С этим согласуются и данные языка списков Мерила Праведного 2-й редакции с отсутствием в них новгородских черт, столь характерных для ряда рукописей, в том числе и для некоторых Кормчих. Мерило Праведное 2-й редакции и включенная в ее состав Пространная Правда Чудовского извода являются памятниками московской (или по старой терминологии владимиро-суздальской Руси).

Время возникновения Чудовского извода можно связать с деятельностью знаменитого Дионисия Суздальского и великого князя Дмитрия Константиновича, даже и при признании записи 1375 года подложной. Деятельность суздальского князя Дмитрия Константиновича была тесно связана с его попытками утвердиться на великокняжеском столе. Симеоновская летопись упоминает, что он „бывъ на великомъ княжении два лѣта, а въ своеи отчинѣ такоже на великомъ княжении 19 лѣтъ“.[1] Лаврентьевская летопись, переписанная для князя Дмитрия Константиновича, рисует нам его литературные интересы.

Еще любопытнее фигура Дионисия, поставленного епископом в 1374 году. Многие летописи сохранили похвалу Дионисию, составленную каким-то его современником. Митрополит Алексей по словам этой похвалы поставил Дионисия епископом как „мужа тиха, кротка, смирена, хитра, премудра, разумна, промышлена же и разсудна, изящна в божественных писаниих, учителна и книгам сказателя, монастырем състроителя, и мнишьскому житию наставьника и церковному чину правителя“.[2] В этой похвале наше внимание обращают слова „книгам сказателя“, указывающие на какие-то литературные работы Дионисия. О характере этих работ и о церковно-политической деятельности Дионисия рассказывают нам разнообразные источники. В 1382 году Дионисий был возведен в сан архиепископа и послан патриархом Нилом в Псков. О деятельности Дионисия в Пскове нам известно из позднейшей переписки московских митрополитов с псковичами.

В 1395 году митрополит Киприан писал псковичам об отмене „установной старой“ грамоты, данной псковичам Дионисием Суздальским. По словам Киприана Дионисий „списал грамоту, коли был въ Псковѣ, а приписал к грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да въписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити“.[3] Трудно сомневаться, что Киприан говорит о каком-то раннем варианте Псковской Судной Грамоты, в начале которой есть прямая ссылка на великого князя Александра. Таким образом, Дионисий принимал участие в переработке старой грамоты, когда-то данной великим князем Александром, безразлично будем ли понимать под ним Александра Невского или Александра Тверского. Киприан осуждает

[1] Полное собрание Русских летописей, т. XVIII, стр. 135. Некоторые известия XIV века, имеющиеся в Симеоновской летописи, несомненно, записаны в Суздале или Нижнем Новгороде и связаны с именем Дионисия. Таково известие 1382 г. о погребении Павла Высокого „яко и самому Дионисию прослезити по немъ“.

[2] Там же, стр. 103.

[3] Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 234.

Дионисия за то, что он „въплелся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту“. Но сохранился и другой документ, относящийся к деятельности Дионисия в Пскове — грамота самого Дионисия псковскому Снетогорскому монастырю. В ней Дионисий прямо указывает один из источников своей юридической деятельности — Номоканон („възрѣвь Номоканонъ, во правила отець“)[1] и делает из него выписку, ссылаясь на Василия Великого.

Летопись говорит о том, что Митяй, соперник Дионисия по претензиям на московскую митрополию, также ссылался на Номоканон, но встретил возражения со стороны Дионисия. Все это приводит к мысли, что время составления Чудовского извода Пространной Правды может быть отнесено к эпохе деятельности Дионисия. Извод был составлен при дворе суздальского епископа Дионисия. В силу этого Мерило Праведное подверглось серьезным изменениям, включив в себя, главным образом, статьи, направленные против неправедных судов. Переработка преследовала определенную цель — защиту церковных имуществ. Поэтому из главы о послухах оставлены были, главным образом, статьи о клевете на епископа и причетников. Значительным изменениям подверглась и Русская Правда, где появился особый заголовок, оттенявший значение не только княжеских, но и епископских отроков или слуг. В Мерило Праведное были добавлены статьи, направленные против „обидевших церкви божья и священныя власти их“, а также послание патриарха Германа, кончающееся указанием на то, что „архиереомъ единымъ повелѣвають божествении и священьнии каноны и законъ христианьскии судити и исправляти“. В конце Кормчей оставлено было заклятие в виде статьи „сии рядъ и судъ церковный“. О подобном же заклятьи, написанном Дионисием в конце Псковской Судной Грамоты, как мы видели, говорит митрополит Киприан. Действительно, после статьи об изорниках в Псковской Судной Грамоте читаем: „И судьям псковскимъ и посадникомъ погородскимъ и старостамъ погородцкимъ потому жъ кресть целовать на томъ, што имъ судити право по крестному целованью, а не судѣть право, ино суди имъ богъ въ страшный день втораго пришествиа Христова“.[2] Этими словами кончается одна часть Судной грамоты.

Признание участия Дионисия Суздальского в создании Чудовского извода является только догадкой. Но эта догадка объясняет нам причины, по которым Кормчие в соединении с Мерилом Праведным 2-й редакции получили слабое распространение в конце XIV и первой половине XV века, когда еще сильное влияние имели традиции митрополита Киприана, соперника Дионисия Суздальского в споре о митрополичьем месте. Древнейшие списки Кормчих в соединении с Мерилом Праведным 2-й редакции относятся к концу XV века. Но у нас есть свидетельства, что Кормчие такого типа существовали и ранее. Иосиф Волоцкий пишет в „Просветителе“, что православные цари казнили еретиков „по свидетельству священныхъ правилъ, в градских законъ, иже со священными правилы совокуплени и соединены быша“.[3] Священные правила, соединенные с градскими законами — это и есть тип Кормчей в соединении с Мерилом Праведным.

Сделанные выше выводы в известной мере подтверждаются самими списками Кормчей в соединении с Мерилом Праведным. Из 18 известных нам списков 6 относятся к концу XV века, 9 списков — к XVI, 3 — к XVII и к XVIII векам.[4] Таким образом, временем распространения Кормчей

[1] Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 205—210.
[2] М. Владимирский-Буданов. Христоматия, Вып. 1. Изд. 5-е, стр. 177.
[3] „Просветитель“. Казань, 1903. Изд. 4-е, Слово 13, стр. 498.
[4] В академическом издании показано всего 17 списков, так как один список был от вариантов отстранен как поздний (XVIII века).

такого типа надо признать конец XV—XVI века, так как древнейший Розенкампфовский список едва ли был написан ранее 80-х годов XV века.

Кормчая в соединении с Мерилом Праведным находит особое распространение в конце XV века, когда к ней проявляется особый интерес. Думаю, что этот интерес не был случайным. Конец XV века, как известно, был ознаменован борьбой за церковные имущества. При этих условиях Кормчая Чудовского типа, статьи которой были подобраны в защиту церковных имуществ, епископов и клириков, могла вызвать к себе определенный интерес и спрос в церковных кругах. Сама Чудовская Кормчая 1499 года, повидимому, имела какое-то отношение к деятельности митрополита Симона, о котором упоминается в записи об окончании книги. Другая запись на той же книге говорит, что в Чудов монастырь эта Кормчая попала в 1543 году от митрополичьего певчего дьяка. Во владение певчего дьяка Кормчая могла случайно перейти во время частых смен на митрополичьем престоле в первой половине XVI века. Официальный характер Чудовской Кормчей подчеркивается многочисленными киноварными поправками в ее тексте и на полях, сделанными почерком того писца, который писал основной текст. В этих поправках обнаруживается особый интерес их автора к статьям о церковных людях и церковных имуществах:

СТАТЬЯ КОРМЧЕЙ (Чудовской)	СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ	ПОМЕТА НА ПОЛЯХ КИНОВАРЬЮ
Титлы правилом	(о поставлении епископов и попов)	о епископѣх, како писанием отрицаются (л. 8 об.) о чюжих епископьи (л. 9 об.) о поставляющихся мзды ради (л. 9 об.) не прѣходити от града в градъ (л. 9 об.) о сельскых епископехъ" (л. 10) о свѣд[е]телех на епископа о священницѣх, иже ловы дѣют (л. 17)
Правила 4-го собора в Халкидоне	о суде над причетниками	пред мирскаго судию да не идет причетник (л. 68).
	о делении области на 2 митрополии	два митрополита да не будут в единои митропольи (л. 69)
	о селах и виноградах	церковного притяжаниа за 36 лѣт искати (л. 70 об.)
	о создании монастыря	без епископля благословениа манастыря на ставити (л. 72)
Правила собора в Средце	о свержении епископа	аще будет епископъ изгнанъ неправдою (л. 77)
Каноны собора в Карфагене	о клевете на епископа	о клеветѣ епископь (л. 82)
	о продаже церковных имуществ	о продании церковных селъ (л. 82 об.) о куплении села епископу себѣ (л. 83), епископу не подобает селъ продавати (л. 83 об.)
	о послушестве	о послушествѣ попове (л. 86 об.)
	о свидетелях	о послущствѣ (л. 97 об.)
Правила 7-го собора	о продаже церковных имуществ	не подобает епископу селъ продати (л. 125)
От книг божественных повелений Иустиньяна	о наследстве	того же о задници (л. 153 об.)

СТАТЬЯ КОРМЧЕЙ (Чудовской)	СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ	ПОМЕТА НА ПОЛЯХ КИНОВАРЬЮ
	о разделе имущества постригшимся в монахи	о раздѣлении имѣниа дѣтем (л. 160) аще пострижется муж от жены или жена от мужа (л. 163 об.)
Избрание от закона даного Моисеомъ	о наследстве	о статкѣх
Законъ судныи	о ссуде	о покладежи
	о клевете	о клеветах
		о женѣ, что еи за муж поити или не поити
		о задницах и о длъзѣхъ (л. 425)

Приведенные пометы на полях показывают не только тщательную работу над составлением Кормчей, но и особый специфический язык писца, их составлявшего. Пометы о „задници“ и о „покладежи“ живо напоминают нам текст Русской Правды и кажутся архаическими в рукописи 1499 года. Вместе с тем совершенно ясен большой интерес составителей Чудовской Кормчей к вопросу о правах епископов и клириков. Кормчие Чудовского типа были крайне удобны для доказательства извечных прав церкви на земельные имущества и на особое положение церкви в государстве. Поэтому в арсенале различного рода доказательств, приводимых в „Просветителе“ Иосифа Волоцкого, особое значение имеют ссылки на Номоканон. Но Иосиф пользовался не только Кормчей, но и Мерилом Праведным. В 13-м слове „Просветителя“ он приводит длинную выписку из Мерила, начинающуюся словами: „Слышите, цари и князи и разумѣите, яко слуги божии есте“.[1] Одно место „Просветителя“ чрезвычайно напоминает поучение Никифора в начале Мерила Праведного Троицкого списка. Иосиф пишет, что цари, князья и весь народ „от святого и животворящаго духа научени бывше, написаша божественая правила, еще же и градскии законъ сочеташа“.[2] В поучении Никифора эта мысль выражена очень сходными словами: „градския бо законы уставиша от единаго святого духа вси озарившеся“.

Не остался без поправок в Чудовской Кормчей и текст Русской Правды. Чтобы понять характер поправок, внесенных в текст Русской Правды, надо принять во внимание, что списки Чудовского извода в основном делятся на две ветви. К первой относится сам Чудовский список и близкий к нему Уваровский № 791 (Розенкампфовский) и ряд других списков, ко второму — Крестининский[3] с иной группой списков. Различие между этими двумя ветвями, главным образом, выражается в отдельных словах, но проходит по всему тексту. Основной текст Чудовского списка принадлежит к первой ветви, но правлен по тексту второй (Крестининской) и еще по какому-то другому источнику. Это доказывает, что две ветви Чудовского извода существовали уже в XV веке, во всяком случае появились до 1499 года. Поправки в Чудовском списке отмечены киноварью в тексте путем зачеркивания отдельных букв или целых слов, взамен которых предлагается другой текст. Приведем эти поправки в виде таблицы (в скобках № статьи по Троицкому списку).

---

[1] „Просветитель“. Казань, 1903. Изд. 4-е. стр. 488.

[2] Там же, стр. 502.

[3] Крестининский список числился в числе пропавших. Полное тожество Крестининского списка и Муз. № 798 доказано в моей заметке об этом списке (Проблемы источниковедения, т. III). Этот список во второй половине XVI века был подарен Строгановыми в Сольвычегодский собор.

УВАРОВСКИЙ № 791 (Розенкампфовский)	ЧУДОВСКОЙ (основной текст)	ЧУДОВСКОЙ (после поправки)	КРЕСТИНИНСКИЙ (Муз. № 798)
то 240 гривенъ (1)	то 240 гривенъ	то 40 гривенъ	то 40 гривенъ (200 добавлено позднейшей рукой)
о епископлѣхъ вины (11)	о епископлихъ винъ	о епископлихъ винахъ	о епископлѣхъ винъ
Иже кто (23)	Иже кто	Аже кто	Аже кто
вины емоу нѣсть нѣтоуть (26)	вины емоу нѣсть	вины емоу нѣсть нѣтуть	вины емоу нѣсть нѣтуть
кровавъ боудеть (29)	кровавъ боудеть	кровавъ придеть	кровавъ придеть
бологодѣлити (49)	бологодѣлити	бологодѣль	бологодѣлъ
таче же и отчимъ (99)	таче же и отчимъ	аче же и отчимъ	аще же и отчимъ
то у котораго (103)	то у котораго	то у кого	то у того

Таким образом, Чудовский список был подвергнут очень тщательной правке по крайней мере по двум спискам. Позже, повидимому уже в XVI веке, Чудовский список Русской Правды был еще раз правлен, но уже другой рукой и по другим спискам.

Кормчая, соединенная с Мерилом Праведным, получила особое распространение в XVI веке. Этим объясняется относительно большое количество списков Чудовского извода. В конце XV века отдельные статьи Кормчей и Русской Правды не потеряли своего значения как источника юридической законодательной практики. В этом нас убеждают те заимствования, которые сделаны из Русской Правды в Судебнике 1497 года. В частности статья Судебника „о займѣхъ“ содержит буквальное повторение тех же фраз, которые находим в статье „о потоплении купца“ в Пространной Русской Правде.[1] К сожалению, текст Судебника не позволяет установить, из какого извода Русской Правды сделаны заимствования. Предположительно же можно думать, что таким источником был список Чудовского извода, как наиболее распространенного в конце XV века.

Для истории Пространной Правды крайне характерен тот интерес, который проявлялся к этому памятнику уже в относительно позднюю эпоху, в конце XV или в начале XVI века, когда Русская Правда окончательно потеряла свое практическое значение в связи с появлением московского судебника. Между тем, именно к этому времени относится новая переделка Правды, помещенной в Кормчей Чудовского типа. Эта новая переделка представляет интерес в особенности для истории юридических памятников в Московском государстве конца XV — начала XVI века. Как указано было выше, Кормчая в соединении с Мерилом Праведным имела большое распространение во второй половине XVI и в XVII веках. Среди позднейших списков подобной Кормчей необходимо выделить особый вид, наилучшим образом представленный рукописью Ленинской библиотеки в Москве (Егор. № 248—1073). Эта рукопись представляет собой Кормчую, написанную полууставом половины XVI века. По листам идет следующая запись: „Сию книгоу далъ в домъ пречистыа богородици чеснаго и славнаго ея рожества в Ферапонтавъ монастырь старець Касьян Булгаков, бывый игумен Ферапонтава монастыря“. Касьян Булгаков был игуменом Ферапонтова монастыря в 1543 году, в 1545 году в этом монастыре был уже другой игумен.[2] Следовательно, рукопись была написана после 1545 года. Ферапонтов-

---

[1] Законы Великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича. М. 1878, стр. 13.

[2] Строев. Списки русских иерархов.

ская Кормчая по своему составу вполне сходна с Чудовской, но текст Русской Правды имеет ряд отличий.[1] Основное отличие Ферапонтовского списка Русской Правды от Чудовского заключается в том, что Ферапонтовский список отличается большей полнотой. В нем восполнены все пропуски в тексте, отличающие Чудовский извод от Троицкого при сохранении остальных черт извода. Можно было бы предполагать, что большая полнота Ферапонтовского списка зависит от того, что он ведет свое происхождение от протографа Чудовского извода. В этом случае следовало бы признать, что Ферапонтовский список сохранил более древний текст Русской Правды, уже искаженный в Чудовском изводе. Но это предположение не оправдывается, так как большая полнота Ферапонтовского списка объясняется позднейшими пополнениями. В этом нас убеждает следующее обстоятельство. В то время как в основу Чудовского извода был положен список Троицкого извода, все дополнения к нему в Ферапонтовском списке сделаны по Троицкому или по списку, близкому к какому-либо подобному же изводу, об истории которого речь будет идти далее. Бóльшая полнота текста Русской Правды в Ферапонтовском списке зависела не от того, что составитель имел в руках более древний протограф, а от того, что он дополнил его по другому списку. Впрочем, эти дополнения не могут быть возведены к какому-нибудь одному известному нам изводу Правды, вопреки мнению В. П. Любимова, считающего, что Ферапонтовский извод взял заимствование из Новгородско-Софийского извода. Следы этих дополнений заметны и в самом тексте Ферапонтовского списка. Часть дополнений сделана почерком рукописи на полях, которые в других более поздних рукописях вошли уже в текст.[2]

ЧУДОВСКИЙ	ФЕРАПОНТОВСКИЙ	ТРОИЦКИЙ	НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКИЙ
толико лѣтъ	толико лѣт (заплатят ту виру)	колико лѣтъ заплатить ту виру (4)	колико лѣт запла*тять* тоу вироу
а головничьство, а то самому головникоу своя чясть	а головничьство, а то самому головнику, (а в 40 гривенъ ему заплатити и з дружины) своа часть,	а головничьство самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть (5)	а головничьство, а то самому головникоу, а въ 40 гривенъ ему заплатити изъ дружины свою часть,
о възискании товара	о взыскании *скота*	оже кто скота взищеть (46)	а оже кто скота взищеть
то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна	то 12 гривен продажѣ, аже без людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ. (О зубѣ): Аже зубъ выбиют, а кровь видят оу него въ ртѣ, а людие вылезут, то 12 гривенъ продажи, а за зубъ гривна	то 12 гривенъ продажѣ, аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ, аже выбьють зубъ, а кровь видять оу него во ртѣ, а людье вылѣзуть то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (67)	то 12 гривнѣ, аже без людии, а в поклепѣ, то нѣтоу продажѣ. О зубѣ. Аже выбиють зоубъ, а кровь видять оу него въ ртѣ, а людие вылѣзоуть то 12 гривнѣ продажѣ, а за зоубъ гривна

Текст Ферапонтовского извода носит все черты литературной правки, при которой составители извода ставили себе цель только восполнить отдельные пропуски своего оригинала, пользуясь другими более исправными рукописями. Из 18 списков Ферапонтовского извода ни один

[1] Поэтому тексты Русской Правды могут быть выделены в особый извод с условным названием Ферапонтовского, как это и сделано в академическом издании, стр. 235—263 и стр. 50—51.

[2] В скобках поставлены слова, написанные в Ферапонтовском списке на полях.

не восходит далее половины XVI века, 11 списков написаны в XVI и 7 списков в XVII веке. Сам Ферапонтовский список носит на себе резкие черты правописания XVI века. Вместе с тем в языке этого же списка заметна сильная струя московского акающего говора (таваръ, Ферапонтава и пр.).

Остальные списки Ферапонтовского извода также московского происхождения. Например, Соловецкая Кормчая подобного извода (*CMIV*) поступила в монастырь как дар известного Дионисия, архимандрита Троицкого монастыря. Другая Кормчая в начале XVIII века находилась в селе Акулинине, принадлежавшем князю Михаилу Матвеевичу Оболенскому (*EIV*); в состав этой Кормчей входит выписка „из Тверских правил“. Две Кормчих принадлежали Кирилло-Белозерскому монастырю. Одна из них (*КБ*) носит помету XVI века: „книга Федорита Умнаго, правила, Кирилова монастыря“. Другая была написана в том же монастыре в 1590 году рукою монастырского дьячка Тихонца Азатцкого (*КБII*). Две рукописи принадлежали Пыскорскому монастырю на Сылве, одна с записью 1760 года (*ПII*), другая также с записью XVIII века. Интересна запись конца XVI века в большой Кормчей (*Г*), принадлежавшей боярину и дворецкому Григорию Васильевичу Годунову.

Происхождение остальных Кормчих с Ферапонтовским изводом Пространной Правды неясно. Во всяком случае можно с достоверностью сказать, что Ферапонтовская Кормчая не была распространена в Новгородских пределах. Даже Кормчая, принадлежавшая Киево-Софийскому собору (*КС III*), имеет запись 1649 года о продаже ее гостем Федором Веневитовым. Таким образом, среднерусские и северорусские, но московские области были местом распространения Кормчих Ферапонтовского типа. Вероятно в этих пределах она и возникла в половине XVI века.

Какую же цель преследовала работа по дополнению Русской Правды? Эта цель могла иметь и практические задачи. Известно, что заимствования из Русской Правды имеются в Судебнике 1550 года. К этому времени может быть приурочено возникновение Ферапонтовского вида. Вспомним, что Синодальный список Кормчей долгое время находился в Москве и только при митрополите Макарии был возвращен в Новгород. Между тем древнейший и обнаруживающий непосредственные следы правки Ферапонтовский список относится как раз к середине XVI века. Еще с большим вероятием создание Ферапонтовского извода можно объяснить церковными спорами, связанными со Стоглавым собором. Кормчая являлась одним из руководящих источников для Стоглава. Так, в 54 главе Стоглава мы читаем выписки о святительском суде „от священныхъ правилъ святыхъ апостолъ“, из деяний вселенских и поместных соборов, из книг царя Устиньяна, из заповеди царя Мануила Комнина, церковного устава Владимира и посланий Киприана.[1] Большинство этих статей заимствовано из Кормчих различного состава. В связи с этим понадобился пересмотр Кормчей и отдельных статей, в силу чего было произведено дополнение Пространной Правды по более полным спискам. Во всяком случае Ферапонтовской извод — памятник позднего происхождения, возникший не ранее половины XVI века в исконных московских пределах.

[1] Стоглав. Изд. Кожанчикова. СПб. 1863, стр. 180—205.

ГЛАВА 15

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В ПЕРЕДЕЛКЕ КОРМЧЕЙ КОНЦА XIV ВЕКА

В предыдущей главе был рассмотрен вопрос о происхождени Чудовского извода, возникшего в конце XIV века. Но переработка Рус ской Правды, известная нам по Чудовскому изводу, была не единичной В этом нас убеждает существование целой группы списков Русско Правды, имеющихся в составе особой краткой Кормчей, которую по е владельцу условно можно назвать Мясниковской, а по происхождени Киприановской.[1]

Открытие этой группы списков и выделение их в особую редакци является заслугой В. П. Любимова, который установил существовани особого вида Русской Правды, раннее почти неизвестного в науке, да ему название Мясниковского.

Более ранние исследователи были знакомы с отдельными вариантам списков Мясниковского извода (или вида по классификации академи ческого издания Правды Русской), причем готовы были отдельны варианты этих списков считать просто ошибками переписчиков.

В настоящее время известно 6 списков подобной Кормчей. Из ни древнейший Мясниковский (*М*) список (по фамилии владельца рукописи которому она принадлежала в XIX веке) восходит к началу или верне к I-й четверти XV века, 5 остальных также к XV веку. Таким образом перед нами памятник, распространенный в XV веке и, повидимому, выте ненный позднее другими видами Кормчей.

Все списки Мясниковской Кормчей очень близки по составу. Наи большее отличие в расположении статей имеет только один Соловецки список 1493 года (*СМ*), где Русская Правда поставлена в конце стате Кормчей. Но это отличие зависит от составителя Соловецкой Кормче объединившего в ней статьи из различных сборников. Остальные списк Кормчей Мясниковского типа (Барсовский, Чудовский I, Тихонравовски Толстовский) имеют почти одинаковый состав с рядом отличий в конц памятника, о чем будет сказано далее.

Мясниковская Кормчая, как и другие подобные же списки, начинает словами: „Книги, глаголемыя Кормьчии, еже сказаеться Манакануи Приглядываясь к содержанию Мясниковской Кормчей, мы обнаруживае что ее первая часть близка к Синодальной Новгородской Кормч 1280 года. Но вся 2-я часть Мясниковской Кормчей взята уже из др гого источника. В составе Мясниковской Кормчей обращают на се внимание статьи русского происхождения. Таковы: церковное прави митрополита Иоанна, Вопрошание Кириково, Вопросы Феогноста Сара ского и др. Текст Мясниковской Кормчей заканчивается тайнописи в виде таблицы: „Чти разумней да увеси истиньну, много бо взыскан требе на принятье духовьному разуму, кими делы богу угодим, пок емъся от грех и живи будем в бесконечьныя веки“. Повидимому, зде и заканчивалась первоначально Кормчая.

Русская Правда была внесена в состав Мясниковской Кормчей у при ее составлении. Это доказывается тем, что Правда находится второй части Кормчей как ее особая статья (после статьи „о власех а не как отдельный дополнительный памятник.

К Мясниковской Кормчей приложены в виде дополнительных стат послание вселенского патриарха к дьякону Георгию и послание митр

---

[1] В академическом издании Правды, стр. 181—200.

полита Киприана к игуменам Сергию и Феодору, обрывающееся на словах: „не вышло из моих уст слово на князя на великого на Дмитрия, ни до ставления, ни по ставлении, ни на его княгиню, ни на его бояре".[1]

В несомненной связи с Мясниковской находится Чудовская Кормчая конца XV века, в которой в конце после таблицы тайнописью („чти разумнѣи"), находим также послание патриарха к дьякону Георгию и часть первого послания Киприана. Писец, повидимому, имел уже в качестве оригинала для переписки дефектную рукопись. Чудовская Кормчая оканчивается на полуслове: „ни по ставленьи, ни на его княгиню, ни на его бояр..." После этого в виде креста и отчасти тарабарской тайнописью приписано: „слава тебѣ Архангелъ Господень, зьри, а писалъ Михаилъ диак". Русская Правда в Чудовской Кормчей также помещена после статьи „о власех". Таким образом, можно думать, что список Чудовской Кормчей был написан с того же оригинала, что и Мясниковский.

Мясниковская и Чудовская Кормчая были написаны с экземпляра, который уже не имел нескольких листов в конце рукописи. Более полной является Барсовская Кормчая XV века (Б). В ней после тайнописи, оканчивающей Мясниковскую Кормчую, следует еще ряд таблиц, также в виде тайнописи, с заголовком над ними: „хитросповѣдания" или „хитрость исповѣданья". Эти таблицы заканчиваются текстом, написанным обычным полууставом, после чего следует небольшая статья: „Филагрею впросив на здрав[ье] Фиолгъ". Далее помещено упомянутое послание вселенского патриарха („слово к честному мниху честнаго монастыря"), адресованное к дьякону Георгию. Вслед за ним помещены 4 послания митрополита Киприана. Начало первого послания дано тайнописью в виде таблицы. Во втором послании Киприана вместо адресатов трижды поставлено „имя рек". В третьем послании имена адресатов скрыты буквами под титлом „игуменомъ С[ергию], Ф[еодору"]. Также сделано и в четвертом послании „к игумену, скрытому буквою А.[2] После четырех посланий Киприана следует особая статья: „от иного посланья о повинных". В этом послании, которым оканчивается Барсовская Кормчая, имя автора также скрыто буквою Д. С Барсовской Кормчей сходно содержание Соловецкой (*СМ*) 1493 года. Впрочем, Соловецкая Кормчая имеет сводный характер и составлена из ряда источников.

Следует полагать, что Барсовская и Соловецкая Кормчая дают состав того прототипа Кормчих, с которого были списаны Мясниковский и Чудовский списки, которые таким образом являются вторичным звеном в создании Кормчих Мясниковского типа.

Но Барсовская и Соловецкая Кормчая также не являются первоначальными по своему составу. В этом нас убеждает существование двух других рукописей, также XV века: Толстовской и Тихонравовской. Толстовский список, написанный не позднее половины XV века, не имеет дополнительных статей и посланий Киприана, отличаясь и рядом других особенностей в расположении статей. Дополнительные статьи отсутствуют и в Тихонравовском списке.

Таким образом, все списки Кормчей Мясниковского типа, по их происхождению можно расположить в таком порядке: 1) списки Кормчей без приложений в конце (Толстовский и Тихонравовский), 2) списки Кормчей с дополнительными посланиями в их полном виде (Барсовский и Соловецкий), 3) списки Кормчей с дополнительными посланиями,

[1] См. Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 173—190, №№ 20 и 21. Тексты изданы по Чудовской и упомянутой Соловецкой Кормчей 1493 года.

[2] Известно послание Киприана ко Афанасью, воспросившему о некоторых вещах Строев. Библиографический словарь, стр. 166—167.

обрывающимися на полуслове. В этом списке древнейший Мясниковский список Кормчей вместе с Чудовским занимают по своему происхождению не первое, а последнее место.

Порядок списков Кормчей мясниковского типа, расположенный по их происхождению, дает возможность сделать выводы о первоначальном составе Кормчей. Все списки Кормчих Мясниковского типа, кроме Толстовского, носят следы новгородского происхождения. Особенно резко бросается в глаза новгородская смена „ц“ на „ч“, а также „и“ на „ѣ“ и обратно. Яркие новгородские черты находим прежде всего в древнейшем Мясниковском списке („оурочи скоту“, „а вда чѣну“ и др.)

Новгородские особенности встречаем и в Чудовской Кормчей, но в меньшем количестве.

Чудовская Кормчая уже в XVII веке принадлежала Чудову монастырю в Москве, как об этом говорит запись скорописью XVII века на чистом 270 листе: „Номоканон рекше правила святаго архистратига Михаила и великого чюдотворца Алексѣя чюда“. Из приведенной еще ранее записи видно, что писцом Чудовской Кормчей был дьяк Михаил.

Несомненное новгородское происхождение имеет известная Соловецкая Кормчая 1493 года. Рукопись была написана „при благовѣрномъ и христолюбивѣмъ князи велицемъ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, при митрополитѣ Зосимѣ и при архиепископѣ нашем владыцѣ Генадии Новгородстѣмъ и при намѣстникѣ великаго князя Якове Захарьичѣ... повелѣниемъ... священноинока Дософея, да послалъ есмь книгоу сию глаголемую Кръмчий душамъ в домъ святому Спасу на Соловкы.“[1]

Соловецкая Кормчая является самой поздней среди рукописей Кормчих Мясниковского типа. Вместе с тем она решительно подчеркивает распространение Кормчих подобного типа в новгородских пределах. Дософей не пишет, где сделана копия с Кормчей, но упоминание о новгородском архиепископе Генадии и новгородском наместнике могут указывать не только на Новгород, но и на библиотеку Софийского Дома. В языке Соловецкой Кормчей, как указывает Е. Ф. Карский, „встречаются и новгородские черты“.[2]

Особенно яркие новгородские черты встречаем еще в двух рукописях — Барсовской и Тихонравовской. Новгородская смена „ц“ на „ч“ и обратно проходит через всю Барсовскую Кормчую (в будущем „вече“ — л. 280 об., „наричаються“ — л. 188 об. и пр.). В XVII веке Барсовская Кормчая принадлежала Благовещенскому монастырю на Ундорове, как видно из записи по листам (с листа 73).[3]

Те же самые особенности находим и в Тихонравовской Кормчей („грѣвна“, „лицебное“ вместо „лѣчебное“, „обѣду“ вместо „обиду“ и пр.), при том в больших размерах.

Для нас важно отметить, что резкие новгородские особенности отличают все 5 указанных списков Кормчей Мясниковского типа, в то время как громадное большинство списков Чудовских Кормчих, как мы видели, не имеют этих особенностей. Таким образом, перед нами две области распространения различных Кормчих. Чудовская Кормчая была распро-

---

[1] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии, т. II, стр. 25.

[2] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 23.

[3] Эта запись в полном виде говорит следующее (кое-где запись стерта): „Лѣта 7131 [1623] году... продал сию книгу глаголемую Намоканон въ Ундорова монастыря Благовещенья пресвятей Богородицы священноиерею иноку Ферапонту... есмь ему...“ На других листах Барсовской Кормчей имеются еще записи скорописью XVII века: 1) с л. 151 — „продал сию книгу, глаголемую Номоканон церковной дьячек Гришка Мохсимов сын“... 2) „книга глаголеная Кормчая еже сказается Номоканон Лаврентия Володимерова сына Умърыхина“. Воскресенский монастырь на Удоре у Соли Вычегодской упомянут в записи — рукопись Ундольского, № 74.

странена во Владимиро-Суздальской (точнее Московской) земле, Мясниковская — в новгородских пределах.

Тем более представляется нам странным происхождение 6-го (Толстовского) списка Кормчей Мясниковского типа, который по своим языковым особенностям резко отличается от остальных подобных же списков. Толстовский список Кормчей носит на себе резкие черты югославянского, происхождения. Е. Ф. Карский отмечает, что в Толстовской рукописи“ много болгаризмов“.[1] Болгаризмы испещряют текст Русской Правды по Толстовскому списку. В Толстовском списке находим постоянное употребление двух больших юсов (ѪѪ) в конце слов (дворнѪѪ, ролеинѪѪ), югославянское аа вместо русского ая (поклепнаа, ссаднаа), постоянное употребление таких форм, как „трьгоу“, „додрьжать“, „главежень“ вместо „голважень“, „такожде“, „тоужьдь“ вместо „чужь“ и т. д., в конце слов ставится „ь“.

Таким образом, нет никакого сомнения, что писцом Толстовской Кормчей был болгарин или серб, хотя сама Кормчая, несомненно, была написана на Руси. В этом нас убеждает большое количество статей русского происхождения, помещенных в Толстовской Кормчей. Здесь мы находим известное „Слово об обидящих церкви божии, Правила Илии Новгородского, митрополита Иоанна Русского, Кирилла митрополита, Вопросы Феогноста Сарайского, Поучение и наказание попом и пр.

Каким же образом можно объяснить появление Толстовской Кормчей с ее югославянскими особенностями? Эти особенности Толстовского списка будут непонятными, если признать в нем позднюю копию с оригинала, послужившего для остальных списков Кормчей Мясниковского типа. Но эти особенности найдут себе объяснение при сопоставлении с дополнениями к Кормчей, имеющимися в Соловецком и Барсовском списках и имевшимися в Чудовском и Мясниковском. Указанные дополнения ведут нас к определенной эпохе и к определенным лицам. Послание вселенского патриарха датируется А. С. Павловым 1377—1388 годами и обращено по его мнению, к игумену Сергию Радонежскому. К тому же времени относятся послания митрополита Киприана к игуменам Сергию и Феодору (первое послание относится к 1378 г.).[2] Таким образом, дополнения к Кормчей мясниковского типа ведут нас к церковно-политическим спорам конца XIV века и к одним из главных действующих лиц этих споров, митрополиту Киприану и игумену Сергию Радонежскому. Близость Киприана к Сергию резко бросается в глаза из содержания посланий, находящихся в конце Кормчей Мясниковского типа. Но сами послания были, как мы видели, добавлены к первоначальной Кормчей. Кем же была составлена Кормчая?

На это прежде всего указывает орфография Толстовской Кормчей, отличающаяся характерными югославянизмами. Такая орфография находит себе применение в северной Руси только с эпохи митрополита Киприана. Как известно, сам Киприан был сербом, но воспитывался в духе школы тырновского (болгарского) патриарха Евфимия. Существование Толстовского списка с болгарскими особенностями может быть удовлетворительно объяснено работами митрополита Киприана над составлением и исправлением Кормчей книги. Известно, что в подтвердительной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, данной митрополиту Киприану, имеется прямая ссылка на Номоканон: „списан же бысть сей списокъ из великаго и стараго Номоканона на Москвѣ в лѣто 6911 [1403] индикта 11, мѣсяца в 12 день“. Существование Толстовского списка с его южнославянскими особенностями может быть объяснено

[1] Е. Ф. Карский. Русская Правда, стр. 23.
[2] Русская Историческая библиотека, VI, стр. 173—190.

тем, что для митрополита Киприана был сделан список Кормчей, копией которого является Толстовская рукопись. Возможно, что сама Кормчая Мясниковского типа возникла по инициативе Киприана. Целый ряд источников указывает на Киприана как на составителя или, по крайней мере, редактора Кормчей.

Во время спора Лаврентия Зизания с московскими справщиками в XVII веке делались ссылки на митрополита Киприана, который привез с собой из Константинополя „правильные книги христианского закона, греческого языка правила, и превел на славянский, иже божиею милостью пребывают и до ныне без всяких смутов и прикладов и новых вводов“.[1] Можно спорить о характере „правильных книг“, переведенных Киприаном, но нельзя отрицать, что в Московском государстве XVII века твердо помнили о переводческой и редакционной деятельности Киприана.

Образцом литературной деятельности Киприана, возможно, является Толстовская Кормчая и подобные ей списки. Поэтому Кормчие Мясниковского типа, быть может, правильно было бы назвать Киприановскими. Кормчие такого типа получили особое распространение в Новгородских пределах и, может быть, даже севернее в Двинской земле. Приложения к Кормчей в виде посланий патриарха и Киприана могли быть приписаны к ней позднее.

Русская Правда имеется во всех списках Кормчей Мясниковского типа, отличаясь довольно большими разночтениями в разных списках. При изучении Мясниковского извода Русской Правды прежде всего бросается в глаза близость его к Чудовскому. Эта близость особенно подчеркивается теми характерными пропусками в тексте, которые мы находим в списках того и другого извода. Так, в Чудовском и Мясниковском изводах пропущены слова „а в 40 гривенъ ему заплатити ис дружины“ (в T 4) „а за смердии холопъ 5 гривенъ“ (в T. 15). Как для Чудовского, так и Мясниковского изводов также характерен большой пропуск в статьях о бороде и о зубе:

ТРОИЦКИЙ	МЯСНИКОВСКИЙ (ЧУДОВСКИЙ)
А кто порветь бородоу, а въньметь знамение, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ. О зубѣ. Аже выбьють зуб, а кровь видять оу него во ртѣ, а людье вылѣзуть, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (67)	А кто порвет бороду, а вонь знамение, а вылѣзуть людье то 12 гривен продажи, а за зоубъ гривна.

Если два первых и сравнительно незначительных по размерам пропуска в тексте Чудовского и Мясниковского изводов могут быть объяснены какими-то сознательными сокращениями первоначального текста Правды, то пропуск конца статьи о бороде и почти всей статьи о зубе может быть объяснен только небрежностью писца. Имея перед собой текст, дважды повторенный на одной и той же странице „то 12 гривенъ продажѣ“ писец сделал невольный пропуск. Повторение же этого пропуска в двух различных изводах Русской Правды является ярким доказательством зависимости этих изводов (Чудовского и Мясниковского) или от общего источника, или друг от друга.

Однако сравнение текстов Чудовского и Мясниковского изводов не дает права говорить о том, что списки первого извода зависят от второго или наоборот. Перед нами, несомненно, два различных извода, возникших самостоятельно, хотя и на основе одного общего источника. Особенности этого общего источника или протографа Чудовского

---

[1] Е. Голубинский. История Русской церкви, т. II, Первая половина, стр. 332—33[?]

и Мясниковского изводов могут быть восстановлены путем сличения этих изводов с Троицким. Отличия Чудовского и Мясниковского изводов от Троицкого и будут являться особенностями восстанавливаемого нами протографа Чудовского и Мясниковского изводов. Приведем общие их отличия от Троицкого.

ТРОИЦКИЙ	МЯСНИКОВСКИЙ	ЧУДОВСКИЙ
виревную (3)	*вирное*	*вирноую*
колико лѣтъ (4)	*толко лѣт*	*толико* лѣт
а головничьство самому головнику (5)	а головничьство, а *то* самому головнику	а головничество, *а то* самому головнику
хотя си роба (17)	или раба	или раба
то же будеть послухов 7 (18)	то же не будеть послух 7	то же не боудеть послоухъ седмь
не платить верви (119)	не платити виры	не платити виры
помечного (20)	*помочнаго*	*помоченаго*
то ти имъ правду (21)	*дати им правду*	то *дати имъ правду*
аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривен, аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны (22)	оже ли мене до полугривны золота, оже ли до двою гривен золота, аще ли мне, то ротѣ ему ити по свои куны	аже ли до гривны золота, аще ли до двою гривенъ золота, аще ли менѣ, то ротѣ ему ити по своя куны
оу кого есмь купилъ (38)	не *вѣдѣ* оу кого есмь купилъ	не *вѣжь* у кого есмь купил
в челядинѣ или оукрадше (38)	в челяди *оукрадъши*	в челядинѣ *оукрадше*
аже за кобылу 7 кун (45)	а за кобылу *60* кун	аже за кобылу *60* кун
чии то товаръ (54)	чьи *куны*	чьи *куны*
первое взяти (55)	пережѣ *имати*	прежде *имати*
оувидить купу (59)	оувередить *цѣну*	оувередить *цѣноу*
любо ли взяти (65)	любо ли *вязати*	любо ли *вязати*
что можеть (997)	что *мога*	что *мога*

Однако целый ряд чтений Мясниковского извода не может быть возведен к его общему протографу с Чудовским; точно так же как к нему не восходят и многие любопытные варианты Чудовского извода, составляющие особенность последнего. Во множестве случаев, когда Чудовский извод различается от Мясниковского, чтения Чудовского извода находят себе аналогию в Троицком. В свою очередь, на Мясниковском изводе совершенно не отразилась переработка текста, проделанная редактором Чудовского извода, о которой говорилось раньше. Таким образом, в Чудовском и Мясниковском изводах приходится видеть переработку одного и того же протографа, но переработку, сделанную разными лицами, в разное время, и в разных местах. Общий же источник Мясниковского и Чудовского изводов был очень близок к Троицкому или сходным с ним спискам.

Особенности Мясниковского извода особенно бросаются в глаза при сравнении его чтений с текстом Троицкого и Чудовского. Перед нами новая и совершенно особая переработка текста, возникшая независимо от редакционной работы составителей Чудовского извода. Сличение Мясниковского извода с Троицким и Чудовским дает возможность сделать ряд выводов.[1] Прежде всего нет никакого сомнения, что часть разночтений Мясниковского извода принадлежит к числу позднейших осмыслений текста и пропуска отдельных слов. К числу таких чтений относятся:[2] „а куров двое“ (9, вм. „а куръ по двою“ *Т*), „прикладная“ (9, вм. „перекладная“), „дѣсницею“ или в других списках „лѣстницею“

[1] Следует иметь в виду, что в нашем изложении приняты во внимание особенности, имеющиеся в большинстве списков Мясниковского извода. Сам Мясниковский список имеет ряд чтений, присущих только ему одному.

[2] В скобках проставлена нумерация статей Мясниковского извода по академическому изданию и чтение Троицкого извода.

(25, *Т* — „тылѣснию“), „выидоуть“ (29, вм. „вылѣзуть“), „в городѣ“ (34, „въ своемь городѣ“), „видокомъ“ (37, „тѣмъ видокомъ“) „то отворотити“ (38, „то опять воротять“ *Т*, или „того воротять“ *Ч*), „не имати“ (48, „кунъ не имати“), „бологодѣть“ (49, бологодѣлъ), „то колко городнии“ (97, „то колико городнѣ) и др.

Другие отличия Мясниковского извода от Троицкого и Чудовского заключаются в довольно многочисленных пропусках текста. Эти пропуски могут быть признаны отчасти ненамеренными, отчасти же сознательными. Выше указывалось, что уже протограф Мясниковского и Чудовского извода отличался некоторой дефектностью текста. Но сличение Мясниковского извода с Чудовским и Троицким показывают, что многие пропуски в тексте Мясниковского извода возникли при его составлении вне зависимости от того общего источника, который лег в его основу вместе с Чудовским изводом. Так, в Мясниковском изводе отсутствуют слова: „или нога, или око или не оутнеть“ (28, в Чудовском — „или нога, или око истьгнеть“), „кунъ“ (48, „кунъ не имати“ *Т* и *Ч*), „пьян“ (62, в *Т* „не смысля пьян“, в *Ч* „пьянъ не смысля“), „бортьноую“ (72, *Т* и *Ч* „межу перетнеть бортьноую“), „межю“ (72, *Т* и *Ч* „межу тыном перегородит“), „аже дубъ подотнеть знаменыи или межьныи, то 12 гривенъ продажѣ“ (*Т* и *Ч*, 73) и пр.

Наконец, в Мясниковском изводе пропущены целые статьи об уроках судебных и об уроках ротных (*Т* 107 и 109) и часть текста в статье о разделе имущества: — „на том же стояти, паки ли безъ ряду оумреть, то всѣм дѣтемъ“ (*Т* 92).

Большинство пропусков в тексте Мясниковского извода, может быть объяснено небрежностью писца. Но рядом с этим бросается в глаза стремление редактора извода выбросить наиболее непонятные и устарелые места текста. Этим стремлением можно объяснить исключение статей о судебных и ротных уроках.

На ряду с пропусками в чтениях Мясниковского извода обнаруживается стремление к определенной переработке текста. В самом деле попытки осмысления текста путем перестановки слов, изменения или даже добавления новых слов, характерные для Мясниковского извода, обнаруживают определенную редакторскую работу. Например, слова Троицкого (и Чудовского) изводов „а за жеребець, аже не всѣдано нь, гривна кунъ“ (45) изменены в Мясниковском таким образом: „а за жеребець, оже будеть не всѣдано, гривна дати за нь кун“. Слова „оуставиша на куны“ изменены в Мясниковском изводе (65) на фразу: „оуставиша на куны продати“, хотя слово „продати“ является здесь совершенно лишним. Непонятное „тылѣснию“, то есть тупою стороною меча изменено в странное „лѣсницею“ (а отсюда „дѣсницею“ Мясниковского списка).

В некоторых случаях составитель Мясниковского извода довольно произвольно менял текст, придавая ему совсем новый смысл. Так в статье о свержении виры вместо слов Троицкого (и Чудовского) изводов „тогда дать им правду железо из неволи“ составитель Мясниковского извода написал: „дати им правду съ желѣзом на поле“ (21) вводя таким образом в Русскую Правду понятие судебного поединка или „поля“.

В других случаях составитель Мясниковского извода, не понимая древнего текста, осмыслил его по своему. Слова „а вдачь не холопъ“ изменены на слова „а вда цѣну не холопъ“ (в Мясниковском „чѣну“) (111), „дворъ без дѣла“ на „дворъ без роздѣла“ (100), слова „тако же в закупѣ“, превращены в более понятное, но неправильное „тако же в закупленѣм“ (62), слова „оубѣжить въ хоромъ“ переделаны в „а оубѣжить холопъ“ (65). Непонятное слово „поток“ переделано в „зато

ченье“ (83). Старинная фраза „како си могуть“ заменена более понятным „по силѣ“ (95). Это стремление к объяснению древнего текста иногда приводит к настоящим курьезам. Слова Троицкого списка „что има черево возметь“ изменены в Мясниковском изводе на „что имать чрево возметь“ (74), вследствие чего слово „има“ переделано в глагол.

Вместе с тем текст Мясниковского извода не дает нам права говорить о том, что составитель извода хотел внести в памятник значительные изменения. Так, почти без изменения остались заголовки Правды и почти нет добавлений к старому тексту. Исключением является статья о бегстве холопа, где добавлены слова „от господаря“ (120). В то время как редактор Чудовского извода ставил себе задачей и некоторый пересмотр текста, составитель Мясниковского извода ограничился пропусками и осмыслениями текста, обнаруживающими подчас плохое знание русского языка. Таким образом, перед нами очень своеобразная переработка текста Русской Правды, но переработка скорее литературного, чем юридического характера.

Поднимается вопрос о времени, когда была произведена подобная переработка. Некоторый ответ на этот вопрос может дать анализ Толстовского списка с его болгаризмами.

Текст Русской Правды по Толстовскому списку не может быть выведен из остальных списков Мясниковского извода, хотя он и отличается близостью к Соловецкому. Наоборот, Толстовский список Русской Правды во многих случаях дает более древний и исправный текст, указывающий на то, что писец Толстовского списка пользовался хорошим источником. Это легко доказывается сравнением текстов Русской Правды в Толстовской, Мясниковской и Соловецкой Кормчих с Троицким списком XIV века.

МЯСНИКОВСКИЙ	СОЛОВЕЦКИЙ	ТОЛСТОВСКИЙ	ТРОИЦКИЙ
в ратаинѣ (13)	в *ратаинѣмъ*	в *ратаинѣмъ*	в *ратаинѣмъ*
и не налѣзуть (21)	не налѣзуть	не налѣзуть	не налѣзуть
дѣсницею (25)	*лѣсницею*	*лѣсницею*	тылѣснию
сведеться (35)	*сведитеся*	*сведитеся*	сведитеся
вся платить (36)	вся платити	*все* платити	*все* платити (30)
свода нѣту (39)	свода нѣту	свода *нѣтоуть*	свода *нѣтуть*
нет (45)	*а за коровье молоко 6 ногатъ*	*а за коровие млеко 6 ног[ат]*	а *за коровие молоко 6 ног[ат]*
чернестии (46)	чернечии	черньчии	чернечь
Рабора (53)	*Ратибора*	*Ратибора*	*Ратибора*
роботять ему (56)	работять *его*	роботять *его*	робять *его*
кто *же* его оударил (65)	кто *же* его оударил	кто его оударил	кто его оударилъ
ли бити (65)	ли бити	любити[1]	любо бити
на пустынѣ (77)	*на поустѣ*	*на поусте*	*на пустѣ*
колко (82)	*колико*	*колико*	*колико*
истои (99)	*истыи*	*истыи*	*истыи*
а вда чѣну не холоп (111)	*а в дачѣ* не холопъ	а в *дачѣ* не холопъ	*а в дачѣ* не холопъ
нет (113)	а боудеть раба *то 5 гривен*	а боудеть раба *то 5 гривен*	а будеть раба *то 5 гривенъ*
есть холопъ твои (115)	*есть холопъ*	*есть холопъ*	*есть холопъ*
аже кто бѣжа от господаря (120)	*аже кто бежа*	*аже кто бѣжа*	*аже кто бѣжа*

Приведенное сличение списков показывает во многих случаях большую близость Соловецкого и Толстовского списков к Троицкому по сравнению с Мясниковским. В свою очередь Соловецкий и Толстовский

[1] Это чтение произошло из „лю[бо] бити“, с пропуском слова „бо“.

списки в ряде чтений обнаруживают большую близость друг к другу и общие отличия от Мясниковского. Это позволяет говорить об их происхождении от общего протографа, несколько отличавшегося от Мясниковского списка. Таким образом, наблюдения над особенностями списков снова приводят нас к выводу о сложных взаимоотношениях списков Мясниковского извода.

Вместе с тем Толстовский список имеет ряд характерных особенностей, меняющих смысл текста Правды и отсутствующих в других списках. Вот наиболее характерные особенности Толстовского списка: „лицемь“ вместо „лице“ (36), „народу“ вместо „на роту“ (37), „поняти же челядина“ вместо „пояти же челядина“ (38), „скотина“ вместо „скотъ“ (38), „всѣдлан“, вместо „всѣдано“ (45) „татие княжи холопи“ вместо „холопи татье любо княжи“ (46) „иметь“ вместо „оучнеть“ (48), „Берестовое“ вместо „Берестовѣм“ (53), „по 10 кун на гривну, то не отмѣтати, за нь же емлеть на лѣто“ вместо „по 10 кун на гривну от лѣта, то не отмѣтати“ (53), „испроторить“, вместо „испортить“ (54), „домачным“ вместо „домашним“ (55), „воиньскыи“ вместо „воискыи“ (57), „о мостовщикѣ“ вместо „о мостовьщинѣ“ (97), „без ряды“ вместо „без ряду“ (110), „доходит ли, то виноватъ“ вместо „отходит ли, то невиноват“ (111) и другие варианты.

Даже Соловецкий список, наиболее близко стоящий к Толстовскому по своим вариантам, обычно здесь не следует чтениям Толстовского списка, который в этом случае стоит одиноко. Поэтому Толстовский список не может считаться списком, целиком сохранившим особенности своего протографа.

Таким образом, перед нами как бы две ветви Мясниковского извода. Первая ветвь представлена Толстовским списком с его болгаризмами, вторая — остальными списками того же извода. Если принять во внимание, что Толстовская Кормчая сохранила наиболее древний состав, то и Толстовский список Русской Правды, может быть признан во многом сохранившим более древние черты общего протографа Мясниковского извода.

В каком же отношении текст Русской Правды в Толстовской Кормчей стоит к остальным спискам Мясниковского извода? Прежде всего следует отметить, что в языке Русской Правды в Толстовской Кормчей отсутствуют следы новгородского говора, как и обратно — югославянизмы Толстовской Кормчей не отразились в остальных списках. Таким образом, можно думать, что Толстовский список возник самостоятельно от других списков того же извода. Текст Русской Правды по Толстовскому списку также не может быть выведен из остальных списков одного с ним извода, хотя он и отличается близостью к Соловецкому. Наоборот, Толстовский список Русской Правды во многих случаях дает более древний и исправный текст, указывающий на то, что писец Толстовского списка пользовался хорошим источником.

Толстовский список мог быть написан не только выходцем из Балканских стран, но и русским, знакомым с южнославянскими памятниками. А. И. Соболевский[1] указывает ряд памятников, написанных в Константинополе в эпоху митрополита Киприана. В Ленинской Публичной библиотеке (Егоровское собрание) хранится любопытный сборник житий, написанный в 1437 году неким Авраамом Русиным.[2] Но с еще большим

[1] А. И. Соболевский. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб, 1894.

[2] Приведу любопытное послесловие этого сборника, до сих пор еще не появившееся в печати:

„В лѣто 6940 [1432] съписася книга сия въ святѣи горѣ Афоньстии въ обители царьстѣи прѣчистыя владычица нашея богородица приснодѣвы Мариа въ нарицаемѣи Лаврѣ преподобнааго и богоноснааго отца нашего Афанасиа Атоньскааго под крилиемъ

вероятием составление Мясниковского извода может быть отнесено к деятельности самого митрополита Киприана.

Современники чрезвычайно высоко ценили литературную и политическую деятельность Киприана. В записи на одной рукописи, принадлежавшей Успенскому собору, читаем похвалу Киприану: „его же благословением земля Руськая миръ глубокыи приемлеть, церкви же божие православие одежею свыше истканною одѣася, и исправлениемъ книжнымъ и учениемъ его свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей и напаяется яко от источника приснотекуща“. [1]

Но еще бо́льший интерес имеет та характеристика, которая дана Киприану в Истории Татищева, имеющая для нас особое значение. На основании каких-то неизвестных источников Татищев пишет, что Киприан „книги своею рукою писаше . . . преписа правды и суды и лѣтопись русскую“. Слова „правда“ и „суды“ прямо указывают на какой-то памятник, подобный Русской Правде. Правда, Киприану приписывается создание многих памятников, в том числе Книг Законных, но некоторые особенности Мясниковского извода позволяют приписывать и его возникновение деятельности Киприана.

В Мясниковском изводе Русской Правды можно видеть „суды и правды“, переписанные Киприаном. Интересно отметить, что все списки Мясниковского извода сохранили некоторые черты литературной школы Киприана.

Особенно интересно слово „тысячник“, которым Мясниковский извод обозначает тысяцких в известной статье о резах, где говорится об уставе Владимира Мономаха. Это слово совершенно непонятно в списках Мясниковской Кормчей XV века, носящих яркие черты новгородского говора и написанных еще до падения Великого Новгорода. В Новгороде хорошо знали настоящее название тысяцких. Но слово „тысущникъ“ находим в житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым. Епифаний же, как известно, находился под влиянием византийской и юго-славянской литературной школы.

„Суды и правды“, переписанные Киприаном и дошедшие в списках Мясниковского извода, нашли особое распространение в новгородской области, как это показывают сохранившиеся списки. Это может быть объяснено особым отношением Киприана к Новгороду. В 1391 году Киприан был в Новгороде „и потом нача у Новгорода суда просити“. Этот суд он получил только в 1395 году, когда пробыл в Новгороде продолжительное время. [2]

Могла быть и особая причина для переработки Русской Правды.

В 1397 году, как известно, Двинская земля отложилась от Новгорода и была занята войсками великого князя Василия Дмитреевича. В распре новгородцев с великим князем принял участие митрополит Киприан. Новое московское владение нуждалось в таких юридических

святаго Григориа Паламы и преподобнааго отца нашего Петра въ кущѣ святааго и славнааго пророка Илью[юс большой]. Написася рукою многогрѣшнааго и смѣренна инока Авраамиа Русина въ царствѣ Греческааго цара Кур Калуана Палеолога и при вселеньском патриарсѣ Коньстянтинополь кур Иосифа помощью божиею. И прѣнесена бысть от Греческааго царства на Русь (въ) богомъ спасаемыи град Тферь, при боголюбивом и благочестивом и самодръжавном великом князѣ Борисѣ Александровичѣ въ славу живоначалныя и единосущныя Троица и въ чьсть преподобному и богоносному отцю нашему Савѣ освященному, и нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком аминь. При господинѣ отци нашемъ оучители и наставници и многомилостивом и братолюбивом и книголюбивом Савѣ игоумени. Вьдана бысть книга сиа в лѣто 6945 [1437]“.

[1] Великие Минеи-Четьи, СПб, 1883 г., 25 сентября, стр. 1492.

[2] О спорах Киприана с новгородцами записано во многих летописях. Интересные подробности находим в Архангелогородской летописи (Летописец, содержащий в себе Российскую историю М. 1781, стр. 95, 96. „В Актах Исторических“ (Т. 1, № 11) напечатано поучение Киприана „а далъ списокъ в Новегороде в лето 6903“ (1395).

пособиях, какими являлась Кормчая. Возможно, что этим объясняется распространение Кормчих Мясниковского типа, именно, на севере Руси, в Двинской земле (см. Соловецкую Кормчую и Тихонравовскую.)

Первоначальный состав Кормчей дошел до нас в Толстовской Кормчей. Позже он получил дополнения, как в Барсовской, так отчасти в Соловецкой Кормчей в виде посланий Киприана и патриарха. Еще позже к ним был приложен новый памятник — послание „о повинных", которое было заимствовано из особого источника и включено было в Кормчую по общему сходству с другими ее приложениями. На XIV век, как на время переработки текста Русской Правды, сохранившегося в Мясниковском изводе, указывают и следующие выражения: слово „продажа" в одном случае заменено понятием „вины" („а князю 12 гривен вины"), заглавие „о мостницѣхъ" переделано на „о мостовъщинѣ", т. е. введено понятие мостовой повинности. Не менее интересно употребление слова „господарь" („аже кто бѣжа от господаря"), столь распространенное в Псковской Судной Грамоте и вытеснившее древний термин „господин".

Киприан в основу своей переделки положил дефектный список Русской Правды, сходный с тем, который лег в основу Чудовского извода. Между тем в предыдущей статье было указано, что протограф Чудовского извода в некоторых случаях имел сходство не с Троицким списком XIV века, а с другими списками того же извода, главным образом, с Синодальным II. Повидимому, списки Русской Правды этого типа были особенно распространены в XIV веке в Московско-Суздальской Руси.

ГЛАВА 16

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКИХ КОРМЧИХ

Чудовский и Мясниковский изводы Пространной Правды, как мы видели, примыкают по своему характеру к Троицкому изводу, представленному списком XIV века. Но существует еще один извод Пространной Правды, также встречающийся в Кормчих, но по своим особенностям восходящий не к Троицкому, а к древнейшему Синодальному списку 1280 года. Этот извод встречается в Кормчих особого состава.

Как и в других случаях, такие Кормчие отличаются довольно однородным составом, о котором дает представление рукопись Ленинской Публичной Библиотеки (Москва), описанная А. Х. Востоковым, [1] а также Кормчая Новгородско-Софийской библиотеки, по которой в академическом издании она и названа Новгородско-Софийской. По своему составу эта Кормчая очень близка к Новгородской Синодальной Кормчей 1280 года, на что указал В. П. Любимов в академическом издании (стр. 44—47). В этом нас убеждает сличение статей Кормчей 1280 года с Кормчими

---

[1] А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского Музеума. СПб. 1842, № 232. Состав подобной же рукописи Исторического музея (Увар. № 125) описан у Леонида. Описание рукописей Уварова, т. I, М. 1893, № 558, стр. 621 и следующие за этим страницы.

Новгородско-Софийского типа. Впрочем составитель Кормчей Новгородско-Софийского типа взял только часть статей из своего источника, общего для нее и для Синодального списка. Поэтому Новгородско-Софийские Кормчии обладают меньшим количеством статей, чем Кормчая 1280 года. Интересно отметить, что составитель Новгородско-Софийской Кормчей переписал также оглавление, помещенное в Синодальной Кормчей со всеми особенностями, поставив его в конце рукописи. Как и в Кормчей 1280 года, это оглавление в Новгородско-Софийских Кормчих оканчивается на статье „правило Кирила митрополита роусьскаго".

В настоящее время известно 18 списков Кормчей Новгородско-Софийского типа. Из этого числа по крайней мере 5 списков могут быть отнесены к концу XV века, 7 — к первой половине и 6 — ко второй половине XVI века.[1]

Древнейший датированный список Новгородско-Софийской Кормчей относится к 1518 году (Овчинниковский II). Он принадлежал „Изотьей пустыни", местонахождение которой неясно. Более определенное указание находим в другой Кормчей (Соловецкой III). Из записи в конце рукописи можно установить, что Кормчая была написана в 1519 году в Новгороде: „а писал сию книгу Климентовской диак с Ыворовы улицы . . . Сава Данилов сын". Эта запись послужила образцом для послесловия в конце так называемой Фроловской или Браиловской Кормчей. Писец, воспользовавшись записью Соловецкой Кормчей, соответственно изменил все собственные и географические имена (как и год записи) и приурочил их к городу Браилову и времени польского короля Сигизмунда III. Таким образом оказывается, что Браиловская Кормчая в сущности является списком с Новгородской (Соловецкой III) рукописи 1519 года. Следовательно, в 1519 году Кормчие Новгородско-Софийского типа уже имели распространение в новгородских пределах. Еще более ясное указание на Новгородское происхождение подобных кормчих находим в любопытной рукописи (Егоровской I), написанной двумя полууставными почерками: 1) конца XV — начала XVI века и 2) половины XVI века. Вторая часть этой рукописи, написанная более поздним почерком (с л. 468), имеет в самом начале приписки: „от здѣ не бысть в Новгородском правилѣ и сие недостатьство наполнил архиепископ Феодосий Великого Новагорода и Пскова". Действительно, в то время как первая часть рукописи представляет собой Новгородско-Софийскую Кормчую, вторая часть содержит ряд дополнительных статей. Феодосий был новгородским архиепископом с 1542 по 1551 год.[2] Ранее он был игуменом Хутынского монастыря и, повидимому, происходил из новгородцев. Таким образом, уже во времена Феодосия Кормчая Новгородско-Софийского типа носила название „новгородской". Этим объясняется то обстоятельство, что в одном списке такой Кормчей (Егоровской III) среди дополнительных статей находим послание митрополита Макария к новгородскому архиепископу Пимену от 6 февраля 1558 года. На новгородскую область указывают и другие списки Кормчей того же состава. Так, рукопись Ленинской библиотеки в Москве была написана в Прилуцком монастыре в 1532 году, а списана „с Каменских правил болших". Под Каменскими правилами едва ли можно разуметь что-либо другое, чем Кормчую Спасо-Каменского монастыря.

О времени возникновения Кормчей Новгородско-Софийского типа можно судить только предположительно. Вероятнее всего, она воз-

---

[1] См. в академическом издании Русской Правды, стр. 138—163.

[2] Новгородские летописи, СПб, 1870, стр. 72—80.

никла в конце XIV века. На это намекает следующее обстоятельство. Востоков указывает, что статья о речи „жидовского“ языка в Румянцевской Кормчей Новгородско-Софийского типа „вдвое полнее“ по сравнению с такой же статьей в Кормчей 1280 года и содержит против текста Кормчей 1280 года „лишние 140 слов“.[1] В числе этих новых еврейских слов с переводом на русский в Новгородско-Софийских Кормчих показан термин „стригольник“, живо напоминающий о борьбе со стригольниками в Пскове во второй половине XIV века. Кроме того, в Румянцевской Кормчей встречаем предисловие с рассказом об установлении в Сербии патриаршества в XIV веке.

Может быть на более точное время возникновения Новгородско-Софийской Кормчей указывает известие Никоновской летописи под 1383 годом (П. С. Р. Л. XIII, 85—86) о постановлении Новгородского веча не ездить на митрополичий суд в Москву, а судиться у Новгородского архиепископа „по закону гречьскому и в правде и в вине быти у них по вере“. Закон греческий, по которому должен был судить архиепископ, несомненно являлся Кормчей, имевшей такое большое значение в Новгороде. Летопись добавляет: „а посаднику и тысяцкому судити свои суды по Рускому обычаю“. Этот „русский обычай“, несомненно, совпадал с некоторыми статьями Русской Правды, не потерявшими свое значение и в конце XIV века.

Интересные выводы дают наблюдения над одной Кормчей Новгородско-Софийского типа, стоящей несколько особняком, так называемой Рогожской (№ 256), написанной полууставом первой половины XVI века.

Рогожская Кормчая отличается особым составом, начинаясь словами: „о всих святых сборах и о времени чину их, которыи по котором бысть“. Эти слова являются лишь продолжением заглавия одной статьи, которая в более полном виде находится в Румянцевской Кормчей. Между тем эти слова в Рогожской Кормчей помещены под заставкой балканского плетения. Поэтому можно думать, что протограф Рогожской Кормчей уже не имел начала. Некоторые листы этого протографа, повидимому, были перепутаны. Так на л. 196 об. в Рогожской Кормчей находим устав Владимира, занимающий ровно 2 страницы текста и разрывающий на две половины статью о вселенских соборах. Устав Владимира начинается с середины страницы и, таким образом, находился уже не на месте в протографе Рогожской Кормчей, в котором были перепутаны листы. В основном же состав первой части Рогожской Кормчей сходен с составом Кормчих Новгородско-Софийского типа. Это сходство продолжается, примерно, до 594 листа, после чего в Рогожской кормчей следует ряд дополнительных статей, имеющихся в составе Синодальной Кормчей 1280 года, но отсутствующих в Кормчих Новгородско-Софийского типа. Таким образом, можно думать, что Рогожская рукопись представляет собой соединение Кормчей Новгородско-Софийского типа с Кормчей, близкой по составу к Синодальному списку 1280 года.

Но Рогожская рукопись имеет и ряд других статей, дополняющих первоначальный состав Кормчей и не относящихся непосредственно к ее содержанию. После Русской Правды в Рогожской Кормчей помещены (на л. л. 688—729) грамоты во Псков и Новгород митрополитов Киприана и Фотия, а также новгородских архиепископов Иоанна и Евфимия. Из общего числа 13 грамот только одна имеет отношение к Новгороду, тогда как все остальные адресованы в Псков. Хронологически грамоты не заходят дальше эпохи архиепископа Евфимия. Поэтому надо думать, что протограф Рогожской Кормчей едва ли восходил ранее половины XV века, но едва ли был написан и на много позже этого времени.

---

[1] А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского Музеума № 232.

Подбор же грамот определенно указывает на Псков как на место, где возник протограф Рогожского списка, точнее на собор Троицы в Пскове. Так, к заглавию грамоты митрополита Киприана в Псков о церковной службе киноварью добавлено — „дано святѣи Троици". Это позволяет сделать догадку, что протограф Рогожской Кормчей мог быть дополнен по Кормчей, хранившейся в Псковском соборном храме Троицы.[1]

В состав Кормчих Новгородско-Софийского типа как особая статья входит Русская Правда, дающая текст особого Новгородско-Софийского извода.

Близость состава Кормчих Новгородско-Софийского типа и Кормчей 1280 года объясняет нам особенности текста Пространной Правды Новгородско-Софийского извода. В основу этого текста был положен список, имеющий ближайшее сходство с Синодальным списком 1280 года. Но Новгородско-Софийский извод имеет особенности, которые не позволяют считать его протограф копией с Синодального списка. Так, Новгородско-Софийские Кормчии не придерживаются расположения статей Синодального списка, давая в этом случае обычный порядок всех остальных списков Правды, в первую очередь Троицкого. Новгородско-Софийский извод имеет и некоторые другие отличия от Синодального списка, прежде всего выделяясь большей полнотой текста Правды. Как и в других списках Пространной Правды, в нем находим статью „о поклепѣ и о вирѣ", соответствующую такой же статье Троицкого извода („о поклепнѣи вирѣ") и имеющей с ней ближайшее сходство. Кроме того, в ряде случаев Новгородско-Софийский извод отступает от Синодального списка и сближается не только с Троицким изводом в целом, но и с Троицким списком XIV века в частности.

Эта близость Новгородско-Софийского извода к Троицкому могла бы быть объяснена тем, что редактор Новгородско-Софийского извода исправил текст Правды по Троицкому. Но такое предположение должно быть отвергнуто. В самом деле, совершенно непонятно, почему составитель Новгородско-Софийского извода взял только немногие чтения из Троицкого извода, оставив остальной текст без исправления. Некоторые общие отличия Новгородско-Софийского и Троицкого изводов от Синодального списка настолько незначительны, что не могут быть объяснены сознательной работой редактора, оставившего остальной текст без существенной обработки. Это заставляет думать, что некоторая близость Новгородско-Софийского и Троицкого изводов и общие их отличия от Синодального списка зависели от особенностей того протографа, который лег в их основу. Предполагаемый протограф был близок к Синодальному списку, но в ряде случаев отличался от него большей древностью, сближаясь с Троицким. Характерно, что Новгородско-Софийский извод, так же как и Троицкий список XIV века, употребляет слово „оукоръ" вместо встречающегося в других списках Пространной Правды термина „оурокъ". Как и Троицкий, Новгородско-Софийский извод восполняет некоторые пропуски Синодального списка. Вместе с тем он позволяет судить о тех изменениях, которые были внесены редактором Синодального списка в текст Правды, и дает возможность объяснить ряд отличий Троицкого извода, происшедших в результате более поздней редакторской работы. Поэтому чтения Новгородско-Софийского извода имеют важное значение и для восстановления текста первоначального протографа Пространной Правды.

Впрочем этот протограф не дошел в чистом виде и в Новгородско-Софийском изводе, который носит следы позднейшей переработки. Так, в статье о съезде Ярославичей к слову „сынове" добавлено „роустии"

---

[1] Грамоты изданы в Русской Исторической библиотеке, т. VI.

(„съвокупившеся роустии сынове“). Древнее слово „потокъ“ переделано на „погнание“ („на погнание и на разграбление“). На позднейшую переработку указывает и непонимание древнего термина „колбяг“, вместо которого читаем „колѣбягь“.

Количество подобных переделок невелико, но тем не менее они имеют важное датирующее значение. Слово „колбяг“, повидимому, еще было понятно в XIII—XIV веке, как показывают Синодальный, Троицкий и Пушкинский списки. В списках XV—XVI веков оно уже подвергается ряду изменений. Термин „колѣбягь“ в подобной транскрипции встречается во всех списках Новгородско-Софийского извода, показывая, что так он был передан составителем извода. Это также указывает на относительно позднюю переделку Новгородско-Софийского извода Однако эта переделка коснулась только отдельных слов и не внесла существенных изменений в текст Новгородско-Софийского извода, который сохранил основные особенности своего древнейшего оригинала. В этом нас убеждает параллельное сличение текста Новгородско-Софийского извода с текстом Правды в Рогожской Кормчей, который не имеет еще позднейших добавлений. Вместе с тем, при большом сходстве с Новгородско-Софийским изводом, текст Правды в Рогожской Кормчей имеет и некоторые отличия, показывающие, что он стоит ближе к Синодальному списку 1280 года, чем протограф Новгородско-Софийского извода. Так, в нем вместо слова „оукоръ“, столь характерного для Троицкого списка XIV века и Новгородско-Софийского извода, имеем, как и в Синодальном списке, „оурокъ“. В то время как в Новгородско-Софийском изводе и в Троицком списке читаем „что оу него будеть погибло“, в Рогожском, как и в Синодальном списке, находим „а что с нимь погыбло“ и т. д. Эта большая древность текста Правды в Рогожской Кормчей подтверждается характером самого списка, который был сделан, повидимому, с дефектной и, возможно, древней рукописи.[1] Так, писец Рогожской Кормчей явно не разобрался в некоторых словах переписываемого им оригинала „врнику“ вместо „вирнику“ (9), „палицею“ вместо „по лицю“ (30), „потеръ“ вместо „портъ“ (33), „свѣдано“ вместо „всѣдано“ (44), „должити“ вместо „должьбити“ (54), „кои били ино что будет“ и т. д.

Сличение Новгородско-Софийского извода (в том числе и Рогожского списка) с Синодальным и Троицким приводит к мысли о том, что текст Новгородско-Софийского извода имеет важное значение для восстановления того протографа, который лежал в основе Синодального списка. Вместе с тем можно считать, что представление о бóльшей древности текста Синодального списка по сравнению со всеми остальными списками Правды должно быть оставлено, так как сам Синодальный список носит уже на себе некоторые черты переработки конца XIII века.

Общие выводы, которые можно сделать из нашего изучения первой ветви Пространной Правды, приводят к следующему.

Важнейшими изводами, служащими для восстановления протографа Пространной Правды, следует считать Синодальный список 1280 года вместе с Новгородско-Софийским изводом, с одной стороны, и Троицкий извод, с другой. Тексты остальных изводов стоят уже в значительном отдалении от первоначального протографа. Вместе с тем отличие всех рассмотренных выше изводов Пространной Правды ни в каком случае нельзя объяснить случайными описками писцов. Новообразования в чтениях Пространной Правды, относящиеся к XIV—XV векам, отражают

[1] См. стр. 167—178 академического издания Правды; по мнению Н. Ф. Лаврова „список восходит, повидимому, к древнему оригиналу“.

большую редакционную работу, проделанную над изводами Правды в эту эпоху в связи с пересмотром состава Кормчих. Подтверждение этой мысли, как будет видно далее, дает изучение второй ветви Пространной Правды.

ГЛАВА 17

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В СОСТАВЕ ЮРИДИЧЕСКОГО СБОРНИКА, СОЕДИНИВШЕГО ПРАВДУ С ЗАКОНОМ СУДНЫМ ЛЮДЕМ

Изучение второй ветви Пространной Правды удобнее всего начать с древнейшего Пушкинского списка XIV века, который дошел до нас в составе особого юридического сборника, отличающегося своеобразным подбором статей.

Известный Пушкинский сборник был впервые опубликован Д. Дубенским.[1] Издание Дубенского до сих пор может служить образцом тщательной археографической работы. Тем не менее Пушкинский сборник не вызвал к себе достаточного интереса в нашей исторической литературе. Н. В. Калачов отметил только сходство помещенного в нем списка Русской Правды со списками Правды второй фамилии, т. е. со списками, помещенными в Кормчих и Мерилах Праведных (Синодально-Троицкого типа).[2] Позже Сергеевич признал, что „Пушкинский список, хотя и находится в более древней рукописи, более удален от оригинала, чем Археографический“ (о котором речь будет далее). Тем не менее именно Пушкинский сборник представляет особый интерес как памятник, состав которого представляет ряд данных, важных для истории текста Русской Правды. Поэтому изучение списков Пространной Правды, дошедших до нас в составе юридических сборников и летописей, удобнее всего начинать с Пушкинского списка.

Пушкинский сборник представляет собой небольшую рукопись в 4°, написанную на 120 листах четким полууставом конца XIV в. Рукопись дошла в древнем переплете (не позднее конца XVI в.). На чистом 1-м листе вверху написано скорописью XVI века: „Книга харатейная Судебникъ великого князя Владимира во святом крещении Василия сына Святославля“. В состав сборника входят следующие статьи: 1) введение („ница ke помиловати“), 2) текст Пространной Правды; 3) Закон Судный людем, 4) Избрание из законов Моисеевых, 5) Договор Смоленска с Ригою в 1229 году, 6) Устав Ярослава о мостех.

Состав Пушкинского сборника, как видим, вполне однороден. В него входят статьи исключительно юридического содержания. Таким образом, перед нами несомненная попытка составить своего рода юридическое руководство. Язык рукописи изобилует характерными особенностями новгородского говора, в первую очередь меной „ц“ на „ч“ и обратно. Нов-

[1] Русские достопамятности, изд. Общества истории и древностей российских, ч. II, М. 1843.

[2] Н. Калачов. Предварительные юридические сведения, вып. I, СПб. 1880, стр. 113.

городские особенности характерны для всех статей Пушкинского сборника. Следовательно, сборник был переписан и, может быть, в своем полном виде возник в Новгородской области.

Какими же источниками пользовался составитель Пушкинского сборника? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего остановиться на отдельных статьях, включенных в сборник.

В начале сборника стоит заглавие: „Судъ Ярослава князя, П. Оуставъ о всяцихъ пошлинахъ и о уроцѣхъ“. После этого следует введение, начинающееся словами: „Ница не помиловати, яко мѣсть“... Уже Калачов указал, что это введение представляет собой выдержку из Слова святаго и великаго Василья о судьяхъ и о клеветахъ, найденного им в рукописях Мерила Праведного и изданного им же по Троицкому списку XIV века. Предисловие Пушкинского сборника является лишь частью всего Слова о судьях и о клеветах, помещенного в Мерилах Праведных Троицкого типа. Поэтому в этом предисловии следует видеть позднейшую переработку, сделанную с определенной целью написать введение к тексту всего сборника в целом. Но в составе Пушкинского сборника находим и другие статьи, также находящиеся в Мериле Праведном Троицкого типа. К их числу принадлежат Закон Судный людем и Избрание из законов Моисеевых.

В своем замечательном исследовании о составе первоначального славяно-русского Номоканона А. Павлов в таких словах говорит о редакциях Закона Судного людем, встречающихся в наших рукописях:

„Закон Судный людем известен по рукописям и печатным изданиям в двух редакциях: краткой и обширной. Списки краткой редакции составляют принадлежность Кормчих... Списки обширной редакции обыкновенно встречаются в частных юридических сборниках, известных под именем „Мерила Праведного“ и в летописях. Такой текст Закона Судного издан Дубенским“.[1]

Флоринский дает несколько иное деление редакций Закона Судного, выделяя текст Пушкинского списка в особый вид и считая его первым изводом обширной редакции рассматриваемого памятника. Это замечание Флоринского, несомненно, более точно, так как редакция Закона Судного людем в Пушкинском списке имеет серьезные отличия от редакции того же памятника в Мериле Праведном и в летописях. Редакция Закона Судного в Пушкинском сборнике не может быть выведена из текста Мерила Праведного. То же самое можно сказать и о статье „Избрание из Моисеевых законов“, которая имеется в виде особой статьи в Мериле Праведном Троицкого типа.[2]

---

[1] А. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон, Казань, 1869, стр. 95.

[2] В законе Судном людем есть ссылка на божий закон („законъ божии велит“). В Мериле Праведном Избрание из законов Моисеевых кончается словами: „конец божией заповѣди“.

Н. С. Суворов в своем исследовании (Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права, Ярославль. 1888 г., стр. 133—136, 153—154) делит Избрание из законов Моисеевых на следующие редакции: „Основных редакций именно — три, не считая той, которая на западе была известна под именем „свиток“. Одна из них помещена в том самом рукописном сборнике, который целиком издан во II томе Русских Достопамятностей. Эта редакция представляет собой выписку только из четырех глав книги Исход (XIX—XXII) и не имеет себе подобной ни в каком другом из известных науке сборников. Другая содержится в самом Законе Судном по обширной его редакции... Здесь имеются выдержки их XXI—XXIII гл. Исхода и из XXI и XXV гл Второзаконья. Третья редакция... помещается почти во всех рукописных кормчих книгах, начиная с пергаментной рязанской Рум. публичной библиотеки и синодальной № 132 и оканчивается тем списком, с которого издана 45 глава печатной Кормчей: „избрание от закона богом данаго израильтянам Моисеем, первое о суде и о правдѣ, главъ пятьдесятъ“. Эта редакция представляет собой извлечение из четырех книг Моисея: Исход, Левит, Числа и Второзакония“.

В том же Мериле Праведном находим Пространную Правду. Таким образом, между составом Пушкинского сборника и Мерила Праведного существует определенная связь, которая прежде всего может быть объяснена непосредственным заимствованием содержания первой части Пушкинского сборника из Мерила Праведного. Но отдельные тексты первой части Пушкинского сборника не могут быть выведены из текста известных нам Мерил Праведных. Поэтому следует думать, что в основание первой части нашего памятника был положен сборник, послуживший одним из источников для Пушкинского списка. В состав этого сборника уже входили Слово о судьях и о клеветах, Закон Судный людем и Избрание из Моисеевых законов, а может быть, и Русская Правда.

Обратимся теперь ко второй части Пушкинского сборника. Эта вторая часть состоит из договора Смоленска с Ригой в 1229 году и Устава Ярослава о мостех. П. В. Голубовский отмечает, что список договора в Пушкинском сборнике отличается большими искажениями, хотя имеет важное добавление об оценке и пробе серебра. Он приходит к мысли, что „такой несовершенный список был сделан кем-нибудь из купцов, торговавших в Смоленске, или смоленских для личного руководства и соображения“.[1] Это замечание можно считать правильным, хотя то, что отмечено П. В. Голубовским по отношению к списку Смоленского договора, является особенностью всего Пушкинского сборника, текст которого отличается сильной дефектностью, зависевшей, повидимому, не только от писца, но и от оригинала, с которого списывался памятник. Наличность же в Пушкинском сборнике договора 1229 года указывает на то, что первоначальный оригинал сборника не мог восходить далее половины XIII века.

На вторую половину XIII века, как на время создания Пушкинского сборника, указывает Устав Ярослава о мостех, который, хотя и приписывается Ярославу Мудрому, но в данной редакции едва ли возник ранее XIII века. Действительно, в уставе упоминается церковь Бориса и Глеба, до которой мостили с Прусской улицы. Несомненно, речь идет о церкви Бориса и Глеба, построенной в 1146 году „въ градѣ“, т. е. в Детинце. В 1167 году на ее месте была построена церковь того же наименования некиим Сотко Сытиничем. В Летописце Новгородским церквам божиим указывается, что церковь Бориса и Глеба была построена в 1146 году на месте дубового собора Софии, первоначально стоявшего „конец Пискупли улицы“.[2] Значит, церковь Бориса и Глеба впервые была поставлена в XII веке. В том же Уставе о мостех упоминаются „вощники“ („тысячьскому до вощьник, от вощник посаднику до Великого ряду“). Под вощниками следует понимать объединение купцов, торговавших воском (или Иванское сто), патрональной церковью которого был Иван на Опоках, находившийся тут же у Великого моста. Между тем организация вощников известна нам только по грамоте Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках, данной не позже 1136 года. Устав знает уже посадников и тысяцкого, как высших должностных лиц Новгорода. Двор тысяцкого указан рядом с Иваном Предтечей на Опоках, где он позже и находился. Но договор нельзя отнести и к очень позднему времени, так как в нем еще упомянут княжеский участок, совпадающий с местоположением Ярославова дворища („отъ Великого ряду князю до нем҄ѣцкого вымола“). Еще в договоре Новгорода с немцами в 1259 году упоминается дорога через княжеский двор.

[1] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 128.

[2] Новгородская летопись по Синодальному списку, СПб. 1888, стр. 136 и 146, и Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 173.

Однако по Уставу о мостех князь еще не совсем потерял свое значение в Новгороде и не перебрался на Городище. Поэтому время возникновения Устава о мостех нельзя отнести и к очень позднему времени. Вероятнее всего, он возник в конце XII века, когда в Новгороде в течение 17 лет с небольшими перерывами княжил князь Ярослав Владимирович.

Но в Уставе о мостех есть еще одна особенность, до сих пор не отмеченная сколько-нибудь четко в нашей исторической литературе. Устав дошел до нас не в первоначальном, а в интерполированном виде. Такой интерполяцией в уставе является все перечисление сотен, разрывающее пополам первоначальный текст, который в этом уставе читался так: „А владыцѣ сквозѣ городная ворота сь изгои и съ другыми изгои до Острои городнѣ до софьян, — софьяном до тысячьского“... Вставка с перечислением сотен разрезала текст пополам и отделила владыку и изгоев от софиян, хотя владычные слуги — софияне жили на берегу Волхова у самого Детинца, а не на другой стороне реки, как это можно подумать из дошедшего до нас текста Устава о мостех.[1]

О времени, когда была сделана вставка в Устав о мостех, можно сделать только предположение. Имена Давыда, Алексея, Кондрата, Ратибора, Гаврилы и Романа ведут как будто к первой половине XIII века.[2] В этой поздней редакции Устав о мостех только нам и известен.[3] Впоследствии, устав подвергался некоторым переделкам. Важно отметить, что список устава в Пушкинском сборнике отличается наибольшей древностью. Так, только в нем вымол у Готского двора назван Геральдовым (т. е. Гаральдовым), позднейшие же списки знают в этом месте „Алфердов“ (должно быть „Алфредов“) вымол, вероятно, испорченное название от имени неизвестного нам иноземца. Таким образом, в состав Пушкинского сборника входят, по крайней мере, два памятника первой половины XIII века: Устав Ярослава о мостех и Смоленский договор 1229 года,[4] причем оба эти памятника находятся во второй части сборника.

Возникает вопрос, в каком отношении первая часть Пушкинского сборника относится ко второй. На этот вопрос можно найти ответ в самом характере сборника. Можно думать, что Пушкинский сборник сохранил в своем тексте непосредственные следы работы его составителей. Прежде всего обращает на себя внимание заглавие, помещенное в начале сборника и состоящее из двух частей: „Суд Ярослава князя“ и „Оуставъ о всяцихъ пошлинахъ и о уроцѣхъ“. Вторая часть заглавия („оуставъ“) имеет непосредственное отношение ко всему сборнику в целом. Совсем иное приходится говорить о словах: „Судъ Ярослава князя“, несомненно, поставленных здесь по ошибке. Писец после слова „князя“ поставил даже заглавную букву П, но удержался и приписал вторую часть заглавия („оуставъ“). Заглавие же Правда Русская, к которому, видимо, и относилась буква П, помещено после предисловия, заимствованного из Слова о судьях перед текстом Пространной Правды. Таким образом, следует думать, что вторая часть названия,

---

[1] В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 148—158.

[2] Материалы для датировки Устава о мостех приводятся в статье В. А. Рыбакова, в Исторических записках (том IV).

[3] Выдержки из Устава Ярослава о мостех приводятся по Археографическому списку (Новгородская летопись по Синодальному списку, СПб, 1888, стр. 488). Устав по Пушкинскому списку напечатан во II томе Русских достопамятностей, издаваемых Обществом истории и древностей Российских.

[4] Впрочем, в данной редакции Смоленский договор мог возникнуть только после монгольского нашествия („не поставити на томъ дворѣ князю ни татарина, ни иного оторого посла“).

к

собственно и относящаяся ко всему сборнику в целом, т. е. слова устав о всяцих пошлинах, появились непосредственно под пером составителя Пушкинского сборника или его непосредственного протографа.

На самом Пушкинском сборнике отразилась редакторская работа его составителей. Так, Избрание из законов Моисеевых кончается словами — „а что по суднои грамотѣ по оутягальнои, а то точное серебро без 10 золотник". Но эти же слова в более расширенном виде находим в начале Смоленского договора 1229 года: „тако же и по бесъсудной грамотѣ точное серебро безъ 10 золотникъ, а взяти с вѣса; а грамота судная и бесудная по тому же серебру по точному безъ 10 золотникъ". Эти слова отсутствуют в других списках договора 1229 года и поставлены явно не на месте. Приведенная же выше фраза, заканчивающая Избрание из законов Моисеевых, представляется только сокращением этого второго постановления, также неправильно занесенного составителем сборника в договор 1229 года. Перед нами определенная редакторская, хотя и непоследовательная, работа. Подобно тому, как заголовок „Судъ Ярослава князя", относящийся только к части сборника, был поставлен как общее заглавие в начале всего памятника, так и слова о точном серебре были по недоразумению повторены в двух местах. Составитель Пушкинского сборника, вероятно, нашел эти слова в своих источниках, где они были помещены в виде особой приписки. Можно предполагать, что протограф Пушкинского сборника был составлен из отдельных источников во второй половине XIII века. Писец Пушкинского сборника переписывал уже с дефектного экземпляра, в котором он к тому же многое не понимал. Этим объясняются многочисленные пропуски Пушкинского списка, тем более странные, что текст сборника написан четким полууставом без видимых перерывов в тексте.

Содержание Пушкинского юридического сборника XIV века по своему составу имеет сходство с целой группой юридических сборников более позднего времени. Эти сборники представлены прежде всего Археографическим списком Новгородской 1-й летописи младшего извода. Состав Археографического сборника известен по описанию, приложенному к изданию Новгородской летописи по Синодальному харатейному списку.[1] Впрочем, мы вправе говорить скорее о двух сборниках различного происхождения, один из которых помещен в Археографическом списке в самом начале перед Новгородской летописью, а второй — после ее окончания. Первый сборник, помещенный перед Новгородской летописью, состоит из следующих статей: 1) Сице родословятся велицѣи князи русьстии; 2) А се имена всѣхъ сыновъ князеи Руских; 3) Кто колико лѣтъ княжилъ; 4) А се князи русьстии; 5) А се по святѣмъ крещении о княжении Киевьстемъ; 6) А се князи Великого Новагорода; 7) А се посадници новгородьстии, 8) А се тысячьскыи новгородскыи; 9) А се русьстии митрополити, 10) А се новгородскыи епископы, 11) А се архимандриты новгородскыи; 12) А се имена всѣмъ градомъ Рускымъ, дальнимъ и ближнимъ. Таким образом, первый сборник Археографического списка имеет не юридический, а исторический характер.

Состав этого сборника имеет определенные новгородские черты, хотя отдельные статьи и заимствованы из источников не новгородского происхождения. Такова, например, статья „А се князи русьстии", оканчивающаяся 1316 годом и составленная, несомненно, в Суздальской земле, как это обнаруживается из ее содержания и внесенных в нее суздальских легенд.

[1] Новгородская летопись по Синодальному списку. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1888, стр. VII—VIII.

Большинство приведенных выше статей ведет нас ко времени княже-ния великого князя Василия Дмитриевича, указанием на сыновей кото-рого оканчиваются две первых родословных статьи, тогда как третья подобная же статья упоминает последним великого князя Дмитрия Ивановича, указывая, сколько лет он княжил. К таким же результатам приводит рассмотрение и других статей первого сборника, помещенного в Археографическом списке. Список князей Великого Новгорода заканчивается также Василием Дмитриевичем († 1425 г.), тогда как последними митрополитами указаны Фотий и Герасим, а последним новгородским архиепископом — Симеон († 1421 г.). Это позволяет думать, что и весь сборник был составлен не позднее конца первой четверти XV века.

Совсем иной характер имеет второй сборник, помещенный в Археографическом списке после Новгородской летописи как бы в виде особого приложения. Это сборник статей юридического характера, имеющий несомненное сходство с Пушкинским сборником XIV века.

Во втором сборнике Археографического списка помещены статьи: 1) Правило законьно о церковныих людѣх и о десятинах и о мирилѣх градскыих и о соудѣх иепископскыихъ, 2) Правила святыхъ отець 165-ти 5-го събора о обидящихъ церкви божиа; 3) Роукописание (церковный устав Владимира); 4) А се оуставъ Ярославль соуды святительскыа; 5) Оуставъ великого князя Всеволода о церковныхъ соудѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговых; 6) Оустав великого князя Ярослава (Правда Русская с предисловием); 7) А се бещестие; 8) Закон Судный людем (без особого заглавия); 9) А се оуставъ Ярослава князя о мостѣхъ; 10) А се роукописание князя Всеволода (устав церкви Ивана на Опоках).

Трудно сомневаться в том, что оба сборника, помещенные в Археографическом списке Новгородской летописи, первоначально существовали отдельно в виде особых рукописей. В таком виде мы находим сборник юридических статей в известной Соловецкой Кормчей 1493 года. Состав этого сборника соответствует второму сборнику Археографического списка. Впрочем, сборник Соловецкой Кормчей отличается от Археографического более сложным составом и тем, что в нем имеется второй список Русской Правды, взятый, как было указано в главе о Мясниковском изводе, из особого источника. В Соловецкой Кормчей рассматриваемый юридический сборник получил особое заглавие: „Указание главам, иже предано от божественых правилъ и оузаконено святыми отци“ (л. 532 об.).

Сравнивая состав юридического сборника в Археографическом списке с Пушкинским сборником XIV века, мы находим между ними большие различия. Так, в Пушкинском сборнике отсутствует большинство статей, имеющихся в Археографическом списке, но имеются две лишних статьи: 1) Избрание из законов Моисеевых и 2) Договор Смоленска с Ригой 1229 года. Однако, как в том, так и в другом сборнике имеется Пространная Правда с предисловием и в соединении с Законом Судным людем, а также Устав Ярослава о мостех.

Постепенное создание юридического сборника, находящегося в Археографическом списке, можно наблюдать путем его сличения с другими подобными же сборниками. В этом отношении большой интерес представляет Погодинская рукопись, описанная А. Ф. Бычковым.[1] В его состав включены все статьи рассматриваемого сборника, начиная с Правила законнаго и кончая Законом Судным людем. Отсутствуют только

[1] А. Ф. Бычков. Описание рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 59—63. № 1572,

последние две статьи, имеющиеся в Археографическом списке: 1) Уставъ Ярослава о мостех и 2) Рукописание Всеволода (грамота церкви Ивана на Опоках).

В другом (Егоровском (*Е. V*) списке начала XVI века отсутствует Рукописание Всеволода (грамота церкви Ивана на Опоках) и Церковный устав Всеволода.

Последующее развитие юридических сборников, помещенных в Археографическом списке, можно наблюдать по Летописи Авраамки. Юридические и исторические статьи, добавленные к этой летописи, расположены в ином порядке, чем в Археографическом списке, причем в печатном издании они помещены целиком после самой летописи. К сожалению, характер издания не позволяет судить о порядке статей в подлиннике, местонахождение которого в настоящее время неизвестно.[1] Во всяком случае порядок статей в Летописи Авраамки не может быть признан первоначальным. Тем не менее и в сборнике при Летописи Авраамки довольно отчетливо намечаются не один, а два сборника: первый — юридического, второй — исторического характера. Хотя порядок статей в Летописи Авраамки иной, чем в Археографическом списке, некоторые данные позволяют думать, что в протографе Летописи Авраамки расположение статей находилось в соответствии именно с Археографическим списком. Так, перед юридическими статьями в Летописи Авраамки читаем два родословия. Одно из этих родословий („сице родословятся великыи князи Рустии") помещено вторично после окончания юридических статей. Повидимому, писец, переписав из своего источника две начальные статьи исторического характера, по каким-то соображениям перешел к переписке юридических статей, после чего вернулся в конце сборника снова к статьям исторического характера. При этом одна и та же статья („сице родословятся") получила разные окончания. В первом случае она была закончена словами „Василии, роди Иоанна", во втором же случае, как и в Археографическом списке, заканчивается заметкой „Василии роди Василия". Следовательно, состав и расположение юридических статей в протографе Летописи Авраамки соответствовали Археографическому списку.

При всех различиях в составе расположенных выше сборников находим в них одну и ту же неизменяемую составную часть, состоящую из Слова о судьях и клеветах, Русской Правды в соединении с Законом Судным людем и Устава Ярослава о мостех. Эта часть сборника сохраняет один и тот же состав во всех списках, являясь по существу особым сборником. Повидимому, так его рассматривали и переписчики, ставя перед выдержкой из Слова о судьях и клеветах слова „Устав великого князя Ярослава". Как мы видели выше, эти статьи почти в том же самом составе находятся не только в сборнике Археографического типа, но и в Пушкинском списке. Тем не менее, ни Пушкинский сборник, ни его ближайший протограф не могут быть признаны источниками юридического сборника, соединившего Русскую Правду с Законом Судным. В самом деле, такие статьи Пушкинского сборника, как Избрание из законов Моисеевых и договор Смоленска 1229 года, не нашли никакого отражения в составе сборников Археографического типа. Договор Смоленска 1229 года не нашел никакого отражения даже в Летописи Авраамки, переписанной в Смоленске. Следовательно, надо думать, что Русская Правда с предисловием из Слова о судьях и в соединении с Законом Судным людем и Уставом Ярослава о мостех являлась частью единого целого или особым своеобразным юридическим сборником.

---

[1] Полное собрание русских летописей, т. XVI.

С. В. Юшков первый отметил, что статьи Закона Судного людем (или Судебника царя Константина) в сборнике Археографического типа непосредственно присоединены к тексту Русской Правды „без всякого особого оглавления, и каждый из списков этого вида представляет собою единое литературное целое“.[1] Но мнение Юшкова не находит себе подтверждения при сличении упомянутого юридического сборника в Пушкинском списке со сборниками Археографического типа. Пушкинский список, как известно, начинается словами: „Судъ Ярослава князя. Оуставъ о всяцих пошлинах и о уроцѣхъ“. В списке Археографического типа заглавие короче и звучит так: „Оуставъ великого князя Ярослава“. Указание на „великого князя“ является более поздним, чем ссылка Пушкинского списка на „Ярослава князя“. Но вместе с тем характерно, что во всех списках Археографического типа отсутствуют слова „оуставъ о всяцихъ пошлинахъ и о уроцѣхъ“, чем подтверждается мысль о том, что эти слова были вставлены составителем Пушкинского списка. Однако слово „оустав“ заставляет предполагать позднейшее изменение первоначального „суд“. В этом отношении особенно любопытно заглавие Соловецкого списка, сохранившего некоторые древние особенности, где читаем: „оустав великого князя Ярослава на многы различны потребы, еже есть суд“. Перед нами как бы переход к дальнейшему усеченному заглавию Археографического списка, где просто говорится „оустав“ уже без упоминания о суде. Летопись Авраамки и Погодинский список к заглавию Археографического списка добавляют слово „свитокъ“, несомненно по аналогии с заглавием церковного устава Ярослава.

Пушкинский список имеет отличия и в предисловии, следующем за заглавием. В списках Археографического типа предисловие короче и начинается словами: „Писано бо есть“. Таким образом, в них пропущен весь отрывок слова Василия Великого (... „нища не помиловати... на ближнего своего“), имеющийся в Пушкинском списке. И в этом случае Пушкинский список сохраняет более первоначальный текст. Пропуск начальных слов предисловия, вероятно, зависел от желания редактора дать более округленное начало для предисловия.

После предисловия как в Пушкинском сборнике, так и в списках Археографического типа помещена Русская Правда, об отличиях которой будет сказано далее. В Пушкинском списке к тексту Русской Правды добавлена статья „о копьи“, после чего без нового заглавия следует Закон Судный людем, начинающийся словами „Преже всякои правдѣ“. В списках Археографического типа после Русской Правды следует статья „а се бещестие“ и вслед за ней продолжение Закона Судного людем („о бранех и суперничь“). Таким образом, в сборнике Археографического типа пропущено все начало Закона Судного. Этот пропуск является не вполне понятным. Начало Закона Судного людем, как указывает Пушкинский список, имелось в общем протографе Пушкинского списка и сборников Археографического типа. Поэтому трудно думать, что редактор протографа сборников Археографического типа сознательно выкинул начало. Скорее следует предположить, что здесь мы имеем дело со случайным пропуском. Действительно, начало Закона Судного людем, пропущенное в сборниках Археографического типа, занимает в Пушкинском списке как раз 2 страницы, т. е. текст, помещенный на одном листе (с оборотом). Пропуск целого листа в протографе сборников Археографического типа, повидимому, был связан с каким-то перерывом в тексте. Этим обстоятельством объясняется появление статьи „а се бещестие“ на месте статьи „о копьи“, имеющейся

[1] Правда руська, Киев, 1935, стр. III.

в Пушкинском списке. Статья о бесчестии взята из церковного устава Ярослава. К ней в Соловецком списке добавлена дополнительная статья „о ковании мужем“, которая возникла не ранее XIV века и была вставлена по аналогии со статьей о бесчестии.

Таким образом, наблюдение над юридическим сборником, соединившим Русскую Правду и Закон Судный людем, приводит нас к мысли, что в первоначальный состав этого сборника входили только следующие статьи: 1) выдержка из слова о судьях и клеветах, 2) Русская Правда, 3) Закон Судный людем, 4) Устав Ярослава о мостех. С. В. Юшков справедливо замечает, что на составе этого сборника отразилось стремление его составителей объединить в одном юридическом памятнике Русскую Правду и Закон Судный людем. Подобное обьединение двух различных памятников произошло довольно поздно. На это указывает общий заголовок для всего сборника, а также включение в его состав Устава Ярослава о мостех. Временем создания сборника можно считать вторую половину XIII века, а местом его возникновения Новгород, так как только для Новгорода Устав о мостех имел практическое значение. Наличие в сборнике Закона Судного людем также не противоречит нашим представлениям о новгородском происхождении рассматриваемой компиляции, так как Закон Судный людем был известен в Новгороде с раннего времени. Сборники Археографического типа, повидимому, отразили древнейшую новгородскую версию компиляции, а Пушкинский сборник включил в себя дополнительные статьи — Избрание из законов Моисеевых и Смоленский договор 1229 года, которые были включены в состав прежней компиляции по сходству: Избрания из законов Моисеевых с Законом Судным людем, а Смоленского договора с Русской Правдой.

Идея сборника, объединявшего такие памятники, как Русская Правда и Закон Судный людем, по правильному предположению Юшкова, должна была возникнуть в церковных кругах. Действительно, Русская Правда почти не касается церковных вопросов, тогда как Закон Судный людем отличается большим налетом церковности. Но редакции или, точнее, изводы Закона Судного людем в Пушкинском списке и в сборниках Археографического типа не одинаковы. Поэтому важно остановиться на отличиях Закона Судного людем в Пушкинском списке и в сборниках Археографического типа.

Сравнение Закона Судного людем в Пушкинском списке с текстами Закона в сборниках Археографического типа обнаруживает между ними большие отличия. Так, прежде всего оказывается, что в Пушкинском списке отсутствует ряд статей, имеющихся в сборниках Археографического типа.[1] В Пушкинском списке нет статей: „аще боудоуть 2 послоуха“ (116), „приложивыися дѣвици“ (118), „имѣя 2 женѣ“ (122), „иже мертвеца съвлачить“ (139). Но рядом с этим Пушкинский список имеет и такие статьи, которые отсутствуют в сборниках Археографического типа. Повидимому, составители Пушкинского сборника и протографа сборников Археографического типа имели перед глазами более полный оригинал Закона Судного людем. Пропуски отдельных слов и целых фраз обнаруживаются как в Пушкинском списке, так и в сборниках Археографического типа. В целом же чтения Пушкинского списка отличаются большей древностью и исправностью (*П* — 3 шлязя, *Арх* — 3 щая; *П* — на священие и строение, *Арх* — на крещение и троение и т. д.), хотя и носят уже ряд позднейших поправок.[1]

Общий вывод из всех этих наблюдений ясен. Тексты Закона Судного людем в Пушкинском списке и сборниках Археографического

[1] В скобках указана нумерация статей по изданию „Правда руська“, Киев. 1935.

типа произошли независимо друг от друга от одного общего протографа, ветвями которого они являются.

В каком же отношении редакция Закона Судного людем в Пушкинском списке и в сборниках Археографического типа относится к редакции того же памятника в Кормчих и в летописях? Решение этого вопроса имеет важное значение для установления того времени, когда Русская Правда вошла в соединение с Законом Судным людем.

Редакция Закона Судного в Пушкинском списке и сборнике Археографического типа может быть названа средней по сравнению с редакциями этого памятника, краткой в Кормчих и обширной в летописях. Впрочем, Т. Д. Флоринский считает тексты Закона Судного людем в Пушкинском и Археографическом списках одной редакцией вместе с Законом Судным, помещенным в летописи, хотя все-таки различает два извода.[1] Средняя редакция имеет вместе с обширной общие отличия от краткой. Средняя и обширная редакция продолжены рядом статей и, несомненно, зависели от одного общего источника, отличавшегося от краткой редакции Закона Судного людем. А. С. Павлов, признающий только две редакции — краткую и обширную, — считает, что обе редакции восходят к очень отдаленному времени. По его мнению, „текст обширной редакции Закона Судного людем, представляющий извлечения из Эклоги, древнее соответствующего текста краткой редакции. Во всяком случае первый не зависит от последнего". В другом месте он замечает: „Обширная редакция Закона Судного представляет те же самые извлечения из Эклоги, но с дополнительными статьями (числом до 45), заимствованными, большею частью, из законов Моисеевых".[2]

В другой своей работе Павлов приводит следующие доказательства большей древности обширной редакции Закона Судного людем. В обширной редакции (напечатанной в Русских достопамятностях) находим 4 статьи из Эклоги, неизвестные краткой редакции (1-я — о прелюбодеянии, 2-я — о побоях священнику, 3-я — о казнях разбойника, 4-я — о наказании лжедоносчика). Далее, в той же обширной редакции имеется уже статья „О вражде", которая, по мнению Павлова, возникла тогда, „когда у болгар существовал обычай такой же мести с возможностью для виновного откупиться от нее денежною ценою". В обширной редакции говорится о переходе сел в пользу церкви в случае смерти их владельцев без наследников, что должно относиться к первым векам христианства в Болгарии, и пр.[3]

Мнение Павлова встретило решительные возражения Н. С. Суворова, который подробно останавливается на краткой и обширной редакциях Закона Судного людем, желая найти в них следы влияния западно-католического права. Общий вывод, к которому приходит Суворов, сводится к признанию большей древности краткой редакции по сравнению с обширной. Вместе с тем Суворов приходит к мысли, что „Судный Закон нельзя считать авторизованным государственною властью уложением для Болгарии, а следует смотреть на него только, как на частную работу неизвестного лица". Обширная редакция, по мнению Суворова, возникла позднее краткой. Составитель обширной редакции — духовное лицо. „Работа его имеет вид и характер не законодательного устава, рассчитанного на практическое действие, а келейно-умозрительного упражнения, которое сделано, может быть, уже на Руси, а не у славян". Древнейшим видом обширной редакции Суворов считает Пушкин-

[1] Т. Д. Флоринский. Древнейший памятник болгарского права (Сборник в честь М. Ф. Владимирского-Буданова, стр. 413—416).

[2] А. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон, стр. 98, 99.

[3] А. Павлов. Мнимые следы католического влиянии в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М. 1892.

ский список, который он называет списком, напечатанным в Русских достопамятностях. О списках же Закона Судного людем, известного по летописи, Суворов замечает: „Что касается списка Закона судного, изданного Строевым в Софийском Временнике и потом перепечатанного в Полном Собрании Русских летописей, то о нем уже раньше замечено было, что он представляет собою тенденциозную попытку соединить и согласовать разночтения двух различных редакций Закона Судного“.[1]

В этом ученом споре о большей древности редакций Закона Судного прежде всего бросается в глаза несогласованность вопроса о том, что понимать под обширной редакцией Закона. Как мы видели ранее, речь должна итти не об одной обширной редакции, а о двух, одну из которых можно назвать средней (Пушкинский список), а другую — обширной (Строевский летописный список) редакциями, или, по Флоринскому, о двух изводах обширной редакции. Общим отличием средней и обширной редакции от краткой являются дополнительные статьи, продолжающие текст Закона Судного людем после его окончания в краткой редакции. Текст Закона Судного в Кормчих кончается статьей о судьях, в конце этой же самой статьи в Пушкинском списке, так же, как в Кормчих читаем: „и вниди в радость Господу Богу нашему веселящеся съ ангелы в вѣкы, аминь“. Уже Розенкампф указал, что здесь оканчивается Закон Судный людем.[2] Действительно, следующие затем статьи, имеющиеся в обширной и средней редакции, заимствованные из целого ряда источников, представляют собой явное дополнение к основным статьям Закона Судного людем. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что протограф средней и обширной редакции Закона Судного людем возник позднее краткой редакции, как это признает Флоринский.

Однако этим вопрос еще не решается окончательно. Дело в том, что сам текст основной части Закона Судного людем отличается особым характером как в краткой, так и в средней и в обширной редакциях. Оставляя в стороне вопрос о происхождении обширной редакции, остановимся вначале на вопросе о взаимоотношениях краткой и средней редакций. Здесь прежде всего надо отметить, что текст средней редакции Пушкинского списка и сборников Археографического типа не может быть выведен из текста краткой редакции в Кормчих и обратно. Поэтому можно предполагать, что средняя редакция имеет в своей основе особый текст Закона Судного людем, отличающийся от того текста, который был внесен в Кормчии. Причины, по которым могли возникнуть различные редакции Закона Судного людем, прекрасно объяснены Павловым, который указывает, что „под именем Закона Судного людем или Судебника царя Константина существовали две славянские компиляции из Эклоги, из которых одна (краткая) назначена была преимущественно для судей духовных, другая (обширная) для судей гражданских“.[3]

Этот вывод Павлова, как мы далее увидим, имеет громадное значение для истории текста Русской Правды, хотя он и относится не столько к тем статьям, которые дополняют первоначальный текст Закона Судного людем в средней редакции, сколько к тексту собственно самого Закона. Краткая редакция имеет постоянное указание на эпитемьи, налагаемые за нарушения Закона. Эти указания говорят о церковном происхождении краткой редакции Закона Судного людем, помещаемой обычно в Кормчей и в Мериле Праведном. Нет ничего удивительного,

---

[1] Н. С. Суворов. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права, Ярославль, 1888, стр. 90, 158 и 56.

[2] Розенкампф. Обозрение Кормчей Книги, М. 1829, стр. 118 и 133—144.

[3] А. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон, стр. 99.

что на ряду с краткой редакцией существовала другая, обширная, дошедшая в Пушкинском списке и в сборнике Археографического типа.

Обращаясь теперь к статьям средней редакции, дополняющим текст краткой, мы должны прежде всего отметить, что эти статьи заимствованы из самых различных источников. В числе источников дополнительных статей средней редакции Суворов указывает Эклогу, первый титул из канонического сборника Иоанна Схоластика, монастырские уставы, земледельческие законы и, в особенности, Моисеево законодательство из Библии. Суворов допускает, что эта компиляция, дополнившая Закон Судный людем новыми статьями, могла возникнуть на Руси. Действительно, наше внимание привлекает несколько статей, имеющихся в конце средней редакции в сборниках Археографического типа. Эти статьи помещены в Археографическом списке под общим заголовком „Иже кто изломить чюже копье“. Первая статья говорит о порче копья, щита или топора, вторая — о прокормлении дитяти, третья — о службе мужчины или женщины в страду, четвертая — о тяжебном стоге.

Характер этих добавочных статей, знающих денежный счет на гривны, указывает на их русское происхождение. Из этих четырех статей в Пушкинском списке имеется только статья о порче копья („о копьи“), поставленная тотчас после Русской Правды и перед Законом Судным людем. Наличие этой статьи как в Пушкинском списке, так и в сборнике Археографического типа указывает на ее присутствие в их общем протографе. Между тем статья „о копьи“ в другой и, повидимому, испорченной форме имеется в краткой редакции Правды, где она оканчивает так называемую древнейшую Правду. Древнейшая Правда, как это было показано выше, возникла не позднее первой половины XI века и пользовалась Законом Судным людем в его средней (или обширной) редакции. Вместе с тем наличие заимствований из статьи о копье указывает, что редакция Закона Судного людем, послужившая одним из источников для древнейшей Правды, была уже осложнена русскими статьями в первой половине XI века.

Остановимся теперь на вопросе о причинах и времени возникновения рассматриваемого нами сборника. Известный ответ на этот вопрос дает Соловецкая Кормчая 1493 года. По словам А. С. Павлова, в этом списке имеем следующие особенности:

„Здесь Русская Правда и Закон Судный людем излагаются как одно целое... Первые 29 глав составляют „Уставъ великого князя Ярослава на многы различны потребы, еже есть соудъ.“ Затем следует „Уставъ Володимира Всеволодича, великого князя брата Ростиславля, внука Ярославля“, откуда начинается новое деление, идущее уже и через Закон Судный, который здесь не имеет особого заглавия. Переходом от Правды к Судебнику служит следующая еще не изданная статья (по второму счету 32-я): „О ковании мужемъ“. „Аще ли скоуеть моужь моужа или кого ни есть в винѣ или колико сѣдить взяти желѣзнаго 5 коунъ, а кормить своимъ хлѣбомъ, ино ему взяти гривна да 5 кунъ.[1] После этого в качестве 33-й статьи устава Володимирова следует статья „о бракахъ и о суперницѣх“ Закона Судного людем; 105-й и последней статьей в Соловецком списке показан „Устав великого князя Ярослава о мостѣх“.[2]

Таким образом, переписчики рассматривали Закон Судный людем как прямое продолжение, притом даже не всей Русской Правды, а только ее второй части. Конечно, порядок Соловецкого списка не является первоначальным. Не забудем, что сплошная нумерация статей

[1] Впрочем, сам же, А. С. Павлов указывает, что между этой статьей и окончанием Русской Правды помещена еще статья о бесчестии, как и в других списках Археографического типа.

[2] А. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон, стр. 99—100.

была проведена уже с дефектного экземпляра, потерявшего первый лист текста с Законом Судным людем, как об этом говорилось выше. Но характерно, что позднейшие переписчики готовы были рассматривать Русскую Правду и Закон Судный людем как единый памятник.

Общий вывод о времени возникновения юридических сборников, объединявших в своем составе предисловие Русской Правды и Закон судный людем, может быть сведен к следующим словам Павлова:

„Имея в виду довольно значительное число списков, представляющих Русскую Правду в подобной связи с Законом Судным (в его обширной редакции), мы приходим к тому заключению, что эта связь не есть произведение позднейших переписчиков того или другого памятника, а совершилась еще во времена отдаленные, может быть в ту эпоху, когда в первый раз появились полные списки Русской Правды“.

Протограф юридического сборника, составленного из выдержки из слова о судах, Русской Правды в соединении с Законом Судным людем и Уставом о мостех, был написан в Новгороде во второй половине XIII века и положен в основу нового сборника, в котором были добавлены новые статьи (Избрание из законов Моисеевых, договор Смоленска с Ригою в 1229 г.). Сборник такого состава сохранился в Пушкинском списке. Несомненно, еще позже, но не позднее первой половины XV века, Русская Правда в соединении с Законом Судным вошла как составная часть в другой юридический сборник, составленный также в Новгороде. Этот вид сборника сохранился в наиболее чистом виде в составе Археографического списка Новгородской 1-й летописи младшего извода.

Составитель подобного сборника преследовал цель создать юридическое руководство для судей. Поэтому в начале он поместил предисловие с увещанием о правом суде. Вся эта компиляция названа — „Суд Ярослава князя“, причем было выпущено заглавие Закона Судного людем, вследствие чего из Русской Правды и Закона Судного людем образовался один памятник. С. В. Юшков совершенно прав, когда он подчеркивает „своеобразие“ состава этого памятника (Русской Правды в соединении с Законом Судным людем), отразившего один из последних этапов истории Русской Правды.

Целью составления рассматриваемого сборника являлось создание своеобразного юридического пособия для судей. Сборник был составлен в церковных кругах и получил предисловие, направленное против неправедных судов („Нища не помиловати“). Позже переписчики рассматривали Правду Русскую как один памятник с Законом Судным людем.

ГЛАВА 18

ПУШКИНСКИЙ И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИЗВОДЫ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ И ИХ ПРОТОГРАФ

Уже Н. В. Калачов обратил внимание на большое значение Пушкинского списка как одного из древнейших, поставив его во главе списков так называемой четвертой фамилии. Калачов отметил также, что Пушкинский список отличается „множеством вариантов, весьма важных, но только в филологическом отношении, между тем как в юридическом очень немногие могут быть замечены, да и те большей частью опровер-

гаются отличным от них чтением большинства списков древних и новых".[1] Замечания Калачова могут быть признаны правильными только отчасти, так как в действительности варианты Пушкинского списка имеют не только филологический, но и общеисторический и юридический интерес. Это было отмечено Сергеевичем, который, впрочем, считал Пушкинский список менее важным для истории Пространной Правды, чем Археографический. Сергеевич отнес Археографический и Пушкинский списки к одному разряду, несмотря на очень важные отличия этих списков. Действительно, в основе Пушкинского и Археографического списков лежит общий источник, но переработанный в каждом из них по особому, вследствие чего мы имеем право говорить о двух изводах: Пушкинском и Археографическом.

Выделение Пушкинского и Археографического изводов — в особые виды или группы Пространной Правды, действительно, сделано в большинстве изданий.

При чтении Пушкинского списка прежде всего нас поражают в тексте Пространной Правды частые пропуски слов и отдельных выражений, а также явные описки писца.[2] Между тем сам список сделан красивым, четким полууставом, скорее тщательно, чем небрежно. Поэтому можно предполагать, что писец Пушкинского списка делал копию с древнего и кое-где дефектного экземпляра, отдельные места которого он не мог разобрать. Сравнение с Археографическим изводом показывает действительно, что протограф Пушкинского списка обладал многими дефектами, к которым присоединены были новые описки и ошибки, сделанные переписчиками. Так, в Пушкинском списке, помимо пропусков отдельных слов („ротѣ 22, „емоу" в словах „емоу продажа" 29 и т. д.), встречаем и пропуски целых фраз. Например, в статье „аще кто оударит мецемь" (23) читаем „оже ли вынезъ меть батогомъ или цяшею", тогда как надо читать (как это показывает Археографический список): „оже ли вынемъ мечь, а не оударить, то гривна коунъ. Оже кто кого оударить батогомъ или чашею". В статье об уставе Владимира Мономаха пропущена целая фраза: „Прокопия тысячьского Белогородского" (53). В статье о борти (76) читаем: „аще пчелы нелажены 10 кунъ", тогда как в Археографическом списке, согласно с другими, стоит: „оже пчелы выдереть, 3 гривны, а за пчелы, аже боудеть нелажены пчелы, то 10 коунъ". Большой пропуск в Пушкинском списке встречаем в статье „о бѣ—задницѣ" (98), где пропущены следующие слова, имеющиеся в Археографическом изводе: „боудоуть ли дѣти, то что первое жены, то то възмоуть, дѣти матери своеи, любо си на женоу боудеть възложилъ". Наконец, в Пушкинском списке пропущена целая статья „а се оуроци соудебнии", имеющаяся в Археографическом изводе (107). В статье о холопстве в Пушкинском списке пропущена вся фраза о третьем виде холопства, помещенная в Археографическом и в других списках (110): „а се третьее холопство тиоунъство без рядоу; с рядом ли, то како ся боудеть срядилъ, на том же стоить". Такой же пропуск, восполняемый Археографическим изводом, находим в Пушкинском списке еще ниже в той же статье о холопстве (116): „то господиноу выкоупати, а не лишатися, вѣдаа ли боудеть далъ". Таким образом Археографический список восполняет пропуски Пушкинского.

Так как все пропущенные места имеются в Археографическом изводе, то следует предполагать, что в общем протографе Пушкинского списка и Археографического извода таких дефектов не было. Следовательно, пропуски в тексте были сделаны или самим писцом Пушкинского списка, или находились в оригинале, с которого он был сделан. Возникает

---

[1] П. Калачов. Предварительные юридические сведения, 2-е изд. стр. 113.

[2] В академическом издании Правды, стр. 277—292.

вопрос, являются ли пропуски в тексте Пушкинского списка результатом сознательной работы редактора или случайными пропусками писца.

На этот вопрос отвечает текст Пушкинского списка. Перед нами типичные пропуски писцов древних рукописей, зависящие от недостаточной внимательности при переписке. Имея на соседних строках повторяющиеся слова, переписчик при переписывании скользил взором с одной строки на другую и таким образом пропускал часть текста. Пропуск в статье „о борти" объясняется повторением слова „пчелы" на двух соседних строках (76). То же самое наблюдаем в двух пропусках текста, имеющихся в Пушкинском списке в статье о холопстве. В первом случае (110) на соседних строках стояло одно и то же слово „стоить", в другом (116) писец имел перед собой два слова — „вѣдалъ" и „далъ", одинаковые окончания которых объясняют новый пропуск в тексте. Яркий пример небрежной работы писца имеем в следующем случае. Переписав название статьи „оуроци суднии", писец пропустил ее содержание и переписал следующую за ней статью, озаглавленную в Археографическом и в других списках словами: „а се оуроци ротнии". Все эти пропуски могли находиться в оригинале, с которого переписывался Пушкинский список. Впрочем невнимательная работа писца бросается в глаза с первых же строк Пушкинского сборника, оставившего без киноварных букв начальные слова некоторых заголовков, вследствие чего получились чтения „равда Русская" „о Ярославѣ" (вместо: По Ярославѣ). В оригинале же, с которого списывался Пушкинский список, несомненно, стояли слова „Правда Русская", как это доказывает буква П, попавшая в заголовок всего сборника, о чем говорилось выше.

Но одними небрежностями писца Пушкинского списка или его оригинала не могут быть объяснены все особенности списка, притом очень многочисленные и своеобразные. Повидимому, переписчик Пушкинского списка или его оригинала делал копию с текста, отчасти испорченного, отчасти написанного малопонятной для него орфографией. Этим объясняются многочисленные варианты Пушкинского списка, не имеющие аналогии в других списках Пространной Правды. Так, в Пушкинском списке читаем „одинъ" — вместо „людинъ" (*Арх.* 3), „въ сельском куни", вместо „въ сельскомъ тиоунѣ" (*Арх.* 13), „Монислава", вместо „Мирослава" (*Арх.* 53), „испроторить", вместо „испортить" (в *Тр.* и др. списках, в *Арх.* 54 позднейшее „потравить"). Эти чтения могут быть объяснены неправильным пониманием некоторых букв в отдельных словах. Повидимому, писец не в состоянии был прочесть, например, слог „лю" в слове „людинъ" и по догадке заменил его буквой „о". Таким же образом появилось испорченное „куни" вместо „тиуни" и ряд других подобных же чтений. Так же объясняется появление слова „буть" вместо „боудеть", (*Пушк.* 18). Оно образовалось из „будеть", написанного с выносной буквой, как это писалось в некоторых памятниках XIII—XIV века.[1]

К любопытным результатам приводят наблюдения над заголовками Пушкинского списка. Сравнивая заголовки Археографического извода с такими же заголовками в Троицком, находим между ними близкое сходство. Рядом с обобщенными заголовками („О челяди" и др.) в Археографическом списке, как и в Троицком, находим ряд заголовков описательного типа, нередко начинающихся словами „а се". Пушкинский список, наоборот, знает почти исключительно обобщенные заголовки. Сходство заголовков Археографического извода с заголовками Троицкого объясняется тем, что составитель Археографического извода в своих заголовках держался ближе к своему протографу, чем составитель Пушкинского списка. Заголовки, главным образом, являются плодом работы

[1] См. в Русских достопамятностях, т. II, стр. 16.

составителя Пушкинского списка или его оригинала, тогда как чтения, наиболее интересные с точки зрения истории текста Пространной Правды, восходят к общему протографу Пушкинского и Археографического изводов. Тем не менее Пушкинский список очень важен для истории текста Пространной Правды, так как он сохранил ряд интересных и древних чтений уже в списке XIV века, как на это указывает В. П. Любимов.

С некоторым вероятием можно думать, что оригинал, положенный в основу Пушкинского списка, отличался орфографией, очень близкой к Синодальному списку 1280 года. Так, на месте „ь" в Пушкинском списке часто видим „е" и наоборот. Этим объясняются такие чтения Пушкинского списка, как: местити (*Арх.* — мьстити), местя (*Арх.* — мьстя) и т. д. Однако, таких чтений в Пушкинском списке сравнительно немного. Подобная орфография уже исчезает в Новгородских памятниках XIV века. Сравнивая орфографию договора Смоленска с Ригою 1229 года, помещенного в Пушкинском сборнике, с орфографией одной из копий того же договора первой половины XIII века, находим между ними большое различие. Для списков договора 1229 года, написанных в первой половине XIII века, очень характерна постоянная замена „ъ"—„о", „ь"—„е" и наоборот. В Пушкинском же списке мы находим только отражение этой особенности XIII века. Рядом с этим Пушкинский список поражает обилием новгородских особенностей и постоянной заменой „ц"—„ч", „ѣ"—„и". Новгородские особенности настолько ярки в Пушкинском списке, что иногда создают впечатление описок. Так, в статье „аще кто оударить мецемь" читаем непонятное слово „нитъ", заменяющее „нѣтъ" других списков и т. д.

Уже эта особенность Пушкинского списка заставляет предполагать, что он возник в Новгородской земле. Но еще в большей степени убеждает нас в этом дополнительная статья о коне, поставленная в Пушкинском списке между статьями „о желѣзномъ" и „о женѣ" (стр. 289). Эта статья отсутствует в списках Археографического извода (за исключением Соловецкого списка) и, следовательно, не существовала в общем протографе Пушкинского и Археографического изводов. Таким образом, появление статьи о коне в тексте Пространной Правды обнаруживает сознательную работу составителя Пушкинского списка, хотя нам не известны ни источники этой статьи, ни причины, по которым она поставлена после статьи „о желѣзномъ".

Приводим текст этой вставной статьи: „О конѣ. А кто конь купить княжь, бояринъ, или купечь или сирота, а будеть в конѣ червь или проѣсть, а то поидеть к осподарю, оу кого будеть купилъ, а тому свое серебро взяти опять взадъ". Можно по различному толковать слово „княжь", относя его к терминам „конь", „боярин" или придавая ему самостоятельное значение, с предположением о пропуске слова „мужъ". Но при всяком толковании содержание статьи „о конѣ" довольно четко указывает на ее новгородское происхождение. Таков термин „сирота", который нам встретится далее в Карамзинском изводе. Уже в новгородских памятниках второй половины XII века (поучении новгородского архиепископа Илии) встречаем указание на „сирот".[1] Термин „купец" постоянно встречается в новгородских памятниках XIII—XIV века. Слово „осподарь", резко отличающееся от более древнего — „господин", употребляемого в Русской Правде, постоянно упоминается в Двинской уставной грамоте. Наконец, термин „серебро" в смысле денег находим в Псковской Судной грамоте. Сами по себе эти сопоставления не могут считаться абсолютно убедительными, так как все указанные выше термины встре-

---

[1] А. Павлов. Неизданный памятник русского церковного права XII века. СПб., 1890, стр. 17—18.

чаются в XIV веке и в других частях Руси, но в совокупности с другими особенностями Пушкинского списка они приводят нас к мысли о новгородском происхождении статьи „о конѣ“. Здесь, может быть, будет уместно указать и еще на одну особенность статьи „о конѣ“. В то время как Псковская Судная грамота всюду употребляет термин „государь“, статья „о конѣ“ в Пушкинском списке, подобно Двинской уставной грамоте, говорит об „осподарѣ“.

Рядом с этим в Пушкинском списке находим еще одно любопытное чтение. В то время как в Археографическом изводе в соответствии с другими списками помещен заголовок „оуроци мостнии“, в Пушкинском читаем: „а мостнии оулици“ (97).[1] Таким образом, составитель Пушкинского списка считал, что в переписываемой им статье речь идет именно о тех деревянных мостках, которые устраивались на городских улицах. Забота об уличном хозяйстве была типичной для всех средневековых городов.[2] Особенное внимание обращали на городские улицы в Новгороде с его болотистой почвой, превращавшейся в непроходимое месиво после дождей.[3] Этой заботой о благоустройстве новгородских улиц объясняется появление известного Устава Ярослава о мостех. Заголовок Пушкинского извода „а мостнии оулици“ также ведет нас к Новгороду.

В непосредственной связи с Пушкинским списком стоят списки Археографического извода, из которых, как особый вид Правды, должен быть отмечен Соловецкий (СМ V) список 1493 года. Соловецкий список отличается рядом чтений, обнаруживающих определенную редакторскую работу. Поэтому к собственно Археографическому изводу можно отнести всего 4 списка (Археографический XV века, Летопись Авраамки конца XV века, Егоровский начала XVI века и Погодинский половины XVI века).

Сравнивая Пушкинский и Археографический списки, Сергеевич пришел к мысли, что „Пушкинский список, хотя и находится в более древней рукописи, более удален от оригинала, чем Археографический, ибо имеет лишние против него вставки“.[4] Действительно, значение Археографического списка для истории текста Пространной Правды заключается в том, что он восполняет пропуски и исправляет испорченные чтения Пушкинского списка, давая возможность восстановить общий протограф Пушкинского и Археографического изводов. Но о каких лишних вставках Пушкинского списка говорит В. Сергеевич — непонятно (повидимому, речь идет о статье „о конѣ“), так как примеров этих вставок он не приводит. Если же речь идет об отдельных чтениях Пушкинского списка, отсутствующих в предполагаемом протографе Пространной Правды, то многие из таких чтений имеются в Археографическом изводе. Вместе с тем исправность Археографического списка по сравнению с Пушкинским очень относительна, так как в нем имеется также ряд пропусков, отсутствующих в Пушкинском и Соловецком списках.[5]

В Археографическом изводе заметно стремление к замене старинных слов новыми. Так, мы читаем в нем: „събрашася“ (2) вместо „совокупи-

---

[1] Редакторы академического издания Правды почему-то считают это чтение опиской, см. стр. 290.

[2] В древнем проложном житии Федора Ярославского читаем: „бысть плачь неоутѣшимъ, овии оубивахуся о земли, инии о мостъ градный“ (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития в Чтениях в обществе истории и древностей российских, 1915, кн. 3, стр. 91).

[3] При раскопках Новгородского государственного музея в 1938 году на Холопьей улице было найдено несколько настилов мостовой.

[4] В. Сергеевич. Лекции и исследования. СПб., 1903, стр. 75.

[5] В академическом издании Правды списки Археографической группы помещены на стр. 295—317.

шася“ других списков; „свѣдѣтелей“ (18), вместо „послуховъ“, „а боудоуть людие“ (67), вместо „вылизуть послуси“. Далее редактор Археографического извода уже не понимал некоторых выражений в тексте Пространной Правды. Поэтому на месте „не платити верви“ появляется непонятное „не плакати верви“ (19). Слово „выдати“ заменено термином „вдати“. Происхождение этого термина станет понятным при знакомстве с текстом Соловецкого списка, где стоит „въдати“ и т. д.

В целом же следует признать, что составитель Археографического извода передал текст Правды без особых изменений. Главные отличия Археографического извода восходят к его протографу или происходят от пропусков и неправильного понимания текста. Поэтому Археографический извод очень мало дает для позднейшей истории текста Пространной Правды и, наоборот, имеет особую ценность для работы над восстановлением древнего протографа Правды. В настоящем же своем виде Археографический извод едва ли восходит ко времени ранее начала XV века.

В отличие от других списков Археографического извода Соловецкий список 1493 года производит впечатление особенно большой исправности. Так, в нем восстановлены почти все пропуски в тексте Правды, характерные для Пушкинского и Археографического изводов. Кроме того, в тексте Соловецкого списка встречаются ссылки на князей, отсутствующие в остальных списках Пространной Правды. Но это впечатление большей древности и исправности Соловецкого списка тотчас же исчезает при более внимательном изучении его отличий от других списков Археографического извода. В этом отношении очень характерно то добавление, которое находим в Соловецком списке в статье о постановлении Ярославичей. Эта статья начинается в Соловецком списке такими словами: „По великом же Ярославѣ пакы събрашася сынове его, Володимеръ, Изяславъ, Святославъ, Вячеславъ, Всеволодъ и моужи ихъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ. И сиа отложиша оубиение за голову, и тако уркоша, яже бо коунами ся выкоупати“. Таким образом, Соловецкий список добавляет к тексту Правды два княжеских имени. Однако, позднейший интерполятор Правды выдает свое незнание истории прибавлением имени Володимера, умершего еще до смерти своего отца Ярослава в 1052 году. Поэтому указание Соловецкого списка на участие в составлении Правды Володимера и Вячеслава не имеет никакого исторического значения, как составленное на основании позднейших домыслов. Источником этих дополнений могло служить родословие князей, помещенное в Археографическом списке перед Новгородской летописью, где указаны „сынове Ярославли“ в том же порядке, какой находим в Соловецком списке: Володимер, Изяслав, Святослав, Всеволод.[1]

Из этого же источника были взяты и слова, добавленные в заглавии второй части Правды, которая в Соловецком списке читается так: „А се оуставъ Володимира Всеволодичя великого князя, брата Ростиславля, внука Ярославля“. Ростислав был убит в 1093 году и не был особенно выдающимся князем. Но как брат Владимира Мономаха он упоминается в родословии князей, помещенном в сборнике Археографического типа.[2]

Следы позднейшей переработки заметны и в других местах Соловецкого списка. В статье о кровавом муже в Соловецком к словам „тому платити 50 коунъ“ (29) добавлено „за сию раноу“. В статье об уставе Владимира Мономаха после слов: „Олгова моужа“ добавлено „и сии

[1] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 432.

[2] В академическом издании проводится мысль о древнем характере текста Соловецкого списка, но экскурс об этом (стр. 296) имеет несколько необоснованный характер, ибо никаких подтверждений своей мысли издатель Археографического списка (Н. Ф. Лавров) не приводит.

оуставъ положиша о рѣзах“ (53). Еще ниже в статье о купце слова „но како начнет мочи от лѣта платити, тако платить“ изложены таким образом: „но како начнеть себѣ омогатися и от лѣта за лѣто тако да платить“ (54). Заголовок Археографического списка „а се долзи“ в Соловецком расширен в слова: „а сии сказ о долгах комуждо есть“ (55). В статье о закупе в Соловецком вместо термина „закупъ“ написано „закупныи“ (56). В статье о холопе, ударившем свободного, вместо слов „а любо тако же 2 гривнѣ, а любо взяти гривна за соромъ“ читаем „а любо бити розвязавъ или пакы взяти гривна за соромоту свою“ (65). В статье о поисках татя по следу вместо слов „или на поути“ в Соловецком списке читаем „или есть инакии поуть“ (77). В статье „о гумнѣ“ в Соловецком списке вся фраза „то на потокъ, на грабежь домъ его“ переправлена на выражение: „то онъ на потокъ, а домъ его на грабежь“ (83). После статьи о железном в Соловецком списке, как и в Пушкинском, находим особую статью „о конѣ“. Вместо заголовка „о женѣ“ в Соловецком написано „о убиении женьстѣм“ (88). В статье о беззаднице вместо слов „кто и имъ ближнии боудоуть“ написано „или кто будеть у них ближнии родоу“ (99). В статье „о холопстве“ в фразе „посадникъ не вѣдалъ его“ слово „вѣдалъ“ заменено „выдалъ“ (114). Наконец, после статьи „о безчестии“, присоединенной в Археографическом изводе к тексту Правды, в Соловецком списке добавлена еще статья: „О ковании мужем“.

Все изложенные выше добавления являются особенностью только Соловецкого списка. Перед нами особая переработка текста Пространной Правды, в основе которой лежал текст, близкий к Археографическому списку. Составитель Соловецкого списка дополнил текст Правды некоторыми ссылками исторического характера, впрочем не всегда удачными, и целым рядом пояснений, а также переставил в тексте Правды отдельные фразы. Но этим работа составителя Соловецкого списка не ограничилась. Он дал новое заглавие памятнику („А се сказ Руской Правдѣ“), разбив его на две части делением на статьи. Первый счет статей начинается с начала памятника с цифры 1 и доведен до устава Владимира Мономаха, оканчиваясь 29 статьей „о мѣсячномъ рѣзоу“. Второй счет начинается с устава Владимира и, как указано было выше, распространен далее на Закон Судный людем. Таким образом, Закон Судный людем был объединен с уставом Мономаха в один памятник.

Но, кроме различного рода позднейших дополнений, текст Соловецкого списка обнаруживает и большую полноту по сравнению со списками Археографического извода, восполняя довольно многочисленные пропуски в тексте списков этого извода. Бо́льшая полнота Соловецкого списка может быть объяснена предположением, что он был дополнен по другим спискам Правды. Однако это предположение должно быть отвергнуто, так как почти все чтения Соловецкого списка (кроме указанных редакторских изменений) находят себе аналогию в Пушкинском списке и в Археографическом изводе. Соловецкий список стоит как бы посредине между этими списками.

В ряде случаев Соловецкий список обнаруживает бо́льшую близость к Пушкинскому изводу, чем к Археографическому. Приведем несколько примеров. В статье об убойстве в Соловецком списке, как и в Пушкинском, читаем: „по вервинѣ“ (в Археографическом изводе „по верви нынѣ“). В Соловецком, как и в Пушкинском, в статье об уроках скоту читаем слова „а за коровье млеко 6 ногатъ“, пропущенные в Археографическом изводе. В Соловецком, как и в Пушкинском, в статье о борти находим слова „или межныи то 12 гривнѣ продажи“, которых нет в списках Археографического извода. В статье о перевесах в Соловецком, как и в Пушкинском, читаем слова, пропущенные в Археографическом изводе „а за куря 9 кунъ, за лебедь 30 кунъ“. В Соловецком списке,

как и в Пушкинском, в статье о холопстве находим слова, отсутствующие в Археографическом изводе: „а ногатоу дасть предъ самымъ холопомъ послоуха поставить“. Наконец, в Соловецком списке имеется статья о коне, являющаяся исключительной особенностью Пушкинского списка. Однако в тексте этой статьи в Соловецком списке имеются некоторые отличия от Пушкинского. Так, вместо слова „осподарю“ написано „государю“. Кроме того, начало статьи изложено более непонятно, чем в Пушкинском списке, с пропуском слова „конь“ („А кто коупить княжь, бояринъ или коупець“).

Все сказанное выше убеждает в том, что близость Соловецкого списка к Пушкинскому объясняется их происхождением от общего источника, сходного с Пушкинским списком. Но тем не менее в ряде мест приходится отмечать бо́льшую близость Соловецкого списка к Археографическому изводу, чем к Пушкинскому. В этом смысле особенно показательны те пропуски в тексте, которые являются одинаковыми для Соловецкого списка и Археографического извода. В статье „аще станеть въ разбои“ (7) пропущена целая фраза (после слов „съ женою и съ дѣтми“): „на потокъ и на разграбленье. Аже кто не вложи“ (7). В статье о купцѣ в Археографическом изводе и Соловецком списке пропущен конец: „своя имъ воля“ (54). В статье о безадници (99) в Археографическом изводе и Соловецком списке пропущены слова „тому собѣ, а истыи товаръ воротить имъ“.

Составитель Соловецкого списка имел под руками текст Правды, в котором уже имелась дополнительная статья „о конѣ“, но еще отсутствовали некоторые особенности Пушкинского списка. Этот текст был подвергнут дальнейшей переработке и вставкам, а в конце Правды была добавлена новая статья „о ковании мужем“. Последняя, как и другие вставки в тексте, относится к позднему времени и возникла, повидимому, уже в XV веке. В этом смысле особенно характерны такие выражения, как „взяти гривна за соромоту свою“. Эта фраза приближает нас к понятиям о бесчестии в Московском государстве.

Переделка Пространной Правды, сохранившаяся в Соловецком списке, ставила себе задачей осмысление древнего текста и некоторые его поновления. Переработка, по всей видимости, была сделана в Новгороде или в его пределах. В этом смысле очень показательна фраза о выдаче холопа: „посадникъ не выдалъ его“. Специфическое понятие „выдачи“ людей посадником Великого Новгорода нередко встречается в Новгородских грамотах XIV—XV века. Язык поправок к тексту Правды, сделанных в Соловецком списке, заставляет предполагать, что поправки были сделаны в довольно позднюю эпоху. Соловецкий список пользуется заимствованиями из родословий, которые, как указано было выше, вошли в сборник Археографического типа в редакциях 30-х годов XV века. Поэтому возникновение особенностей Соловецкого списка следует отнести ко второй половине XV века, когда в Новгороде возник особый интерес к Русской Правде в связи с притязаниями великих князей на полное господство в Новгороде.

Сличение Археографического списка с Пушкинским и Соловецким списками позволяет сделать вывод об их общем протографе, который, несомненно, был уже дефектным. Этим объясняется наличие одинаковых пропусков текста в Пушкинском списке и Археографическом изводе (к которому относится и Соловецкий список). Такой пропуск мы находим в Пушкинском списке и в Археографическом изводе в статье о ремесленниках, в которой пропущены слова, имеющиеся в Троицком и в других списках: „а за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ, а за кормилца 12, такоже“ (*Т* 11—12). Вследствие этого пропуска статья о ремесленниках приняла в Пушкинском списке следующий вид: „А се

о ремественичи: за ремественика и за ремественичи, то 12 гривнѣ, и за кормилицю, хотя будеть холопъ, буди роба" (15). Это место, несомненно, было уже испорчено в протографе Пушкинского списка и Археографического извода, что доказывается особенностями текста в Археографическом изводе, где читаем: „А за ремественика и за ремественицоу, то 12 гривнѣ, и за кормилицу, хотя снидеть холопъ или роба" (17). Пропуск целой статьи о смердьем холопе мог бы быть объяснен сознательной работой редактора протографа Пушкинского списка, но чем объяснить пропуск слов о кормильце? Ведь редактор оставил в неприкосновенности следующую за этим фразу о кормилице. Повидимому, в данном случае мы имеем дело с обычной небрежностью писца, которая зависела от повторения цифры 12 на различных строках. Это предположение подтверждается Соловецким списком, где эта же статья изложена так: „А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривнѣ, а за смердии холоп 5 гривенъ, а за кормилца 12 гривенъ, тако же и за кормилицу, хотя си боудеть холопъ или роба" (стр. 301). Таким образом, и в более исправном тексте Соловецкого списка обнаруживается пропуск слов „а за робу 6 гривенъ".

Пропуски в тексте Пушкинского и Археографического изводов могут быть объяснены только дефектностью их общего протографа, так как у нас нет никаких оснований думать, что редактор этого протографа стал бы сознательно устранять из текста Пространной Правды слова о смердьем холопе, оставляя нетронутым остальной текст статьи.

Дефектностью общего протографа Пушкинского и Археографического изводов объясняется ряд особенностей текста Правды в этих изводах. Так, в статье о убийстве (3) в Троицком и в других списках читаем „а головника не ищють". В Пушкинском в этом месте находим слово „боевника", а в Археографическом и Соловецком „оубоиника". Повидимому, это место было испорчено уже в протографе Пушкинского списка и Археографического извода. Можно было разобрать конец слова („ника"), и мало разборчиво было написано начало того же слова. Между тем в заголовке статьи уже в протографе всех трех изводов стояло „о убойствѣ", как это показывают все списки. И в данном случае нет никакой возможности говорить о сознательной работе редактора, так как слово „головникъ" оставлено в Пушкинском, Соловецком и Археографическом изводах в следующей же строке.

Дефектность протографа Пушкинского и Археографического изводов обнаруживается и далее. В статье о поклепной вире в Троицком списке читаем: „то ти выведуть виру" (18). В Пушкинском списке здесь стоит непонятное „то ти идуть виру", в Археографическом и Соловецком не менее непонятное — „то им имуть вѣроу". Слово „идуть" могло произойти из испорченного „выведуть" путем пропуска малоразборчивых букв. Непонятный и испорченный термин „идуть виру" был заменен в Археографическом и Соловецком такими же испорченными, но более ясными словами „имуть вѣроу". Следы дефектности текста протографа изучаемых изводов находим и далее. Так, в Троицком списке в той же статье читаем: „а по костехъ и по мертвеци не платить верви". Пушкинский список дает близкий к Троицкому, но уже испорченный текст: „а в костех и по мертвецѣ не плати верви". Археографический извод дает здесь чтение: „а на костехъ и по мертвымъ не плакати верви". В общем же протографе Пушкинского списка и Археографического извода надо предполагать дефектность слов „по" и „платити".

В статье о свержении виры в Троицком списке читаем: „оже не будеть лицях" (21). В изучаемых изводах вместо слова „лиця" находим „истьця". Замена слова „лица" другим („истьца") может быть объяснена неразборчивостью протографа, где неясным оставался первый слог этого слова.

В статье о закупе в Троицком списке находим термин „ролеиныи закупъ“ (57), в Пушкинском вместо „ролеиный“ читаем „родныи“, в Археографическом изводе — „розныи“. Испорченный текст в Пушкинском списке и в Археографическом изводе, вероятнее всего, произошел от неясного написания „рольиныи“, плохо разобранного переписчиком. Пример подобного непонимания текста переписчиком Археографического извода находим ниже, где читаем: „знамениемъ же ловлено“, тогда как в Троицком списке стоит: „знамение, им же ловлено“, как и в Пушкинском. Таким образом, слово „им“ соединилось со словом „знамение“.

Но на ряду с чтениями, обнаруживающими дефектность их общего протографа, Пушкинский список и Археографический извод обнаруживают в некоторых случаях черты бо́льшей исправности текста, чем в списках Правды, помещенных в Кормчих и Мерилах Праведных и рассмотренных ранее. Это выясняется из рассмотрения следующих мест в тексте Пространной Правды. В статье о поклепной вире (17) в Троицком списке читаем о количестве послухов: „или инъ кто тогда“. Непонятное „тогда“ в изучаемых изводах заменено фразой „или инъ кто, то два“, причем слово „два“ в Археографическом списке написано цифрой (стр. 302 и 283). В статье об испытании железом в Троицком списке читаем „а истьця начнеть головою клепати“ (21). В Пушкинском и в Археографическом вместо слова „истьця“ написано „истець“, что более соответствует общему смыслу статьи. В статье о нанесении увечья (27) в Троицком списке находим фразу: „или око, или не оутнеть“. Отрицание „не“ придает фразе неясность, так как из текста Правды можно сделать вывод, что ответчик платит „полувирье“ в том случае, когда он причинит увечье (отсечет руку или ногу, выколет око) и когда он не причинит никакого вреда („не оутнеть“). В Пушкинском и Археографическом изводе слова „или не оутнеть“ заменены фразой „или носъ оутнеть“ (стр. 283 и 302).

В конце статьи о познании челяди (см. *Т* 38) в Пушкинском списке и в Археографическом изводе читаем слова, пропущенные в других списках Правды: („или оуведше“).

С особенной четкостью бо́льшая исправность предполагаемого протографа, по сравнению с Троицким и другими списками, выступает в статье о холопствѣ.

ТРОИЦКИЙ	ПУШКИНСКИЙ	АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
Аже кто кренеть чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ; господину же и товаръ, а не лишатися его (117)	*Аже кто купить чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ пояти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есми купилъ.* Вѣдая ли будеть купилъ, то кунъ ему лиху быти. Аже холопъ бѣгая будеть добудеть товара, то господину долгъ, *господину же и товаръ, а не лишитися его* (стр. 291—292)	*Аще кто коупить чюжь холопъ не вѣдаа, то первому господиноу поняти холопъ, а ономоу коуны имати ходивше ротѣ, како не вѣдаа коупилъ есмъ;* вѣдаа ли боудеть коупилъ, то коунъ емоу лишеноу быти. Аще холопъ бѣгаа добоудеть товара, то господиноу же и долг, *господиноу и товаръ, а не лишитися его* (стр. 315)

Таким образом, протограф Пушкинского списка и Археографического извода, как мы видим, отличается в некоторых случаях большей исправностью текста по сравнению с Троицким и другими списками, помещенными в Кормчих и Мериле Праведном.

Отсюда вытекает, что протограф Пушкинского списка и Археографического извода является особой ветвью Пространной Правды, возникшей

независимо от Троицкого и других списков Правды, помещенных в Кормчих и в Мериле Праведном. Эта вторая ветвь Пространной Правды имела свою длительную историю, конечные этапы которой отражены в Пушкинском и Соловецком списках и в Археографическом изводе с их особенностями. Но уже протограф всех указанных списков обладал целым рядом особенностей, которые не могут быть возведены к первоначальному оригиналу Пространной Правды и являются позднейшими наслоениями. Такие наслоения могут быть обнаружены путем сличения Пушкинского списка и Археографического извода с Троицким и другими списками Правды, помещенными в Кормчих и в Мериле Праведном. Общие отличия указанных списков от Троицкого и родственных ему изводов будут являться отличиями от общего протографа. При этом возникает вопрос о происхождении этих отличий, так как признание протографа Пушкинского списка и Археографического извода особой ветвью Пространной Правды принципиально допускает бо́льшую древность отдельных чтений восстановляемого протографа по сравнению с Троицким и другими списками, помещенными в Кормчих и Мериле Праведном.

Главнейшие особенности Пушкинского списка и Археографического извода следующие.

В первой же статье Пространной Правды вместо „русинъ" (см. *Тр.* 1) в Пушкинском (1) списке и в Археографическом изводе находим „горожанинъ". Если принять во внимание, что слово „русинъ" встречается уже в Краткой Правде и противополагается „словенину", то чтение протографа Пушкинского списка и Археографического извода должно быть признано новообразованием. Происхождение термина „горожанин" предположительно может быть объяснено следующим. Редактор протографа Пушкинского списка и Археографического извода жил уже в эпоху, когда понятия „русин" и „словенин" стали однозначащими, поэтому он заменил его более обобщающим понятием „горожанинъ", противоположным „словенину", старому обозначению жителей Новгородской земли. В этом случае мы должны были бы опять признать, что протограф Пушкинского списка и Археографического извода возник в Новгороде.[1]

Позднейшее изменение текста заметно в чтении протографа Пушкинского списка и Археографического извода о вирных поконах. Слова „при Ярославѣ" (ср. *Т* 9) заменены выражением „по Ярославѣ" (9). Предлог „по", заменивший выражение „при" является несомненной поправкой позднейшего времени (см. Краткую Правду).

Таким же новообразованием представляется слово „забой" (58), заменяющее в протографе Пушкинского списка и Археографического извода термин „хлѣвъ".

Больше интереса вызывает любопытное изменение текста, наблюдаемое в протографе Пушкинского списка и Археографического извода в статьях об убийстве. Термин „дикая вира" заменен в нем словами „дикая вина" (Пушк. „ли в дикую вину" (5). О том, что в данном случае мы имеем дело не с простой опиской, а с сознательной поправкой, говорит употребление того же термина „вина" как в Пушкинском списке, так и в Археографическом изводе и далее. Вместо слов Троицкого списка „в дикую вѣру" в протографе указанных изводов читаем „в дикую вину и виру" (8). Таким образом, термин „вина" является особенностью протографа Пушкинского списка и Археографического извода. Слово „вина", как упоминалось выше, встречается в новгородских памятниках. Это является еще одним указанием на то, что протограф Пушкинского и Археографического изводов возник в Новгороде.

[1] Может быть, составитель протографа Пушкинского списка и Археографического извода производил слово „русинъ" от названия города Русы в новгородских пределах или связывал его с названием улицы Пруссы в самом Новгороде.

Некоторые черты этого протографа указывают на то, что в нем уже были заметны особенности новгородского говора, в частности мена „ч“ на „ц“ и обратно. Этой особенностью объясняется появление следующих чтений Пушкинского списка и Археографического извода. В статье о нанесении увечья мечом в Троицком списке читаем „же лѣчебное“ (30). В Пушкинском списке в этом месте поставлено „оже личе“, в Археографическом „оже лѣцебное“, в Соловецком „оже лицебное“. Таким образом, как Пушкинский список, так и списки Археографического извода отразили на себе новгородские особенности их общего протографа. Происхождение варианта Пушкинского списка „оже личе“ становится понятным только при том условии, если признать, что в его протографе вместо слова „лѣчебное“ уже читалось „личебное“.

Время образования общего протографа Пушкинского списка и Археографического извода может быть определено только условно. Пушкинский список, как известно, восходит к концу XIV века, но он не является источником ни Соловецкого списка, ни Археографического извода. Следовательно, общий протограф всех изучаемых изводов возник ранее конца XIV века. Но возникновение его можно отнести к еще более раннему времени, может быть к XIII веку. Этот предполагаемый протограф положил в свою основу еще более ранний список, отличавшийся, как мы видели, в некоторых случаях большей исправностью, чем тот текст, который был внесен в конце XIII века в Кормчие и Мерило Праведное. Кроме того, первоначальный протограф Пушкинского списка и Археографического извода был уже включен в юридический сборник второй половины XIII века. Следовательно, к этому времени относится составление этого протографа, несомненно, в Новгороде.

Сопоставление списков обоих рассмотренных ветвей Русской Правды позволяет говорить об их общем происхождении от одного общего протографа. Древнейшие списки и изводы (Синодальный, Троицкий, протограф Новгородско-Софийского извода, протограф Пушкинского и Археографического изводов) носят черты новгородского правописания. Это до некоторой степени позволяет сделать вывод о новгородском происхождении Пространной Правды. Но прежде чем перейти к изучению этого протографа, необходимо рассмотреть особый вид Пространной Правды, который теснейшим образом по происхождению связан со второй, только что рассмотренной ветвью, но имеет и некоторые любопытные особенности.

ГЛАВА 19

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В СОСТАВЕ СОФИЙСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Среди списков Пространной Правды особую известность в науке получил Карамзинский список. Позднейшее происхождение Карамзинского списка обнаруживается вставками, сделанными в его текст, в частности вставкой Устава о мостех, но текст Карамзинского списка отличается своей исправностью. В. С. Сергеевич в своем обзоре списков Правды справедливо указывает, что Карамзинский список „родствен ори-

гиналу списков второй ветви" (т. е. Пушкинскому и Археографическому), но более удален от первоначального текста".[1] Тем не менее Сергеевич в своем издании четырех списков Русской Правды дает текст Карамзинского списка.

Этот интерес к спискам Правды Карамзинского извода не случаен. Карамзинский извод, как мы будем называть его далее, действительно имеет большое значение для истории текстов Правды в последний период их развития.

В настоящее время можно насчитать 10 списков Карамзинского извода. Из них 7, т. е. большинство, дошло до нас в составе Софийской 1-й летописи (Оболенский, Карамзинский, Бальзеровский, Ленинский, Толстовский — XV века, Воскресенский и Воронцовский XVI века) и только 3 списка в юридических сборниках (Музейский, Ундольский II—XV века, Ундольский III—XVI века). Но из этих трех списков надо выделить еще два (Музейский и Ундольский II), о которых можно думать, что они сами выписаны из летописей.

Музейский список дошел в сборнике, написанном разными почерками XV века, вернее состоящим из 4 различных частей.[2] Текст Русской Правды написан почерком второй половины XV века и по бумажным знакам относится к 60—70-м годам этого столетия. Он начинается с новой страницы и написан на бумаге, ясно отличающейся по водяным знакам от предыдущей части рукописи. После Русской Правды в Музейском сборнике помещены две повести (о Батыевом и Тохтамышевом нашествиях), совершенно сходные с соответствующим текстом Софийской 1-й летописи. Тексты этих статей, несомненно, были выписаны из какой-то летописи, так как кончаются погодными записями. Таким образом, эти повести попали в Музейскую рукопись также из летописного свода, а не из сборников, хотя они могли существовать в отдельном виде. Так как почерк и бумага этой части Музейского сборника очень близки к почерку и бумаге той его части, которая заключает в себе Русскую Правду, то можно думать, что и текст Правды вошел в сборник из какой-нибудь летописи (вероятнее всего, из той же Софийской 1-й).

Несомненной копией с Музейского списка является текст Русской Правды в Ундольском II списке. Непосредственная близость этих списков подчеркивается почти полным отсутствием разночтений между ними. Но этого мало: Ундольский II список повторяет все ошибки Музейского, добавляя к ним новые, которые могут быть объяснены только некоторыми особенностями Музейского списка или его непосредственного оригинала. Можно думать, что по своему происхождению Ундольский II список также восходит к Софийской 1-й летописи. Наконец, Ундольский III список, представляет собой в сущности отрывок какого-то юридического сборника, повидимому вырванный из большой рукописи. Он написан всего на 25 листах, которые были переплетены уже в недавнее время, самое раннее в XVIII веке. Таким образом. Карамзинский извод Пространной Правды, как и другие изводы, может быть приурочен к определенному виду памятников, в данном случае к Софийской 1-й летописи.

В Софийской 1-й летописи Пространная Правда помещена под 1019 годом и находится в постоянном соседстве с другими статьями, являясь вместе с ними составной частью особого юридического сборника. В состав этого сборника входят следующие статьи: 1) Простран-

---

[1] В. Сергеевич. Лекции и исследования, стр. 76.

[2] Государственный Исторический музей, Муз. № 1009 в академическом издании, стр. 365—391.

ная Правда, 2) Закон Судный людем, в обширной редакции, 3) Церковный устав Владимира, 4) Правила святых отец 165 на обидящая святыя церкви, 5) Правила о церковных людях и о десятинах, 6) Церковный устав Ярослава. Эти же статьи в более или менее полном составе находим в Музейском сборнике. Следовательно, мы имеем дело с законченным сборником, который, в свою очередь, явно состоит из двух частей: 1) Русской Правды и Закона Судного людем (или Судебника Константина) и 2) сборника статей, выписанных из Номоканона. Время составления подобного сборника определяется заключительными словами в церковном уставе Ярослава: „списанъ бысть сий сверток из великого и старого Номоканона на Москве, в лето 6911 [1402], индикта 11, месяца ноября 11.[1] Эта заметка имеет отношение не только к церковному уставу Ярослава, но и к церковному уставу Владимира, а также к помещенным вместе с ними статьям.

Вторая часть юридического сборника Софийской 1-й летописи действительно выписана из какой-нибудь Кормчей книги. Датой составления этой части сборника является 1402 год. Следовательно, соединение первой и второй части юридического сборника Софийской 1-й летописи произошло уже после 1402 года.

Рассмотрим теперь первую часть сборника, включающую в себя Русскую Правду и Закон Судный людем. Соединение Правды и Закона Судного людем является необычным для Кормчих и находит себе аналогию только в составе Пушкинского списка и сборников Археографического типа. Следовательно, в основе первой части юридического сборника (Русской Правды и Закона Судного людем), помещенного в Софийской 1-й летописи, лежит протограф того юридического сборника, на основе которого возникли Пушкинский, Археографический и другие подобные же списки. Действительно, отдельное существование Русской Правды и Закона Судного людем от остальной части юридического сборника, помещенного в Софийских летописях, доказывается словами, которые читаем в конце Закона: „по си мѣста судебникъ царя греческого Констянтина“.[2]

Русская Правда и Закон Судный людем, помещенные в первой части юридического сборника Софийской 1-й летописи, имеют крупные отличия от текста этих памятников в Пушкинском списке и Археографическом изводе. Так, в Софийской летописи совершенно пропущено введение к сборнику или выдержка из Слова о судьях и клеветах, а Устав Ярослава о мостех включен в состав Русской Правды, которая дополнена статьями о резах.

О том, что речь в данном случае должна итти о переработке более раннего юридического сборника, лучше сохранившего особенности своего протографа в Пушкинском списке и Археографическом изводе, говорит включение Устава Ярослава о мостех в Русскую Правду. Составитель сборника в протографе Пушкинского списка и Археографического извода еще понимал, что устав Ярослава является памятником особым, хотя и приписывал его Ярославу Мудрому. Составитель же Карамзинского извода просто включил его в состав Правды как особую статью.

Впрочем, переделка древнего юридического сборника, включавшего в себе Русскую Правду и Закон Судный людем, не может быть целиком приписана составителю самой Софийской 1-й летописи или ее протографа. Последовательные звенья этой переделки выясняются из знакомства со своеобразной рукописью, которая получила не очень удачное название (у Калачова) Троицкой IV (*T* IV). Эта рукопись находится

---

[1] Полное собрание русских летописей, т. VI, стр. 86.

[2] Полное собрание русских летописей, т. VI, стр. 82, примечание.

в Троицком собрании (№ 765)[1] Ленинской публичной библиотеки в Москве. Она представляет собой небольшую книгу в 4⁰, написанную разными полууставными почерками XV—XVI веков, на 325 листах. Уже Арсений в своем описании Троицкого собрания указал, что эта книга составлена из нескольких рукописей, объединенных в одном переплете. Особый интерес для нас представляет первая рукопись, обнимающая листы 1—28, написанные полууставом и на бумаге первой половины XV века, а по Арсению даже в начале XV века. Она представляет собой юридический сборник, включающий в себя Русскую Правду и Закон Судный людем.

В состав первой рукописи Троицкого IV списка входят следующие статьи: 1) Святаго Василия предсловие; 2) Толкование изображения вѣры; 3) О еже колика и какова суть мѣста епитемьям, 4) Того же святаго Василья наказание к прозвитеру; 5) Санове церьковникъ великия церкви. После этой статьи помещен заголовок: — „Иже о судех. Соуд святаго царя Констянтина, Закон Судный людем". Текст Закона Судного людем прерывается на обороте 8-го листа словами: „иже зажигаеть" (в статье о вражде), после чего без всякого перерыва следует текст Пространной Правды (со статьи о купце) до ее конца.[2] После окончания Правды тотчас же следует продолжение Закона Судного людем, прерванного ранее, который оканчивается на л. 15 об.[3] По окончании Закона Судного без перерыва следует статья „Святаго Василия еже о соудьях и о клеветѣ", за которой следует предисловие к Русской Правде: „Уставъ великого князя Ярослава. Писано бо есть", после чего начинается текст Пространной Правды. („Соуд Ярославль Володимерича о душегоубствѣ. Правда роуськая").

Неправильное расположение текста в Троицком IV списке зависело, как уже указал Калачов, от случайной причины. Арсений, описавший Троицкие рукописи, объясняет эту причину тем, что „тетради в подлиннике были перепутаны". Мнение Арсения с наибольшей вероятностью объясняет причины той путаницы в расположении текста, которая обнаруживается в Троицком IV списке. Но при всей дефектности этого списка состав его может быть установлен довольно точно. В него входили следующие отдельные статьи: 1) 4 поучения Василия Великого, 2) Закон Судный людем, 3) Слово Василия о судьях и клевете, 4) Предисловие к Русской Правде („Писано бо есть"), 5) Пространная Правда в списке, имеющем несомненное родство с Пушкинским списком и Археографическим изводом.

Состав такого сборника стоит в несомненной связи с протографом юридических сборников, дошедших до нас в Пушкинском списке и Археографическом изводе.

Но Троицкий IV список отражает уже на себе следы дальнейшей переработки первоначального юридического сборника. Так, предисловие к Русской Правде получило свое начало, пропущенное в протографе Пушкинского и Археографического списков. При этом составитель оригинала Троицкого IV списка поступил довольно просто. Найдя в своем источнике полный текст Слова о судьях и о клевете, из которого было

---

[1] В академическом издании Русской Правды, стр. 324—341. Издатели отнесли этот список к Карамзинской группе, что неправильно, так как в Троицком списке отсутствуют статьи „о резахъ". О неправильности отнесения Троицкого извода к Карамзинскому изводу говорит и С. В. Юшков („Историк Марксист", 1941 год, № 2).

[2] В подлиннике текст читается так: (в Законе Судном людем, статья 17 о вражде): „или хлѣвы или гоумно, или ино что водою тои мечемъ оусѣкаеться, или зажигаеть, из иного города или чюжеземци, а не вѣдая запоустить за нь товаръ".

[3] В подлиннике (последняя статья Правды по Карамзинскому изводу): „А оу колокольници бьют кнутом, за ту муку 80 гривен. Бѣ свободою почтеных достають и тѣ в послушьство".

заимствовано предисловие к Правде, он выписал его начало. Поэтому после заглавия Слова о судьях и о клевете составитель в середине слова поместил второй заголовок „Уставъ великого князя Ярослава". Такие же переделки заметны и в других случаях. Так, составитель оригинала Троицкого IV списка поместил в свой текст другую редакцию Закона Судного людем, чем та, которая была помещена в его протографе. Об этой „третьей" редакции Закона Судного людем Суворов отзывается так: „Что касается списка Закона Судного, изданного Строевым в Софийском Временнике и потом перепечатанного в Полном собрании русских летописей, то о нем уже раньше замечено было, что он представляет собою тенденциозную попытку соединить и согласовать разночтения двух различных редакций Закона Судного. Некоторые признаки такой примирительной и согласовательной тенденции Строевского списка были уже представлены: во-первых, статьи краткой редакции имеют здесь нумерацию, а присоединенные к ним статьи: дополнительные, не имеют таковой нумерации, чем доказывается позднейшее и механическое прибавление последних к первым; во-вторых, там, где существуют разночтения, Строевский список воспроизводит оба различных чтения, поясняя одно другим, например: „иже поиметь куепетру рекше куму свою", или „аще и жюпани, суть рекше и князи, иже ее свидѣтельствуют". В статье о послухах указанная тенденция Строевского списка проявляется очевиднейшим образом и даже с очевиднейшим ущербом для здравого смысла, так как составитель этого списка понимал свою задачу согласования самым механическим образом".[1]

Мнение Суворова несколько односторонне, так как некоторые особенности Закона Судного людем в третьей редакции не могут быть объяснены только слиянием двух редакций. В третьей редакции Закона Судного людем встречаются статьи, отсутствующие как в первой, так и во второй редакции памятника. Таким образом, надо думать, что составитель третьей редакции Закона Судного людем пользовался еще какими-то дополнительными источниками. Тенденция примирить две разных редакции Закона Судного людем, отмеченная Н. С. Суворовым, очень типична вообще для составителя юридического сборника, помещенного в Троицком IV списке. Слияние двух источников отмечалось уже выше. Составитель сборника прибавил к Слову о судьях и клевете его опущенное начало. Ту же примирительную тенденцию можно отметить и для текста Русской Правды в Троицком IV списке, как это доказано В. П. Любимовым (см. 53 стр. академического издания Русской Правды).

Другая особенность юридического сборника в Троицком IV списке заключается в том, что в нем Закон Судный людем поставлен раньше Русской Правды. Но и эта перестановка объясняется тем, что составитель юридического сборника в Троицком IV списке пользовался дополнительными источниками. Так, в рукописи XVI века, хранящейся в Ленинской библиотеке в Москве (Унд. № 820), Закон Судный людем помещен уже ранее Русской Правды, от которой он отделен несколькими статьями.[2]

Первоначальный юридический сборник, вошедший в состав Троицкого IV списка, был пополнен на основании дополнительных материалов, заимствованных из Кормчей или из какого-то сборника, очень близкого по содержанию к Мерилу Праведному. В списках этого памятника находилось Слово Василия о судьях и о клеветах, начало которого было

---

[1] Н. С. Суворов. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права, Ярославль, 1888, стр. 56—57.

[2] Более подробно об этой рукописи говорит С. В. Юшков (Исследования по истории русского права, вып. 1, стр. 36).

опущено в предисловии к Правде в Пушкинском и Археографическом списках. Влияние сборника, подобного Мерилу Праведному, заметно на тексте Закона Судного людем, который уже получил в Троицком IV списке заглавие, отсутствующее в Пушкинском списке и в Археографическом изводе. Это заглавие („Соуд святаго царя Констянтина, закон Судныи людем“) представляет собой явное заимствование из Мерила Праведного Троицкого типа, где читаем: „Царя Констянтина законъ судныи людем“, тогда как в Кормчих имеем просто заголовок „Законъ Соудный людемъ“. Наконец, влияние Мерила Праведного заметно и на количестве статей в третьей редакции Закона Судного. Оно соответствует количеству статей в Мериле Праведном, где этот памятник оканчивается 32-й главой, тогда как в Кормчих мы имеем здесь главу 31-ю.

Составитель оригинала Троицкого IV списка имел под руками текст Закона Судного людем уже с добавочными статьями русского происхождения. Это те же статьи, которые помещены в конце Закона Судного людем в Археографическом изводе. Но в Троицком IV списке они уже получили другие заголовки (о оружьѣ, о дѣтяти, о человѣцѣ и о женѣ, о стозѣ). К ним прибавлена статья „о безчестьи“, поставленная в Археографическом изводе после окончания Правды.

Наконец, составитель Троицкого IV списка, приписывая Устав о мостех тому же Ярославу, именем которого озаглавливалась Русская Правда, включил Устав в состав Правды в качестве особой статьи под заголовком „о городских мостехъ осменики поплата“.

Все эти переделки изменили характер первоначального юридического сборника, состав которого был восстановлен нами ранее. Переделка не может быть отнесена к очень позднему времени, так как она уже нашла свое отражение в Софийской 1-й летописи. Но она не может восходить и к очень раннему времени, потому что на ней отразилось влияние такого памятника, как Мерило Праведное, возникшего в конце XIII века.

Более точно время и место возникновения новой компиляции, включившей в свой состав Русскую Правду и Закон Судный людем, можно установить на основании дополнительной статьи, помещенной в конце Пространной Правды по Троицкому IV списку. Привожу текст этой статьи: „Аже оутяжю в мукы, а посѣди оу дворянина, 8 ногат за тоу муку. А оу колоколници бьют кнутом, за ту муку 80 гривен“. В этой статье прежде всего интересно указание на какое-то определенное место, где находилась колокольница. Термин „дворянин“ встречается как в Суздальской, так и в Новгородской летописи с тем отличием, что по Новгородской летописи дворяне были слугами князя, большей частью пришедшими вместе с ним в Новгород.

Наказание кнутом у колокольницы при участии дворянина уводит нас из Новгорода в Московскую землю. О колокольнице в Москве на площади упоминается уже под 1478 годом.[1] Наказание кнутом также употреблялось в Москве в половине XV века. В 1442 году „Кудора Пришельского кнутьем били“. В 1488 году били кнутом новгородских попов как еретиков.[2] В XVI веке наказания производились в Кремле у колокольни Ивана Великого, вероятно построенной на месте древней колокольницы. Наказание кнутом, характерное для Московской земли, повидимому, не употреблялось в Новгородской. Не лишне отметить, что слово „кнут“ почти не упоминается в новгородских памятниках и не является особенно редким для московских.[3] Поэтому включение

---

[1] Полное собрание русских летописей, том VI, стр. 221; великий князь приказал новгородский вечевой колокол повесить на колокольнице на площади.

[2] Там же, стр. 170 и 238.

[3] Материалы для терминологического словаря древней России. М—Л. 1937, стр. 145.

этой статьи в состав Русской Правды указывает на московского (в широком смысле этого слова) редактора. Общий же характер переделок, вероятнее всего, должен быть отнесен к концу XIV века, так как сам Троицкий IV список написан в начале XV века. Выписки из Мерила Праведного и поучения Василия, заимствованные из церковных памятников, указывают на церковные круги.

Юридический сборник, дошедший до нас в Троицком IV списке, стоит в несомненной связи со сборником, находящимся в составе Софийской 1-й летописи. Этот сборник, как было указано выше, составился из двух частей: 1) Русской Правды и Закона Судного людем, 2) церковных уставов Владимира и Ярослава с присоединением к ним некоторых других памятников. Первый сборник в Софийской 1-й летописи (включающий Русскую Правду и Закон Судный людем) представляет не что иное, как переделку юридического сборника, известного нам по Троицкому IV списку, с некоторыми дополнениями и сокращениями. К числу дополнений относится вставка в Пространную Правду ряда статей „о резах". Сокращению же была подвергнута вся вводная часть юридического сборника, вследствие чего текст сборника стал начинаться прямо со слов: „Уставъ великого князя Ярослава Володимерича о судѣхъ". Заглавие Закона Судного людем также было дополнено пояснениями и стало читаться в таком виде: „Судебникъ святаго правовѣрнаго великаго самодержьца царя Костянтина, гречьскаго закона судебникъ людемъ". В остальном юридический сборник, известный нам по Троицкому IV списку, остался в Карамзинском изводе без особых изменений.

К первому юридическому сборнику был добавлен второй, который, как было указано ранее, возник не раньше 1402 года. Следовательно, и соединение обоих сборников в один произошло не ранее этого года. Основанием для соединения этих сборников в одно целое могло служить то обстоятельство, что в них были помещены памятники, приписываемые Ярославу.

Теперь остается разобрать вопрос о причинах, по которым рассматриваемый нами юридический сборник вошел в состав Софийской 1-й летописи.

Вопрос о происхождении Софийских летописей неоднократно привлекал внимание исследователей. С наибольшой полнотой о Софийских летописях писал А. А. Шахматов.

По мнению А. А. Шахматова, Софийская 1-я летопись имела общий источник с Новгородской 4-й летописью, который назван Шахматовым сводом 1448 года.[1] Этот источник представлял собой соединение общерусского свода с Софийским Временником и был составлен в 1421 г.

Следует отметить, что текст Русской Правды имеется во всех списках Софийской 1-й летописи (за исключением Царского), следовательно он находился и в первоначальном оригинале летописи. На вопрос о том, была ли Русская Правда уже в своде 1448 года, который был источником для Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей, также следует ответить утвердительно. В Новгородской 4-й летописи читаем прямое указание на Русскую Правду.

Причина же, по которой Ярославова грамота была отнесена составителем летописи к 1019 году, довольно ясна. Она заключалась в том, что к этому году в источнике Софийской 1-й летописи была отнесена окончательная победа Ярослава над Святополком, а следовательно,

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов. М.—Л. 1938, стр. 154—158. Более ранние высказывания см. в его статье „Общерусские летописные своды" (Журнал Мин. Нар. Просвещения, 1900, сентябрь).

и грамота, приписываемая Ярославу. Если признать, что слова о грамоте уже читались в своде 1421 года, то и вставку Русской Правды надо отнести к этому же времени. Тогда составление юридического сборника, включившего в свой состав Карамзинский извод Пространной Правды и Закон Судный людем, может быть отнесено к определенному времени между 1402—1421 годами, так как юридический сборник в Софийских летописях, как мы видели, в полном своем виде не мог возникнуть ранее 1402 года.

Рассмотрим теперь особенности текста Пространной Правды в Троицком IV списке и Карамзинском изводе.

Раньше было уже замечено, что и для истории Карамзинского извода важное значение имеет Троицкий IV список. Действительно, этот список имеет многие особенности Карамзинского извода, но отличается от него отсутствием дополнительных статей о резах. Можно считать, что Троицкий IV список является очень близким к тому изводу Пространной Правды, который лег в основание Карамзинского. „Текст Правды Русской из Троицкого сборника,—по словам В. П. Любимова,—сходен с текстом этого памятника, имеющегося в Софийской летописи, но с удержанием еще некоторых чтений в более ранней редакции“ (академич. издание, стр. 326).

Троицкий IV список, как замечено было выше, отличается большой полнотой и видимой исправностью текста. Но эта исправность текста зависела не столько от более исправного протографа, сколько от тщательной работы редактора, пользовавшегося разными источниками. Текст, положенный в основу Троицкого IV списка, был близок к тексту Археографического извода и Пушкинского списка XIV века. В этом можно легко убедиться путем параллельного сличения текстов этих изводов. В частности, Троицкий IV список дает чтения, характерные для указанных выше изводов, также и в тех местах текста Пространной Правды, которые испорчены в списках изводов Правды, находящихся в Кормчих и Мерилах Праведных. Приводим наиболее характерные чтения Троицкого IV списка, сравнив их с Троицким изводом:[1]

1) „въ дикоую вину и виру“, 8 (*Т.* — в дикую вѣру); „или носъ оутнеть, то полувирье“, 27 (*Т* — или не оутнеть, то полоувирье); „аже перстъ оутнеть мечем“ 28 (*Т* — аже перстъ оутнеть); не лзѣ речи: „не вѣдаю, оу кого есмь коупилъ“, 38 (*Т* — не лзѣ рчи: „оу кого есмь купилъ“); „12 гривен в челядинѣ или оукрадено или оуведше“, (*Т* — 12 гривенъ въ челядинѣ или оукрадше) „аже за кобылу 60 кун“, 45 (*Т* — аже за кобылу 7 кунъ); „бологодѣял и хоронилъ“, 49 (*Арх* — бологодѣялъ и хранилъ, *Т* — бологодѣлъ и хоронилъ); „а се оуставилъ Володимеръ князь Всеволодичь“, 53 (*Т* — Володимѣрь Всеволодичь)“; а пришед гость, 55 (*Т* — а пришедъ господь); „а первии должници“, 55 (*Т* — а первии должебити); „сложити на боярска тиоуна на дворьскаго“, 66 (*Арх* — сложити на боярьскаго тиоуна, на дворьскаго“, *Т* — сложити на боярьска тивуна); „а за челнъ 8 коунъ“, 80 (*Т* — за челнъ 20 кунъ); „4 гривнѣ за холопъ“, 113 (*Т* — 4 гривны); „аже кто купить“, 118 (*Т* — аже кто кренеть). Наконец, в Троицком списке читаем следующие слова, пропущенные в Троицком и родственных с ним изводах: „Вѣдая ли боудеть купилъ, то кунъ емоу лишеноу быти. Аже холопъ бѣгая добоудеть товара, то господину же холопъ и долгъ“ (118—119).

Возникает вопрос, в каком отношении Троицкий IV список находится к другим родственным изводам — Пушкинскому списку XIV века и Археографическому изводу? Нельзя ли видеть в Троицком IV списке

---

[1] В академическом издании Русской Правды стр. 329—341 (*Т* IV) и стр. 104—117 (*Т*) цифры обозначают статьи по *Т* IV.

копию с более раннего текста, чем тот, который мы находим в указанных изводах?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно, так как Троицкий IV список дает ряд чтений, находящих себе полную аналогию в Археографическом изводе:[1] „...то ти имоуть вѣроу, 18 (*Т* — то ти выведуть виру; *П* — то идуть виру); „оже не боудеть ли истца", 22; (*Т* — оже не будеть лиця); „а не оударит," 24 (*Т* — а не оутнеть); „то 3 гривны продажи," 30 (*Т* — 3 гривны); „чюжь товаръ потравить", 54 (*Т* — чюжь товаръ испортить, *П* — чюжь товаръ испроторить), „то по верви искати собѣ татя", 70 (*П* — то по верви искать вь собѣ татя; *Т* — то по верви искати татя); „оже смердъ оумрет без дѣти", 90 (*Арх* — аще смердъ оумреть); „зане онъ прекормил", 99 (*Т* и *П* — зане кормил); „но кому мати хочет" (*Кар* — въсхощеть) дати, томоу дасть", 103 (*Т* и *П* — кому мати дасть, тому же взять); „а вдачь не холопъ, и ни по хлѣбѣ работять, ни по придатцѣ, но оже не доходять года", 111 (*Т* — а в дачѣ не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатцѣ, но оже не доходять года); „то взяти емоу переима гривна кунъ", 113, (*Т* — 10 кунъ, а переима нѣтуть).

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать определенный вывод о близости оригинала Правды, лежащего в основе текста Троицкого IV списка, к спискам Археографического извода. Этим отчасти объясняется значительная исправность текста Правды в списках Карамзинского извода, положившего в свою основу список, близкий к Троицкому IV. Троицкий IV список дает много данных для восстановления текста общего протографа Пушкинского, Археографического и Карамзинского изводов. При этом следует отметить, что текст некоторых списков Карамзинского извода стоит в большей близости к Археографическому изводу, чем Троицкий IV список. Это указывает на то, что Троицкий IV список является одной ветвью, происходящей от того общего оригинала, который лег в основу как Карамзинского извода, так и Троицкого IV списка.

Но протограф Пушкинского и Археографического изводов, как это было показано выше, отличался некоторыми дефектами текста, которые мы не находим в Троицком IV списке. Следует ли отсутствие этих дефектов объяснить большей полнотой протографа Троицкого IV списка, или эта полнота объясняется позднейшими добавлениями? Для ответа на этот вопрос приводим некоторые места из параллельных текстов Троицкого I, Археографического, Пушкинского и Троицкого IV списков.

ТРОИЦКИЙ I	АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ	ПУШКИНСКИЙ	ТРОИЦКИЙ IV
А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ. А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ. А за кормилця 12, тако же и за кормилицю, хотя буди холопъ, хотя си роба (стр. 105)	А за ремественика и за ремественицоу, то 12 гривнѣ, и за кормилицу, хотя снидеть холопъ или роба (стр. 301)	За ремественика и за ремественичи, то 12 гривнѣ, и за кормилицю, хотя будеть холопъ, буди роба (стр. 283)	А за ремественика и за ремественицю, 12 гривны. О смердьи холопѣ. А за смердьи холопъ 5 гривен. А за робу 6 гривен. А за искормиличя 12 гривнѣ, тако же и за кормилицю, хотя си будеть холопъ или роба (стр. 330)

Текст Троицкого IV списка восполняет пропуск, имеющийся в Пушкинском списке и Археографическом изводе. Однако источником этого

[1] В скобках отмечены только отличия *Т* IV от Троицкого и Пушкинского изводов, первое чтение принадлежит *Т* IV и *Арх*; чтения Археографического извода отмечаются только в случае отличия от Троицкого IV.

пополнения является не Троицкий извод, а какой-то иной список. В этом смысле особенно характерен термин „искормилич", поставленный в Троицком IV списке на место древнего „кормильца". Близкий текст находим только в Мясниковском изводе, где читаем: „За ремественника и за ремественницю 12 гривен, а за рабу 6 гривенъ, а за искормилица 12 гривен, тако же и за кормилицю, хотя он буди холопъ или раба" (стр. 187). Однако сам текст Мясниковского извода отличается дефектностью и пропуском слов „а за смердьи холопъ 5 гривенъ". Следовательно, источником пополнения Троицкого IV списка и Карамзинского извода надо считать не Мясниковский извод, а какой-то список Правды, более исправный, но уже носивший черты дошедшего до нас Мясниковского извода. Действительно, текст Троицкого IV списка дает нам убедительное доказательство того, что он сложился путем слияния и взаимной проверки, по крайней мере, двух источников, а может быть, и трех источников. Такой явно составленный из двух источников текст дает статья о поклепной вире:

ТРОИЦКИЙ I	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ	МЯСНИКОВСКИЙ	ТРОИЦКИЙ IV
Аще будеть на кого поклепная вира, то не будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ, или кто инъ тогда (стр. 105)	*Аще боудеть на кого клепьнаа вира, то оже боудеть 7 свѣдѣтелии, то ти имуть вѣроу, пакы ли варягъ, или инъ кто, то 2* (стр. 302)	Аще будеть на кого поклепьная вира, то же не будеть послух 7, *то же выведеть* виру; пакы ли варягъ или кто инъ тогда (стр. 187)	*Аже боудеть на кого клепная (Кар. — поклепная) вира, то оже боудеть послухов 7, тоже выведеть вироу, то ти имоуть вѣроу, паки ли варягъ или инъ кто то 2 (стр. 330)*

Наиболее характерным в тексте Троицкого IV списка является соединение двух чтений рядом, из которых одно „то же выведеть вироу" взято из протографа Мясниковского, другое — „то ти имуть вѣроу" из протографа Археографического извода.

Такое же соединение двух источников находим и далее. В то время как в Троицком списке читаем „аже изъ хлѣва выведуть", в Пушкинском и Археографическом списках находим „аще изъ забоя выведуть". Текст же Троицкого IV списка дает сводное чтение: „оже изъ хлѣва, из забоя выведуть" (стр. 335).

Несомненный сводный текст находим и далее в статьях о закупах. Этот текст особенно интересен тем, что он может быть объяснен только текстом Синодального списка конца XIII века.[1] Приведем параллельные тексты Мясниковского, Археографического, Синодального и Троицкого IV списков:

МЯСНИКОВСКИЙ	АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ	СИНОДАЛЬНЫЙ	ТРОИЦКИЙ IV
А господинъ преобидить закупа *и оувередить цѣну* его или отарицю (стр. 194)	*Аже господинъ приобидить закоупа, а въведеть копоу его или отарици* (стр. 308)	*Аже господинъ* преобидить закоупа *а оувѣдить враждоу его или отарицю* (стр. 130)	*Аже господинъ приобидить закоупа,* оувидить враждоу и оувередить цѣноу, *а въведеть копоу его или отарицю* (стр. 335)

[1] Близость Троицкого списка к Мясниковскому изводу заметна и в других случаях. В Троицком IV, согласно Мясниковскому, читаем: „иже ли кто оубьеть", 3 (*Арх* и *П* аще оубиють); „а головника не ищоуть", 3 (*Арх* — а оубоиника не ищють, *П* — а боевника не ищють); „в чьеи же верви", 3 (*Арх* и *П* — въ которои же верви); „любо си дикую вироу", 4 (*Арх* — любо дикоую виноу); „при Ярославѣ", 9 (*Арх* и *П* — по Ярославѣ); „конем на роть сути овесъ", 9 (*Арх* и *П* — конем на воротъ соути овесъ.

Зависимость текста Троицкого IV списка от текста Мясниковского извода заметна и в статье о перевесах. Троицкий IV список дает здесь более полный текст по сравнению с другими списками Правды.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ	МЯСНИКОВСКИЙ	ТРОИЦКИЙ IV
Аще кто посѣчеть верею въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господиноу гривъна за верею (стр. 310)	Иже кто *подътнеть вервь перевѣсную*, продажи гривна, а господину за вервь *гривна кун* (стр. 196)	*Аще кто посѣчеть верею или вервь перетнеть* в перевѣсе, *то 3 гривнѣ продажи, а господину за вервь и за верею гривна коунь* (стр. 336)

Таким образом, перед нами опять составной текст. Имея под руками различный, но сводный текст Правды, редактор соединил в одной статье различные термины „вервь" и „верею", в результате чего возник новый и притом более полный текст.[1]

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что Троицкий IV список представляет собой соединение, по крайней мере, трех текстов. Основным является текст протографа Археографического и Пушкинского изводов, к которому сделаны добавления на основании других источников, один из которых был близок к Мясниковскому изводу, но отличался большей полнотой и исправностью.

В результате дополнений к первоначальному тексту Правды, вначале очень близкому по характеру к Археографическому изводу, возникла особая редакция Пространной Правды, имеющая ряд важных отличий и характерная большой полнотой и видимой исправностью текста.

Однако редактор не ограничился только поправками к тексту, заимствованными из других изводов, но сделал и ряд дополнений к тексту Пространной Правды.

Так, Троицкий IV список, по сравнению с Археографическим списком, имеет лишнюю статью „о муцѣ", поставленную в конце текста Правды, после Устава Ярослава о мостех. Кроме этого, в тексте Троицкого IV списка вставлены после статьи о свержении виры добавочные слова: „А соудным коунам ростовъ нѣтоу" (стр. 330). Перед Уставом о мостех находится статья „о человѣцѣ": „аже человѣкъ полгав коуны оу людей, а побѣжить в чюжю землю, вѣры емоу не иняти, аки и татю" (стр. 340).

Время возникновения текста Правды типа Троицкого IV списка определяется с большим трудом. Указание на место составления подобного текста Правды можно видеть прежде всего в характере тех источников, которыми она пользовалась. В основе текста Троицкого IV списка лежит текст Правды, близкий к Археографическому изводу, который сам по себе носит явные черты новгородского происхождения. Дополнения к основному тексту сделаны по текстам, близким к Мясниковскому и Синодальному того же новгородского происхождения: Однако наше внимание останавливает на себе заглавие Устава Ярослава о мостех, которое в Троицком IV списке читается таким образом: „О городских мостех осменики поплата". Между тем в Уставе о мостех говорится только о городских мостах в Новгороде. Можно предполагать, что скорее неновгородец мог назвать просто „городскими" мостами новгородские мостовые, о которых идет речь в уставе.

---

[1] Близость некоторых чтений Троицкого IV списка к Синодальному списку конца XIII в. заметна и в следующих случаях. В Троицком IV и в Синодальном читаем „а выстоупять послоуси". В других списках здесь стоит „а вылѣзоуть послуси"; „кдѣ еси възялъ" 34, в других списках „кдѣ есть взялъ'; „послуси на търгоу на роту", 35, в других списках прямо „на роту".

Позднейшее происхождение можно предполагать и в двух дополнительных статьях к тексту Правды, имеющихся в Троицком IV списке. Статья „о человѣцѣ“ предусматривает бегство в „чюжю землю“ и говорит о людях, „полгавших куны“, т. е. сделавшихся злостными банкротами. Эта статья необязательно должна быть признана новгородской или московской. Такой же характер имеет и краткая статья „а соуднымъ коунамъ ростовъ нету“. Временем создания компиляции можно считать XIV век, так как Троицкий IV список написан в начале XV века и предполагает более ранний протограф без перепутанных листов.

Троицкий IV список, как выяснено было выше, является переработкой текста Правды, возникшей в конце XIV века. На основе этой переработки возник новый извод Правды, который получил название Карамзинского.

Сравнение Карамзинского извода с Троицким IV списком показывает близость их текстов. Однако Карамзинский извод не является простым повторением протографа Троицкого IV списка, а имеет особые черты, выделяющие его в особый вид. Наиболее важным различием между Троицким IV списком и Карамзинским изводом является присутствие в Карамзинском изводе дополнительных статей о резах. Текст Правды получил в Карамзинском изводе ряд поправок и дополнений. В основном эти дополнения носят характер пояснений и подновлений старого текста. Так, начало первой же статьи „оубиеть мужь мужа“ читается в Карамзинском изводе[1] таким образом: „оубиетъ кто моужа“ (I). К имени князя Ярослава в Карамзинском изводе добавлен титул великого князя („при великомъ князѣ Ярославѣ“) (9). Такое же подновление текста находим и ниже, где читаем: „а се уставилъ велики князь Владимер Всеволодичь Манамахъ“. Титул „великий князь“ в применении к Ярославу Владимировичу показан еще раз в статье о холопе, ударившем свободного (65). Далее, в то время как в текстах Правды других изводов читаем „а горохоу 7 оуборковъ“, в Карамзинском изводе вместо слов „7 оуборковъ“ находим „тако же“ (9), так как предыдущая фраза упоминала „а пшена семь оуборковъ“. В статье об испытании железом Карамзинский извод заменяет слово „правда“ термином „исправа“ („томоу дати исправа желѣзо“) (21). Слово „исправа“, как мы видели выше, носит характер позднейшей поправки. Такой же поправкой является и выражение „либо от себя“, или палицею“ (31), в котором слово „палицею“ заменило древнее „по лицю“, несомненно по аналогии с рядом поставленными словами „или жердью“.

К окончанию статьи о своде в чужую землю (39) в Карамзинском изводе добавлены слова: „дондеже налѣзеть“, вследствие чего весь конец этой статьи читается так: „а ономоу своихъ коунъ желѣти, дондеже налѣзеть“ (39).

Любопытные изменения находим в Карамзинском изводе в статьях о закупах. Слова Троицкого IV и других списков „аже закупъ бѣжить от господы“ заменены в Карамзинском изводе фразой: „оже закоупныи бѣжить от господина“ (56). Выражение „закоупный“ находим в малоизученном памятнике, известном под названием Митрополичьего Правосудия. Интересно, что в остальных случаях Карамзинский извод употребляет старый термин „закуп“. В тех же статьях о закупах Карамзинского извода читаем фразу о коне в таком виде: „а погубить своискы конь“ (57), тогда как в остальных изводах Правды здесь читается „воискии“ или даже „воиньскии конь“. Последнее чтение „воиньскыи конь“ помещено в списках Археографического извода, в протографе

[1] Приводим текст по списку Оболенского, в академическом издании, стр. 346—362, цифры обозначают статьи.

которого, судя по Пушкинскому списку, также читалось „воискии конь". Таким образом, чтение „своискы конь" в Карамзинском изводе не могло быть заимствовано из древних списков и является новообразованием. Возможно, редактор Карамзинского извода имел в виду каких-то „закупных" людей, обладавших „свойскими конями".

Наиболее важной отличительной особенностью Карамзинского извода являются дополнительные статьи о резах. Вставной характер этих статей не подлежит никакому сомнению, так как эти статьи отсутствуют в других изводах Пространной Правды. Статьи о резах начинаются заголовком „о овцах" и кончаются статьей о „сиротьемъ вырядкѣ". Дополнительные статьи о резах в Карамзинском изводе являются памятником довольно загадочного характера, так как назначение их не вполне ясно. Вместе с тем сами математические выкладки статей о резах кажутся фантастическими. Так, приплод от трех свиней на 12 лет устанавливается в 73 728 свиней, а в переводе на деньги стоимость этого приплода установлена в 36 864 гривны. Подыскать практическое назначение для этих подсчетов невозможно. Однако наше внимание привлекает одна особенность статей о резах. В то время как одни статьи дают фантастические вычисления приплода скота и денег, другие статьи носят совершенно иной характер. Поэтому можно предполагать, что цифры приплода и его стоимости являются не первоначальными, а введены позже как пример ростовщических процентов, доведенных до неправдоподобности.

Обращаясь к содержанию статей о резах, мы можем выделить ряд совершенно достоверных черт. Так, в статьях о резах стоимость скота установлена в следующих размерах: овца — 6 ногат, баран — 10 резан, руно с овец и баранов — 1 резана, коза — 6 ногат, козел — 10 резан, свинья — полгривны, вепрь — 6 ногат, кобыла — 3 гривны, третьячина — 1 гривна, лоньщина — 30 резан, и т. д. Между тем Русская Правда дает нам некоторый материал о стоимости скота. Так, Правда Ярославичей устанавливает следующую шкалу за кражу скота: конь 3 или 2 гривны, кобыла — 60 резан, вол — 1 гривна, корова — 40 резан, третьяк — 15 кун, лоньщина — полгривны, теля — 5 резан, баран и яря ногата.

В Пространной Правде находим другую шкалу: за кобылу 60 кун, за корову 40 кун, за третьяку — 30 кун, за лоньщину — полгривны, за теля — 5 кун, за свинью — 5 кун, за порося — ногата, за овцу — 5 кун, за барана — ногата, за жеребца 6 ногат. Пространная Правда оставляет цифры Краткой Правды, но резаны всюду заменяет кунами в согласии со своим общим денежным счетом.

Составив из всех трех источников сравнительную таблицу, мы получим следующий результат (в скобках даем перевод гривен на резаны, из расчета 50 резан в гривне для Краткой Правды и 25 резан (кун) для статей о резах).

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
конь 3 или 2 гривны	—
кобыла 60 резан	60 кун
вол 1 гривна (50 резан)	—
корова 40 резан	40 кун
третьяк 15 кун (30 резан)	30 кун
лоньщина $^1/_2$ гривны (25 резан)	$^1/_2$ гривны
теля 5 резан	5 кун
баран ногата ($2^1/_2$ резаны)	5 кун
яря ногата ($2^1/_2$ резаны)	—

СТАТЬИ О РЕЗАХ

конь
кобыла 3 гривны
вол
корова 2 гривны
третьяк 1 гривна
лоньщина 30 резан
теля
баран 10 резан, овца 6 ногат, козел 10 резан, свинья 1/2 гривны, вепрь 6 ногат

Как ни трудно свести данные наших источников вместе, тем не менее, мы можем заметить, что стоимость скота в статьях о резах близка к таким же цифрам стоимости в Пространной Правде. В некоторых случаях между Пространной Правдой и статьями о резах находим явное соприкосновение. Например, стоимость лоньщины определяется в 30 резан, т. е. около 1/2 гривны, как это показано в Краткой и Пространной Правде. Таким образом, перед нами вполне реальные цифры. Вместе с тем наше внимание обращает количество скота и время, из расчета на которое исчисляется приплод. Так, овцы и козы исчисляются в количестве 22 на 12 лет, свиньи в количестве 3 на 12 лет, 3 назимые свиньи на 10 лет, 2 кобылы на 12 лет, на 12 лет рассчитан приплод третьячин, 20—лоньщин, 10—кобыл, 10—жеребцов. Черты реальности подсчетов скота в статьях о резах особенно ярко выступают в статье о лоньской телице. В ней показано „скота 20 безъ одного", от этого скота можно получить 360 сыров и 30 горнцев (горшков) масла, деньгами же 14 гривен и 20 резан. При этом дан любопытный расчет стоимости сыра по резане и горшка масла по 10 резан. Между тем та же Пространная Правда устанавливает стоимость сыра в 1 куну. Таким образом, отмечается близкое совпадение между стоимостью сыра в статьях о резах и в тексте Пространной Правды. Эти черты реальности заметны и в статье о сене, где говорится прямо: „того же села пять стожей сѣна, а то на всю 12 лѣтъ 60 стогъ сѣна, а стогъ по гривнѣ". Такой же расчет находим и ниже: „а жонка съ дчерью, тѣмъ страды на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами".

Все сказанное приводит к мысли, что статьи о резах в Карамзинском изводе, не сохранили свой первоначальный характер и были при внесении их в Правду осложнены фантастическими подсчетами резов.

Действительно, количество статей с фантастическими цифрами приплода скота оказывается совсем не столь большим, как это может показаться вначале. К их числу относятся статьи: об овцах, о козах, о свиньях, о назимых свиньях. Рядом с этим оказывается, что статьи о лоньских кобылицах, лоньской телице и о сене совершенно лишены нереальных подсчетов приплода, характерных для других статей о резах. Это позволяет думать, что первоначальный текст статей о резах не имел фантастических подсчетов приплода, а отличался какими-то более реальными чертами. Эти реальные черты статей о резах могут быть сведены в таблицу, и тогда мы получим представление о хозяйстве, в котором имелось: 22 овцы (барана), 22 козы (козла), 3 свиньи, 3 назимых свиньи, 2 кобылицы, 1 лоньская телица, 2 роя пчел.

В этом хозяйстве сеяли 16 кадей ржи и собирали: 40 копен немолоченой ржи, 15 копен немолоченой полбы, 21 половник молоченого овса, 6 половников ячменя, 5 стогов сена.

Мы имеем перед собой как бы хозяйственную опись какого-то села, которая находит себе аналогию в более поздних памятниках, подобных новгородским писцовым книгам конца XV века. Но само описание

села в статьях о резах возникло значительно ранее, судя по счету на „резаны" в XIII—XIV веках.

К какому же времени и месту относятся статьи о резах? Некоторые указания на это дает терминология этих статей. Слово „жонка" постоянно встречается в актах северо-восточной Руси XIV—XV веков. Например, духовная 1473 года упоминает „жонку Огафьицу Панфилову дочерь да дочерь ее Анницу". Слово „страда" в значении уборки хлеба также не редкость в тех же памятниках. Но особенно интересна ссылка на такую меру ржи, как „ростовская" кадь. Прямое указание на ростовскую кадь встречается только в двух списках — Карамзинском и Оболенском в остальных стоит слово „ростов". Но слово „рост", в значении реза или процента не вяжется со смыслом статьи: „а в селѣ сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовьских". К тому же текст Карамзинского и Оболенского списков был, несомненно, написан в новгородских пределах. Следовательно, и „ростовская кадь" не является чем-то наносным, а должна была упоминаться уже в источнике статей о резах, помещенных в Карамзинском изводе. Поэтому можно думать, что статьи о резах являются памятником северо-восточной Руси.

Статьи о резах были введены в состав Пространной Правды очень поздно. Подсчет приплода и денег по сложной шкале должен был иллюстрировать громадность процентов, нарастающих в течение нескольких лет. Тот же составитель, который внес в Пространную Правду статьи о резах, сделал и некоторые другие переделки в тексте, в частности наделил Ярослава и Владимира Мономаха титулами великих князей, при этом Владимир Всеволодович получил к своему имени добавление Мономаха. Подобные переделки и добавления указывают на относительно позднее время составления Карамзинского извода и на желание его составителя придать своему труду официальный характер.

Некоторый свет на время, место и причины возникновения Карамзинского извода дает история Софийских летописей, в которых обычно помещается этот извод.

А. А. Шахматов признает существование двух ветвей Софийской 1-й летописи, одна из которых представлена Карамзинской, другая Бальзеровской ветвью.[1] Древнейшую редакцию Софийской 1-й летописи А. А. Шахматов видит в Карамзинском и Оболенском списках XV века, остальные списки во главе с Бальзеровским отнесены им ко второй редакции, восходящей к протографу Карамзинского списка. Этот вывод Шахматова о существовании двух ветвей Софийской летописи находит себе подтверждение. Списки Карамзина и Оболенского имеют важные отличия от остальных списков той же летописи. К их числу принадлежат: 1) ряд дополнительных известий новгородского происхождения, 2) отсутствие некоторых известий не новгородского характера, имеющихся в других списках Софийской летописи; 3) окончание основного текста летописи на 6926 [1418] годе, а также особый текст Русской Правды, отличающийся по своим чтениям от другой ветви Софийской 1-й летописи. Если принять во внимание, что наиболее близкий к Карамзинскому списку, Воронцовский список оканчивается на 1423 годе, то можно думать, что протограф Карамзинской ветви Софийской 1-й летописи продолжался не далее этого года. А это с большой долей вероятности позволяет предполагать, что протограф Софийской 1-й летописи был составлен примерно в 30-х годах XV

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 208. В академическом издании Русской Правды вместо Бальзеровского взят древнейший Музейский список, стр. 371—391.

века (по мнению А. А. Шахматова, после 1448 года). Списки Софийской 1-й летописи во главе с Бальзеровским (варианты из Толстовского Царского, Ленинской библиотеки № 3841) по времени написания относятся к более позднему времени, причем Бальзеровский и Толстовский оканчиваются на 1471 годе (вернее 1456 г.), а Царский продолжается и далее. Эта особенность Бальзеровской ветви как будто указывает на ее более позднее происхождение, чем Карамзинской. Но изучение особенностей летописного текста Карамзинской и Бальзеровской ветви Софийской 1-й летописи приводит к несколько иному выводу, так как некоторые чтения Бальзеровской ветви отличаются большей древностью, чем Карамзинской. С другой стороны, сличение текстов Русской Правды Карамзинской и Бальзеровской ветви также обнаруживает, что их чтения возникли независимо друг от друга. Варианты Бальзеровской ветви очень часто отличаются большей древностью, чем Карамзинской. Вместе с тем мы встречаемся и с обратным явлением — с большей древностью вариантов Карамзинского списка. Таким образом, Карамзинская и Бальзеровская ветви Русской Правды являются совершенно самостоятельными и не зависят друг от друга. Это заставляет предполагать, что в основе их текста лежит общий протограф, как и предполагал А. А. Шахматов. Между тем, Софийская 1-я летопись, по исследованиям А. А. Шахматова, сама основана на более раннем своде, являвшемся источником не только для Софийской 1-й, но и для Новгородской 4-й летописи. На вопрос — находилась ли уже в этом общем источнике Русская Правда или нет, надо ответить утвердительно, так как Новгородская 4-я летопись также упоминает о Правде, хотя и не дает ее текст. Но в основе Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописи лежал свод не местного новгородского, а общерусского происхождения, повидимому составленный в Москве при митрополичьем дворе. Поэтому следует признать, что и окончательное оформление Карамзинского извода на основании более ранней работы, представление о которой дает Троицкий IV список, произошло в Москве не позднее половины XV и не ранее начала этого века.

ГЛАВА 20

ДАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОТОГРАФА ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ

Все наблюдения над изводами Пространной Правды приводят нас к выводу о существовании одного общего протографа этого памятника, от которого повели начало все его сохранившиеся списки и изводы. Восстановление текста протографа Пространной Правды является делом очень трудным, но вполне достижимым. Для этого прежде всего необходимо установить взаимоотношения между списками того или иного извода Пространной Правды и выяснить чтения протографов этих изводов. После этого уже возможно поставить вопрос о взаимоотношениях и взаимной связи отдельных изводов между собой.

По времени написания наиболее близким к протографу Пространной Правды является список 1280 года. Но этот список уже потерял пер-

воначальные черты протографа Правды, имея новые чтения, отсутствовавшие в протографе. Близость чтений Синодального списка к Троицкому XIV века, помещенному в Мериле Праведном, говорит о происхождении этих списков от общего, более раннего оригинала Пространной Правды. Но сам Троицкий список также имеет некоторые новообразования. Выше было уже выяснено, что остальные списки Троицкого извода (кроме Академического) возникли самостоятельно от Троицкого списка XIV века, следовательно, в некоторых случаях они дают представление о более ранних чтениях Пространной Правды. Таким образом, мы имеем возможность взаимно контролировать чтения Синодального списка и Троицкого извода, а также делать выводы о первоначальных чертах протографа первой ветви Пространной Правды, нашедшей себе место в составе Кормчих и Мерила Праведного. Большую помощь для определения правильности чтений Синодального списка может оказать Новгородско-Софийский извод, происходящий от какого-то списка, очень близкого к Синодальному, в особенности Рогожский список, не отразивший еще на себе позднейших переработок, внесенных в текст Пространной Правды составителями Новгородско-Софийского извода. Меньшее значение для восстановления протографа Синодально-Троицкой ветви имеют списки Мясниковского, Чудовского и Ферапонтовского изводов. В основу этих изводов были положены списки, близкие к Троицкому изводу. Отдельные чтения этих изводов в некоторой степени помогают восстановить протограф Троицкого извода, но роль их чисто подсобная. Некоторые чтения Чудовского извода на первый взгляд поражают своей видимой исправностью, но не находят подтверждения в других изводах Правды, так как являются результатом работы составителей или редакторов XIV века. В целом же у нас имеются данные для восстановления первоначального протографа Синодально-Троицкой ветви Пространной Правды или ветви Кормчих и Мерила Праведного.

Несколько труднее дело обстоит с восстановлением протографа второй ветви Пространной Правды, помещенной в особых юридических сборниках. Древнейший Пушкинский список XIV века дает текст в сильно испорченном виде. Некоторые поправки вносит Археографический извод, но и в нем немало искажений и новообразований. Кроме того, сам протограф Пушкинско-Археографической ветви уже обладал рядом дефектов, не говоря уже о том, что текст Правды был подвергнут редакционной обработке. Некоторую помощь мог бы оказать Троицкий IV список и Карамзинский извод. Но к их чтениям следует относиться очень осторожно. Как было выяснено выше, Троицкий IV список и Карамзинский извод дают текст Пространной Правды по второй ветви, однако переработанной на основании ряда источников, среди которых немалое значение имели списки Синодально-Троицкой ветви. Во всяком случае, протограф второй Пушкинско-Археографической ветви Пространной Правды восстанавливается со значительно меньшей точностью, чем протограф первой ветви.

Существование двух ветвей общего протографа Пространной Правды обеспечивает возможность судить о чтениях самого протографа. В самом деле, при полном совпадении чтений в обеих ветвях Правды можно быть уверенным, что подобные чтения уже находились в протографе Пространной Правды. Значительно труднее установить то или иное чтение протографа при расхождении чтений обеих ветвей Правды. В некоторых подобных случаях могут помочь чтения Краткой Правды, но пользоваться ими приходится с большой осторожностью, так как текст Краткой Правды был подвергнут большой переработке при внесении его в состав Пространной Правды. К тому

же большинство текстов Пространной Правды не имеет сходства с Краткой. Таким образом, некоторые разногласия между чтениями обеих ветвей Пространной Правды остаются неразрешенными или разрешенными только гадательно.

Восстановленный протограф Пространной Правды позволяет судить о первоначальном составе и тексте этого замечательного памятника. Предыдущее изложение, посвященное отдельным изводам Пространной Правды, является по существу историей Пространной Правды как единого памятника. В дальнейших главах автор этой работы ставит себе задачей выяснить происхождение и источники Пространной Правды. Но эта работа не может быть проведена ранее рассмотрения третьей редакции Русской Правды — Сокращенной Правды, что будет сделано в следующей главе.

ГЛАВА 21.

СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА

Так называемая сокращенная редакция Русской Правды обычно считается сокращением, вернее выдержкой из Пространной, например, говоря о списке Оболенского и ссылаясь на мнение Голубовского, Дьяконов замечает: „Этот список такой же Пространный список, как и прочие, только сильно искаженный, испорченный и, в некоторых местах, не без умысла“.[1]

Большинство исследователей оставляет этот памятник в стороне, тем более что он дошел до нас только в двух поздних списках XVII века. Более подробно о Сокращенной Правде говорит Сергеевич. Он выделяет ее в третью фамилию, указывая, что к ней относятся списки, по объему и содержанию средние между двумя первыми, (т. е. Краткой и Пространной Правдой), „по времени составления — самые поздние“. Указав, что список сокращенной редакции, напечатанный Калачовым, находился в составе Кормчей второй половины XVII века, Сергеевич добавляет: „Списки этой фамилии не представляют самостоятельной редакции, это извлечение из двух первых, в котором нет ни одной новой статьи; все новое заключается здесь лишь в некоторых изменениях старых статей“. Однако, Сергеевич отказывается указать причины сокращений, которые сделал в своем оригинале редактор Сокращенной Правды, так как „опущение ряда статей составляет загадку“.

Сергеевич не считал возможным допустить, что Сокращенная Правда является древней редакцией. „Предположение, что мы здесь имеем дело не с сокращением Пространной Правды, а с более древней ее редакцией, в которую не были еще внесены статьи, считаемые нами выпущенными, недопустимо потому, что статья 1-я этой редакции, несомненно, имеет более новый характер, чем редакция этой же статьи в списках первой и второй фамилии. Время составления списков третьей фамилии определяется тем, что они представляют сокращение списков уже

---

[1] М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е, М., 1926, стр. 38.

известных фамилий. Поэтому едва ли можно думать, что третья редакция (т. е. Сокращенная Правда) возникла ранее конца XII или начала XIII века".[1]

К еще более позднему времени относит Сокращенную Правду Ланге в своем исследовании о Русской Правде. Он прямо связывает слова Сокращенной Правды „любо разсудити по муже смотря" с московскими представлениями о бесчестьи.

Как мы видим, Сергеевич, по существу, отказывается установить причины возникновения сокращенной редакции. Но он, повидимому, не считает эту редакцию Русской Правды особенно поздней, иначе зачем было бы делать неопределенную ссылку на конец XII или начало XIII века. Непонятно также, зачем понадобилось составителю сокращенной редакции Правды давать материал сразу из двух „фамилий", то-есть из Краткой и из Пространной Правды, притом в большом сокращении. Цели и смысл подобного сокращения более ранних редакций Правды совсем не объяснены Сергеевичем. В самом деле, совершенно неясно, какие причины заставили авторов так называемой Сокращенной Правды выбросить, например, всю статью об убийстве, оставив только следующий за ней текст о разбое, почему были выброшены статьи о закупах, о месячном резе и т. д. Поражает и еще одно обстоятельство. Сокращенная Правда не знает никаких ссылок на князей или других исторических лиц. В ней отсутствуют упоминания об Ярославе, сыновьях Ярослава и о Владимире Мономахе. Указание Сергеевича, что Сокращенная Правда имеет заголовок: „Суд Ярославль Володимерича указ", за которым следует как и во всех списках, „Правда Русская",— неправильно. Название „Суд Ярославль Володимерича указ" относится к предисловию перед Русской Правдой, являющемуся особым памятником. Сокращенная Правда — памятник, в полном смысле этого слова, безличный, лишенный каких-либо намеков на исторические лица и события. Между тем позднейшие изводы Русской Правды, наоборот, особенно склонны к более высокому титулованию прежних князей. Все это заставляет нас особенно тщательно изучать Сокращенную Правду.

В недавнее время Н. А. Максимейко напечатал особое исследование, посвященное Сокращенной Правде.[2] Максимейко убедительно доказал, что текст Сокращенной Правды связан с группой списков, объединяемых в академическом издании Розенкампфовским видом. Сокращенная Правда, по мнению Максимейко, является поздней московской редакцией XVII века. Пропуски и изменения отдельных текстов Пространной Правды объясняются сознательными сокращениями, которые были сделаны редакторами. Присоединяясь к Ланге и Мрочек-Дроздовскому в их представлениях о позднем происхождении Сокращенной Правды, Н. А. Максимейко считает, что она возникла в XVII веке в связи с кодификацией уложения 1649 года, указывая на существование подобной же московской переработки Литовского Статута в XVII веке. К сожалению, уважаемый автор не заметил той колоссальной разницы, которая существует между московской версией Литовского Статута и Сокращенной Правдой. Литовский Статут с его разработанным юридическим содержанием мог служить источником для Уложения 1649 года, но какое значение мог иметь в XVII веке такой скудный юридический памятник, каким является Сокращенная Правда? А между тем, сколько натяжек пришлось сделать Н. А. Максимейко для объяснения пропус-

---

[1] В. Сергеевич. Лекции и исследования, СПб., 1903, стр. 68—70. Тот же взгляд на Сокращенную Правду Сергеевич высказывает, с некоторыми изменениями в аргументации, и в 4-м издании Лекций и исследований (СПб., 1910, стр. 72—74).

[2] Н. А. Максимейко. Московская редакция Русской Правды. (Проблемы источниковедения. Сб. 3, М.—Л., 1940, стр. 127—174.

ков и изменений в тексте Сокращенной Правды по сравнению с текстом Краткой. Так, Максимейко пишет, что заглавие Сокращенной Правды („Судъ Ярославль Володимерича указ") имеет несомненный московский отпечаток. Но этот заголовок относится в рукописях даже не к тексту Правды, а поставлен перед церковным уставом Владимира, за которым следует Сокращенная Правда. Пропуск княжеских имен объяснен тем, что переделка преследовала не литературные, а практические интересы. Однако непонятно, почему в этом случае пропущен устав Владимира Мономаха о резах, ведь ростовщичество в Московской Руси не прекращалось. Мнение Ключевского о значении выражения „в треть" отвергается произвольным признанием интерполяции в Троицком списке XIV века и т. д. Статья Н. А. Максимейко крайне интересна по деталям, но она только доказывает, что Сокращенную Правду без натяжек и домыслов нельзя признать простой выдержкой из Пространной Правды, да к тому же сделанной в XVII веке, после появления судебников, когда такая переделка практически была не нужна для юридических целей.

Если бы Сокращенная Правда являлась только выдержкой из Пространной, она, действительно, представляла бы мало интереса для исследователя. Но Сокращенная Правда имеет ряд серьезных отличий от Пространной, позволяющих говорить о том, что мы имеем дело не просто с выдержкой или с механическим сокращением Пространной Правды, но с особой редакцией Русской Правды.

Некоторый ответ на время возникновения Сокращенной Правды дает состав Кормчей, в котором она дошла до нас. Сокращенная Правда сохранилась только в двух списках Кормчей. Оба эти списка (Толстовский и Оболенский) — поздние и были написаны не ранее половины XVII века. По составу оба списка Кормчей близки друг к другу. Сравнивая содержание Толстовской Кормчей с другими Кормчими, находим, что наиболее близкими к ней по составу являются Кормчии Чудовского типа. Толстовская Кормчая сохраняет очень близкое сходство по своему составу с Чудовской примерно до 65 главы, под которой как в той, так и в другой Кормчей помещено „поучение попом". После 65 главы тексты Толстовской и Чудовской Кормчих расходятся.

Счет глав в Толстовской Кормчей доведен до 112, после чего помещено несколько статей без обозначения их по главам. Таким образом, последние статьи без нумерации глав можно считать дополнением к первоначальной Кормчей. Близость Толстовской Кормчей к Чудовской заметна не только в ее первой части, но и в некоторых статьях, непосредственно следующих за Правдой Русской. Таковы Слово Сирахово на немилостивые цари (глава 93), Слово св. отец 165 о обидящих церкви (гл. 94), Слово св. Василия о судиях и властителях (гл. 99). Если принять во внимание, что текст Сокращенной Правды имеет близкое сходство с Чудовским изводом, то эта близость состава Толстовской и Чудовской Кормчих находит объяснение в признании того, что обе Кормчии пользовались одним источником. Предположение же, что одна из Кормчих служила источником для другой, представляется неправдоподобным, так как вторая часть — Кормчей Чудовского типа или Мерило Праведное 2-й редакции—не отразилась на составе Толстовской Кормчей. Замечательно и другое обстоятельство. В тексте Мерила Праведного 2-й редакции указанные выше статьи (Слово Сирахово, Слово св. отец 165, Слово св. Василия) являются позднейшими вставками и не имеют обозначения глав. Они отсутствуют и в первоначальном оглавлении Кормчих Чудовского типа, соединенных с Мерилом Праведным. Следовательно, они взяты из особого источника.

Время возникновения Толстовской Кормчей в известном нам составе не может восходить к очень раннему времени, так как в ней помещен отрывок: „от жития святаго Стефана о грамоте Пермьстей". Житие же Стефана было написано Епифанием Премудрым в конце XIV — начале XV века (после 1396 года). Внесение в текст Кормчей специальной статьи о пермской азбуке позволяет связывать место происхождения Толстовской Кормчей с северо-восточной окраиной Руси в XV веке и с пермской епископией. На это же указывают и некоторые другие дополнительные статьи Толстовской Кормчей. Так, мы встречаем в ней под главой 110-й статью: „проявление крещения Русской земли св. апостола Андрея, како приходил в Русь и благословил место и крест поставил, иде же град Киев". Продолжением этой статьи служит глава 111-я о великом князе Владимире, крестившим русскую землю. Эти статьи были вполне уместны в Кормчей, составленной в XV веке для Пермской земли. При таком предположении станут ясными причины близости содержания Толстовской Кормчей именно к Чудовской, которая была составлена, по нашему предположению, в Суздальской земле, быть может, архиепископом Дионисием Суздальским. Стефан Пермский был поставлен в пермскии епископы митрополитом Пименом в 1383 году.[1]

Интересно ближайшее окружение Сокращенной Правды в составе Кормчей. Ей предшествует церковный устав Владимира под названием: „Судъ Ярославль Володимерича указъ". Поражает прежде всего несоответствие между заглавием и содержанием устава Владимира. Ставя в заголовке имя Ярослава Владимировича, составитель Кормчей оставил в тексте устава имя Владимира и его княгини Анны. Можно ли это несоответствие объяснить только небрежностью составителя? Полагаю, что это объяснение было бы неправильным. Надо думать, что слова „судъ Ярославль Володимерича указъ" относятся не только к церковному уставу Владимира, но и к следующей за ним Русской Правде. Само название носит, несомненно, сходство с заглавием списков Правды в Чудовском изводе: „Суд Ярославль Володимерича". Таким образом, мы имеем попытку объединения двух памятников, устава Владимира и Русской Правды, в одно целое. Между тем устав Владимира — памятник церковного происхождения. Это обстоятельство заставляет предполагать, что компиляция, соединяющая устав Владимира и Русскую Правду, возникла в церковных кругах. Церковный устав Владимира является как бы введением к Русской Правде, устанавливая компетенцию церковного суда и оканчиваясь словами: „Митрополит или епископ ведает меж ими суд и обиду и о задницы брань. Аже будет иному человеку с теми речь, то обчий судъ". Ссылка в Уставе Владимира на „обчий судъ" ведет нас к северо-восточным памятникам XIII—XV веков.

Некоторые намеки на время объединения устава Владимира с Пространной Правдой под общим заголовком дает сама редакция устава. В специальном исследовании об уставе Владимира С. В. Юшков отнес текст устава, помещенный в Толстовской Кормчей, к так называемой 2-й редакции, которую он считает одной из наиболее близких к первоначальному протографу этого памятника. Церковный устав Владимира 2-й редакции сохранился уже в известной Варсонофьевской (Чудовской № 4) пергаментной Кормчей XIV века.[2] Для Толстовской Кормчей

---

[1] Полное собрание русских летописей, т. XVIII, стр. 135—„Тое же зимы (6991) Пимин митрополит на Москве два епископа постави, Михаила епископа Смоленьскуа, нарицаемого Храпу, епископом в Пермь".

[2] С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, вып. I, стр. 118—119.

характерно наличие в нем церковного устава Владимира именно в такой ранней редакции. Это говорит о древности соединения устава Владимира и Пространной Правды в один памятник.

Текст Сокращенной Правды отличается рядом особенностей, выделяющих его в особую редакцию. Беглое сличение текстов Пространной и Сокращенной Правды обнаруживает определенное родство между ними. В некоторых случаях тексты Пространной и Сокращенной Правды полностью совпадают, в других текст Сокращенной Правды производит впечатление пересказа и сокращения статей Пространной Правды. Довольно многочисленные характерные особенности текста Сокращенной Правды сходны с особенностями таких изводов Пространной Правды, как Чудовский и Ферапонтовский. Казалось бы, при этих особенностях текста сокращенной редакции, мы должны были бы признать его простой выборкой из Пространной Правды по Ферапонтовскому или Чудовскому изводам. Однако более тщательное изучение текста Сокращенной Правды обнаруживает, что он имеет такие черты, которые не могут быть объяснены простым сокращением текста, сходного по особенностям с текстом Пространной Правды.

Мысль о зависимости Сокращенной Правды от Чудовского извода устраняется уже тем соображением, что в Сокращенной Правде имеются слова: „аже безъ людей в поклепе ... а людие вылезут, то 12 гривен продажи“ (67), которые отсутствуют во всех списках Чудовского извода и, следовательно, отсутствовали в его протографе. Но и гипотеза, что Сокращенная Правда является выдержкой из Ферапонтовского извода, представляющего, как известно, переработку Чудовского с дополнениями из Новгородско-Софийского и Троицкого, также должна быть отвергнута, так как Сокращенная Правда обладает чертами, обнаруживающими ее независимость от известных нам изводов Пространной Правды.

Наше внимание прежде всего останавливается на статье Сокращенной Правды о кровавом муже. Эта статья имеет сходство со статьей Пространной Правды под названием „а придеть кровавъ моужь“, но сходство это довольно отдаленное и не объясняет всех особенностей текста Сокращенной Правды. Приведем параллельный текст обеих редакций.

СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Аще придеть кровавъ мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за безчестие, каков будет; *аще не будет на нем знамения, то привести ему видок слово противу слова*	*Аже придеть кровавъ мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити* ему продажю 3 гривны; *аще ли не будеть на немъ знамения то привести ему видокъ слово противу слова*, а кто будеть почалъ тому плати 60 кунъ; аче же и кровавъ придеть или будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежь, аже и били.
Аже же ударит мечем или ножем, *а не на смерть*, то князю вины 9 гривен, а исцу за рану судят. Аще ударит на смерть жердию или попехнет, а знамения нѣтъ, а видок будет, аще будет болярינъ или людин или варягъ крещения не имѣя, то по их пути платити безчестие; аще видока не будетъ, ити им на жребии, а виноватый в продаже, во что обложат (стр. 269).	*Аже оударить мечемь, а не* оутнеть *на смерть, то 3 гривны*, а самому гривна, за рану же лѣчебное, потнеть ли на смерть, а вира. Аче попьхнеть мужь мужа, любо к собѣ, ли от собе, любо по лицю оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту (стр. 106).

Если начало статьи „о муже кроваве“ дает текст, почти одинаковый как в Пространной, так и в Сокращенной Правде, то далее мы видим большие отличия. В то время как в Пространной Правде за несмертельную рану предписывается платить „3 гривны, а самому гривна“, Сокра-

щенная Правда дает здесь текст: „то князю вины 9 гривен". Ясно, что такое различие в тексте не могло появиться в результате простого сокращения. Мы должны допустить, что составитель Сокращенной Правды пользовался каким-то особым источником, не сходным с известными нам редакциями Пространной Правды.

Поэтому совершенно напрасно и В. П. Любимов и Н. А. Максимейко стремятся вывести текст сокращенной редакции из какого-либо известного нам вида Пространной Русской Правды. Сокращенная Правда в статье „о мужи крoваве" пользовалась особым источником, помещаемом в Мериле Праведном 2-ой редакции, а не текстом Пространной Правды, что оставлено указанными авторами без разъяснения.

С еще большей убедительностью к такому выводу приводит нас сравнение окончания текста статьи „о муже кроваве" в рассматриваемых редакциях. Текст Пространной Правды не имеет сходства с текстом Сокращенной, но находит себе объяснение в одной из статей Краткой Правды:

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
Аще ли ринеть моужь моужа, любо от себе, любо к собѣ — 3 гривнѣ, а видока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ, то на роту (стр. 70).	*Аче* попьхнеть *мужь мужа, любо к собѣ ли от собе,* любо по лицю оударить, ли жердью оударить, а *видока два выведуть, то 3 гривны продажи, аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту*

Таким образом, статья о кровавом муже в Пространной Правде составлена из двух частей: одна часть ее близка к тексту Сокращенной, другая — к тексту Краткой Правды. Следовательно, текст Сокращенной Правды не может быть выведен из Пространной, а основан на каком-то особом источнике или сам послужил источником для Пространной Правды. Этот особый источник мы находим в статье „о мужи кроваве", помещаемой в Кормчих Чудовского и Ферапонтовского типа. Статья о муже кровавом поставлена в них перед Пространной Правдой, являясь продолжением статьи о послушестве, помещенной в Чудовской и Ферапонтовской Кормчих перед Русской Правдой, как об этом говорилось ранее. В статье о муже кровавом находим текст, соответствующий Сокращенной Правде и отсутствующий в Пространной. Из какого источника была заимствована эта статья — неизвестно, но по своему содержанию она, несомненно, дает более полный и древний текст, чем в Сокращенной и Пространной Правде.

Приведем параллельные тексты отдельной статьи о муже кровавом, помещаемой в Кормчих Чудовского и Ферапонтовского типа, а также текст той же статьи в Пространной Правде.

СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)	СТАТЬЯ О МУЖЕ КРОВАВЕ В ЧУДОВСКОЙ КОРМЧЕЙ
Аще придеть кровавъ мужь на двор или синь то видока ему не искати, но платити ему продажа за безчестие, каковъ будет. Аще не будет на нем знамения то привести ему видок слово противу слова.	*Аже придеть кровавъ мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будеть на немъ знамения, то привести ему видокъ слово противу слова, а кто будеть началъ тому плати 60 кунъ; аче же и кровавъ придеть или будеть самъ началъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежь, аже и били.*	*Аще придеть кровавъ моужъ на дворъ или синъ, то видока емоу не искати, но платити емоу продажа за бесчестие, каковъ боудеть; аще ли не боудеть на немъ знамения, то привести ему видокъ, слово противу слова, а кто боудеть началъ, тому платити* коуны, въ что и объложать, *аще же и кровавъ приидет или боудеть самъ началъ, а вылѣзоуть послоуси, то то емоу за платежь, оже и били.*

СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)	СТАТЬЯ О МУЖЕ КРОВАВЕ В ЧУДОВСКОЙ КОРМЧЕЙ
Аще же ударит мечем или ножем, а не на смерть, то князю вины 9 гривенъ, а исцу за рану судят	*Аже оударить мечемъ а не оутнеть на смерть, то 3 гривны,* а самому гривна, за *рану же лѣчебное, потнеть ли на смерть, а вира*	*Аще же ударить мечемъ, или ножемъ, а не оутьне на смерть,* то князю вины 9 гривенъ, а *истьцу за рану соудять, а оже лѣчебное; потнет ли на смерть, то вира платити*
Аще ударит на смерть жердию или попехнет, а знамения нѣтъ, а видок будет; аще будет болярин или людин или варягъ крещения не имѣя, то по их поути платити безчестие. Аще видока не будетъ, ити им на жребии, а виноватыи в продаже, во что обложат (стр. 269)	*Аче попьхнеть мужь мужа, любо к собѣ, ли от собе, любо по лицю оударить, ли жердью оударить,* а видока два выведуть, то 3 гривны продажи, аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на ротоу (стр. 106)	*Аще ли пьхнетъ мужъ моужа, любо к себѣ, любо от себя, ли по лицу оударить, или жрѣдию* ударить, а без *зънамения, а видокъ боудеть,* бещестие емоу платити; *аже будеть болярин,* великых боляр или менших бояръ *или людинъ* городскыи, или селянинъ, то по его пути платити бесчестие; а оже боудеть варягъ и колобягъ крѣщения не имея, а боудеть има бои, а видокъ не боудеть, ити има ротѣ по своеи вѣрѣ, а любо на жрѣбии, а виноватыи въ продажи, въ что и обложать (стр. 231).

Как мы видим, статья о „муже кроваве“, помещенная в Кормчих Чудовского типа, является общим источником как Сокращенной, так и Пространной Правды, хотя составители последней использовали и другой источник (Краткую Правду). Эта особенность Сокращенной Правды указывает на то, что она не может быть названа простой выборкой из Пространной. В свою очередь, статья о муже кровавом в Кормчих Чудовского типа не может быть выведена ни из Пространной, ни из Сокращенной Правды, ни из их соединенного текста. Кроме того, текст отдельной статьи о муже кровавом в Чудовских Кормчих, несомненно, древнее подобного же текста Пространной Правды. В нем мы находим указание на великих и меньших бояр, городского людина и селянина. Эту терминологию можно сопоставить с текстом церковного устава Ярослава, где читаем: „ аже кто зоветь чюжю жену блядью великих бояръ (3 гривны золота)... а будеть городскихъ людей (3 гривны серебра)... а сельских людей за соромъ гривна серебра“.[1] Как мы видим, терминология в статье „о муже кроваве“ и в Уставе Ярослава очень близка.

Но особенно важно в отдельной статье о кровавом муже, помещенной в Кормчих Чудовского типа, замечание о варягах и колбягах (вариант — кольбяг), не имеющих крещения. Перед нами текст, родственный с Древнейшей Правдой, также упоминающей о варягах и колбягах. Поэтому упоминание о колбягах ведет нас к очень древнему времени, по крайней мере к XII веку. К тому же времени нас ведет дополнительная фраза о варягах и колбягах, которые „крѣщения не имея“ идут к роте, „по своей вѣрѣ, а любо на жребии“. Фраза „крѣщения не имѣя“ может быть приложима к варягам и колбягам в XII веке только в пере-

---

[1] М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, т. I, стр. 237.

носном смысле, так как божница варягов уже находилась в это время в Новгороде, где к варяжским попам нередко носили детей для крещения. Исконный обычай „жребия“ известен по летописи с древнейшего времени. Так, киевляне метали жребий об отроке, предназначенном в жертву богам, „и паде жребий на сына одного варяга“. По договору 1195 года с немцами „оже тяжа родится бесъ крови, снидутся послуси, и Русь и Немци, то вергуть жеребее, кому ся выимьть, ротѣ шьдъ свою правду взъмуть“.

Термин „колбяг“ известен только по Краткой Правде, откуда он был заимствован в Пространную. Как указывалось в главе о Древнейшей Правде, он должен быть отнесен к очень раннему времени. На это же время указывает близость приведенной выше терминологии статьи о кровавом муже к церковному уставу Ярослава. Подлинность этого устава давно уже подвергнута сомнению. Несомненно, что устав Ярослава дошел до нас в сильно переработанном виде. Однако время этой переработки неизвестно, вероятно, устав уже существовал в XII веке.

Характер отдельной статьи о кровавом муже, помещаемой в Кормчих Чудовского типа, сближает ее с Краткой Правдой. Но в то же время совершенно ясно, что Краткая Правда не могла быть источником этой статьи.

Она представляет собой или особый памятник, или выписку из какого-то большого памятника, который не сохранился до нашего времени и содержание которого нам неизвестно. Во всяком случае текст отдельной статьи о кровавом муже возник не позднее XII века. К этому времени относит статью о кровавом муже, называя ее статьей о послухах, В. О. Ключевский. Он указывает, что в этой статье пеня за удар оружием указана в 9 гривен, тогда как в Пространной Правде находим всего 3 гривны. Это различие объяснено Ключевским тем обстоятельством, что „в промежутках между гривнами кун в $^1/_2$ и в $^1/_4$ фунта, именно около половины XII века ходили гривны кун весом около $^1/_3$ ф.“. Отсюда Ключевский делает очень важный вывод: „Русские статьи в своде о послухах редактировались около половины XII века, при третной гривне кун: 6-гривенная пеня и была в нем переверстана в 9-гривенную, а в другой его редакции переложена в фунты, в 3 гривны серебра“.[1] Следовательно, Сокращенная и пространная Правды пользовались, как одним из своих источников, памятником половины XII века, откуда в нее попала статья о кровавом муже.

Статья о кровавом муже имеется в тех же Кормчих, в которых находится Чудовский извод Русской Правды, варианты которого особенно близки к чтениям Сокращенной Правды. На основании этого можно было бы сделать предположение, что и сама статья о кровавом муже заимствована Сокращенной Правдой из подобной же, но более полной статьи в Кормчих Чудовского типа. Однако такое предположение опровергается анализом текста Сокращенной Правды. Дело в том, что не только статья о кровавом муже, но и другие особенности Сокращенной Правды не могут быть выведены из известных нам изводов Пространной Правды.

Особенно интересно сравнение тех текстов Сокращенной и Пространной Правды, которые имеют сходство с такими же текстами в Краткой. Таких текстов сравнительно немного. К их числу принадлежит прежде всего первая статья, устанавливающая плату за голову в 80 гривен, „любо разсудити по муже смотря“. Далее такое же сходство текста сокращенной редакции с Краткой Правдой находим в статьях

---

[1] В. О. Ключевский, Курс русской истории. Часть 1. Изд. 5-е. М. 1914, стр. 282—284.

о „всядении“ на чужего коня, об убийстве татя и краже скота, об уроках скоту, о краже чужого ястреба или сокола. Все эти статьи изложены в Сокращенной и Пространной Правде с общими текстовыми отличиями от текста Краткой. Обычное представление о позднем происхождении Сокращенной Правды исходит из предположения, что она заимствовала все подобные тексты из Пространной, но анализ рассматриваемых статей говорит об ином. В этом смысле показательна статья „об убитии татя“, помещенная в Сокращенной Правде. Приведем текст этой статьи с параллельными местами из Пространной и Краткой Правды.[1]

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА	СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА	КРАТКАЯ ПРАВДА
Аже оубиетъ кого оу клѣти, ли оу которые татбы, то оубит в пса мѣсто; оже ли его додержят свѣта, то вести и на княжь дворъ; оже ли оубиють и, а боудет людие видели и связана, то платити в томъ 12 гривенъ.	Аще убиет кого у клети или у которои татбы, то убит во пса мѣсто; аже его до свѣта удержит, то вести его на княжь двор, а буди люди видели связана, а убиют, то платити 12 гривен.	Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ, аще ли до свѣта держать то вести его на княжь дворъ, а оже ли оубьють, а люди боудуть видѣли связанъ, то платить в немь
Аже ли крадет кто скот в хлѣвѣ или клѣть, то же будет единь, то платити емоу 3 гривны и 30 кун, будеть ли ихъ много, то всѣм платити по 3 гривны и по 30 коунъ (стр. 250), (Ферапонтовский извод).	Аже ли крадет кто скот в хлѣвѣ или клѣть, аже еди[нъ] кралъ, то платити ему 3 гривны и 30 кун, а буди их много, то всем платити по 3 гривны и по 30 кун (стр. 270).	А иже крадеть, любо конь, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или их боудеть 18, то по три гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити моужеви (стр. 72).

При всей близости текста Сокращенной Правды к Пространной находим в нем важные отличия. Слова Сокращенной Правды „аже еди[нъ] кралъ“ буквально встречаются в Краткой: „да аще боудеть единъ кралъ“, тогда как Пространная Правда дает здесь более запутанное чтение „тоже будеть один“ (в Троицком) и „тоже будет единь“ (в Ферапонтовском). Такое же отклонение от текста Пространной Правды и сближение с текстом Краткой встречаем в Сокращенной Правде и выше, в статье о пойманном тате. Сокращенная Правда дает здесь текст, дословно повторяющий Краткую „то вести его на княжь дворъ“, тогда как Троицкий извод пропускает слово „его“, а Ферапонтовский ставит вместо него „и“.

В смысле большей близости текста Сокращенной Правды к тексту Краткой по сравнению с Пространной особенно показательно начало статьи об убитии татя. В Сокращенной Правде читаем: „аще убиеть кого у клети или оу которои татбы, то убит во пса мѣсто“. Тот же текст в Пространной Правде по Троицкому списку изложен с таким разночтением: „то оубиють во пса мѣсто“. Но приведенный текст Сокращенной Правды находится в прямой зависимости от статьи об убийстве огнищанина, помещенной в Краткой Правде; „аже оубьють огнищанина оу клѣти, или оу коня или оу говяда или оу коровьѣ татьбы, то оубити вѣ пса мѣсто“. Если принять во внимание, что Толстовский список написан скорописью XVII века, то слово „убит“ с выносной буквой можно прочитать, как „убить“. Тогда между текстами Краткой и Сокращенной Правды будет полное согласие, а „оубиють“ Пространной Правды окажется явно позднейшим чтением.

---

[1] Приводим текст Пространной Правды по Ферапонтовскому изводу, как наиболее близкому к Сокращенной Правде, в академическом издании, стр. 250. В. П. Любимов и Н. А. Максимейко категорически заявляют о происхождении Сокращенной Правды от Ферапонтовского извода.

Приведенные примеры, как мы видим, не говорят о большей древности и приоритете Пространной Правды по сравнению с Сокращенной, в особенности, если принять во внимание, что Чудовский извод, от которого произошел Ферапонтовский, вероятно, был сам правлен по протографу Сокращенной Правды. Наоборот, они позволяют говорить о том, что Сокращенная Правда лучше передавала текст статей, заимствованных из источника, аналогичного Краткой Правде.

Что же собой представлял этот источник? Можно ли считать, что он был не чем иным как Краткой Правдой в известной нам редакции? Думаю, что нельзя, так как заимствования из этого источника, обнаруживаемые анализом Сокращенной Правды, очень немногочисленны. Поэтому я считал бы более правильным признать, что источником Сокращенной Правды был какой-то памятник, появившийся раньше той редакции Краткой Правды, которая сохранилась до настоящего времени. Такие памятники могли существовать уже в XI веке, как существовала особая запись о кровавом муже.

Далее, некоторые статьи Пространной Правды при сравнении их текста с Сокращенной производят впечатление пополненного и интерполированного текста. Особый интерес представляет статья о холопах-татях.

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Ферапонт. список)	СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА
Аже ли будуть холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо черньчии, их же князь продажею (не-Троицк.) казнит, зане суть несвободни, то двоичи платят к истьцу за обидоу (стр. 251).	Аже будут холопи тати, то суд княжь, их же князь обиду платить исцу (стр. 270)

Слова Пространной Правды „любо княжи, любо боярьстии, любо чернечии, их же князь продажею [не] казнит" стоят в полном противоречии с прямым указанием о княжьем суде в заголовке к этой статье, поставленном в Троицком списке. Эти слова отсутствуют в заголовке Пушкинского списка, где просто читаем „о холопѣ". В Синодальном списке слова „соуд княж[ь]", вписаны в заголовок позже, хотя и тем же почерком, каким написана вся Пространная Правда. Повидимому, эти слова попали в протограф Синодального и Троицкого списков из какого-то иного, особого источника, может быть близкого к Сокращенной Правде. Слова „любо княжь, любо боярьстии, любо черньчии" представляются позднейшей вставкой, поясняющей слова „холопи татие". Между тем, Смоленский договор 1229 года специально упоминает о княжеских холопах: „аже латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ" и т. д. Повидимому, источник Сокращенной Правды говорил о таком же княжеском холопе, т. е. о зависимом княжеском человеке, за которого должен был платить князь. Пространная Правда расширила это понятие, но оставила неясность, кто должен „двоиче платить ко истьцю за обиду". На связь разобранной статьи со Смоленским договором обратил внимание уже Гетц.[1]

Другая заметная интерполяция в тексте Пространной Правды бросается в глаза в статье о резе, где читаем: „аже кто куны дает в рѣзъ и наставъ медъ или жыто в присопъ" (стр. 251). Слова „настав медъ" производят впечатление вставки, так как следовало бы читать „медъ в настав". Действительно, эти слова читаются только в Синодальном и Троицком списках, а также в тех изводах Правды, которые стоят

---

[1] L. K. Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, стр. 248—249.

с ними в связи. В Пушкинском списке, относящемся уже к XIV в., этих слов нет, их нет и в Сокращенной Правде. Между тем в близких к ней по вариантам Чудовском и Ферапонтовском изводах слова „или наставъ медъ" также имеются в тексте. Следовательно, и в этом случае Сокращенная Правда дает более древний текст.

Не менее интересна статья Сокращенной Правды „о бородѣ". Она изложена в Сокращенной Правде таким образом: „а кто порвет бороду, а возмет знамение и станут видоки, то 12 гривен продажи; аже без людеи, в поклепе, нѣту продажи" (стр. 270). В списках Пространной Правды вместо слов „и станут видоки" читаем: „а вылѣзуть людие". Между тем термин „видоки", как мы знаем, является специфически новгородским. Совершенно непонятно, каким образом этот новгородский термин мог попасть в Сокращенную Правду, если признать, что она произошла путем позднего сокращения текста Пространной да еще в XVII веке в московских пределах, как это думает Н. А. Максимейко.

Особый интерес представляет статья Сокращенной Правды о бобрѣ и „разломании борти": „А кто украдет бобръ или сѣть или разломаетъ борть или кто посечет древо на мѣже, то по верви искати татя в себѣ, а платити 12 гривен продажи" (стр. 271). В таком виде статья о бобре и „борти имеет вполне законченный вид. За кражу бобра, сети, порчу борти или дерева на меже отвечает вервь. В Пространной Правде все элементы статьи о бобре и борти, помещенной в Сокращенной Правде, разбросаны в разных местах, причем слова „по верви искати татя" относятся только к краже бобра. Статья Сокращенной Правды не может быть выведена путем механического сокращения из текста Пространной. Выражение „по верви искати татя в себѣ" показывает, что составитель понимал, что значит слово „вервь", которая отвечала круговой порукой „в себѣ" за кражу. Между тем Пространная Правда непоследовательно связывает участие верви только с кражей бобра. Эта неясность в тексте привела к тому, что некоторые списки Пространной Правды путают термины „бобръ" и „борть".

Ряд других особенностей Сокращенной Правды будет еще отмечен далее. Здесь же следует отметить, что в чтениях Сокращенной Правды отсутствует один элемент, обычно указывающий на позднейшую переделку. Текст Правды при всей его краткости гораздо легче поддается толкованию, чем текст Пространной Правды с ее явной компилятивностью и запутанностью.

Сравнение текста Пространной и Сокращенной Правды можно было бы продолжить и далее, хотя бóльшая древность текста Сокращенной Правды по сравнению с Пространной не всегда легко доказуема: дошедший до нас текст сохранился только в очень поздних списках. Однако любопытно следующее наблюдение.

Оказывается, что в Сокращенной Правде отсутствует большая часть статей Пространной Правды, имеющих сходство с текстом Краткой. Между тем одним из источников Пространной Правды, несомненно, была Краткая. В составе Сокращенной Правды можно обнаружить лишь несколько статей, имеющих сходство с Краткой, причем все эти статьи имеются и в Пространной Правде.

Представление о том, что Пространная Правда является одним из источников Сокращенной Правды, должно вызвать совершенно неправдоподобное предположение, согласно которому составители Сокращенной Правды сознательно выбросили почти все статьи, имеющие сходство с текстом Краткой.

К любопытным результатам приводит изучение заголовков Сокращенной Правды. Так, оказывается, что заголовок „о вседѣнии на чужь конь" в Сокращенной Правде (33) поставлен перед тремя статьями, гово-

рящими о краже чужого коня. В Пространной Правде после второй из этих статей вставлена статья о своде, заимствованная из Краткой Правды. Заголовок Сокращенной Правды „о задницe боярьстей“ покрывает все статьи, относящиеся к боярскому наследству; в Пространной Правде этот текст разбит вставками, находящими аналогию в Краткой Правде — об уроках городнику и о мостниках. Таким образом, по заголовкам Сокращенная Правда отличается большей логичностью и стройностью по сравнению с Пространной.

Общий вывод из всего сказанного заключается в признании того, что Сокращенная Правда представляет особую редакцию Правды, сохранившую более древний состав, чем Пространная. Эта древняя редакция не дошла до нас в полном виде и подверглась сокращениям, вероятно, при внесении ее в Кормчую в конце XIV или начале XV века. Некоторые особенности Сокращенной Правды могут быть объяснены только предположением, что первоначальный древний памятник, лежащий в ее основе, был подвергнут какой-то переделке.

Так, первоначальный текст, положенный в основу Сокращенной Правды, был сильно сокращен. Следы подобных механических пропусков заметны во многих местах Сокращенной Правды. Сокращение первоначального текста заметно уже в первой статье, где устанавливается, что за голову надо платить 80 гривен: „любо разсудити по муже смотря“. Эта фраза имеет в виду подробное перечисление Краткой Правдой людей, за которых платится по 40 гривен. Несомненным сокращениям подвергалась статья „о муже кроваве“, как это было выяснено в предыдущей главе. От статьи „о своде“, повидимому, осталось лишь начало.

Статья „о муже кроваве“ в Сокращенной Правде, сравниваемая с такой же отдельной статьей в Кормчих Чудовского и Ферапонтовского типа, заставляет предполагать возможность сильных сокращений первоначального текста. Значительная часть этих сокращений, вероятно, была сделана уже в позднее время при внесении Сокращенной Правды в Кормчую книгу.

Некоторые выражения Сокращенной Правды указывают на стремление позднейшего редактора к замене архаических слов более новыми. Таково выражение в первой же статье Правды — „любо разсудити по муже смотря“, которое заменяет перечисление общественных групп, охраняемых вирою в 80 гривен. Оно напоминает выражения московских грамот XIV века. В языке Сокращенной Правды также встречаются новообразования. Из них наиболее характерными являются слова „поклеп“ (18) вместо „поклепная вира“, „иноземцу“ (55) вместо „гостю“ в статье о долге и т. д. Таким образом, Сокращенная Правда в современном своем виде является памятником, носящим черты позднейших переделок.

Выше уже высказывалось предположение, что соединение Устава Владимира с Сокращенной Правдой было сделано в церковных кругах. На это указывает попытка соединить церковный Устав Владимира с Русской Правдой в один памятник под общим заглавием: „Судъ Ярославль Володимерича указъ“. Составитель Сокращенной Правды мог иметь в виду юридическую практику, если не исключительно в церковных вотчинах, то, во всяком случае, в областях с сильным церковным влиянием.

Где же и в какой области Руси мог понадобиться такой сокращенный юридический текст? На это можно ответить пока только догадкой. Содержание Кормчей, включившей в свой состав Сокращенную Правду, как мы видели, обнаруживает некоторый интерес к Пермской епископии. Эта епископия, возникшая в 1383 году, находилась в особом положении. Борьба между пермскими епископами и местными князьями

продолжалась весь XV век. Усть-Вымь, или владычный городок при впадении р. Выми в Вычегду, был в то время крепостью и еще до начала XIX века сохранял остатки древнего вала, по углам которого находились площадки для башен. Для этой новой епархии, возможно, и была составлена новая Кормчая, в которую была внесена Сокращенная Правда в известном нам виде.

Смутное предание говорит о существовании особого зырянского судебника, который, конечно, нельзя смешивать с Сокращенной Правдой, но известие о котором говорит о каких-то юридических работах, проведенных для пермской епископии. В защиту нашего мнения привлечем еще один памятник, в свое время изданный А. С. Павловым[1] под названием „Книги законные". А. С. Павлов возводит перевод этих книг к глубокой древности. Против этого возражает М. Бенеманский, приписывая составление Книг законных митрополиту Киприану. Не решая здесь спора о времени возникновения Книг законных, следует отметить указание Бенеманского, что Книги законные сохранились в двух рукописях северного (Устюжского) происхождения. Бенеманский делает заключение, что Книги законные могли попасть на север при Стефане Пермском — „Пермская земля могла долго хранить это наследие от своего первого просветителя .[2] Действительно, северное происхождение списков Книг законных — несомненно и едва ли может быть признано случайным. Но Книги законные были слишком громоздки по содержанию и не могли удовлетворить потребность новой Пермской епархии в юридическом пособии. Поэтому и был создан более подходящий к условиям Пермской земли памятник в виде Сокращенной Правды, в основу которой был положен другой и более полный источник, не сохранившийся до нашего времени.

Сокращенная Правда дает только отдаленное понятие об этом источнике. Но все-таки у нас есть некоторые данные для суждения о той первоначальной Правде, которая была сокращена и в конце XIV или начале XV века была вписана в Кормчую. Даже в том виде, в каком она до нас дошла, Сокращенная Правда обнаруживает ряд особенностей, позволяющих говорить об ее происхождении. Прежде всего мы имеем перед собой памятник компилятивного характера, среди источников которого обнаруживаются тексты, заимствованные из особой редакции Краткой Правды и из статьи о кровавом муже, восходящей к XII веку.

Сокращенная Правда пользуется однородным денежным счетом, исключительно гривнами, кунами и ногатами. Сокращенная Правда точно так же отличается однородностью терминологии, например она знает только „холопов", а не „челядинов", в ней чаще упоминаются „видоки", чем „послухи" и т. д.

Вместе с тем Сокращенная Правда проявляет несомненный уклон в сторону княжеских интересов. Так, в статье о муже кровавом упоминается о вине князю в 9 гривен, коневый тать выдается князю на поток, статья о купле говорит о мытниках. Далее устанавливается подсудность князю холопов-татей, приоритет князя по взысканию с неоплатного должника княжеских кун, продажа в 12 гривен за вырванную бороду или выбитый зуб, 3 гривны продажи за борть, за перевесную вервь, за украденного ястреба и сокола. Статья о гумне говорит об участии князя в наказании поджигателя и назначает 12 гривен продажи за зарезанного коня, 12 гривен уплачивается князю за убитого холопа.

Статьи о боярской заднице и о холопе также упоминают о князе. Интересы князя выступают в Сокращенной Правде всюду на передний

[1] Книги законные, содержащие в себе в древне-русском переводе византийские законы. Изд. А. Павлов, СПб., 1885.

[2] М. Бенеманский. Закон градской, М., 1917, стр. 92—93.

план. Вместе с тем наше внимание обращают на себя статьи, посвященные вопросам торговли и ростовщичества. Статья о резах не ставит никаких ограничений для взимания кун, данных в резы, тогда как Пространная Правда решительно ограничивает резоимство на основании Устава Владимира Мономаха и других источников. Статья „о резе" Сокращенной Правды имеет сходство с фразой в одном древнерусском поучении, помещенном в сборнике XVI века, но, несомненно, более древнем по происхождению. В этом поучении „От епископа и от всего събора игуменом и попом по заповѣди святых отець и ко всѣм людемъ" находим такие строки: „десятина богови даяти от всего своего имѣния, от злата и от сребра, от кунъ и от скота и от жита, гдѣ кому любо будеть или къ церквам или попом или нищим или на искупъ плѣньником и работным или въ оузах держимым или кому будет старыя работникы на свободу пущати, а кунъ в рѣзы не давати никомоу же, ни жита в приспы, а насилья не дѣяти и соуд судити правдою не по мьздѣ и долготы дѣля душа своея. А игумена и черньца и попа и дьяконы не судити, ни князю, ни тивуну, священника законъ божии, но судити владыцѣ".[1]

Однако, категорическое запрещение епископа давать куны в резы и жито во присоп не находит отголоска в Сокращенной Правде.[2]

В противоречии с церковной практикой находится статья „о заднице боярстей", устанавливающая юрисдикцию князя в делах о наследстве, вопреки другим памятникам XII—XIII веков. Сокращенная Правда рисует нам жестокую погоню за бежавшим холопом. Если холопа не застрелят во время погони, то за него никто не отвечает, потому что это „бѣда" для самого господина и т. д.

В какой области древней Руси мог появиться подобный памятник? На этот вопрос отвечает терминология Сокращенной Правды, знающей „видоков" как очевидцев и „послухов", как свидетелей доброй славы. Это — вероятнее всего Новгородская земля. Особый интерес к холопам, обнаруживаемый Сокращенной Правдой, невольно напоминает позднейшие требования о выдаче беглых холопов, помещаемые новгородцами в договорах с великими князьями.[3] Особое положение боярства в Новгороде объясняет нам появление статьи „о заднице боярстей". Характерно, что вместе с детьми передается опекуну и товар, который предполагается отдать в проценты или в торговлю („изрѣзит товаром тѣмъ или пригостит"). Речь идет о наследстве людей, торговавших и занимавшихся ростовщичеством. Статья о боярском наследстве находит объяснение в памятнике XIII века — известном завещании Климента, который приказывает": „а жена моя постриженься в чернице, то вы дайте ей четверть, оть не будеть голодна, или того не въслушаеть, а нечто меньшее дадите ей". Это и есть часть жены, установленная Русской Правдой. Особый интерес к торговле проявляется в статье

---

[1] Ленинская библиотека, Рум. № 96, Сборник XVI в. л. 112—112 об.

[2] В рукописи Исторического музея. Син. 368 (у Горского № 206) половины XVI в. читаем (на л. 125) „Слово святаго Иоанна Златоустаго о въздержании" (поучение священникам). В этом, несомненно, русском сочинении, хотя и озаглавленном именем Златоуста, находим такие строки: „емляи рѣзы или в приклады куны даа, горшая ему моука будеть; не рци": царь есмь или князь или владыка или бояринъ или добра отца сынъ и соудья или попъ и дияконъ, и да помилоует ны богъ, богъ бо милоуеть по правдѣ всякого человека, епископъ оустраяеть всякого епископа по мьздѣ и всякого попа или дьякона и да извержется сана. Не достоить бо емоу ставити (на полях — по мздѣ) брата своего, от кого бо възметь владыка „или изрещи богомолца ненавидеть его богъ... И далее:... „о горе, дающим сребро въ рѣзы и куны в приклады; о горе, судиям неправедным, судящим по криву" (л. 126 об.).

[3] С. Г. Г. и Д. Том I, № 10 и 11. В договоре с кн. Михаилом Ярославичем читаем: „а холопъ или половникъ забѣжить в Тверскую волость, а тех, княже, выдавати"

о холопьстве, где предусматриваются торговые операции холопов („а кто пустит холопа в торгъ“), с согласия и без согласия его господина. Новгородское происхождение протографа Сокращенной Правды объясняет нам и то, что она использовала два других новгородских памятника — Краткую Правду и статью „о муже кроваве“.

ГЛАВА 22

ИСТОЧНИКИ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ. КРАТКАЯ ПРАВДА

Переходя теперь к наиболее трудному вопросу о времени, месте и причинах возникновения Пространной Правды мы прежде всего должны выяснить источники, на основании которых она была составлена. Компилятивный характер Пространной Правды, и близость некоторых ее статей к Краткой давно уже отмечались исследователями. Но вопрос об источниках Пространной Правды этим далеко не исчерпывается. В числе источников Правды можно указать протограф Сокращенной Правды и устав Владимира Мономаха, а также ряд дополнительных статей. Только выяснение источников Пространной Правды дает возможность правильно оценить самый памятник. К сожалению, только текст Краткой Правды позволяет выяснить приемы составителей Правды. Гораздо труднее судить о том, как использован был протограф Сокращенной Правды, так как ее текст дошел до нас в поздней переделке и на него, в свою очередь, оказала влияние Пространная Правда. Наконец, только гипотетически восстанавливается устав Владимира Мономаха. После таких оговорок мы можем приступить к изучению источников Пространной Правды.

В числе источников Пространной Правды первое место занимает Краткая Правда. Заимствования из нее в Пространную Правду сделаны были как непосредственно, так и при посредстве протографа Сокращенной Правды. Однако в настоящей главе нас будет интересовать только вопрос о непосредственном использовании статей Краткой Правды составителями Пространной.

Сравнение Пространной и Краткой Правды удобнее всего производить в порядке расположения текста Пространной, положив в основу ее текста Троицкий список. Такое сравнение должно выяснить взаимоотношение обоих памятников.

Уже первая статья Правды указывает на связь текстов Пространной и Краткой Правды. Однако в той же статье мы встречаем ряд разночтений, которые в основном сводятся к следующему:[1]

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
Оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата или сынови отца, любо отцю сына или братоу чадоу, любо сестриноу сынови (1)	Аже оубьеть моужь моужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братню сынови (1)

[1] В скобках указаны статьи по академическому изданию Правды.

Слова Пространной Правды „любо отцю, ли сыну“ представляют собой сокращение слов Краткой „или сынови отца, любо отцю сына“. Точно так же выражение Пространной Правды „ли братни сынове“ может быть объяснено только порчей текста, так как „братни сынове“ это и есть упомянутые ранее „братоу чада“. Само выражение „брату-чадо“ стало уже непонятным для составителя Пространной Правды. Вследствие этого чтение Краткой Правды „сестриноу сынови“ представляется более первоначальным.

Ниже в этой же статье наше внимание обращает место Пространной Правды, которое устанавливает плату за голову в 80 гривен против 40 гривен Краткой. Объяснение этой разницы в величине штрафа между Краткой и Пространной Правдой мы найдем, если обратимся ко 2-й статье Пространной Правды, где говорится о постановлении Ярославичей, отложивших убиение за голову. Эта статья имеет сходство с текстом статьи, помещенной во второй части Краткой Правды или в так называемой Правде Ярославичей. Вот как излагаются эти статьи в обеих редакциях:

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ *Изяслав, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ* Кыянин, Чюдинъ, Микула (стр. 71, после 17 статьи)	По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его *Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ* и мужи ихъ: *Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ* и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, якоже Ярослав судил, такоже и сынове его оуставиша (2)

При всей сокращенности сообщения Краткой Правды, мы, несомненно, имеем в ней более исправный текст. В Пространной Правде Микифор потерял свое прозвище, а Чудин и Микула совсем не упоминаются. Между тем, как мы видели выше, имена Никифора и Чудина указывают на определенных исторических лиц, известных из начальной летописи. Эти имена были известны авторам краткой редакции, но очень мало говорили составителю пространной. Участники совещания превратились в Пространной Правде в княжих мужей, по одному на князя.

Таким же изменением первоначального текста, как говорилось ранее, объясняется перемена в порядке княжеских имен. В Краткой Правде имена князей следуют в таком порядке: Изяслав, Святослав, Всеволод. Порядок Пространной Правды кажется с первого взгляда более правильным. В действительности же и в этом случае мы имеем позднейшую поправку. Составитель пространной редакции знал действительное старшинство сыновей Ярослава. Но для начала XII века, к которому, по нашему мнению, относится запись Краткой Правды представление о старшинстве могло быть иное. На нем были основаны права потомков Всеволода.

Какое же постановление Ярославичей имеет в виду Пространная Правда, когда говорит, что они „отложиша оубиение за головоу, но кунами ся выкупати“. Это постановление явно имеет в виду следующие (18 и 19) статьи второй половины Краткой Правды, где говорится об оубиении огнищанина „в обиду“ или „в разбои“. Убийца должен был платить 80 гривен. Цифра в 80 гривен заставила оставить цифру в 40 гривен для социальных групп, перечисленных в первой статье Краткой Правды, а пеню в 80 гривен обусловить дополнительными словами „аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа“. В подтверждение этого правила было выписано продолжение статьи из Правды Ярославичей:

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
А иже оубьют огнищанина в разбои или оубиица не ищоуть, то вирное платити в неи же вири голова начнеть лежати (20)	Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ паки ли людинъ, то 40 гривенъ (3)

Заглавие „о оубииствѣ" отделило в Пространной Правде несомненное продолжение статьи об уставе Ярославичей, но содержание статей в Краткой и Пространной Правде находится в явной зависимости от общего источника. Слова Пространной Правды „то 80 гривен, паки ли людинъ, то 40 гривенъ" являются лишь комментарием, так как 80 гривен по Правде Ярославичей платились за огнищанина, 40 же гривен выплачивались вообще за мужа. Этой переделкой объясняются и другие отличия первой статьи Пространной Правды от Краткой, в чем можно убедиться из параллельного сличения текстов:

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
Аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгой боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь (1)	Аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа, аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ бояреск, любо мечникъ, любо изгой, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь (1)

Слова „аче боудеть княжь моужь или тиоуна княжа" станут понятны, если их читать в контексте „то положити за голову 80 гривенъ, аче боудеть княжь моужъ или тиуна княжа". Они являются вставкой на основании постановления Ярославичей об убийстве огнищанина, который заменяется в Пространной Правде термином „княжь муж". Менее понятными являются слова „тивунъ боярескъ" на месте „ябетника" краткой редакции. Но эта поправка также говорит о какой-то позднейшей переделке, когда слово „ябетник" стало ассоциироваться с понятием тиуна, а в Новгороде боярского тиуна. Так, в Симеоновской летописи говорится, что в 1476 году в Новгороде Иван III „всѣхъ людей обидныхъ судилъ съ бояры и съ ябедникы".[1]

Разбор первых статей Пространной Правды показал уже ее зависимость от Краткой. Рассмотрим другие статьи обеих редакций Правды, которые имеют между собой сходство.

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
А се поклонъ вирныи: вирникоу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тъ же овенъ, любо полотъ, или двѣ ногатѣ; а в среду рѣзаноу въ (три) же сыры, в пятницоу тако же; а хлѣба по колькоу моугоуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соути имъ на ротъ, колько могоуть зобати, а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна, или ся пригоди в говѣние, рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ, тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а борошна колько моугоуть изъясти; до недѣли же вироу (зберοу) ть вирници, то ти оурокъ Ярославль (42)	А се покони вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ, любо полоть, любо 2 ногатѣ, а в середу куна, же сыръ, а в пятницю тако же, а куръ по двое ему на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 оуборковъ, а гороху 7 оуборковъ; а соли 7 голважень, то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна" (9)

И в этом случае текст краткой редакции сохранил более первоначальные черты. Выражение краткой редакции „конѣ 4 поставити и соути имъ на ротъ, колько могоуть зобати", потеряло в Пространной

[1] Полное собрание русских летописей, т. XVIII, стр. 251.

Правде конец и стало малопонятным — „а кони 4, конемъ на ротъ соути овесъ". Перед нами явная переработка старого текста. Далее составитель Пространной Правды нашел в Краткой ссылку на Ярослава — „то ти оурокъ Ярославль". Это позволило ему прямо написать „а се покони вирнии были при Ярославе". В этих словах можно видеть указание на позднейшее происхождение Пространной Правды, составленной из разных источников. Составитель Пространной Правды иногда повторяет нормы Краткой. Так, норма „и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици" Краткой Правды заменена в Пространной словами: „а 10 кунъ перекладная, а метельнику 12 вѣкши", хотя первоначально 10 кун не могли равняться 10 резанам. Однако в эпоху Пространной Правды счет на куны вытесняет более ранний денежный счет, поэтому Пространная Правда знает только куны. На ряду с этим статья о вирных поконах в Краткой и Пространной Правде, помимо дословного сходства, имеет ряд отличий, которые зависели от внесения авторами Пространной Правды ряда поправок в более древние нормы.

Составитель Пространной Правды, оставляя некоторые нормы Краткой, имел в виду определенную действительность. В частности, он вкладывал в понятие „вирника" и сбора вирных поконов совсем иное значение, чем то, какое ему придавалось в Краткой Правде. Этим объясняется та поразительная разница, какая наблюдается в величине денежных сборов вирника, собиравшего по Краткой Правде 60, а по Пространной всего 8 гривен.

Поконы вирные Краткой Правды фиксировали стоимость повинностей, собираемых с какой-то определенной территории, поконы вирные Пространной Правды говорили о вирнике-судье, являясь дополнением к статьям об убийстве. Поэтому в них, наравне с вирниками, появляется метельник (вероятно мятельник, от „мятель" (через юс малый) — особая одежда, как это думал А. А. Соболевский). Новое понимание статьи о вирных поконах вызвало ее перестановку в тексте. Статья о вирных поконах должна была явиться дополнением к статье „оже станеть без вины на разбои", где также говорилось о вирах. Так как составитель Пространной Правды в одном случае имел в тексте (в статье „о убийстве") виру в 40 гривен, а в другом виру в 80 гривен, то им была приписана дополнительная фраза — „аже будеть вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны" (10). Цифра в 16 гривенъ получилась из простого удвоения цифры в 8 гривенъ, указанной выше.

В несомненной связи с предыдущей статьей стоит следующая за ней в Пространной Правде статья „о княжи мужѣ". Источник этой статьи опять-таки находим в Краткой Правде, где имеются статьи о платеже за убийство. В Правде Ярославичей они стоят на месте, в Пространной они врезаются в общий текст и становятся понятными только при сравнении с Краткой Правдой.

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (даем текст сплошь, без заголовков статей)
А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ. А конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци. А в сельскомъ старостѣ княжи или в ра(та) — инѣмъ 12 гривне. А в рядовници княжѣ 5 гривенъ. А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ. Аще роба кормилица любо кормиличицъ 12 (22—27)	Аже в княжи отроци или в конюсѣ, или в поварѣ, то 40 гривенъ, а за тивун за огнищный и за конюшии, то 80 гривенъ; а въ сельскомь тивунѣ княжѣ или в ратаинѣмь, то 12 гривенъ. А за рядовича 5 гривенъ, тако же и за боярескъ. А за ремественника и за ремественицю, то 12 гривенъ. А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ. А за кормилця 12 (гривенъ), тако же и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба" (11—16)

Сравнивая тексты, имеющиеся в обоих памятниках, мы видим между ними несомненное сходство, хотя в отдельных случаях и различную терминологию. Как и в других случаях, Пространная Правда меняет термины Краткой. Вместо „тиуна" упоминается „отрок", вместо „старосты" наоборот „тиун" и т. д. Характер переделки, которую произвели составители Пространной Правды над текстом Краткой, с особой ясностью обнаруживается в словах о „кормильце" и „кормилице". Краткая Правда говорит об убиении рабов, исполняющих должности кормильца и кормилици. Она в то же время отличает их от холопов. Выражение „роба кормилица, любо кормиличицъ" нисколько не уменьшает значения убитого. Это просто указание на обычай иметь „кормильцами" (т. е. воспитателями) рабов, что не мешало им занимать самые высокие должности, подобно тому, как, по словам Энгельса „у франков рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сперва при дворе, а затем в государстве".[1] Известно значение Асмуда, кормильца Святослава или Добрыни, дяди Владимира, хотя Добрыня, по происхождению, несомненно, был рабом (братом Малуши, ключницы княгини Ольги).

Составитель Пространной Правды, живший уже в другую эпоху, посвоему понял текст и придал ему ограничительный характер словами: „хотя си буди холопъ, хотя си роба". Составитель Пространной Правды переделал по своему дальнейший текст, совершенно выкинув ссылку Краткой Правды на Изяслава, наложившего на дорогобужцев штраф в 80 гривен за убийство старого конюха у стада. Ссылка на Изяслава могла быть совершенно неинтересна в эпоху составления Пространной Правды. Но указание Краткой Правды нашло все-таки свое отражение в словах Пространной — „а за тивунъ за огнищный и за конюшии, то 80 гривенъ. В конюшем тиуне Пространной Правды следует видеть старого конюха Краткой. Несомненно такого же происхождения и термин „смердии холопъ", вызвавший столь много споров в литературе. Этот термин становится понятным при сличении текстов Пространной и Краткой Правды.

КРАТКАЯ ПРАВДА (Академический список)	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
а въ смердѣ и въ хопѣ 5 *гривенъ (26)*	*а за смердии холопъ* 5 *гривенъ*[2] *(15)*

Текст Пространной Правды мог возникнуть при нераздельном чтении „въ смердъи въ хо[ло]пѣ", вследствии чего из двух терминов образовался один. Само понятие „смердий холоп" в тексте Пространной Правды, повидимому, обозначает вовсе не холопа, принадлежавшего смерду, а холопа работавшего на пашне, подобно смерду, в отличие от ремесленника, упомянутого в той же статье. В этом смысле смердий холоп упомянут именно в статье о ремесленниках, под которыми Пространная Правда, несомненно, понимает холопов или, по крайней мере, зависимых от князя людей, подобных тем делателям, о которых говорит Лаврентьевская летопись в рассказе 1175 года о смерти Андрея Боголюбского („делатели, иже бяху пришли к дѣлу").

Используя материал краткой редакции, составители Пространной Правды внесли существенные поправки и изменения в свой первоначальный источник. Пространная Правда дает картину княжеского хозяй-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 189

[2] Попытки читать текст раздельно, как „смерди и холопъ" представляются искусственными. В тексте Краткой Правды, которым пользовался составитель Пространной могло быть написано „въ смердь и в хопѣ". Новейшее мнение см. в статье В. П. Любимова. „Смерд и холоп" (Исторические записки, том X).

ства, в котором исключительное место занимает только княжеская администрация: княжеский муж, конюх, повар, тиун огнищный (вместо прежнего огнищанина), тиун конющий, сельский и ратайный, рядович, ремесленник, смердий холоп, кормилец и кормилица. Связь ремесленника с князьями отмечена в одном из слов („наказанье“) Кирилла Туровского: „не глаголите жену имамъ и дѣти кормлю, и домъ строю, ли князю служю, ли власть держю, ли ремество“. В этом поучении ремесло поставлено наравне с „властью“, полученной в держание от князя.

Текст Краткой Правды, несомненно, послужил одним из источников для статей Пространной Правды, устанавливающих нормы за оскорбление действием или нанесение увечий.

КРАТКАЯ ПРАВДА Академический список	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити емоу, то тоу конець. Аще оутнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью, то 12 гривнѣ за обидоу. Оже ли оутнеть роукоу и отпадеть роука, любо оусохнеть, то 40 гривенъ... Аще ли персть оутнеть которыи любо 3 гривны за обидоу... Оже ли кто вынезъ мечь, а не тнеть, то тъ гривноу положить (стр. 70)	Аже кто оударить мечемъ не вынезъ его, или роукоятию, то 12 гривенъ продажи за обидоу. Аще ли вынезъ мечь, а не оутнеть, то гривна кунъ. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию, то 12 гривенъ, не терпя ли противу тому оударить мечемь то вины ему в томь нѣтуть. Аче ли оутнеть, руку и отпадеть роука, или оусхнеть или нога, или око, или не оутнеть, то полувирье 20 гривенъ а тому за вѣкъ 10 гривенъ. Аже перстъ оутнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ (стр. 106)

Сравнивая тексты Краткой и Пространной Правды, мы найдем между ними определенное сходство, которое выражается прежде всего в том, что некоторые фразы Краткой Правды дословно заимствованы Пространной. Рядом с этим текст Краткой Правды был не только переработан, но отдельные статьи этого текста были переставлены. Переработка текста, сделанная составителями Пространной Правды, имела целью переделать текст краткой редакции в сторону усиления княжеской юрисдикции. Поэтому платеж в 12 гривен „за обидоу“, установленный в Краткой Правде за удар мечом, превращается в Пространной Правде в 12 гривен „продажи за обиду“. Таким образом, соединяются оба термина, древний и новый. Таким же образом „обида“ за отсечение пальца в Краткой Правде переделывается Пространной Правдой в „продажу“.

Такой же характер переделки мы обнаруживаем и в других статьях краткой редакции.[1] Так, из других статей Пространной Правды особенно близка к Краткой Правде статья „о челяди“.

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а три гривнѣ за обидоу (стр. 70)	А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за три дни не выведуть его, а познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи (стр. 107)

В этих статьях мы обнаруживаем несомненное сходство между текстами Краткой и Пространной Правды. Краткая Правда говорит об определенном случае, когда челядин скрывается у варяга или колбяга. Возможно, что речь идет о каком-то обычае, согласно которому 3 дня

[1] Статья о кровавом муже рассмотрена была выше в главе о Сокращенной Правде.

являлись давностью для сокрытия челядина у варяга или колбяга. Пространная Правда придает статье общий смысл, выбрасывая непонятные и ненужные для ее эпохи термины и оставляя остальной текст нетронутым.

В XII веке (а Пространная Правда не могла быть составлена ранее) варяги не имели уже того значения, как в первой половине XI века. Соответственно общему характеру юридических норм Пространной Правды, „3 гривны за обиду“, указанные в Краткой Правде, переделываются в 3 гривны „продажи“.

Следующие за разобранной статьей „о челяди“ статьи Пространной Правды опять обнаруживают непосредственную связь с Краткой.

Таково заимствование, сделанное в Пространную Правду из Краткой в статьях о краже коня, оружия и одежды:

КРАТКАЯ ПРАВДА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Аще поиметь кто чюжь конь любо ороужие, любо портъ, а познаеть въ своемь мироу, то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу (стр. 70)	Аче кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а после познаеть въ своемь городѣ, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны (стр. 107)

Текст Краткой Правды потерпел и здесь любопытные изменения: „мир“ Краткой Правды сделался в Пространной „городом“. Кроме того, появилось понятие поличного („лицемь“), в соответствии с общей терминологией Правды.

Большие заимствования из Краткой Правды в Пространную сделаны в статье „о татбѣ же“. Краткая Правда дает здесь своеобразный текст: „Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свинью, а их боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи; а хто изимал, томоу 10 рѣзанъ“ (стр. 72). Краткая Правда имеет здесь в виду кражу, совершенную многими лицами. Пространная Правда изменяет текст таким образом: „аже крадеть скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ“ (стр. 108). Слова „на поли“ противополагаются следующей за этим фразе: „аже крадеть гумно“. Источник следующей за этим статьи о краже в гумне только частично обнаруживается в Краткой Правде. В Пространной Правде читаем: „Аже крадеть гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ“. Цифра в 3 гривны и 30 кун является переложением такой же цифры в Краткой Правде (3 гривны и 30 резан), взятой из статьи о покраже коня и вола. Конец статьи, говорящей о платеже за княжеского коня по 3 гривны и за коня остальных людей по 2 гривны, также взят из Краткой Правды.

С гораздо большим трудом устанавливаются заимствования из Краткой Правды в Пространную в статье об уроках скоту, но и здесь мы находим ясную параллель между текстом Краткой и Пространной Правды.

Последние заимствования из Краткой Правды находим в статьях Пространной о смерде и о перевесах (стр. 113). Переделка этих статей в Пространной Правде очень своеобразна. Текст о смерде, мучащем смерда, передан по новому. Пространная Правда отмечает, что за мучение смерда надо платить „3 гривны продажи, а за муку гривну кунъ“. Между тем в Краткой Правде здесь просто читаем „за обиду 3 гривны“. Таким образом, плата в 3 гривны за нанесение обиды переделана в продажу, которая поступает в пользу князя, тогда как потерпевший получает всего 1 гривну. Таким же образом изменена статья о мучении огнищанина, за которого платится также 12 гривен „продажи“, тогда

как мечник и тиун, совершенно не упоминаются в этом месте, хотя о них говорит Краткая Правда.

Заботу о „продаже“ в пользу князя находим и в статье о перевесах, где цифра „продажи“ значительно больше вознаграждения пострадавшему.

Обзор заимствований, сделанных из Пространной Правды в Краткую, приводит к выводу, что составители Пространной Правды проделали над своими источниками большую работу. Текст Краткой Правды был заново пересмотрен, причем из него были удалены все термины и выражения, казавшиеся устаревшими.

Пространная Правда пользовалась уже, примерно, тем же текстом Краткой, который сохранился в Новгородской 1-й летописи. Это новое доказательство древности происхождения Краткой Правды.

В какой же среде могла возникнуть подобная переделка Краткой Правды? Несомненно, в среде, близкой к князю. Интересы князя всюду поставлены на первый план, как и интересы его непосредственных слуг — княжих мужей, вирников, отроков, детских, мятельников, княжеских тиунов. Всюду появляется продажа, а старый термин „за обиду“ остается в Пространной Правде только архаизмом.

Однако Пространная Правда защищает не только княжеских людей, но и боярских. Уже эта особенность показывает, как далеко шагнуло развитие феодальных отношений в эпоху создания Пространной Правды. „Тивун бояреск“ заменяет „ябетника“ Краткой. Эта замена очень характерна для области с большим боярским хозяйством. К словам о плате за рядовича, под которым, видимо, понимается княжеский рядович, добавляются слова „тако же и за бояреск“. Таким образом, интересы бояр и их людей также находят отражение в Пространной Правде, которая соответствующим образом переделывает текст Краткой.

Пространная Правда особо отмечает холопов княжеских, боярских и чернеческих. Если протограф Сокращенной Правды знает только княжеских холопов, то Пространная Правда добавляет к ним холопов боярских и чернеческих, причем отмечается, что князь лишен права их наказывать („продажею не казнить“), так как они несвободны.

Таким образом, на ряду с заботами о княжеских интересах, Пространная Правда проявляет большой интерес к интересам боярства, дополняя соответствующими вставками текст краткой редакции. Следовательно, можно думать, что Пространная Правда могла возникнуть только в области с большим, но пока еще не господствующим влиянием боярства, например в Новгороде конца XII — начала XIII века.

ГЛАВА 23

УСТАВ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА, КАК ИСТОЧНИК ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ

Кроме Краткой Правды другим источником Пространной был устав Владимира Мономаха или, согласно Троицкому списку XIV века, „оуставъ Володимѣрь Всеволодича“. Слово „устав“ встречаем в трех древнейших изводах (Троицком, Пушкинском и Археографическом). Термин „устав“, употребляемый составителями Правды для постановлений Владимира

Мономаха, имел большое значение для дальнейшей истории текста Пространной Правды, заставив позднейших переписчиков предполагать, что вся вторая часть Правды является особым памятником. Поэтому уже в Троицком списке конца XIV века слова „Оуставъ Володимѣрь Всеволодича“ были выделены красной краской и получили нумерацию новой главы (30-й). Это представление о второй половине Пространной Правды как об особом уставе Владимира Мономаха окончательно утвердилось в XVI веке. В Годуновской Кормчей конца XVI века Пространная Правда разделена на два памятника, из которых первая половина Правды списана в одном месте, а устав Мономаха в другом и при этом по иному изводу. Такое же произвольное деление памятника, сделанное только на основании термина „устав“, встречаем не только в XVI веке, но в ученой литературе XIX—XX века. Так, издатели Новгородской Синодальной летописи при описании Археографического списка отдельно указывают Правду Русскую и устав Владимира Всеволодовича, также создавая два памятника из одного, на что указывал в свое время Сергеевич.

Между тем, первоначальное назначение заголовка об уставе Владимира Мономаха сводилось к стремлению составителей Пространной Правды выделить начало одного из своих источников. Действительно, изучая вторую часть Пространной Правды, озаглавленную в позднейших списках уставом Владимира Мономаха, мы находим в ней ряд статей, заимствованных из Краткой Правды и не помещенных в первой части Пространной. Следовательно, вторая часть Правды не является каким-либо особым памятником, а представляет собой часть большой компиляции, одним из источников которой была Краткая Правда.

Начало устава Владимира Мономаха устанавливается его заголовком, который поставлен тотчас после статьи о месячном резе. Но окончание устава определить не легко. Некоторые исследователи готовы ограничить содержание устава только постановлением о взимании двух резов. Действительно, уже следующие за этим слова о признании законности взимания резов „на 10 кунъ от лѣта на гривну“ могли казаться, если не отменой, то ограничением устава Владимира.

С большим сомнением можно относить к уставу Владимира статьи о купце и о долге. Однако определение хотя бы примерных рамок устава Владимира в составе Пространной Правды очень затруднительно, хотя некоторые данные для этого мы всетаки имеем.

В составе Троицкого Мерила Праведного наше внимание обращает на себя глава о послушестве. Эта глава в Мериле Троицкого типа составлена из разных источников, представляя собой как бы справку, выписанную из юридических памятников, на которые тут же делаются ссылки. Так, мы видим в ней ссылки на следующие источники: 1) Вопросы и ответы Константина Памфилийского и Никиты Ираклийского; 2) Правила святых апостол; 3) Моисеевы законы; 4) Судебник царя Константина (цесаря Костянтина соуд); 5) Законы Леона Философа; 6) Новые заповеди Алексея Комнина; 7) Книги Иустиньяна; 8) Правила вселенских соборов. В конце добавлена выписка из Русской Правды, под заглавием „Володимѣра князя судъ о послушьствѣ“. Все источники этой главы могут быть найдены в Кормчей 1280 года, а также в самом Мериле Праведном. Но текст выписок обнаруживает отличие от текста тех же статей, помещенных в полном виде в Мериле Праведном.

Глава о послушестве заканчивается статьей под заглавием „Володимѣра князя суд о послушьствѣ“. Эта статья является ничем иным, как выпиской из какого-то памятника, однородной по содержанию со статьей о послушестве в Пространной Правде, помещенной в том же Троицком Мериле Праведном. Но статья о послушестве в главе о послухах не

является простой копией такой же статьи в Пространной Правде, а отличается рядом вариантов.

Приведем параллельный текст статьи о послушестве в главе о послухах и в Пространной Правде по Троицкому списку.

ГЛАВА О ПОСЛУХАХ	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Володимѣра князя суд о послушьствѣ. На послушьство на холопа не складають, нъ оже не будеть свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не въскладати; аже в малѣ тяжѣ по нужи сложити на закоупа (стр. 117)	О послушьствѣ. А послушьства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати; а в малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа (стр. 112)

Текст статьи о суде Владимира в главе о послушестве, как мы видим, имеет ряд отличий от Пространной Правды по Троицкому списку, выделяясь большей исправностью и большей древностью. Таким образом, мы должны признать, что статья о суде Владимира в главе о послушестве возникла самостоятельно от Пространной Правды, помещенной в Мериле Праведном 1-й редакции. Но такой же вывод можно сделать о всей главе о послушестве в Мериле Праведном. Сравнение выписок из Закона Судного людем и других источников, помещенных в главе о послухах, с текстом тех же памятников в Мериле Праведном обнаруживает между ними большие различия. Следовательно, вся глава о послушестве возникла самостоятельно и была включена в Мерило Праведное как особый памятник.

Откуда же попала статья о послушестве в главу о послухах, помещаемую в Мериле Праведном. Некоторый ответ на этот вопрос дает заголовок этой статьи в главе о послухах. „Володимѣра князя суд о послушьствѣ". В Пространной Правде постановления Владимира Мономаха названы уставом. Уже это отличие позволяет догадываться, что источником статьи о послушестве была не Пространная Правда, а памятник с иным заглавием, измененным составителем Пространной Правды. Этим памятником мог явиться особый устав Владимира Мономаха, носивший в подлиннике заглавие „Володимѣра князя суд", подобно тому, как сама Пространная Правда обозначается в древнейших списках судом Ярослава Владимировича.

Если наши выводы могут быть признаны убедительными, то рамки устава Владимира Мономаха устанавливаются довольно ясно. Устав включал в свой состав все статьи о закупах и кончался словами: „а в малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа". Слово „закуп" встречается в Пространной Правде и притом только в статьях, непосредственно продолжающих текст Правды после слов об уставе Владимира.

Действительно, ряд данных убеждает нас в киевском, южнорусском происхождении статей о закупах.

Известно, что термин „закуп" принадлежит к редчайшим и не встречается в летописях. Срезневский указывает лишь один памятник, упоминающий о закупах, да и то переводный — толкования на слова Григория Богослова. Время появления этого памятника раннее. Он известен уже в списке XIV века,[1] но перевод толкований сделан „ранее XIII века".

[1] Государственный Исторический музей, Син. № 954 (у Горского № 117). В конце рукописи читаем летописец, согласно которому „русский летописец чтется" от Крещения Владимира (Святославича). Приводим конец этого любопытного летописца, неполностью напечатанного у Горского: „Лѣтописець. Адам первыи человѣкъ живет лѣт 900 и 90 (далее см. у Горского)... „А от 7-го сбора до оумертвия Михаила цесаря лѣт 64 и 9 мѣсяць и 7 днии. При сего же цесарствѣ придоша къ Варягам Русь, Чюдь Словѣне, Кривичи,

В этом памятнике[1] и находится слово „закуп“, помещенное в толковании к „Слову об Афонасии“. Вот это место по списку XIV века (л. 183): „Отъвѣтъ творя злочнину свою богословец кападочанина Еория знаменует... смѣсен, яко москъ от коня и мъскы, и закупъ Еории; преже оубо продав свои закон наимитъ бысть, пища ради и чрева все творяше, послѣ же и хуже въсприятъ, гражанинъ быти и мясомъ вскупникъ быв и злѣ окупаявся“... Переводчик, несомненно, имел в виду какой-то термин, достаточно известный и распространенный в древней Руси. Как и в Пространной Правде слово „закуп“ сопоставляется в толкованиях со словом „наймит“. Приводя это место по той же редакции, И. И. Яковкин указывает, что словом „закуп“ был переведен специальный греческий термин, обозначавший — полураба.[2] Однако Яковкин не обратил внимания на другую интересную деталь перевода толкований.

В пятом слове толкований, где говорится о тричастном разделении души (л. 63 об.), мы находим такие слова: „Три частнѣи нашеи сущи души, раздѣляет ся въ словесное, похонтое и яростное, мѣрами же подобно ярость и похоть, одверье же помысли обою спрягаемы, и от тою приимая и мужству ярость, и внуздаема къ благу же оучастью похотью высяся, внимай, христолюбче княже“.

Как указывают авторы описания Синодальных рукописей „Мысль сия подробно развивается в послании митр. Киевского Никифора к князю Владимиру Мономаху, напечатанному в 1 томе русских достопамятностей“.[3]

В другой рукописи толкований[4] встречаем то же обращение к князю.

Эта близость послания митрополита Никифора к переводу толкований наводит на мысль, что христолюбец князь, к которому делается обращение в толкованиях, не кто иной, как Владимир Мономах. К нему обращены послания митрополита Никифора. Такое предположение объясняет нам появление термина „закуп“ в переводе толкований, относящихся к началу XII века.

Но помимо сделанных предположений, некоторые данные указывают также на киевское, вернее южнорусское происхождение не только термина „закуп“, но и самой социальной группы закупов.

В Успенском сборнике XII века помещено любопытное сказание о чудесах при церкви Бориса и Глеба в Вышгороде. Сказание написано не позднее первой половины XII века и датируется эпохой Владимира Мономаха. После рассказа о перенесении мощей Бориса и Глеба в Успенском сборнике помещено сказание о их чудесах, в том числе чудо о некоеей рабе, работавшей по требованию госпожи по праздникам и наказанной за это тем, что у ней отсохла рука. Госпожа, лишившись

и рекоша имъ: „земля наша добра и велика и обилна, а наряда в неи нѣт, придѣте княжит[ь] и владѣть нами“. И избрашася 3 братья с роды своими, старѣи Рюрик сѣде в Новѣгородѣ, Синеоусъ сѣде на Бѣлѣозерѣ, Труворъ сѣдѣ во Изборьскѣ. По двою лѣту Труворъ и Синеоусъ оумроста и прия Русскую область Рюрик. По Михаилѣ царствова Васили лѣт 18 и мѣсяць 11, во 2-е лѣто царства его крещена бысть земля Болгарская. От Адама до Костянтина лѣт 5836. От распятья господня до Костянтина лѣт 303, от Костянтина до Михаила лѣт 533, от Михаила до крещенья Русскыя земля лѣт 160. В лѣто 6196 (?) [следовало бы 6496] в царство Костянтина и Василья крестися Володимеръ и всю Русскую землю. Всѣх лѣт до крещенья Русскаго лѣт 6000 и 400 и 90, а от распятья до крещенья Русскаго лѣт 963. И тако чтется отъ Владимера Русскыи лѣтописець“.

[1] А. С. Архангельский. К изучению древнерусской литературы, СПб — 1888, стр. 39.

[2] И. И. Яковкин. Закупы Русской Правды (Ж. М. Н. Пр. 1913, май — июнь).

[3] Горский и Невоструев. Описание рукописей Синодальной библиотеки, II, 2, стр. 86.

[4] По описанию синодальных рукописей Горского и Невоструева, № 118.

работницы, поработила ребенка сухорукой жены, рожденного ею в свободном состоянии. Поведение госпожи вызвало вмешательство судей, освободивших ребенка. Об этом событии рассказывается в таких словах: „видѣвши госпожа ея таку, отгна ю отъ себе, а отрочища еѣ въ свободѣ родивъшася поработиша я. Соудящии же не послабиша томоу такомоу быти, нъ господѣ еѣ повелѣша лихомъ быти цѣны тоя, а онѣхъ свободѣ съподобиша".

Раба, как мы видим, была ранее свободной и имела свободнорожденного ребенка. Следовательно, перед нами не обычная рабыня, а закабаленная и обращенная в рабство свободная женщина, тем не менее еще сохранившая какие-то права. Положение этой рабы уместно сравнить с положением закупа по Пространной Правде. Не должен смущать и термин „раба", употребленный в сказании. Слово „раба" может отмечать просто зависимое положение сухорукой жены, так же как в летописи название библейского Иеровоама „холопом" Соломона[1] вовсе не обозначает его холопского или рабского происхождения. Для решения судей о ребенке сухорукой жены можно найти основания, именно, в статьях о закупах, где читаем: „продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривен продажѣ". Таким образом, незаконное порабощение закупа, как и в чуде о жене сухорукой, освобождает его от зависимости и обязанности отработать или уплатить, полученные от господина деньги („повелѣша лихомъ быти цѣны тоя"), т. е. какой-то суммы денег, за которую была закабалена сухорукая жена.[2]

Общий вывод из сказанного выше сводится к признанию статей о закупах составной частью устава или суда Владимира Мономаха. Это предположение находит себе подтверждение в том, что в списках Сокращенной Правды совершенно отсутствуют все статьи устава Владимира Мономаха о резах и о закупах. С другой стороны, в той же сокращенной редакции находим статьи о потоплении купца и о долге. Общий характер этих постановлений, действительно, стоит в некотором противоречии с характером законодательства Мономаха. В свою очередь, в Сокращенной Правде отсутствует статья о холопе, ударившем свободного мужа, так как содержание этой статьи заимствовано в Пространную Правду из Краткой Правды.

Эти данные дают прочный фундамент для определения состава устава Владимира Мономаха. Он начинался словами о совещании в Берестове и кончался постановлением в малых тяжбах ссылаться на закупов, за исключением статей о потоплении купца, о долге, и о холопе, ударившем свободного.

Причины появления Устава Владимира Мономаха объяснены М. Н. Покровским, связавшим составление Устава с восстанием 1113 года.[3] Связь устава с восстанием была обоснована Б. Д. Грековым, который так характеризует Устав Владимира Мономаха.

---

[1] Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб. 1872, стр. 95. Иеровамъ холопъ Соломань.

[2] Сборник XII века Московского Успенского собора. М. 1899, стр. 33.

[3] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. 1935, стр. 81. У Покровского находим такую странную характеристику Устава Владимира: „Устав Владимира Всеволодовича дошел до нас в очень поздней, сравнительно редакции: древнейшая рукопись „Русской Правды", где мы этот „Уставъ" находим, относится к концу XIII в., т. е., по крайней мере, на 100 лет моложе событий 1113 г. В этой древнейшей рукописи „Устав" очень короток; он заключает в себе всего несколько строк. В рукописях более позднего времени он разрастается до размеров целого маленького памятника, своего рода дополнительной „Русской Правды", — его иногда и называют „Правдой Мономаха" (стр. 81). На самом деле, то, что мы называем Уставом Владимира Мономаха, является памятником, совершенно однородным по содержанию во всех списках Пространной Правды.

„Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право суда со своим господином и право уходить от господина „искать кун"; довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза декларативность, рассчитанная на политический эффект некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказано бить закупа только „про дело", но отнюдь не „без вины", „не смысля" или под пьяную руку. В этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу".[1]

В этом замечании Б. Д. Грекова четко намечены социальные корни законодательства Владимира Мономаха. В Уставе Владимира Мономаха наше внимание прежде всего останавливает его начало: „Володимѣръ Всеволодичь по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киевско[го] тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза, оже емлеть в треть куны". Это начало может быть сопоставлено с началом Правды Ярославичей, где также перечислены все участники княжеского совещания. Подобное сходство решает вопрос о происхождении записи Устава Владимира Мономаха. Мы имеем дело с подлинным княжеским уставом, хотя и переписанным в памятник более позднего происхождения.

В уставе говорится, что Владимир Всеволодович созвал свою дружину „по Святополцѣ", т. е. после смерти Святополка. Наше внимание обращает участие в совещании тысяцких: киевского, белогородского и переяславского, так как именно тысяцкие производили суд среди населения. Из них имя Ратибора заставляет вспомнить того Ратибора, который в 1100 году был послан от Владимира Мономаха к Святополку Изяславичу.[2] Известны печати с надписью „отъ Ратибора".[3] В совещании принимал участие Иванко Чудинович „Олгов муж". Следовательно, совещание в Берестовом произошло ранее 8 августа 1115 года, когда по Лаврентьевской летописи умер Олег Святославич. Таким образом, у нас есть все основания думать, что совещание на Берестовом произошло, действительно, вскоре после смерти Святополка Изяславича, т. е. в том же 1113 году.

Ипатьевская летопись сообщает нам о большом восстании в Киеве, имевшем место после смерти Святополка. О характере этого восстания говорится в словах, с которыми, по летописи, киевляне обращаются к Мономаху: „то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и Жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастырѣ". В словах этих много неясного. Не вполне ясно, какой резонанс имело восстание 1113 года за пределами Киева и объясняет ли оно нам постановления Устава Владимира о закупах, так как никаких намеков на движение за пределами Киева мы не имеем. Впрочем Б. Д. Греков прямо говорит о связи между восстанием 1113 года и статьями о закупах в уставе Владимира.[4] Это предположение Грекова находит блестящее подтверждение в одном известии, на которое историки до сих пор не обращали внимания. В упомянутом выше сказании о Борисе и Глебе, помещенном

---

[1] Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л. 1936, стр. 117; в 3-ем издании („Киевская Русь") стр. 120.

[2] „Послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ — Путяту, Володимѣр — Орогостя и Ратибора" (Летопись по Лаврентьевскому списку), СПб, 1872, стр. 264.

[3] Толстой и Кондаков. Русские древности, вып. IV, стр. 172.

[4] Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л. 1936, стр. 186—188; в 3-ем издании, стр. 272.

в Успенском сборнике XII века, читаем: „Святополку преставивъшюся на второе лѣто по оустроению церкве тоя, и многоу мятежю и крамолѣ бывъши въ людьхъ и мълвѣ не малѣ, и тъгда съвъкоупившеся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причьтъмь всѣхъ людии и моляхоу Володимира да въшедъ оуставить крамолоу соущюю въ людьхъ. И въшедъ оутоли мятежь и гълкоу въ людьхъ".[1]

Таким образом, крамола и мятеж были усмирены по особому настоянию больших и нарочитых мужей; причем автор сказания говорит о крамоле просто от людей, а не только от киевлян. Отголоски этих событий находим в послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху: „Крѣпки молитвы покажи, пѣние, милостыню къ нищим, отдаждь должником долги. Аще ли то немощно, поне де великий рѣзъ остави, еже яко же змия изъѣдають... Аще ли постишися, емлеши рѣзъ на братѣ, никоея же ти пользы бысть... рѣжа бо жилы и закалая его злымъ ножемъ лихоиманиемъ неправедных мзды тяжкого рѣза...[2]

Отнесение к Уставу Владимира Мономаха статей о закупах разрешает целый ряд недоуменных вопросов о природе закупничества. П. А. Аргунов указал ряд аналогий к термину „закуп" в славянских памятниках. Так он указывает, что в Чехии „закупкой" в книгах виноградарей называется работница, получившая задаток"... „Во многих других случаях zakupne плата, оброк за наследственное пользование землей". Поразительное совпадение понятия закупа по Русской Правде и термина закуп мы находим в статуте острова *Крка* 1380 года. По словам Аргунова, закупни — это люди, выполняющие обязанности во дворе сеньера. „Они получили от сеньера какие-то ценности и в соответствии с этим должны нести службы и отправлять повинности". Наконец, Аргунов находит сходство в постановлениях о закупах Русской Правды со статьями законника Душана о меропхах: „почти полное совпадение положений закупа Русской Правды и меропха эпохи Стефана Душана в хозяйственном и юридическом отношениях позволяет предположить, что действительные отношения совпадали и в случаях, о которых умалчивают".[3] Эта близость к южнославянским юридическим памятникам, правда позднейшего характера, особенно типична для Киевской земли, поддерживавшей через Галицию постоянные сношения с Болгарией и Сербией. Нет никакой нужды говорить о каком-то сербском или болгарском влиянии на законодательство Владимира Мономаха. Наоборот, для первой половины XII века можно было бы говорить об обратном. Во всяком случае, как отмечает Н. И. Серебрянский, характерно, что житию сына Мономаха Мстислава Владимировича „особенно посчастливилось в югославянской письменности: оно встречается решительно во всех списках пролога, содержащих в себе русские статьи", тогда как в русской письменности житие Мстислава встречается очень редко и почти случайно.[4] Между тем житие Мстислава было не единственным памятником русского происхождения, включенным в состав сборников сербского и болгарского происхождения, где помещались жития Ольги, Владимира, Бориса и Глеба. Русские монахи на Афоне трудились над переводами различных книг, некоторые из которых потом распространялись в балканских странах.[5]

---

[1] Сборник XII века Московского Успенского собора, М. 1899, стр. 39.

[2] Митрополит Макарий, История церкви, т. II, стр. 327.

[3] П. А. Аргунов. О закупах Русской Правды (в Известиях Академии Наук СССР 1934, № 10, стр. 777—798.)

[4] Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (в чтениях в Обществе истории и древностей российских, 1915, кн. 3, стр. 15.

[5] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии (Сб. Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 86, № 3, стр. 178, 185).

В заключение следует отметить, что законодательство Владимира Мономаха производило большое впечатление на современников. По замечанию Б. Д. Грекова, сам Мономах ставит себе в заслугу в своем поучении, что он „и худого смерда и убогие вдовице не дал сильным обидети". В еще более четкой, можно сказать панегирической форме говорит о Владимире Мономахе послание митрополита Никифора, помещенное в Мериле Праведном. В нем делается следующее обращение к благочестивому князю: „тобе мудраго нашего кормьчию благочестиваго князя, заступника воистину въстави, оустраяюща словеса на судѣ, хранящего истину в вѣки, творяща судъ и правду по средѣ земля... и оукраси закоположении, аки нѣкими стѣнами чюдными свое стадо крестьянское оградиʻʻ. Прямая ссылка на законоположения может быть сопоставлена с уставом Владимира, сохраненным в Пространной Правде.

ГЛАВА 24

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ

Компилятивный характер Пространной Правды выяснен был уже в предыдущих главах. Но он будет еще более понятен из сводной таблицы статей Пространной Правды с указанием их источников. В основу таблицы положен Троицкий список Правды с делением его на статьи по Б. Д. Грекову,[1] причем дается только начало статьи, а заголовок ее пропускается. Деление это чисто условно, но оно помогает выделить из текста статьи, источники которых указаны на полях. Для большой четкости Краткая и Сокращенная Правды показаны на разных полях. Статьи с неизвестными источниками не имеют дополнений на полях. Жирные буквы в статьях Краткой Правды обозначают киноварь. В случае сходства статей Пространной Правды не с одним, а с двумя источниками, указывается и второй источник Пространной Правды.

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА

Крат. Пр. 1.	1. Аже оубиеть мужь мужа...	
Крат. Пр. 18.	2. **П**о Ярославѣ же паки...	
Крат. Пр. 20.	3. **А**же кто оубиеть княжа мужа...	
	4—6. **К**оторая ли вервь начнеть платити...	
	7. Будеть ли сталъ на разбои...	Сокр. Пр. 7
	8. Аже кто не вложиться в дикую вѣру...	Сокр. Пр. 8.
Крат. Пр. 42.	9. **А** се покони вирнии...	
	10. **А**же будеть вира во 80 гривенъ...	
Крат. Пр. 22—24.	11—14. **А**же въ княжи отроци...	
	15. **А** за ремественика...	
Крат. Пр. 26.	16. **А** за смердии холопъ...	
Крат. Пр. 27.	17. А за кормилца...	
	18. **А**ще будеть на кого поклепная вира...	Сокр. Пр. 18
	19. А по костехъ...	Сокр. Пр. 19
	20. **А** иже свержеть виру...	
	21—22. Искавши ли послуха...	

[1] В академическом издании стр. 402—458.

	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА	
Крат. Пр. 4.	23. Аже кто ударить мечемъ...	
Крат. Пр. 8.	24. Аже ли вынезъ мечь, а не утнеть.	
Крат. Пр. 3.	25—26. Аще кто кого ударить батогомь...	
Крат. Пр. 5.	27. Аче ли оутнеть руку...	
Крат. Пр. 7.	28. Аже перстъ оутнеть...	
Крат. Пр. 2.	29. Аже придеть кровав мужь...	
	30. Аже оударить мечемь...	
Крат. Пр. 10.	31. Аче попъхнеть мужь мужа...	
Крат. Пр. 11.	32. А челядинъ скрыеться...	
Крат. Пр. 12.	33. Аже кто всядеть на чюжь конь...	Сокр. Пр. 33
	34. Аче кто конь погубить...	
	35. Аже кто познаеть свое...	
	36. Аже будеть, во одиномь городѣ...	
	37. Паки ли будеть что татебно...	Сокр. Пр. 37
Крат. Пр. 14.	38. Аже познаеть кто челядинъ...	
	39. А и своего города...	Сокр. Пр. 39
Крат. Пр. 31.	40. Аже оубиють кого оу клѣти...	Сокр. Пр. 40
Крат. Пр. 31.	41. Аже крадеть кто скотъ...	Сокр. Пр. 45
	42. Аже крадеть скот на поли...	Сокр. Пр. 45
Крат. Пр. 31.	43. Аже крадеть гумно...	
	44. А у него же погибло...	
Крат. Пр. 28.	45. Паки ли лиця не будеть...	
	46. Аже будуть холопи татие...	Сокр. Пр. 46
	47. Аже кто взищеть кунъ...	
	48. Аже кто купець купцю даст...	
	49. Аже кто поклажаи кладеть...	Сокр. Пр. 49
	50. Аже кто даеть куны въ рез...	Сокр. Пр. 50
	51—52. О мѣсячный рез...	
Устав Мономаха	53. Оуставъ Володимѣрь Всеволодича... Аже кто емлеть по 10 кунъ...	
	54. Аже который купець...	Сокр. Пр. 54
	55. Аже кто многимъ долженъ...	Сокр. Пр. 55
Устав Мономаха	56. Аже закупъ бѣжить от господы...	
Устав Мономаха	57. Аже у господина роленыи закуп...	
Устав Мономаха	58. Аже из хлева выведуть...	
Устав Мономаха	59—62. Аже господин переобидить закупа...	
	63. Аже холопь обелныи...	
Устав Мономаха	64. Аже закупъ выведеть что...	
Крат. Пр. 17.	65. А се аже холопъ ударить...	
Устав Мономаха.	66. А послушьства на холопа не складають...	
	67. А кто порветь бороду...	Сокр. Пр. 67
	68. Аже выбьють зубъ...	Сокр. Пр. 68
	69. Аже оукрадеть кто бобръ...	Сокр. Пр. 69—82
	70. Аже будеть росѣчена земля...	Сокр. Пр. 69—82
	71. Аже разнаменаеть борть...	
Крат. Пр. 34.	72. Аже межю перѣтнеть бортьную...	Сокр. Пр. 69—82
	73. Аже дубъ подотнеть знаменьный...	Сокр. Пр. 69—82
	74. А се наклады 12 гривен...	
	75. Аже борть подътнеть...	Сокр. Пр. 69—82
	76. Аже пчелы выдереть...	Сокр. Пр. 69—82
	77. Не будеть ли татя...	
Крат. Пр. 33.	78. Аже смердъ мучить смерда...	
Крат. Пр. 35.	79. Аже лодью оукрадеть...	
	80. Аже кто подотнеть вервь в перевѣсѣ	Сокр. Пр. 69—82
Крат. Пр. 36 и 37	81. Аже кто оукрадеть в чьемь перевѣсѣ	Сокр. Пр. 69—82
Крат. Пр. 39.	82. А в сѣнѣ и въ дровѣхъ...	Сокр. Пр. 69—82
	83. Аже зажгуть гумно...	Сокр. Пр. 83
	84. А кто пакощами конь порежеть...	Сокр. Пр. 84
	85. Ты тяжѣ все...	Сокр. Пр. 85
	86—87. А желѣзного платити...	
	88. Аже кто убиеть жену...	Сокр. Пр. 88
	89. А в холопѣ и в робѣ...	Сокр. Пр. 89
	90. Аже смердъ умреть...	
	91. Аже в боярехъ, любо в дружинѣ..	Сокр. Пр. 91
	92. Аже кто умирая...	Сокр. Пр. 92
	93—94. Аже жена сядеть по мужи...	Сокр. Пр. 93—94
	95. Аже будеть сестра в дому...	Сокр. Пр. 95
	96. А се оуроци городнику...	
Крат. Пр. 43.	97. А се мостнику оуроци...	

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА	
98. Аже будуть робьи дѣти...	Сокр. Пр. 98
99. Аже будуть в дому дѣти мали...	Сокр. Пр. 99
100. А дворъ без дѣла отень...	Сокр. Пр. 100
101—102. Аже жена ворчеться...	
103. А матерня часть не надобѣ...	
104—105. Аже будуть двою мужю дѣти...	
106. А матери которыи сынъ добръ...	
107. А се уроци судебнии...	
108. Аже братья ростяжються...	
109. А се уроци ротнии...	
110. Холопьство обелное трое...	Сокр. Пр. 110
111. А в дачѣ не холопъ	Сокр. Пр. 111
112. Аже холопъ бѣжить...	Сокр. Пр. 112
113. Аже кто переиметь чюжь холопъ...	Сокр. Пр. 113
114. Аже кто своего холопа...	Сокр. Пр. 114
115. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ...	Сокр. Пр. 115
116. Аче же холопъ кдѣ...	Сокр. Пр. 116
117. Аже пустить холопъ в торгъ...	Сокр. Пр. 117
118—119. Аже кто кренеть чюжь холопъ...	Сокр. Пр. 118
120. Аже кто бѣжа...	
121. Аже холопъ крадеть...	Сокр. Пр. 120—121

Работа компилятора прежде всего заключалась в том, что он соединил в один памятник по крайней мере 3 источника, дополнив их некоторыми новыми статьями. В результате получился памятник, необыкновенно рельефно отражающий свое компилятивное происхождение. Так, постановления о бороде и зубе оказались поставленными после статей о закупах, хотя они не имеют к ним никакого отношения. Постановление о краже лодьи оказалось оторванным от целого ряда статей, разбирающих дела о татьбе. Уроки городников и мостников разделили статьи о наследстве. Нелогичность расположения содержания Правды, резко бросающаяся в глаза, является вернейшим признаком компилятивного характера этого памятника. Там, где текст Пространной Правды был основан на протографе Сокращенной, составители Пространной Правды предпочитали текст этого протографа тексту Краткой Правды. Источники, использованные для составления Пространной Правды, были соответственным образом переработаны и к ним были добавлены дополнительные статьи.

За вычетом статей, заимствованных Пространной Правдой из Краткой и Сокращенной и Устава Владимира Мономаха, в составе Пространной Правды могут быть обнаружены дополнительные статьи, происхождение которых не вполне ясно. Источниками таких статей могли явиться отдельные постановления и записи, подобные особой статье о муже кровавом, помещенной в Чудовских Кормчих. К числу таких вставных статей[1] Пространной Правды относятся статьи: о дикой вире (4—6) о свержении виры (20—22), о своде 36 („аже будеть во одиномь городѣ“), о взыскании кун (47), о поклаже (49), о месячном резе (51), о резах по 10 кун на гривну (53), о накладах (74), о преследовании татя по следу (77), о взятии на железо по холопьим речам (85), о жене, обрекшейся сидеть по муже (101—106), о судебных уроках (107), о тяжбе (108), о ротных уроках (109).

Все эти статьи в Пространной Правде разбросаны между текстами, внесенными в нее из Краткой и Сокращенной Правды. В каком же отношении стоят эти статьи друг к другу и к остальным статьям Правды?

Здесь могут быть два ответа: 1) дополнительные статьи являются частицами одного целого памятника или нескольких памятников, переработанных составителями Пространной Правды, 2) дополнительные

[1] В скобках поставлена нумерация статей по Троицкому списку в академическом издании.

статьи включены в Пространную Правду именно как добавление к имеющемуся уже материалу и написаны самими составителями Правды. Ответ на поставленные вопросы дает краткий обзор текста статей Пространной Правды, не имеющих сходства с текстами, помещенными в указанных выше источниках Пространной Правды.

Первая из дополнительных статей (о дикой вире) вставлена тотчас после статьи об убийстве княжьего мужа в разбое, источником которой является Краткая Правда. После статьи о дикой вире следует статья о разбойниках, источник для которой находим в протографе Сокращенной Правды. Вставной характер статьи о дикой вире не подлежит никакому сомнению. В этом нас убеждают некоторые особенности ее содержания. Действительно, статья является дополнением к предыдущей, устанавливая виру в 80 гривен за княжьего мужа и 40 гривен за людина. Между тем, в статье о дикой вире нет никаких указаний на виру в 80 гривен и устанавливается одна 40-гривенная вира. Вставка подобной статьи вызвала соответствующую поправку с исчислением пошлины вирнику в 80 гривен (стр. 105), т. е. новую вставную статью. Подобный же вставной характер имеют статьи о свержении виры и об испытании железом. „Помочное" этих статей устанавливается далее в статье о судебных уроках, источники которой не обнаруживаются в Краткой и Сокращенной Правдах. Нет никакого сомнения и во вставном характере статьи (22) об испытании железом, в которой Пространная Правда единственный раз упоминает золотую гривну (полгривны золота́). Вставной характер имеет так же статья об испытании железом и особом железном уроке. Слово „железо" упоминается далее (стр. 113), но опять во вставной статье. Менее понятно происхождение статей о своде (стр. 107, статья 35) о взыскании кун (стр. 109) и о месячном резе, а также небольшая статейка о берущих рез по 10 кун на гривну. Все последние статьи поставлены между текстами, переделанными из статей Краткой и Сокращенной Правды.

Наиболее легко установить источники статей о накладах и уроках городнику. Последние две статьи могут быть сопоставлены не только друг с другом, но и со статьей о вирниках.

Вот таблица поборов в пользу вирников и городников (в течение недели) по обеим статьям:

ВИРНИКУ	ГОРОДНИКУ
7 ведер солода	10 лукон солода
Овен или полоть	7 кун на неделю за корм, за вологу и за мясо
Сыр	—
2 кур	—
7 хлебов	7 хлебов
7 уборков пшена	7 уборков пшена
7 уборков гороха	—
7 голважен соли	—
Овса на 4 коней	Овса на 4 коней

Трудно сомневаться в сходстве постановлений о вирнике и городнике. Переделка покона вирного, основа которого была заимствована из Краткой Правды, была сделана тем же автором, который писал устав для городников. Вместе с тем выясняется реальность норм, установленных Пространной Правдой. Речь шла о вполне ясных и точно установленных поборах с населения.

В непосредственной связи с поконом вирным находится статья о накладах. Она имеет в некоторых местах явно дословное сходство с поконом вирным („Сути же на рот овса, а мяса дати овень, любо

полоть"), но в то же время уменьшает все нормы покона вирного определяя стоимость поборов в 12 гривен).

Не менее интересный результат дают наблюдения над статьями об уроках судебных и ротных, о дележе наследства между братьями. Статья о судебных уроках устанавливает взимание от виры 9 кун и 9 векошь мятельнику, 30 кун от бортной земли и по 4 куны и 6 векш мятельнику от всех остальных тяжб. Реальность этих цифр и их значение можно выяснить при рассмотрении других статей Пространной Правды. Статья о свержении виры также устанавливает „от виры помоченого[1] 9 кунъ". Эта статья не находит себе источников в Краткой и Сокращенной Правде, являясь самостоятельным дополнением. Следовательно, обе статьи надо считать принадлежащими одному составителю. Статья о судебных уроках дает общее постановление о пошлинах, взимаемых при различных тяжбах. Следующая за ней статья о заднице (о дележе наследства между братьями) находит себе аналогию в такой же вставной статье о платеже железного, где также упомянут детский: Характерно, что в других местах Пространная Правда не говорит о детском. В обоих случаях детскому идет довольно значительная сумма, за дележ наследства — 1 гривна, железный урок — $^1/_2$ гривны кун. Таким образом, мы здесь находим какую-то общность содержания между указанными статьями, показывающую одну составительскую руку.

Труднее поддается расшифровке статья об уроках ротных, которая, впрочем, по своему составу очень близка к статье об уроках судебных, имея общее с ней происхождение.

Изучение дополнительных статей Пространной Правды заставляет предполагать, что большинство из них было составлено самими составителями памятника, редакторская рука которых прошла по всем источникам, положенным в основу Правды. Материал для этих статей был взят из действительной жизни, а отчасти из памятников, не дошедших до нашего времени. Моральные сентенции и предписания как говорить судьям по тому или иному вопросу (а то есть не скотъ, нелзѣ рчи"; „а прока ему желѣти"; „занеже ему в болого дѣл и хоронилъ товаръ того"; „промиловался еси, оже еси не ставил послухов", повидимому, также являются вставками составителей Пространной Правды.

ГЛАВА 25

ВРЕМЯ, МЕСТО И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ

Анализ состава Пространной Правды привел нас к выводу, что Правда была составлена на основании целого ряда источников, среди которых по особой их важности должны быть выделены Краткая Правда, Устав Владимира Мономаха и протограф Сокращенной Правды. Составители Пространной Правды воспользовались этими источниками не механически, а провели большую работу по их согласованию. Уже это обстоя-

[1] Так, эта статья читалась в протографе Правды, в Троицком списке „а от виры помечного 9".

тельство позволяет отвергнуть предположение о частном происхождении Пространной Правды. Едва-ли какое-либо „частное“ лицо взялось бы за большой и по существу неблагодарный труд составления юридического кодекса древней Руси. В данном случае можно провести параллель из истории летописания. История составления летописей показывает нам, что летописание в древней Руси было тесно связано с епископскими кафедрами и крупными монастырями, а в некоторых случаях — с деятельностью отдельных князей. Создание больших летописных сводов являлось непосильной задачей для „частных“ лиц, хотя они могли принимать участие в переписке и даже составлении летописных заметок. Так, нам известен пономарь Тимофей и священник Герман Воята, принимавшие участие в составлении новгородских летописей XII—XIII веков.

Защитники „частного“ происхождения Пространной Правды ссылаются на то обстоятельство, что Правда дошла до нас в многочисленных и разнородных списках, следовательно никогда не имела официального значения. Но это замечание вызвано недоразумением. Как мы видели ранее, все списки Пространной Правды восходят к одному общему протографу. Подобные списки со всеми их различиями отражают историю памятника в XIV—XVI веках. Никакого значения не имеют ссылки и на многочисленные разночтении в списках Правды. Это — обычное явление для рукописной традиции. Даже многочисленные списки Евангелия и Апостола, которые, казалось бы, были особенно ценны для древне-русских книжников, наполнены множеством описок и искажений. При стремлении к быстрой переписке текста и неминуемом ослаблении внимания от длительной работы писцы делали ошибки в любых текстах.

Понятие „частного“ или неофициального происхождения Пространной Правды допускает возможность возникновения Правды не только под пером какого-либо „частного“ лица, но и в стенах какого-либо монастыря. Такого мнения как раз придерживался В. О. Ключевский, считавший, что Правда возникла в церковных кругах для разбора судебных дел гражданского населения, жившего в церковных вотчинах. Следует заметить, что мнение Ключевского резко выделяется среди других и свидетельствует о громадном таланте и необыкновенной эрудиции автора. Но для того, чтобы доказать возможность возникновения Правды в церковных кругах, необходимо, прежде всего, проанализировать состав Пространной Правды. Ключевский проводит ряд параллелей между переводными византийскими сочинениями (Закон Судный людем и др.) и Правдой. Однако все места с такими параллелями попали в Пространную Правду из Краткой и не доказывают существования прямого влияния памятников церковного характера на Пространную Правду.

Рядом с этим Пространная Правда обнаруживает почти полное отсутствие интереса к церковной практике древней Руси, являясь памятником в полном смысле слова гражданским. В этом отношении интересно изложение статьи о поконах вирных в Пространной Правде, в которую эта статья попала из Краткой. Оставляя платеж в одну куну за сыр по средам и пятницам, составители Пространной Правды выбрасывают слова краткой редакции о рыбах, когда платежи придутся в „говѣние“. Таким образом, церковная терминология покона вирного оказывается чуждой Пространной Правде.

В Пространной Правде только один раз упоминается о чернецах, да и то попутно при ссылке на возможность кражи, сделанной холопами княжескими, боярскими и чернеческими. В этом случае крайне характерно умолчание о холопах митрополита и епископов, хотя термин чернеческого холопа, возможно, уже имеет в виду церковного холопа вообще.

Эта особенность Пространной Правды выглядит крайне странно при сравнении с юридическими памятниками южнославянских стран. В Законе Винодольском 1288 года читаем целый ряд статей, относящихся к деятельности епископа.[1] Болгарская юридическая компиляция — Закон Судный людем — начинается словами о „божьей правде", после чего следует ряд правил, имеющих непосредственное отношение к церковной практике („Прежде всякое правды надлежит о божьей правде глаголати").

Большая забота о церковных делах проявляется и в знаменитом Законнике Стефана Душана.

Но еще важнее то обстоятельство, что текст Пространной Правды находится в явном несоответствии с церковно-юридической практикой древней Руси. Так, Пространная Правда, как и Краткая, постоянно применяет „роту" как доказательство. Между тем церковные круги очень рано начали ополчаться против роты. Одно слово, опубликованное Петуховым и относящееся, повидимому, к первой половине XI века (в нем упоминаются набеги печенегов), прямо говорит: „на роту к церкви не пущаите, се бо не ротница создана, но молебница, собираитеся к ней на молбу".[2]

Обычай приносить роту был признан впоследствии почти официально новгородскими архиепископами, предложившими приносить роту только в одной церкви,[3] но последовательное применение этого обычая в Пространной Правде, все-таки говорит против ее церковного происхождения.

Пространная Правда указывает, что за холопа и за робу не платится вира, а только урок, тогда как церковные памятники усиленно проводят мысль об ответственности господ за убийство своих рабов. В так называемом правиле с именем Максима читаем такое постановление: „аще кто челядина оубьет то акы разбоиник приимет епитемью".[4]

Дела о наследстве по Пространной Правде разбираются князем, тогда как по церковным уставам Владимира и Ярослава они рассматриваются епископом.

Одним из наиболее сильных доказательств в пользу церковного происхождения Правды, по мнению В. О. Ключевского, является отсутствие в ней упоминания о древнерусском „поле", или судебном поединке, тогда как есть ряд указаний на то, что судебный поединок применялся в древней Руси. Действительно, в позднейших памятниках, например в Псковской Судной грамоте, судебный поединок является наиболее частым способом доказательства справедливости претензий. То же находим в судебнике 1497 года. Но отсутствие указаний на „поле" еще не является доказательством того, что составители Пространной Правды сознательно избегали говорить о судебном поединке. Пространная Правда не упоминает о многих правонарушениях и процессуальных фактах. Так, в ней почти отсутствуют указания на споры о земельных имуществах, нет упоминаний даже о таких преступлениях, как насилие над женщинами и т. д., хотя о них говорят договоры Новгорода с немцами XII—XIII века. Точно так же можно сомневаться и в том, что „поле" являлось постоянным судебным доказательством в древней Руси XI—XII веков. Упоминание о судебных поединках в русских памятниках

[1] В. В. Ягич. Закон Винодольский (Памятники общества любителей древней письменности, вып. 54, СПб., 1870).

[2] Е. В. Петухов. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности, I—III, Киев, 1894, стр. 64. Слово ко всему миру.

[3] Русская Историческая библиотека, т. VI, стр. 306.

[4] И. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. (Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1912, кн. 3, стр. 54).

появляется только в XIII веке. Кирилл Туровский, ополчавшийся против многих уродливых явлений своего времени, совершенно молчит о судебных поединках, как молчат о них и другие сочинения XI—XII веков, даже Вопрошание Кириково. Поэтому допустимо думать, что судебный поединок вовсе не являлся таким распространенным явлением в древней Руси XI—XII веков, как в более позднее время. Напомним здесь что „поле" целиком отсутствует в краткой редакции Правды, а также в договоре Новгорода с немцами 1195 года. Между тем трудно предположить, чтобы вопрос о „поле" сознательно был обойден во всех древнерусских памятниках XI—XII веков, в том числе и в договорах с немцами.

Не является доводом в пользу церковного происхождения Пространной Правды и отсутствие в ней указаний на смертную казнь. Как известно, византийское законодательство знало не только смертную казнь, но и наказания в виде различных способов членовредительства (отсечение рук и ног, ослепление и т. д.).

Насколько византийская судебная практика была чужда древней Руси, показывает известный летописный рассказ о Владимире, который ввел смертную казнь по настоянию епископов. Основываясь на этом рассказе, Гетц построил целую теорию о времени появления Правды Ярославичей. Но рассказ о Владимире в летописи производит странное впечатление. Цель его состоит в доказательстве того, что вира необходима для князей: „Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоиники, и рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на кониих буди. И рече Володимеръ тако буди. И живяше Володимерь по устроенью отьню и дѣдню".[1] В этом сказании слышатся отголоски какой-то борьбы, шедшей между церковными и гражданскими кругами вокруг вопроса о смертной казни.

Повидимому, ко второй половине XI века относится одно любопытное поучение на тему о смертной казни. Автор этого поучения ратует за применение смертной казни против разбойников, так как князья отказываются от применения казни ради получения виры. Это поучение обнажает нам причины нежелания князей заменить виры казнью: виры были постоянным источником княжеских доходов. Защитниками смертной казни были представители церковных кругов, а не наоборот. Таким образом, отсутствие в Пространной Правде упоминаний о смертной казни как наказании скорее говорит о гражданском, чем о церковном происхождении этого памятника.

Одновременно с отсутствием черт, характерных для памятников церковного происхождения, Пространная Правда дает очень много указаний на княжеский суд и княжескую администрацию. Так, Пространная Правда тщательно отмечает виры и продажи в пользу князя. „Продажи" в пользу князя отмечаются, например, в статьях о бороде, зубе, о краже бобра и т. д. При этом мы замечаем стремление установить какую-то единую шкалу продажи. Действительно, основная ставка, которая упоминается в виде продажи князю, обычно устанавливается в 3 и 12 гривен. Так, 12 гривен уплачиваются за удар мечом, не вынутым из ножен, рукояткою меча, за удар батогом, за вора, убитого у клети после рассвета, за обиду, нанесенную закупу его господином, за холопа, ударившего свободного человека, за бороду, за зуб, за украденного бобра и борть, за мучение огнищанина, за убитого холопа и т. д. Продажа в 3 гривны выплачивается за отрубленный палец, за удар жердью, за кражу челядина, поездку на чужом коне, кражу княжеского коня, муку смерда и т. д.

---

[1] Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 124.

В Пространной Правде встречаются и другие цифры продажи и уроков в пользу князя, но ставка в 3 и 12 гривен все-таки является преобладающей.[1]

Забота о князе и его доходах проходит красной нитью через весь текст Пространной Правды. Вместе тем компетенция княжеского суда по Пространной Правде очень велика. Кроме чисто уголовных дел, князь рассматривает даже дела о наследстве, которые, как говорилось выше, по церковным памятникам, целиком относятся к компетенции церкви. Пространная Правда подчеркивает особенные отношения между князем и смердами. Статья об уроках скоту заканчивается словами: „то ти уроци смердомъ оже платять князю продажю". Наследство смерда, умершего без сыновей, также переходит к князю: „аже смердъ оумреть, то задницю князю". Пространная Правда отличается очень разработанной номенклатурой различных должностей при княжеском дворе. Кроме общего термина „княжего мужа", мы находим названия княжеского тиуна, отрока, мятельника, детского и мечника. Все эти должности неоднократно упоминаются в древнерусских памятниках XII—XIII веков.

Такой памятник как Пространная Правда, был предназначен не только для регламентации юридической практики древней Руси, но, в первую очередь, для обеспечения интересов князя. Интересы древнего общества, знавшего, главным образом, платежи за „обиду", нашедшие свое отражение в Древнейшей Правде, отступают в Пространной Правде на второй план перед интересами князя и княжеской администрации. Усиленное внимание к высоким „вирам" и „продажам" крайне характерно для Пространной Правды.

Теперь нам придется перейти к наиболее трудному вопросу о времени и месте возникновения Пространной Правды. Время появления Пространной Правды с наибольшей достоверностью может быть датировано с точностью до полутора столетий. Пространная Правда не могла появиться ранее 1125 года, времени смерти Владимира Мономаха, так как она включила в свой состав устав этого князя. Но время появления Пространной Правды может быть отодвинуто еще далее в XII век, так как в числе ее источников мы находим Краткую Правду, появившуюся, вероятнее всего, между 1125—1136 годами в Новгороде, и протограф Сокращенной Правды, возникший не ранее второй половины XII века. Поэтому с большим вероятием время возникновения Пространной Правды можно отодвинуть к концу XII века.

С другой стороны, самым поздним временем появления Пространной Правды надо считать 1280 год, к которому относится древнейший список Правды в Синодальной Новгородской Кормчей. Но, как мы видели выше, Пространная Правда вошла в состав Синодальной Кормчей и Мерила Праведного уже в дефектном виде. Следовательно, она не могла быть составлена в момент написания Синодальной Правды, а возникла ранее.

Как мы видим, общие соображения о времени возникновения Пространной Правды дают сравнительно немного. Перед исследователем остается громадный промежуток, почти в столетие (с конца XII по конец XIII века), в течении которого мог возникнуть рассматриваемый памятник. Конечно, мы можем признать, что Пространная Правда не могла возникнуть позднее татарского нашествия, т. е. позднее 1237 года,

[1] В Псковской судной грамоте читаем другое: „А борана присужать 6 денегъ, за овцу 10 денегъ государю, старая правда". Интересна ссылка на Старую Правду, т. е. на какой-то более ранний памятник. Как и в Краткой Правде, владелец барана или овцы (государь) получает основное вознаграждение, замененное в Пространной Правде продажей в пользу князя.

но такое заключение остается во всяком случае голословным, так как в позднейших юридических памятниках, подобных Псковской Судной грамоте, мы также не обнаружим каких-либо намеков на татарское влияние.

Однако вопрос о происхождении Пространной Правды далеко не столь неразрешим, как это кажется. Пространная Правда не является памятником, одиноко стоящим среди других источников по истории Руси XII—XIII веков, а может быть сопоставлена с известным и более или менее точно датированным документом — договором Смоленска с Ригой в 1229 году. На близость постановлений Русской Правды и Смоленского договора указывал уже П. В. Голубовский: „В Русской Правде, говорит Голубовский, за убийство свободного человека назначается 40 гривен за голову; в Смоленской Торговой Правде — 10 гривен серебра, а за гривну серебра 4 гривны кунами, т. е. 40 гривен. В § 3, статьи *a*, Смоленской Торговой Правды находим даже выражения Русской Правды: „кто биеть дроуга деревъмь, а боудете синь, любо кровавъ“. Как в Русской Правде за смерть княжеского чиновника назначается вира в 80 гривен кун, так точно и по Смоленской Торговой Правде за княжеского тиуна полагается 20 гривен серебра или 80 гривен кунами. По Правде 1229 года за выбитие зуба виновный платился штрафом в 3 гривны серебра, или в 12 гривен кун, как мы находим в Русской Правде. За увечье глаза, руки, ноги по Смоленской Торговой Правде взимался штраф в 5 гривен серебра, что вполне соответствует 20 гривнам кунами Русской Правды“.[1]

Голубовский указывает и ряд других соответствий между текстами Пространной Правды и Смоленским договором, отмечая преимущественное право иностранного купца на получение долга по Русской Правде и по Смоленскому договору. Наконец, один из списков Смоленского договора, признаваемый Голубовским за проект князя Всеволода Мстиславича 1234 года объясняет нам статью Пространной Правды об испытании железом.[2]

Параллели Голубовского не только показательны, но могут быть продолжены и далее. Действительно, между списками Смоленского договора и Пространной Правдой есть определенная связь. Но раньше, чем о ней сказать, нам придется остановиться на самом договоре 1229 года.

Смоленский договор 1229 года, как известно, сохранился в копиях, которые расклассифицированы П. В. Голубовским на две группы:[3] первую или древнейшую группу образуют экземпляры ABC; вторую DEF и G. Особое положение занимает экземпляр A, который по Голубовскому „представляет собой действительный оригинал Смоленской Торговой Правды“. Это доказывается „сохранившейся на шнурке печатью с надписью: „Великого князя Мстислава Давидовича“. Экземпляр B составлен при князе Александре Глебовиче (1297—1303) и представляет собой список с A. Экземпляр C тоже список с A, но сделанный ранее с экземпляра B. Вторая группа копий договора, которую П. В. Голубовский считает позднейшей, имеет приписку, указывающую на появление этих копий после татарского нашествия. Экземляр D „есть позднейшая копия с древнейшего списка Смоленской Торговой Правды с позднейшими прибавлениями“. Экземпляры E, F и G — копии с протографа экземпляра D. Наконец особое место занимает экземпляр K, кото-

---

[1] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия, Киев, 1895, стр. 207—208.

[2] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия, Киев, 1895, стр. 207—208.

[3] Там же, стр. 117—132.

рый „представляет собой проект условий торговли, написанный в Смоленске при Всеволоде Мстиславиче, т. е. около 1239 г.[1]“

Голубовский указывает, что первая редакция договора является подлинным договором 1229 года с печатью князя, хранившимся в Риге. По его мнению, текст договора был переведен на смоленское наречие с немецкого текста, который, в свою очередь, представляет собой перевод „с латинского чернового проекта.“ Другая редакция с печатями немецких властей хранилась в Смоленске и была переведена прямо с латинского чернового текста.

Схема Голубовского сделалась общепризнанной, и только в недавнее время была подвергнута существенной критике со стороны Н. П. Лихачева и Гетца. Рассматривая печать при экземпляре А, на которой читаются слова „великого князя Федо печать“, Лихачев указывает на ее полное сходство с печатью Федора Ростиславича Смоленского конца XIII века и считает, что список А „есть такая же копия с договора князя Мстислава, как и редакция В“. Точно так же на основании печати, привешенной к экземпляру D, Лихачев устанавливает его принадлежность князю Глебу Ростиславичу (1270—1277).[2] Таким образом, разрушается представление о том, что первая группа списков договора является в то же время и древнейшей.

К сожалению, выводы Лихачева также далеко не бесспорны, хотя и многое уточняют в вопросе о датировке списков договора.

Интересное добавление к мнению Голубовского делает Гетц в специальном труде, посвященном немецко-русским договорам средневековой эпохи. Гетц отмечает, что древнерусский текст в списке D, во многих случаях отличается большей древностью, чем в А, и больше отвечает древнерусской терминологии. Поэтому Гетц делает следующий вывод: Список А представляет собой перевод, который был изготовлен немецкой стороной в Ри е или Дерпте, и переведен тамошними переводчиками с немецкого на русский. Наоборот, список D является работой человека, хорошо знакомого с древнерусским языком и терминологией.[3]

Последнее замечание Гетца имеет важное значение, так как именно вторая группа списков Смоленского договора, особенно близко стоит к Русской Правде. Голубовский не обратил внимания на то, что язык собственно Правды, помещенной в договоре, резко отличается от приставленного к ней введения и заключения. Вторая редакция договора сохранила некоторые особенности, доказывающие ее большую древность. Так „умный муж“ Пантелей первой редакции назван во второй редакции Пантелеем „сотским“, Тумаш Смолянин первой редакции — Тумашем Михайловичем. Эти подробности могли быть интересны только для Смоленска и известны только в Смоленске. Поэтому можно думать, что вторая редакция Смоленского договора списана с древнего экземпляра. Она, вероятно, является тем проектом смоленской Правды, с которого был сделан латинский и немецкий экземпляры, вновь переведенные на русский язык. Именно в этом экземпляре мы встречаем выражения, дословно сходные с некоторыми текстами Пространной Правды.

Но особенно близок к тексту Пространной Правды тот список Смоленского договора, который напечатан в Русско-Ливонских актах отдельно в виде 2-го приложения в конце текста. Голубовский считает этот список проектом договора, составленного в 1234 году при Всеволоде Мсти-

---

[1] Под такими шифрами договоры помещены в русско-ливонских актах, стр. 405—447; экземпляр К издан там же отдельно, стр. 451—453.

[2] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, Л., 1928, стр. 20—30.

[3] Гетц относит списки А, В и С к так называемой Готландской редакции договора, D, E, F и G к Рижской (Goetz. Deutsch — Russische Handelsverträge).

славиче, основываясь на словах договора, „како то было при моемь отци при Мьстиславѣ при Романовици и при моемь братѣ при Мьстиславѣ“. Гетц относит этот список к 1250 году,[1] но без достаточных оснований, повторяя вслед за издателями Русско-Ливонских актов рассуждения о том, что слова „отец“ и „брат“ не всегда означают степени родства, и не замечая того, что приводимые им примеры имеют мало общего с формулами договора.

В этом проекте договора (как далее мы его будем называть) мы находим особую близость к тексту Пространной Правды. Произведем сравнение некоторых текстов проекта и Правды, имея в виду, что в подлиннике проекта указаны новые, а в Правде старые гривны (1 новая гривна равнялась 4 старым).[2]

ПРОЕКТ ДОГОВОРА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Аже оубьють моужа вольного тъ выдати разбоиникы, колико то ихъ боудѣть было; не боудѣть разбоиниковъ, то дати за головоу 10 [40] гривен сѣрѣбра	Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление (7)

В другой статье Пространная Правда устанавливает платеж в 40 гривен, которые выплачивает головник с помощью своей верви. Характерна общая терминология рассматриваемых памятников: „разбойник, голова, выдати“.

Еще больше сходство между проектом договора и Пространной Правдой находим ниже:

ПРОЕКТ ДОГОВОРА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА (Троицкий список)
Или кто выбиеть око человѣку или ногоу ототнеть, или роукоу ототьнеть, или иноую хромотоу въ тѣлѣ оучинить 5 [20] гривен сѣрѣбра, а за зоубъ 3 [12] гривны сѣрѣбра	Аче ли оутнеть руку и отпадеть рука, или оусхнеть, или нога; или око или нос оутнеть,[3] то полувирье 20 гривен, а тому за вѣк 10 гривен (27). Аже выбьють зуб, ... 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (68)

Почти полное тожество постановлений проекта договора и Пространной Правды не нуждается в комментарии. Проект договора только более кратко излагает содержание статьи, помещенной в Пространной Правде. Такое же сходство находим далее:

ПРОЕКТ ДОГОВОРА	ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА
Или человѣкъ, человѣка дѣрѣвъмь оударить до кръви, или по лицю оударить, а дати ему 3 [12] гривны сѣрѣбра	Аже кто кого оударить батогомъ ... то 12 гривен (24)
Или человѣк ранить мечемь или ножемь, а хромоты на тѣлѣ его не боудѣть, дати емоу 3 [12] гривны сѣрѣбра	Аже кто кого оударить мечемь, не вынезъ его ... то 12 гривенъ продажи (22)

Еще более интересна следующая статья проекта договора, источники которой находим в статье Пространной Правды о долге: „Или Русьскыи гъсть свои тъварь даеть вь дългъ или въ Ризѣ или на Гътьскомъ бѣрѣ[зѣ] Немьчичю, а [о]нъ дъдълженъ боудеть инемъ, Роусьскомоу же гъсти напѣрѣдѣ взяти“. То же самое постановление находим в Пространной Правде, где читаем: „и отдати же первое гостины, коуны, а домашнимъ,

[1] Тексты Пространной Правды приводятся по Троицкому списку, в академическом издании, стр. 104—117.

[2] Там же, стр. 104.

[3] В Троицком списке здесь ошибка: „не оутнеть“.

что ся останеть кунъ" (55). Выражение Пространной Правды „отдати же первое" напоминает текст проекта договора „наперѣдѣ взяти".

Следующая за этим статья добавляет, что в случае гнева властей на немца, все-таки следует „впереди дати ему тъваръ Смолянину, а въ проче его воля". Это почти буквально повторение слов Правды „а прокъ въ дѣлъ" (55).

Не менее любопытна статья проекта договора об испытании железом, которая, по правильному замечанию Голубовского, объяснеет подобную же статью в Пространной Правде.

„Немьчичю же въ Ризѣ и на Гътскомь бѣрѣзѣ Смолнянина на желѣзо безъ его воле не лзѣ имати; оулюбить своею волею нести желѣзо, тъ ть его воля, виноватъ ли боудѣть, своя емоу воля; или правъ боудѣть, своя ему воля, а 10 [40] гривен сѣрѣбра за соромъ емоу възяти". Железное по Правде платит тот „кто и будеть ялъ", по речам холопа на испытание железом (86). По проекту договора суд производится „поемъши дѣтьскыи оу соудье". Пространная Правда говорит о детском, который идет „дѣлить" (108) братьев по делам о наследстве. Ниже, в проекте договора читаем статью о бороде, живо напоминающую такую же статью Пространной Правды. „Аже кто оурьвеать бороды Смолнянину вь Ризѣ или на Гътьскомь бѣрѣзѣ или Смолнянинъ Немьчицю, томоу оурокъ 3 [12] гривен сѣрѣбра".[1]

Наконец, проект договора постановляет о платеже 20 [80] гривен серебра за княжеского тиуна как Пространная Правда.

Сходные черты с содержанием Пространной Правды находим и в других списках Смоленского договора. В первой редакции (по Голубовскому) договора читаем: „аже латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ, или инъмоу доброу человѣкоу, а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатокъ томоу платити немчиноу". Во второй редакции смоленского договора этот текст изложен еще яснее и в более общей форме: „или немѣчьский гость дасть холопоу княжю или боярьскоу, а кто его задницю возметь, то в того Немчичю товаръ взяти".[2]

Торгующий холоп Смоленского договора живо напоминает холопа последних статей Пространной Правды („аче же холопь кдѣ куны вложить"... „аже пустить холопъ в торгъ, а одолжаеть" (115). Перед нами одни и те же экономические условия, выдвигавшие из своей среды таких холопов, которые могли вести крупные торговые операции. По Смоленскому договору это холопы князя или боярина, как это и следовало предполагать.

Наконец, замечательна терминология Смоленского договора, в особенности проекта 1234 года, чрезвычайно напоминающая Пространную Правду. Вот несколько примеров языка проекта договора: „разбойники, голова, двое того дати (в Правде — двоиче платить), роукоу ототьнеть (Правда-оутнеть руку), тъваръ дасть вь долгъ, а в проче его воля, задница, гостиный товаръ (Правда — гостины куны), послушьство, тяжи, на желѣзо (на испытание железом), дѣтьскыи, должьбит, воротити, тоуто и тяжи конець, свада" и т. д. Все эти термины имеют сходство с теми частями Пространной Правды, которые были заимствованы из Краткой Правды и протографа Сокращенной. Наоборот, словарный материал устава Владимира Мономаха, как южнорусского памятника, стоит далеко от Смоленского договора 1229 года.

Что же легло в основу проекта Смоленского договора? На этот вопрос некоторый ответ дают тексты самого договора. После краткого введения о причинах и обстоятельствах заключения договора во всех

---

1 Русско-Ливонские акты, стр. 452.
2 Там же, стр. 426—427, статья 7.

его списках читаем слова: „здѣ починается Правда „или“ а се починокъ Правдѣ“. Таким образом, списки Смоленского договора излагают какую-то „Правду“, которую мы с полным правом можем отожествлять с Пространной Правдой.

Сходство постановлений Пространной Правды и Смоленского договора 1229 года не может быть признано случайным. Между этими памятниками существует определенная связь. Следовательно, мы должны признать, что постановления Пространной Правды не были фикцией, а отвечали действительным юридическим нормам начала XIII века. Но Смоленский договор имел очень ограниченное значение. Задачей его было обеспечить возможность торговых сношений Смоленска с Ригой. Этим сношениям постоянно угрожали ссоры между русскими и немецкими купцами, возникавшие не только на торговой, но и на уголовной почве. Поэтому Смоленский договор опирается на Правду. Голубовский справедливо называет Смоленскую Правду торговой, но он же признает „что в Смоленской земле основанием права была Русская Правда“.[1] Это соображение Голубовского представляется вполне правильным. Мы видим, что некоторые экземпляры смоленского договора носят следы псковского и новгородского говора. С другой стороны, Пушкинский сборник, на ряду с Русской Правдой, включает в себе особый список Смоленского договора 1229 года.

Была ли Правда, положенная в основу Смоленского договора 1229 года, той же самой редакции, какая известна нам, мы не знаем, но ряд статей Смоленского договора становится понятным только при допущении мысли о существовании более полного памятника, на который ссылается этот договор. Таково, например, постановление смоленского договора об испытании железом; „роусиноу не вести латинина ко жельзоу горячемоу, аже самъ въсхочетѣ“. Это постановление находит себе объяснение в Пространной Правде, где подробно говорится об испытании железом в статье о свержении виры. Проект Всеволода Мстиславича ясно обнаруживает знакомство с Пространной Правдой, как на это указал уже Голубовский. Согласно проекту, если ответчик по доброй воле понесет железо и окажется невиновен, то „10 гривен сѣрѣбра за соромъ емоу възяти“. 10 гривен серебра, составляющие 40 гривен кун, тесно связаны с цифрой в 40 кун „железного“, которая упомянута в Пространной Правде.

Близость постановлений Смоленского договора с Пространной Правдой может быть объяснена и обратным путем, а именно, предположением, что Смоленская Правда была одним из источников Пространной. Но это предположение опровергается одним обстоятельством. Смоленский договор ведет счет на гривны серебра, причем только из второй редакции договора мы узнаем, что гривна серебра равна 4 гривнам кунами или пенязями („а за гривну серебра 4 гривны коунами, или пенязи“). Между тем Пространная Правда ведет счет по старому, т. е. знает только гривны кун. Следовательно, Пространная Правда имеет более древний счет и, таким образом, появилась ранее Смоленского договора 1229 года, являясь одним из его источников.

Ход предыдущих рассуждений привел нас к выводу, что Пространная Правда возникла в конце XII или начале XIII века, на основе целого ряда памятников, в числе которых наиболее важное значение имели Краткая Правда, Устав Владимира Мономаха и протограф Сокращенной Правды. Таким образом, по нашему мнению, Пространная Правда является сводом более ранних юридических памятников. Составители Пространной Правды поступали так же, как это делали составители других юридических

[1] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия, стр. 208—209.

памятников древней Руси, например, церковных уставов Владимира и Ярослава. Они взяли несколько источников, соединили их вместе и подвергли соответствующей обработке. Причины такой обработки, проделанной составителями Краткой Правды над ее источниками, объяснены нами ранее. Краткая Правда в дошедшем до нас виде получила форму сводного юридического сборника, но была основана на действительных княжеских уставах. В еще большей мере то же самое можно сказать о Пространной Правде. Ряд данных привел уже нас к мысли о том, что Пространная Правда возникла в Новгороде в конце XII или начале XIII века. Попробуем аргументировать это положение некоторыми доказательствами.

Как известно, начало XIII века было временем установления новгородской вольности. Князья еще пользовались в Новгороде большой властью, но значение их постепенно падало. К этой эпохе относится ряд летописных свидетельств о существовании в Новгороде каких-то уставов „старых" или „передних" князей. Впервые уставы „старых князь" упоминаются в новгородской летописи под 1209 годом. Характерно, что летопись суммарно говорит об уставах, не называя еще никаких княжеских имен. Под 1228 годом летопись пишет уже прямо о „грамотах Ярославлих", о которых снова упоминается под 1229 годом, с прибавлением слова „всѣхъ" („на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ") и добавлением фразы о „передних" князьях. Как мы видим, между летописными известиями 1209 года, с одной стороны, и 1228—1229 годами, с другой, существует значительная разница. Известие 1209 года еще не говорит об „Ярославлих грамотах", упомянутых в 1228—1229 годах.

Содержание этих грамот в известиях 1228—1229 годов совершенно неясно. Известие 1228 года рассказывает, что новгородцы послали к Ярославу со словами „поеди к нам, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на вьсех грамотах Ярославлих ты нашь князь". На этом основании можно было бы говорить, что в грамотах Ярославлих упоминалось „забожничье" и требование не посылать судей в волости. Но такое мнение было бы неправильным, так как ни откуда не видно, чтобы вопрос о „забожничьем" и судьях в волостях оговаривался в грамотах Ярослава. Это могло быть нововведением, которое требовало отмены. Если слово „забожничье" остается неясным, хотя речь, повидимому, идет о какой-то новой пошлине, то посылка судей по волостям была явно связана с нарушением судебных прав новгородцев. Следовательно, упоминание о грамотах Ярославлих было в этом случае вполне уместно.

Такое толкование известия 1228 года находит подтверждение в известиях 1229 года, под которым в новгородской летописи записано: „и цѣлова (князь Михаил Черниговский) крестъ на всѣй воли Новгородьстѣй и на всѣхъ грамотах Ярославлих; и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, а симъ повеле, къто сде живеть, како уставили передниии князи, тако платите дань". Таким образом, получается, что дань, установленная „передними" князьями, не имеет отношения к грамотам Ярославлим и что свобода смердов на 5 лет так же была дана не на основании этих грамот, а являлась дополнительным пожалованием. Поэтому мнение о существовании особых привилегий или особой жалованной грамоты Ярослава, будто бы данной Новгороду и носившей политический характер, представляется недоказанным. Действительно, как объяснить не только утерю этой важнейшей грамоты, но и отсутствия сколько-нибудь ясных ссылок на ее содержание в новгородских памятниках. „Ярославли грамоты" как-бы случайно появляются на страницах летописи и вновь исчезают. Вместе с тем трудно думать, что грамоты Ярослава могли иметь такое содержание, которое даже через два века вполне удовлетворило бы новгородцев.

Вольности Новгорода в первой половине XI века, несомненно, резко отличаются от вольностей более позднего периода. Поэтому представление о грамотах Ярослава, как о политических актах, установивших своего рода конституцию Новгорода, представляется явно натянутым.

Между тем летописец, говоря о „грамотах Ярославлих", имел в виду что-то определенное. Какие же памятники, известные нам, подходят под это название? В настоящее время известны два памятника, связанные с именем Ярослава: церковный устав Ярослава и Пространная Правда. Церковный устав явно не имеет отношения к событиям, упомянутым в летописи под 1228—1229 годами, следовательно, остается Пространная Правда. Можно предполагать, что летописец имеет в виду именно Пространную Правду или, может быть, еще какой-либо подобный памятник, именуя его грамотой Ярослава (например, протограф Сокращенной Правды). Есть возможность указать и дату, с которой можно связывать возникновение Правды. Появление Правды, повидимому, связано с крупнейшими политическими событиями в Новгороде в 1209 году.

События этого года рассказаны в Синодальном харатейном списке следующим образом. В 1205 году новгородцы отняли посадничество у Михалка Степановича и передали его Дмитру Мирошкиничу, чем завершилась долгая борьба между двумя конкурирующими боярскими родами. Дмитр был, повидимому, сыном Мирошки Нездинича, который был новгородским посадником в конце XII века в течение ряда лет. Правление Мирошкиничей носило несколько тиранический характер. В 1208 году брат посадника, Борис Мирошкинич, велел убить на Ярославлем дворе Олексу Сбысловича. Убийство вызвало большое возмущение в Новгороде. На следующий день 17 марта в именины Олексы (Алексея) „плака святая богородиця у святаго Якова в Неревьскомь конци". Летопись каким-то образом связывает смерть Олексы с приходом из Владимира Лазаря, княжеского мужа Всеволода Большое Гнездо. Повидимому, Мирошкиничи держались, главным образом, при поддержке суздальцев. В 1209 году новгородцы ходили на помощь Всеволоду против рязанских князей. Всеволод, одарив новгородцев, отпустил их обратно „и вда им волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотеху новгородьцы и рече им: „кто вы добръ, того любите, а злыхъ казнити". Посадник Дмитр, раненый под Пронском, остался во Владимиро-Суздальской земле. Это послужило сигналом против Мирошкиничей. Новгородцы, вернувшись домой, собрали вече и разграбили дворы Мирошкиничей „а житие ихъ поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щит; аще кто потай похватилъ, а того единъ бог вѣдаетъ, и от того мнози разбогатѣша; а что на дъщкахъ, а то князю оставиша". После того как в Новгород пришел сын Всеволода, Святослав, новгородцы „даша дъщкы Дмитровы" князю Святославу, „а бяша на них бещисла".[1]

В этом рассказе замечательна одна черта, объясняющая нам события 1209 года. Летопись связывает выступление новгородцев против Мирошкиничей с пожалованием князя Всеволода, давшего новгородцам „волю всю и уставы старых князь". Расправа с Мирошкиничами носила черты законного суда над ними. Летопись сообщает нам обвинения, предъявленные Мирошкиничам. Новгородцы говорили, „яко ти, повелѣша на новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати (в Новгородской 4-й летописи „куны"), по купцемъ виру дикую, и повозы возити и все зло". Эти поступки, повидимому, были нарушением уставов старых князей, в чем и обвинялись Мирошкиничи.

[1] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 190—192. Более кратко, но на основании той же новгородской летописи говорится в Академическом списке (Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 466).

О каких же уставах князей говорится в летописи? На этот вопрос летопись не дает никакого ответа. Но характерно, что летопись ни слова не упоминает о грамотах, якобы данных Новгороду Ярославом, хотя об них было бы уместно упомянуть. Повидимому, речь шла не о политической независимости Новгорода, а о нарушении уставов, регулировавших внутреннюю жизнь Новгорода. Этими нарушениями, по словам летописи, было взимание на новгородцах серебра, сборы кур (или „кун" по другим спискам) по волостям, получение виры дикой с купцов и установление повозной повинности, не говоря уже о неумеренном ростовщичестве.

После падения Мирошкиничей нарушения, повидимому, были исправлены. Таким образом, новгородцы могли вернуться к уставам старых князей.

Но в какой же мере новгородские события 1209 года нашли свое отражение в Пространной Правде, если считать, что она возникла в Новгороде в непосредственной связи с возмущением? Некоторый ответ на это вопрос дает содержание Пространной Правды. Прежде всего мы находим в ней ссылки на более ранние княжеские уставы. Правда усваивается законодательству Ярослава и надписывается как „суд" Ярослава Владимировича.

Ссылки на Ярослава встречаются трижды в тексте Пространной Правды, которая указывает, как Ярослав судил, какие были вирные поконы при Ярославе, как Ярослав „уставил" по делу о холопе, ударившем свободного мужа. Пространная Правда упоминает о дополнительных решениях сыновей Ярослава и располагает их по настоящему старшинству — характерная особенность, указывающая на тенденцию составителей Правды обосновать свои ссылки на более ранние княжеские уставы и исправить предполагаемую ошибку. Знаменитые слова „по Ярославѣ же паки совокупившеся" представляют собой не что иное, как историческую ссылку составителей Пространной Правды, цель которой установить преемственность законодательства Ярославичей, как наследников отцовской власти. Слово „паки", повидимому, просто обозначало, что после смерти отца Ярославичи опять собрались вместе, как это было и раньше при жизни отца. Составители Пространной Правды не могли учитывать, какую бурю ученых споров вызовет поставленное ими слово „паки", которое только противопоставлялось постановлениям Ярослава. Желание сослаться на прежние уставы князей видно и в переделках известия краткой редакции Правды об уроках Ярослава. Составители Пространной Правды просто ссылаются на Ярослава как на авторитет: „а се покони вирныи были при Ярославе". Таким образом, Пространная Правда ставит свои постановления в непосредственную зависимость от прошлой законодательной деятельности князей „уставы старых князь", о которых говорит летописец.

События 1209 года были связаны с выступлением новгородцев против ростовщичества Мирошкиничей. Как и в 1113 году понадобились какие-то меры против высоких процентов и закабаления свободных людей. Краткая Правда не имеет вообще постановлений о ростовщичестве. Протограф Сокращенной Правды не ограничивал дачу „кун в резы", требуя только присутствия послухов. Пространная Правда в нескольких статьях ограничивает взимание высоких процентов. Статья о „месячном резе" фактически запрещает длительное получение месячных процентов. Устав Владимира Мономаха авторитетом этого известного князя воспрещал взимание трех резов. Этот же устав давал материал для вопроса о закабаленных людях.

Мы не знаем, кого имели в виду составители Пространной Правды под именем закупов, но речь, несомненно, шла о людях, попавших

в зависимость от более сильных как экономически, так и политически, людей. Ничего неизвестно о закупах в Новгороде. Но в Новгороде зато хорошо знали другую категорию зависимых людей, именуемых то сиротами, то наймитами. Порабощение свободных людей было в Новгороде нередким явлением. Об этом мы знаем из многочисленных памятников XII—XIII века. В Вопрошании Кириковом „наим" приравнивается „лихве" („а наим дѣля рекше лихвы"). В Требниках XIV века встречаем статьи о сиротах и найме, восходящие к значительно более раннему времени, чем XIV век. Здесь мы читаем: „без вины бив сиротоу — 10 день", „не давъ сиротѣ найма 40 дни" (епитемии).[1] В поучении, приписываемом новгородскому архиепископу Илие, читаем: „а сиротамъ бо не мозите великой опитемьи давати. Пишеть бо в заповедехъ: „сущимъ подъ игомь работным наполы даяти заповеди".[2] Статьи о закупах могли казаться наиболее отвечающими моменту, но смысл их применялся не к южному закупу, а к северному наймиту. Этим объясняется появление в Правде странной фразы, неоднократно сбивавшей исследователей: „продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всех кунахъ". Слово „наймит" являлось переводом мало знакомого понятия „закуп" на язык новгородских социальных отношений XII века.

Слова летописи о проступках Мирошкиничей против новгородцев объясняют нам и другие особенности Пространной Правды. Новгородцы обвиняли Мирошкиничей в том, что они велели брать „по купцем виру дикую". Пространная Правда уделяет много места порядку взыскания „дикой виры" за убитого княжьего мужа. Смысл постановлений Правды заключается в признании ответственности „верви" за убитого, тело которого было найдено на ее территории. Но Правда ограничивает взыскание дикой виры только людьми, которые относятся к верви. За убийцу (головника) платят потому, что он „к ним (т. е. к верви) прикладываеть". В этой статье встречается другое любопытное место, говорящее о том, что раскладка дикой виры производилась не всегда так, как она описана в Пространной Правде. В Правде читаем: „но оже будеть оубилъ или въ свадѣ, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже ся прикладывають вирою". Слово „нынѣ" читалось в протографе Пространной Правды, как это показывает сличение многих списков Правды. Оно указывает на новый порядок, согласно которому должны платить вместе с вервью те, кто „прикладывають вирою". Но новгородские памятники неоднократно указывают на положение купцов, которые в отличие от смердов, тянули не к определенной территории — погосту, а к купеческому „сту", единице явно внетерриториальной („кто купець, в сто, а кто смерд, а тот потягнеть в свой погост"). Следовательно, собирание дикой виры на купцах было нарушением обычая, так как „нынѣ" следовало ее брать только с тех, кто относится („прикладываеть") к верви.

Наконец, обвинение Мирошкиничей в том, что они брали на новгородцах серебро, можно связать с денежным счетом Правды, который ведется на куны, а не на серебро или новые куны, хотя о новых кунах указывается уже в договоре 1195 года где, на ряду с ними, упоминаются „ветхие" куны.

Летопись упоминает о других нарушениях новгородских прав со стороны Мирошкиничей, которые повелели „по волости куры брати". В Новгородской 4-й летописи вместо „куры" написано „куны", но

---

[1] А. Алмазов. Тайная исповедь в православной, восточной церкви, т. IV, стр. 276.

[2] А. И. Пономарев. Памятники древнерусской учительной литературы. III, стр. 244.

чтение „куры“ подтверждается не только древнейшим Синодальным, но и Академическим списком Суздальской летописи. Это обвинение опять объясняется текстом Русской Правды, где сборы вирника ограничены 2 курами на день. Повидимому, Мирошкиничи ввели какие-то особые поборы или „все зло“ по выражению летописи, что вызвало возмущение новгородцев. Таким образом, текст Пространной Правды отразил на себе черты новгородской юридической деятельности после событий 1209 года.

Однако нашим представлениям о времени происхождения Пространной Правды как-бы противоречит то обстоятельство, что Правда не знает долговых обязательств или „досок“, упомянутых в известии 1209 года и встречающихся в Покровской Судной грамоте. В действительности, отсутствие упоминаний в Пространной Правде о „досках“ скорее говорит в пользу моей гипотезы, чем против нее. Вопреки недавно высказанному мнению о том, что древняя Русь до XIII века не знала частных письменных актов,[1] Русская Правда в статье о накладах, знает писца, которому платится „за мѣх“ 2 ногаты, хотя функции его точно не определены. Передача „досок“ в 1209 году князю, указывает на какое-то недоверие новгородцев к этим документам, которые, несомненно, допускали возможность злоупотреблений.

Пространная Правда, конечно, не имела назначения быть законодательным памятником, обязательным для всех. Составители ее хотели дать новый юридический сборник, которым можно было бы руководиться при судебных разбирательствах. Пространная Правда была скорее проектом закона, чем самим законодательным памятником. Этим объясняется некоторая неслаженность составных частей Правды, представляющей собой компиляцию отдельных княжеских уставов и постановлений. Неофициальный характер Правды, который так подчеркивается во многих исторических трудах, является следствием ее новгородского происхождения. Начало XIII века в Новгородской истории ознаменовано своего рода двоевластием. Княжеские постановления не имели уже полной силы и оспаривались не только вечем, но и посадниками. При таком положении дела трудно было ожидать появления судебной грамоты, данной от имени какого-либо новгородского князя XIII века. При постоянной смене князей такая грамота имела бы авторитет только на самое непродолжительное время. Имя Ярослава, под которым имелся в виду Ярослав Мудрый, импонировало новгородцам, впоследствии уверенно опиравшихся на все грамоты Ярослава. Так как новая Правда затрагивала интересы князя, то была составлена точная шкала различных пошлин и поборов, идущих в его пользу и в пользу его слуг. Такая шкала, несомненно, имела назначение не только оберегать интересы князя, но и интересы населения от возможности лишних поборов. Временем компиляции можно считать 1210—1215 годы—время княжения в Новгороде знаменитого Мстислава Мстиславича, любимого князя новгородцев.

Юридическая компиляция была составлена не без участия церковных кругов. Этим, на мой взгляд, объясняется присутствие в Пространной Правде некоторых моральных указаний, отсутствующих в ее источниках. Гетц остроумно указывает, что эти наставления как-бы рассчитаны на судей, которые должны объяснить причины того или иного приговора. Эта странная смесь совершенно конкретных формул с моральными сентенциями может быть объяснена участием в составлении Правды церковных кругов Новгорода во главе с архиепископом. Этим кругам принадлежит вставка о чернеческих холопах, упоминаемых наравне с княже-

---

[1] См. Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей М.—Л. 1937, статья С. Н. Валка. Начальная история древнерусского частного акта.

скими и боярскими. Вкладная грамота Варлаама конца XII века говорит о такой челяди, которая была подарена в Хутынский монастырь. Холопы перечислены наравне со скотом („а се отрок з женою, 2 Вълес, 3 девъка Феврония с двема сыновами" и т. д.).[1] В духовной Антония первой половины XII века упомянуты Тудор, Волос, Василий с семьями, находившиеся во владении монастыря „одерень".[2] Влияние византийского законодательства на Правду, указываемое многими, авторами, также удовлетворительно объясняется значением церкви. В это время на Новгородской архиепископии был знаменитый Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович, лично побывавший в Царьграде.

Большое количество статей Пространной Правды, относящихся к торговле и ростовщичеству, типичны для такого памятника, который мог возникнуть в Великом Новгороде. Пространная Правда говорит о торге и мытниках, о „купли" и „гостьбе", о процентах и товаре, отданном на хранение („поклажа"), о месячных и третных резах, о купцах, торгующих в других землях и подвергающихся опасностям во время военных действий („рать возметь"); различаются долги своим („домашним") и чужеземным купцам („гостины куны"). С необыкновенной яркостью Пространная Правда рисует перед нами жизнь богатого дома, связанного с торговлей (стр. 99).[3] Имущество заключается в доме, челяди и товаре. Но товар — не просто имущество, заранее уже мыслится, что им можно „пригостить" и „срезить". Следовательно, перед нами дом богатого человека, вернее всего купца или боярина, связанного с торговлей.

[1] И. И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма, СПб., 1883; Кочин. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, 1936, стр 50.

[2] Подлинность духовной и купчей Антония давно заподозрена. Но в самом памятнике нет никаких черт, на основании которых грамоту можно было бы считать подложной. Во всяком случае ее содержание нисколько не противоречит другим новгородским актам XII—XIII веков.

[3] Академическое издание Правды Русской, сводный текст, стр. 402—456.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОТОГРАФА ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ

Протограф Пространной Правды может быть восстановлен путем сличения двух основных ветвей Пространной Правды: Троицко-Синодальной и Пушкинско-Археографической (*А*) В основе Троицкого списка XIV века (*Т*)[1] и Синодального списка (*С*) конца XIII века лежит общий протограф. Троицкий список корректируется остальными списками Троицкого извода. В том случае, когда между списками Троицкого извода имеется согласие, мы в праве говорить о показаниях не одного Троицкого списка, а всего Троицкого извода. Синодальный список корректируется Новгородско-Софийским изводом (*НС*) и Рогожским списком (*РЛ*). Согласное чтение Троицкого извода и Синодального списка (с соответствующими коррективами *НС* извода и *РЛ*) позволяют думать, что подобное чтение находилось в протографе Троицко-Синодального списка.

Протограф Пушкинско-Археографической ветви Пространной Правды устанавливаются путем сличения Пушкинского списка XIV в. (*МП*) и Археографического извода во главе с Археографическим списком (*АП*) В некоторых случаях могут быть привлечены показания Троицкого IV списка (*Т IV*) и Карамзинского извода (*К*). Согласные чтения Пушкинского списка и Археографического извода указывают на чтение протографа Пушкинско-Археографической ветви.

Разногласия между чтениями Троицко-Синодальной ветви, с одной стороны, и Пушкинско-Археографической, с другой, в некоторых случаях разрешаются путем привлечения показаний Краткой Правды. Нечего и говорить, что восстановленный текст протографа Пространной Правды является только предположительным. Но и в этом случае он окажет известную пользу, так как наличие того или иного чтения во всех древнейших списках является достаточным доказательством существования такого же чтения в протографе Пространной Правды. Таким образом, уменьшается необходимость различного рода умозаключений по поводу того или другого позднего варианта. Отсутствие подобного варианта в древних списках говорит об его более позднем происхождении. В основу восстановленного текста протографа положен

[1] Здесь даны обозначения академического издания Русской Правды. Академический — *АН*, Археографический — *А*, Карамзинский — *К*, Крестининский — *КР*, Пушкинский — *МП*, Синодальный — *С*, Соловецкий — *СМ*, Троицкий — *Т*, Чудовский — *Ч*, Рогожский — *РЛ*, Новгородско-Софийский — *НС*, Троицкий — *IV* — *Т IV*.

Троицкий список XIV в. (*Т*), в примечаниях указываются списки: Синодальный (*С*), Пушкинский (*МП*), Рогожский (*РЛ*), Академический (*АН*), Археографический (*А*) списки Русской Правды, а также некоторые другие с указанием их шифров по академическому изданию. От списков отличаем изводы, т. е. показания группы списков. К изводам относим „виды" Правды по академическому изданию: Троицкий, Новгородско-Софийский, Чудовский (Розенкампфовский), Археографический, Карамзинский.

В тексте восстановленного протографа выделены курсивом слова и фразы, отсутствующие в тексте Троицкого списка, принятого за основной. Так как целью работы является восстановление протографа, то позднейшие варианты в изводах указываются только в исключительных случаях.

СУДЪ ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМѢРИЧЬ

ПРАВДА РУСЬСКАЯ

Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо *братучаду*,[1] ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя[2], то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиуна княжа; аще ли будеть русинъ[3] или гридь, любо купець, любо тивунъ бояресkъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ,[4] то 40[5] гривенъ положити за нь. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи их Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убиение за головоу, но кунами ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша.

О УБИИСТВѢ[6]

Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника[7] не ищють,[8] то виревную[9] платити в чьеи же верви[10] голова лежить, то 80 гривенъ, паки ли людинъ,[11] то 40 гривенъ.

---

[1] В *Т* изв. здесь стоит „братучадо", но в *С* помещено „браточадоу". Так, повидимому, и стояло в протографе Син. Тр. ветви: В *Т IV* и К. изв. „братъ чаду". В *МП* и А стоит „брату чада", но в списках К изв. находим „братъ-чаду" и „брату-чаду". Чтение *Т* и *МП* списков неосмысленно: оно объясняется непониманием слова „браточадо". Вопрос о чтении решается текстом Краткой Правды, где читаем: „братоучадоу" (*АН*).

[2] В *МП* „местя", но в *А* также „мьстя", чтение „местя" ведет происхождение от новгородской орфографии XIII века (*е* вместо *ь*) В *К* здесь позднейшее „мьстяи".

[3] В *МП* и *А* изводах вместо „русинъ" поставлено „горожанинъ". Но это чтение можно считать позднейшим, так как Краткая Правда дает здесь чтение „роусинъ". *Т IV* и К изв., как обычно, дают сводный текст „роусин, горожанин".

[4] Чтение „словеникъ" *К* изв. явно позднейшего происхождения; еще в *Т VI* читаем „словенин".

[5] В списках *Ч* изв. всюду показано 240, но это ошибка.

[6] Существование такого заголовка в протографе Пространной Правды доказывается его наличием во всех древнейших списках. В *МП* и *А* имеется измененный заголовок „о убойстве".

[7] В *МП* — „боевника" в *А* — „убойника", но в дальнейшем тексте говорится о головнике. Различие в чтениях *МП* и *А* изводов доказывает, что в их протографе начальные буквы этого слова были испорчены.

[8] В *Ч*. изв. „изищуть", но во всех древних списках и в Краткой Правде „ищоуть" (*АН*).

[9] Слово „виревную" считаю правильным; подтверждение ему находим в *С*, *РЛ* и *НС*, где читаем: „вирьвноую" (*С*) и „виревную" (*РЛ*), в большинстве списков *НС* изв. — „вирвноую". Чтение *МП* и *А* „вервьноую", повидимому, испорчено. В *Ч* и в некоторых списках *НС* изв., „вирную"; интересно, что в Краткой Правде здесь также стоит „вирное"; в XIV — XV вв. слово „вирное" производилось уже от слова „вира".

[10] *МП* и *А* дают чтение „в которой верви", но это чтение не стояло в их протографе, как показывает *К* изв., где читаем: „в чеи же верви". В Краткой Правде читаем: „в ней„ же вири" (вѣрнѣи — *А*). Отсюда могло получиться чтение „в чей же".

[11] Чтение *МП* „один" опровергается показаниями всех остальных списков; оно произошло от порчи первого слога в слове „людинъ".

Которая ли вервь начнеть платити дикую виру,[1] колико лѣтъ заплатить ту виру[2] занеже безъ головника имъ платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то *зане*[3], к нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помагати головникоу; любо си дикую вироу;[4] но *сплатити*[5] им вообчи 40 гривенъ, а головничьство, *а то*[6] самому головнику;[7] а въ 40 гривенъ ему заплатити *из*[8] дроужины свою часть; но оже будеть оубил или въ свадѣ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ[9] иже ся *прикладываеть*[10] вирою.

ОЖЕ СТАНЕТЬ БЕЗ ВИНЫ НА РАЗБОИ[11]

Будеть ли сталъ на разбои безъ[8] всякоя свады, то за разбоиника *людие*[12] не платять, но выдадять и[13] всего съ женою и съ дѣтми на потокъ[14] и на разграбление. Аже кто не вложиться в дикую *виру*,[15] тому людье не помогають, но самъ платить.

А СЕ ПОКОНИ ВИРНИИ[16]

А се покони вирнии были при[17] Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдер солоду на недѣлю, *оже*[18] овенъ, любо полоть, любо 2 ногатѣ, а в середу[19] куна, *оже*[20] сыръ, а в пятницю тако же; а куръ по двою ему[21] на день; а хлебов 7 на недѣлю, а пшена 7 оуборковъ, а гороху 7 оуборковъ, а соли 7 голваженъ: то то вирнику со отрокомь, а кони 4, конем на ротъ сути овесъ, вирнику 8 гривенъ а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна.

---

1 В *Т* изв. и *МП* изв. „вѣру", но в *С* и в других „виру", здесь же рядом в том же *Т* изв. читаем „виру".

2 В *С* „заплатять" — можно допустить оба чтения: в *МП* и *А* „за то платять вину", так стояло и в их протографе, как показывает *Т IV* — „за то платять ту виру".

3 В *Т* изв. „за нь", но в *С*, *А* и *МП* „за не".

4 В *Т* изв. „дикую вѣру", но *С* „виру", в *МП* и *А* „дикую вину", но в протографе их могло стоять иное, так как *К* изв. также здесь имеет „дикую виру".

5 В *Т* изв. „сплати" (за исключением *С III*), но в *С* и *НС* изв. *МП* и *А* „сплатити".

6 В *Т* изв. слов „а то" нет — дополняется из остальных списков.

7 В *Ч* изв. здесь добавлено „свою часть", но это добавка, сделанная для пояснения смысла текста.

8 В *С* и в других списках „из дружины", в *Т* изв. „ис дружины".

9 В *МП* — „по вервины", однако, как показывают чтения *А* и *Т IV*, в протографе *МП* также стояло „по верви нынѣ".

10 Чтение „прикладываеть" имеется в большинстве списков, в *Т* изв. „прикладывають".

11 Заглавие считаю относящимся к протографу Пространной Правды, так как оно имеется во всех списках.

12 *Т* изв. „люди", но *С*, *МП* и множество других списков имеют чтения „людие" и „людье".

13 В *МП* „и" нет, но в *А* есть, значит было и в общем протографе этих списков.

14 В *НС* изв. „на погнание".

15 В *МП* и *А* — „в дикую вину и виру", но слово „вина" является позднейшей добавкой. В *Т I* вместо „виру" написано „вѣру". В *НС* „в людикою вѣру", в других списках того же извода „люцкую" и „людскую".

16 Заглавие отсутствует в *Т* и *МП* изводах, но одинаковое заглавие находим в *С* и *А*; поэтому считаю, что заглавие было в протографе Пространной Правды.

17 В *МП* и *А* здесь вместо „при" написано „по". Но в *К* поставлено „при", как это и соответствует тексту Краткой Правды, служившей источником Пространной.

18 В *Т* изв. „же", но в *МП* вместо „оже" стоит „да"; *А* дает, как и *С*, чтение „оже", которое, следовательно и было в протографе Пространной Правды.

19 В *С* — в сред[оу], но в *МП* „в середоу".

20 В *Т* I изв. здесь „же", но в *С* и *МП* „оже"

21 В *С* „ему" нет.

О ВИРАХЪ [1]

Аже будеть вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна; а за голову 3 гривны.

О КНЯЖИ ОТРОЦѢ [2]

Аже въ княжи отроци или в конюсѣ или [3] в поварѣ то 40 гривенъ, а за тивунъ за огнищный и за конюшии, то 80 гривенъ; а в сельскомь тивунѣ княжѣ или в ратаинѣмь, то 12 гривенъ, а за рядовича 5 гривенъ, тако же и за бояреськъ.

О РЕМЕСТВЕНИЦѢ И О РЕМЕСТВЕНИЦѢ [4]

А за ремественника и за ремественицю, то 12 гривенъ. А за смердии [5] холоп 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ. А за кормилця 12 гривенъ,[6] такоже [7] и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си [8] роба.

О ПОКЛЕПНѢИ ВИРѢ [9]

Аще будеть на кого [10] поклепная [11] вира, тоже будеть послуховъ 7 [12] то ти выведуть [13] виру; паки ли варягъ или кто инъ, то *два.*[14] А по [15] костехъ и по мертвеци не платить [16] верви,[17] аже имене не вѣдають, ни знають его.

---

[1] Заглавие „о вирахъ" в *Т* изв. нет, но оно есть в *С*, *МП* и *А*, а также во множестве других списков.

[2] В *Т* изв. имеется заглавие „о княжи мужѣ", но в *С* и *А* — „о княжи отроцѣ", в тексте Правды речь тоже идет о княжеском отроке. В *Ч* изв. позднейшее — „о княжих отроцѣх и о епископлѣхъ вины".

[3] В *С* „и", но в других изводах „или".

[4] Так в *Т* изв. и *А*

[5] Считаю единственным правильным чтение „смердии холопъ", чтение *Т IV* „а за смерды холопъ" образовалось из того же текста, о чтении „смердии холопъ „см. выше в главе „Краткая Правда", как источник Пространной" (глава 22).

[6] Слова „гривен" в *Т* изв. нет, но оно ясно по смыслу, в *МП* и *А*, как и в их протографе, это место было испорчено, в *С* добавлено „гривнѣ".

[7] В *С* „такоже" нет.

[8] В *С* вместо „хотя си" написано „или", также в *Ч* изв.

[9] Этой статьи в *С* нет, но с тем же названием она помещена в остальных списках; заголовок *МП* „поклепе" является позднейшим, так как *МП* список вообще сокращает заголовки. В *НС* „о поклепѣ и вирѣ".

[10] В *МП* „у кого".

[11] В *МП* и *А* „клепная", но это опровергается другими списками, а также самым заголовком статьи.

[12] В *Ч* изв. „то же не будеть послухъ седмь"; это взято из Сокращенной Правды или ее протографа, где читаем „а не будет послух 7".

[13] В *МП* „то то идуть", с *А* в данном случае нет согласия („имуть"), что зависит от дефектности протографа *МП* и *А*; чтение *МП* „идуть" указывает на окончание слова, соответствующего „выведуть".

[14] *Т* изв., *С* и многочисленные списки *Ч* и *НС* изводов дают здесь текст „или кто инъ, тогда". Но этот текст совершенно непонятен и он как будто исправляется чтениями *МП* („два") и *А* („два"), если только эти чтения сами не являются догадкой переписчика. В Сокращенной Правде здесь „любо варягъ или инъ".

[15] В *МП* — „в" в *А* „на", но текст этой статьи явно испорчен, как в *МП*, так и в *А*.

[16] Чтение *А* „плакати" явно позднейшее.

[17] В *Ч* изв. „не платити виры", в соответствии с текстом Сокращенной Правды, также чтение могло быть более первоначальным.

АЖЕ СВЕРЖЕТЬ ВИРОУ

А *оже*[1] свержеть виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто и клепалъ,[2] а тому дати другую гривну; а от виры *помочьнаго*[3] 9 *кунъ*[4]. Искавше ли послуха *и*[5] не налѣзуть, а истьця начнеть головою клепати, то ти[6] имъ правду желѣзо; тако же и во всѣхъ тяжахъ, и[7] в татьбѣ и в поклепѣ; оже не будеть лиця, то тогда дати ему желѣзо из неволи до полугривны золота; аже ли мьнѣ,[8] то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мьнѣ, то ротѣ ему ити по своѣ куны.[9]

ОЖЕ КТО УДАРИТЬ МЕЧЕМЬ[10]

Аже кто ударить мечемь, не вынезъ[11] его, или рукоятию, то 12 гривен продажи за обиду.

Аже ли вынезъ мечь, а не утнеть, то гривна кунъ.

Аже кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию, то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нѣтуть.

Аще ли оутнеть руку и отпадеть рука, или усхнеть, или нога или око,[12] или *нос*,[13] утнеть, то полувирье[14] 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

Аже перстъ утнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна кунъ.

АЖЕ ПРИДЕТЬ КРОВАВЪ МУЖЬ[15]

Аже придеть кровавъ мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны[16]; аще ли не будеть на нем

---

[1] В *Т* изв. „*А* иже", но *С* имеет здесь „*А* оже", в *А* „А се оже".

[2] В *МП* и *А* „и" нет, в *Ч* изв. „исклепал".

[3] В *С* и *НС* изводах „помоченаго" первоначально, вероятно, было „помочьнаго" Из подобного чтения путем мены *ч* на *ц* произошел вариант *МП* „помоцного; действительно, в *Т IV* читаем, как и в *С* „помоченого". В *Т* изв. и *А* одинакового написано „помечнаго", но это может являться простым осмыслением непонятного „помоченаго"; между тем *Т* изв. возник независимо от *С* списка. Следует отметить, что в статье О судебных уроцех указываются пошлины „кому помогуть", отсюда „помочное"

[4] В *Т* изв. слова „кунъ" нет, но в других списках оно имеется.

[5] В *Т* изв. и *А* „и" нет, но „и" стоит в *С* и *МТ*.

[6] В *Т* изв., *С* и *НС* изводах „то ти", в *МП* и А это место испорчено. В *Т IV* здесь стоит „тому дати", но это чтение составлено из чтений обеих ветвей Пространной Правды — Синодально-Троицкой и Пушкинско-Археографической.

[7] В *Т* изв. и *МП* „и" нет, но оно имеется в *С* и *А*.

[8] В *Т* изв. „мнѣ", но в *С* мьнѣ, так было и в протографе Правды, как показывают *МП* (мене) и *А* (мѣне) изводы.

[9] В *Ч* изв. конец статьи изложен так: „до полугривны золота, аже ли до гривны золота, аще ли до двою гривенъ золота, аще ли менѣ, то роте ему ити по своя куны". Но такого текста не находим в других списках; повидимому, он появился в результате осмысления текста, так как выражение „до двух гривен" казалось противоречием с вышестоящим „до полугривны золота". Редактор *Ч* изв., повидимому, считал, что речь в обоих случаях шла о золотых гривнах.

[10] В *Т* изв. заглавия нет; оно взято из *С*, но имеется также в *МП* и *А* и притом в том же контексте.

[11] В *А* списке Краткой Правды также „не вынезъ".

[12] В *Ч* изв. „око истъгнетъ".

[13] В *Т* и *НС* изводах здесь „или не" — явно испорченное чтение; правильный текст восстанавливается *МП* и *А* изводами, согласно показывающими „или нос".

[14] В *С* „то полъ виры", но в изв. *МП* („полувѣрье") и *А* („полувирье") дают чтение *Т* изв.

[15] Заглавие имеется во всех списках, но первое слово заголовка дано по-разному в древнейших списках. В *Т* изв. „а" („а придеть").

[16] В *Ч* изв. вместо „3 гривны" написано „за бещестие".

знамения, то привести ему видокъ, слово противу слова, а кто будеть почалъ,[1] тому *платити*[2] 60 кунъ; аче же и кровавъ придеть или будеть самъ почалъ, а вылѣзуть[3] послуси, то то ему за платежь, оже и били.

Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лѣчебное; потнеть ли на смерть, а вира.

Аче попъхнеть[4] мужь мужа, любо к собѣ, ли от собе, любо по лицю ударить, ли жердью ударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то пόлная видока вывести и идета[5] на роту.

О ЧЕЛЯДИ[6]

А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти,[7] а оному платити 3 гривны продажи.

АЖЕ КТО ВСЯДЕТЬ НА ЧЮЖЬ КОНЬ[8]

Аже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.[9] Аче кто конь погубить или оружье, или портъ, а заповѣсть на[10] торгу, *и послѣдь*[11] познаеть в своемь городѣ, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ, или украдено у него что,[12] или конь, или портъ или скотина, то̀ не рци[13] „се мое", но поиди на сводъ, кдѣ есть[14] взялъ, сведитеся, кто будеть виноватъ, на того татба снидеть, тогда он свое возметь, *а что будеть с нимь погыбло*,[15] тоже ему начнеть платити.

Аще будеть коневыи тать, *а*[16] выдати князю на потокъ; паки ли будеть клѣтныи тать, то 3 гривны платити ему.

О СВОДѢ

Аже будеть во одиномь городѣ, то ити истьцю до конця того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемь ити до конця своду; а истьцю ждати прока; а кдѣ снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

---

[1] В *С* „начал", но в *МП* „почял", в *А* „почал".

[2] Только в *Т I* списке „плати" в других „платити".

[3] В *С* „выступять", но в *МП* „вылизу", испорченное от „вылѣзуть", в *А* — „вылѣзуть", следовательно, чтение *С* является новообразованием.

[4] В *С* и *НС* изводах „пхнеть", но в *МП* „попхнеть".

[5] В *МП* и *А* „идеть"; оставляю чтение *С* и *Т* изводов.

[6] В *С* заголовок „о челядѣх", но *Т* изв., *МП* и *А* согласно дают один заголовок „о челяди".

[7] В *С* „пояти", но *А* и *Т* изв. дают здесь чтение „поняти", в *МП*, испорченное „поимуть".

[8] Такое заглавие находим в *Т* изв. и *С*, но оно было и в протографе Пространной Правды, как доказывает *А*, в котором читаем заголовок „всяде на чюжь конь".

[9] В *Ч* изв. „то гривна".

[10] В *Ч* изв. „по".

[11] В *Т* изв. „а после", но чтение *С* „и послѣдь" находит себе поддержку в *МП* и *А* („последи").

[12] В *Т I* списке „что и", но в других списках „и" нет.

[13] В *Т* изв. „рци и", но в других списках „и" нет.

[14] В *С* и *НС* „кдѣ еси" но в *Т* изв., *МП* и *А* — согласно показано „кдѣ есть". Однако замечательно, что в *Ч* изв. также стоит „кдѣ еси".

[15] В Т изв. „а что погибло боудеть с нимь", но остальные списки дают чтение *С* показанное в тексте.

[16] В *Т* изв. и *А*. „а" нет, но „а" имеется в *С* и *МП*, в *Ч* изв. „то".

О ТАТЬБѢ

Паки ли будеть что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купилъ, то ити по немь тѣмъ видокомъ на роту,[1] а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаеть у кого купивъ; познаеть ли на долзѣ у кого то купилъ, то своѣ куны возметь,[2] и сему платити, что у него будеть погибло, а князю продажю.

АЖЕ ПОЗНАЕТЬ КТО ЧЕЛЯДЬ[3]

Аще *кто познаеть*[4] челядинъ свои украденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до[5] третьяго свода; пояти же *челядинъ в челядина мѣсто*,[6] а оному дати лице, ать[7] идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзѣ рчи: *„не вѣдѣ*[8] у кого есмь купилъ“, но по языку ити до концця;[9] а кдѣ будеть конечнии тать, то опять *воротить*[10] челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити, а князю продажѣ 12 гривенъ в челядинѣ или украдше или *уведше.*[11]

О СВОДѢ ЖЕ

А *изъ* своего[12] города в чюжю землю свода нѣтуть, но тако же вывести ему послухи, любо мытника, перед кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желѣти, что с нимь погибло, а оному своихъ кун желѣти.

О ТАТЬБѢ

Аже убиють кого у клѣти или у которoѣ татбы, то убиють во пса мѣсто; аже ли и додержать свѣта, то вести *и*[13] на княжь дворъ, оже ли убиють и, а уже будеть людие связана видѣли, то платити в томь 12 гривен.

Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣть, то же будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и[15] 30 кунъ; будеть ли их много, *то*[16] всѣмъ по 3 гривны и 30 кунъ платити.

---

1 В *С* „на търгоу на ротоу“, но в остальных списках слов „на търгоу“ нет.

2 В *Ч* изв. „то своя коуны взяти ему“.

3 Такой заголовок имеется в *Т* изв.; он был и в протографе *А* — „аще познаеть челядинъ“, но в *С* и *МП* здесь согласно показано „о челядинѣ“; принципиальной разницы между двумя видами этих заголовков, впрочем, нет.

4 В *Т* изв. „познаеть кто“, но в *С*, *МП* и *А* — согласно показано „кто познаеть“.

5 В *С* „и до“, но в других списках „и“ нет.

6 В *Т* изв. „челядина в челядинъ мѣсто“, но *С*, *МП* и *А* показывают согласно „челядинъ въ челядина мѣсто“.

7 В *Т* и *НС* изводах „ать“, в *С* „оть“; повидимому, „ать“ было и в протографе Правды, так как в *А* „атъ“ и в *Т IV* „ать“.

8 В *Т* изв. „не вѣдѣ“ нет, но оно есть в *С* и было в протографе Правды, так как в *МП* читаем „не видѣв“, а в *А* „не вѣдаю“. В *НС* изв. здесь стоит „у кого есть купилъ не вѣдаю“; в *Ч* изв. „не вѣжь“.

9 В *Ч* изв. „до концa свода“, но в древних списках слова „свода“ нет.

10 В *Т* изв. „воротять“, но в *С* „воротить“, чтение *С* доказывается другими списками: так в *А* „воротити“, — „вороти“.

11 В *Т* „или уведше“ нет, как и в *С*, но эти слова показаны в *МП* и *А*.

12 В *С* и *Т* изв. „и своего“, но в *МП* и *А* согласно „изъ“; смысл статьи от этого не меняется.

13 В *Т* изв. и *МП* „и“ нет, но оно есть в *С* и *А*, а также в *Ч* изв.; оно должно быть по смыслу.

14 В *С* „видѣли людие съвязана“; в *МП* „людье (*А.* — „люди“) видили связана“.

15 В *С* „и по“, но в остальных списках „по“ нет.

16 В *Т* изв. „то“ нет, но имеется в других списках.

О ТАТЬБѢ ЖЕ[1]

Аже крадеть скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60[2] кунъ, будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

Аже крадеть гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у него же погибло, то оже будеть лице, лице[3] поиметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ.

Паки ли лиця не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

А СЕ УРОЦИ СКОТУ[4]

Аже за кобылу *60*[5] кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, а за лоньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ,[6] за боранъ ногата; а за жеребець, аже не всѣдано на нь,[7] *то*[8] гривна кун, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногат; то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю.

АЖЕ БУДУТЬ ХОЛОПИ ТАТЬЕ, СУДЪ КНЯЖЬ.[9]

Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь,[10] их же князь продажею не[11] казнить; зане суть несвободни, то двоиче[12] платить ко истьцю за обиду.

АЖЕ КТО КУНЪ ВЗИЩЕТЬ[13]

Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он возметь своѣ куны, зане же не далъ ему[14] за много лѣт, то платити ему за обиду 3 гривны.

Аже кто купець купцю дасть *в куплю куны*[15] или в гостьбу, то купцю

---

[1] В издании С. В. Юшкова заголовок в *Т* изв. показан так: „татьбѣ, иже кто скота взищеть", но это недоразумение, так как слова „иже кто скота взищеть" приписаны позже; в остальных списках просто „о татьбѣ же" (*С*) или „о тадбѣ" (*МП*, *А*).

[2] В *А* „то 60", но в остальных списках „то" нет.

[3] В *С* „то лице", но в других списках „то" нет.

[4] В *МП* „а се урочи скоту", в *А* испорченное „а се урѣчи скотомъ", следовательно такой заголовок был и в протографе Правды.

[5] В *Т* изв. „7", в остальных „60", в том числе и в *Ч* изв.; ошибка в *Т* изв. произошла от неправильного чтения цифры 60, которая в XIII в. писалась крайне близко по начертанию к „7".

[6] Слов „а за свинью 5 кунъ, за порося ногата, а за овцю 5 кунъ", в *МП* и *А* нет, но, повидимому, они были в протографе Правды, так как появление их в *С* и *Т* изв. трудно объяснить позднейшей вставкой.

[7] В *Т* изв. и *С* — „аже (*С* — оже) не всѣ дано на нь", а в *МП* и *А* „оже будеть всѣдано на нь". Придерживаюсь текста *С* и *Т* изв., так как легче допустить пропуск частицы „не", чем ее вставку. Место одно из самых спорных в протографе Правды.

[8] В *Т* изв. „то" нет, но „то" имеется в других списках.

[9] Подобный же заголовок находим и в *С* и в *НС* изв., в *МП* проще: „о холопѣ"

[10] В *С* „черньчи", в *МП* „черньи", в *А* „чернечьскыи".

[11] В *Ч* изв. „не" нет; это не случайный пропуск, так „не" отсутствует во всех списках *Ч* изв., но в протографе Правды, как доказывают остальные списки, „не" было.

[12] В *С* — „двоице", в *МП* „двоицию", в А „двоици".

[13] В *С* и *Т* изв. имеются заголовки „*А* оже кто скота възищеть", но слово „скот" появилось позже; это доказывается заголовками *МП* („о кунах") и *А* („кунъ възыщеть"), а также тем, что в тексте далее говорится о кунах, с повторением заголовка (Аже кто взищеть кунъ) без упоминания термина „скотъ" в значении денег; в *Ч* изв. „о възисканни товара".

[14] В *Т* изв. „ему кунъ", но в *С*, *МП* и *А* слова „кунъ" нет.

[15] В *Т* изв. „куплю в куны", но в *С*, *НС* изв., *МП* и *А* „въ куплю куны"; в *Ч* изв. „куны в куплю", но это, повидимому, позднейшая поправка.

пред послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ, но ити ему самому ротѣ, аже ся почнеть[1] запирати.

О ПОКЛАЖАИ

Аще кто поклажаи[2] кладеть у кого любо, то ту послуха нѣсть; но оже начнеть большимь клепати, тому ити ротѣ, у кого то лежал товаръ: а толко еси у мене положилъ, занеже ему в бологодѣлъ и хоронилъ *товар его*.[3]

О РѢЗѢ[4]

Аже кто *куны даеть*[5] в рѣзъ или наставъ *на*[6] медъ или жито вопросопъ, то послухи ему ставити, како ся будеть рядилъ, тако же ему имати.

О МѢСЯЧНѢМЬ РѢЗѢ

А[7] месячныи рѣзъ, оже за мало, то имати ему: заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а мѣсячныи рѣзъ погренути;[8] послуховъ ли не будеть, а будеть кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ; будеть ли боле кунъ, то речи[9] ему тако: промиловался еси, оже еси не ставилъ послуховъ.

УСТАВЪ ВОЛОДИМѢРЬ ВСЕВОЛОДИЧА[10]

А се уставилъ[11] *Володимиръ*[12] Всеволодичь по Святополцѣ *съзвавъ*[13] дружину свою на Берестовѣмь:[14] Ратибора киевьского тысячьского,[15] Прокопью Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира,[16] Мирослава,[17] Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили[18] до третьяго рѣза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь

---

[1] В *А* „иметь", но в *МП* „начнеть" поэтому правильно принять чтение *С* и *Т* изв. „почнеть".

[2] В *Ч* „покладежь", но в Крестининском списке „поклажеи".

[3] В *Т* изв. „товар того", в *С* списке и *НС* изв. „товаръ его", в *МП* и *А* этих слов нет.

[4] В *МП* ошибочно „о разѣ".

[5] В *Т* изв. „даеть куны", в *МП* ошибочно „кто даеть". В *С* и *А* „куны даеть"; такое расположение слов находим в *Ч* изв., хотя в *НС* так же, как и в *Т* изв.

[6] В *Т* изв. и *НС* изв. „в медъ", в *А* просто „медъ" (без „в"); считаю более правильно чтение *С* „на".

[7] В *Т* изв. „О", но в остальных списках „А".

[8] В *С* „отърѣнути", но в *МП* „поринути" а в *А* „погренути", как в *Т* изв.

[9] В *С* „речи", в *Т* изв. и *МП* „речи" в А „реци".

[10] Такой заголовок находим в *Т* изв., *А*. В *МП* и *Ч* изв. „Уставъ Володимера князя". В *С* „А се устави Володимиръ" в *НС* изв. „А се уставил Володимеръ князь". Согласные показания *Т* изв. *МП* и *А* устанавливают правильное чтение.

[11] В *Т* изв. этих слов нет, но они имеются в *С, МП* и *А*.

[12] В *Т* изв. Володимѣръ, в *А* „Володимерь".

[13] В *Т* изв. „созва", но в *С* „съзвавъ", так было и в протографе, так как в *МП* и *А* также показано „созвавъ".

[14] Так в *Т* изв. *МП* и *А*; в *С* „на Берестовомъ".

[15] В *С* „тысячского кыевьского", но в *Т* изв., *МП* и *А* слово „киевского" поставлено первым.

[16] В *МП* „Нажира нет".

[17] В *МП* „Монислава".

[18] В *С* „и устави люди". В *Т* изв., *МП* и *А* слова „люди" нет; вероятно, это чтение произошло ошибочно из слова „уставили до".

два ρѣза, то то[1] ему взяти исто; паки ли возметь три ρѣзы, то иста ему не взяти.[2] Аже кто емлеть по 10 кунъ от лѣта на гривну, то того не отмѣтати.

АЖЕ КОТОРЫЙ КУПЕЦЬ ИСТОПИТЬСЯ[3]

Аже которыи купецъ *шедъ кдѣ любо*[4] с чужими кунами, истопиться,[5] любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть[6] от лѣта платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не[7] виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеться а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, *чье то куны*;[8] ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.[9]

О ДОЛЗѢ

Аже кто многимъ долженъ будеть, а пришед *гость*[10] изъ иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнеть не дати[11] гости кунъ, а первии должебити[12] начнуть ему запинати, не дадуче ему кунъ,[13] то[14] вести и[15] на торгъ, продати же[16] и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣм же ся подѣлять; паки ли[17] будуть княжи куны, то княжи куны первое[18] взяти, а прокъ в дѣлъ; аже кто много ρѣза ималъ, *то тому*[19] *не имати.*

АЖЕ ЗАКУПЪ БѢЖИТЬ[20]

Аже закупъ бѣжить от господы, то обель, идеть ли[21] искать кунъ, а явлено ходить, или ко князю, или къ судиям бѣжить обиды

---

[1] В *МП* вместо „то то" написано „тому", в *А* „того"; придерживаюсь чтения *Т* изв. и *С* („тъ то").

[2] В *Ч* и *НС* изв. здесь стоит заголовок „о ρѣзѣ", но это, повидимому, позднейшая поправка.

[3] В *МП* просто „о купце", но *С* и *А* показывают, что заголовок в протографе Пространной Правды был близок к заголовку в *Т* изв.

[4] В *Т* изв. „кдѣ любо шедъ", но в остальных, как показано, как в тексте.

[5] В *С* „и истопиться", в других списках „и" нет.

[6] В *С* „почнеть", но в других списках, как в *Т* изв.

[7] В *Ч* изв. „а сам не".

[8] В *Т* изв. „чии то товар", но в *С* „чье то куны", в *МП* и в *А* также находим слова „куны". Следует отметить, что слово „куны" больше соответствует смыслу статьи и ее началу, чем „товар".

[9] В *С* „а своя" в *А* вместо слов „а своя им воля" читаем „его" но в *МП*, *С* и *Т* изв., как в тексте.

[10] В *Т* изв. „господь", но в других списках согласно „гость"; вероятно „господь" появилось из слова „гость", написанного под титлом. В *Ч* изв. „приидеть гость".

[11] В *С* „не дати начнеть", но в других списках этого повторного „начнеть" нет.

[12] В *С* „дължьбити", что соответствует „должебити" в *Т* изв., *МП* и *А* „дольжницы". Слово „должницы" в значении кредитора встречается значительно чаще, чем „дължьбити", но разницы в значении слов нет; в протографе Правды, вероятно, стояло „дължбити", так в Смоленском договоре 1229 г. встречаем также это слово, а договор пользовался Русской Правдой.

[13] В *МП* и *А* „начнуть ему не дати запинаюче куны" (*А* — „запирающее кунъ").

[14] В *Ч* изв. „тогда".

[15] В *МП* и *НС* изв. „и" нет, в остальных списках есть.

[16] В *С* вместо „продати же", читаем „и продати", но в *МП*, как и в *Т* изв., „продати же"; так было и в его протографе, так как в *А* также стоит „продати же".

[17] В *С* „паки же ли", но в остальных списках „же" нет.

[18] В *С* и *НС* изв. „переже", но в остальных списках, как в *Т* изв.

[19] В *Т* изв. „не имати тому", но оста́льные списки придерживаются чтения *С* — „то тому не имати". В *Ч* изв. после „не имати" добавлено „кунъ".

[20] В *МП* заголовка нет, но он был в протографе Пространной Правды, в *А* читаем — „о закупѣ", в *С* — „аже закупъ бѣжить".

[21] В *С* „ли" нет, но в остальных имеется.

дѣля своего господина, то про то[1] не робять[2] его, но дати ему правду.[3]

О ЗАКУПѢ[4]

Аже[5] у господина ролеиныи[6] закупъ,[7] а погубить воискии[8] конь, то не платити ему, но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, от него же купу[9] емлеть, то то погубивше, *ему*[10] платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть[11] без него, то того ему не платити.

О ЗАКУПѢ[13]

Аже из хлѣва[14] выведуть, то закупу того не платити; но *оже*[15] погубить на поли и в дворъ не вженеть[16] и не затворить, кдѣ ему господинъ велить или орудья своя дѣя, а того погубить,[17] то то ему платити.

Аже господинъ переобидить закупа, а увидеть купу его или отарицю,[18] то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ;[19] паки ли приметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту[20] свобода во всѣхъ кунахъ, а господину

---

1 В *С* — „нъ про то", в *А*, как и в *Т*. изв., в *МП* — просто „про то".

2 В *С* „робять", но в *А* „работять", а в *МП* „роботить": но смысл статьи от этих разночтений не меняется.

3 В *Ч* изв. стоит позднейшее „исправу".

4 В *Т* изв. „о закупѣ же", но в других списках „же" нет.

5 Так в *Т* изв. и *МП*; в *А* — „А иже", в *С* — „оже".

6 В *МП* испорченное „родныи", в *А* „розныи"; повидимому, слово „ролеиныи" было уже испорчено в протографе *МП* и *А*.

7 В *С* вся первая фраза построена иначе: „Оже ролѣиныи закупъ у господина будеть"; но в *МП* и *А* расположение слов, как в *Т* изв.

8 „Воискии" было и в протографе Правды, как это доказывают не только чтения *Т* изв. и *С*, но и *МП* („воискои") и *А* („воиньскыи"), а также *Ч* изв. — („воискыи"). Особняком стоит чтение *К* изв. „своискы", являющееся новообразованием.

9 Придерживаюсь чтения *Т* изв. „купу", так как к нему находим аналогию в *Ч* изв. („копу") и в некоторых списках *НС* изв., но в *МП* и *А* „копу", повидимому, так было и в *С*, где читаем слово „кову", которое легче всего могло произойти от слова „копу", чтение „копу" легко могло произойти из „купу", если в тексте было написано „у" в виде одной буквы, а не „оу".

10 В *Т* изв. слова „ему" нет, но оно есть в *С*, *МП* и *А*.

11 В *Т* изв., как и в *А*, „погибнеть", в *С* „погынеть", в *МП* „погинеть".

12 В *Ч* изв. добавлено „своему господину".

13 В *Т* изв. заголовок „о закупѣ же", в других „же" нет.

14 В *С* и *Т* согласно „изъ хлѣва", в *МП* и *А* „ из забоя", *К* изв. объединяет оба чтения. Считаю более правильным придерживаться чтения „изъ хлѣва", так как протограф *МП* и *А* давал ряд произвольных чтений.

15 В *Т* „же", в остальных „оже", в том числе и списках *Т* изв.

16 В *МП* „не ввезеть", но в остальных „не вженеть".

17 В *Ч* изв. это место непонятно: „а онъ орудия своя, а то погубилъ": следовательно речь идет не о работе, а о орудиях работы — плуге и бороне.

18 В *С* читаем: „а увѣдить вражду его или отарицю", но в остальных списках слова „вражду" нет, вместо него стоит слово „купу" или „копу". Так, в *Т* изв. находим, „а увидить купу его или отарицю", в *МП* и *А* „а въведеть копу его или отарицю". В *НС* изв. „а увѣдить копу его и отарицю". Считаю чтение *МП* и *А* наиболее правильным, с той поправкой, что слово „въведеть" надо читать как уведеть" (новгородская мена *в* и *у*). Термин „вражду" в *С*, повидимому, также является попыткой осмысления текста. В *Ч* изв. „и увередить цѣну его или отарицю".

19 В *С* „7", *Т* изв., *МП* и *А* и даже в *НС* изв. „60", различие, несомненно, зависит от неправильного прочтения цифры. Легче предполагать пропуск значка, отличавшего в рукописях XIII века 60 (ѯ҃) от 7 (з҃), чем обратное. Кроме того, цифра в 60 кун ближе к остальным штрафам той же статьи.

20 В *С* „наимету", в *Ч* изв. „закупу".

платити за обиду[1] 12 гривенъ продажѣ: аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то без вины есть; биеть ли не смысля пьянъ, а без вины, то яко же въ[2] свободнѣмь платежь тако же и в закупѣ.

О ХОЛОПѢ[3]

Аже холоп обелныи[4] выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

О ЗАКУПѢ[5]

Аже закупъ выведеть[6] что, то господинъ в немь;[7] но оже кдѣ и[8] налѣзуть, то преди заплатить господин[9] его конь или что будеть ино[10] взялъ, а[11] ему холопъ обелныи; и паки[12] ли господинъ,[13] не хотѣти начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ,[14] а прокъ ему самому взяти собѣ.

А СЕ АЖЕ ХОЛОПЪ УДАРИТЬ[15]

Аже[16] холопъ ударить свободна мужа, а убѣжить[17] в хоромъ,[18] а господинъ его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривенъ.[19] А затѣмь аче и[20] кдѣ налѣзеть ударены тъ своего истьця, кто *же*[21] его ударилъ, то Яро-

---

[1] В *Т* изв. „за обиду платити", но порядок слов, показанный в тексте, согласно устанавливается как *С*, так и *МП*.

[2] В *С* „и въ", в других списках „и" нет.

[3] Заголовок „о холопѣ" имеется в *Т* изв. и *С*, но он был и в протографе Правды, так как в *А* имеется странный заголовок перед этой же статьей „о закупѣ же", хотя в статье нет ни слова о закупе. В *МП* заголовка нет.

[4] В *С* „обѣльныи", в *А* „обильныи", значит в протографе Правды здесь стояло ѣ, на месте которого явились *и*.

[5] В *МП* „о закупѣ", в *А* совершенно ошибочно „а се о холопѣ"; такой заголовок мог появиться по ошибке переписчика, так как далее помещен заголовок „иже холопъ ударить", который мог в протографе *А* читаться как „А се оже холопъ ударить".

[6] В *С* „О закупѣ оже увѣдеть", но *МП* и *А* сходны в данном случае с *Т* изв.; слова „о закупѣ" в *С*, кажутся, повторением заголовка статьи, тем более, что в *НС* изв. читаем так же, но вместо „выведеть" поставлено „увидеть".

[7] В *С* „въ томь", но это чтение опровергается остальными списками.

[8] В *МП* „и" нет, но это слово было в протографе, так как в *А* здесь стоит „иже и гдѣ налѣзуть". В *С* „но оже господинъ индѣ налѣзуть". Чтение „индѣ" произошло из „и гдѣ", вероятно вызвав поправку путем дополнения словом „господинъ"; действительно, в *НС* изв. читаем „и гдѣ налѣзуть".

[9] В *С* „то заплатить переднии господин", но *МП* и *А* согласны с *Т* изв.

[10] В *МП* и *А* „ино" нет.

[11] В *Т* изв. и *С* „а" нет.

[12] В *Т* изв. „и паки", в остальных „и" нет.

[13] В *Ч* изв. добавлено „его".

[14] В *А* „чюжего" нет, в остальных есть, в *Ч* изв. слова „что будеть чюжего взял" пропущены.

[15] Такое заглавие, как в *Т* изв. и в *С*. повидимому, было во всех списках, так как в *А* читаем „иже холопъ ударить", в *МП* обобщенное заглавие „о холопѣ".

[16] В *Т* изв. „А се аже"; в других просто „аже".

[17] В *МП* и *А* „вбѣжить", но в новгородском говоре *у* и *в* менялись.

[18] В *МП* „в хоромъ", в *А* „в храмъ", любопытное новообразование, источником которого мог быть Закон Судный людем, соединенный с *А* списком Правды, где говорится о „прибегающих к церкви", как к убежищу. В *Ч* изв. здесь испорченное „а убежить храмъ".

[19] В *А* „2 гривны".

[20] В *С* „и" нет.

[21] В *С* и *А* „кто же", в *Т* изв. и *МП* „же" нет, но показания *МП* в данном случае менее важны, так как писец *МП* пропускал союзы.

славъ былъ уставилъ убити и,[1] но сынове его по отци уставиша[2] на куны; любо бити и розвязаше, любо ли взяти[3] гривна кунъ за соромъ.

О ПОСЛУШЬСТВѢ

На послушьство[4] на холопа не складають;[5] но оже не будеть свободнаго, *то*[6] по нужи сложити[7] на боярьска тивуна,[8] а на инѣхъ не складывати.[9] А в малѣ тяжѣ по нужи *сложити*[10] на закупа.

О БОРОДѢ[11]

А кто порветь бороду, а *выиметь*[12] знамение, а вылѣзуть[13] людие,[14] то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ.[15]

О ЗУБѢ[16]

Аже выбьють зубъ, а кровь видять[17] у него во ртѣ[18], а людье вылѣзуть, то 12 гривенъ продажѣ[20], а за зубъ гривна.

---

[1] В *С* „и убити", но *А* показывает порядок *Т* изв.; в *МП* „и" нет.

[2] В *С* „уставиша по отци", но остальные списки придерживаются порядка *Т* изв.

[3] В *Ч* изв. здесь изложено так: „любо ли бити и развязавше, любо ли вязати",

[4] В *Т* изв. „А послушьства", другие списки согласно показывают „на послоушьство". Любопытно отметить, что то же чтение находим в сводной статье о послухах, помещаемой в Кормчих *Ч* изв.

[5] В *МП* „не кладывають", в общем протографе *МП* и *А* было что-то близкое к этому чтению, как доказывает вариант *А* „не выкладывають", но в *С* „не складають".

[6] Чтение *Т* изв. „но" опровергается всеми другими списками.

[7] В *С* „ти сложити", но это чтение стоит особняком.

[8] В *МП* и *А* „на боярьска тиуна на дворьскаго", но слов „на дворьскаго" в *Т* изв. и *С* нет; считаю их позднейшим добавлением, имевшимся уже в протографе *МП* и *А*. Термин „дворский" появляется относительно поздно, кажется не ранее начала XIII века.

[9] После слова „складывати" в *С* и *НС* изв. стоит заголовок „о бородѣ". По смыслу он стоит явно не на месте и, повидимому, первоначально стоял на полях. В *Т I* списке этот заголовок действительно вынесен на поля, но несколько выше следующей за ним статьи о бороде, хотя в других списках того же извода внесен здесь в текст; в *Ч* изв. он поставлен, как в *С*, не на месте. В *МП* и *А* этого заголовка вообще нет. Повидимому, он был вставлен позже и в протографе в этом месте отсутствовал.

[10] В *Т* изв. „възложити", в других „сложити".

[11] См. примечание 6 к предыдущей статье.

[12] В *Т* изв. „въньметь", в других „выиметь", в *Ч* изв. „а в нем".

[13] В *Т* изв. и *С* „вылѣзуть;" так было и в протографе Правды, так как в *МП* „а вылизуть"; в *А* „будуть".

[14] В *МП* „послуси", но в остальных „людие" (или „люди"), далее в тексте Правды опять повторено слово „люди".

[15] В *А* нет слов „аже безъ людии, а в поклепѣ, то нѣту продажѣ", но они есть в *МП*, они были в протографе *МП* и *А*, как показывает *СМ* V список 1493 года.

[16] Заглавия „о зубѣ" в *А* нет, но оно есть в других списках.

[17] В *С* „увидять", в других, как в тексте

[18] Так в *Т* изв. и *С*, но в *МП* „во рти у него", в *А* „у во ртѣ у него"; слово „у", сохранившееся в *А* показывает, что порядок слов в *Т* изв. и *С* надо признать первоначальным.

[19] В *А* „выидуть", но в остальных „вылѣзуть", как в тексте.

[20] В *Ч* изв. пропуск слова „аже без людии... то 12 гривенъ продажи" объясняется повторением фразы „то 12 гривенъ продажѣ".

О БОБРѢ

Аже[1] украдеть кто[2] бобръ,[3] то 12 гривенъ; аже будеть росѣчена земля или[4] знамение, им же ловлено или сѣть, то по верви искати *въ собѣ*[5] татя, *любо*[6] платити продажю.

АЖЕ КТО БОРТЬ РАЗНАМЕНАЕТЬ[7]

Аже разнаменаеть[8] борть, то 12 гривенъ. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь перегородить межю,[9] то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ подотнеть[10] знаменьныи или межьныи, то 12 гривенъ продажѣ.

А СЕ НАКЛАДИ[11]

А се наклады 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомь на дву коню, сути[12] же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ, любо полоть, а[13] инѣмь кормомь, что има черево[14] возметь, писцю 10 кунъ; перекладнаго 5 кунъ, *а за*[15] мѣхъ двѣ ногатѣ.

А СЕ О БОРТИ[16]

Аже борть подътнеть[17], то 3 гривны продажѣ, а за дерево пол гривны. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ[18] аже будеть пчелы не лажены[19], то 10 кунъ; будеть ли олѣкъ[20], то[21] 5 кунъ. Не будеть ли татя, то по слѣду женуть.[22] Аже не будеть слѣда, ли к селу или к товару[23], а не отсочать от себѣ слѣда, ни ѣдуть[24] на слѣдъ, или

---

[1] В *Т* изв., *МП* и *А*, *Ч* изв. и *НС* изв. заголовка нет, в *С* написано „о бърти" в связи с тем, что далее вместо слово „бобръ" также стоит „борть"; заглавие „о бобрѣ" есть лишь в поздних в *К* и *Т IV*, повидимому, заглавие отсутствовало в протографе Правды.

[2] В *Т* изв. и *С* „украдеть кто", но в *МП* и *А*, как в тексте, смысловой разницы от перестановки слов нет.

[3] В *С* „борть", но это опровергается остальными списками, в том числе и *НС* изв. и дальнейшим текстом статьи, где речь идет о сетях.

[4] В *К* „или на земли", но этих слов в других списках нет.

[5] В *Т* изв. слов „въ собѣ" нет, но они имеются в других списках.

[6] В *Т* изв. „ли", в других „любо".

[7] Такой заголовок в *Т* изв., в *С* заголовка нет, но в *НС* изв. „а се оже кто борть разнаменаеть". В *МП* просто „о борти", но в *А* заголовок отдаленно сходен с *Т* изв. „борть разломить".

[8] В *МП* „знаменуеть", но это чтение опровергается другими списками.

[9] В *С* „межю" нет, но в *МП* так же, как в *Т* изв.

[10] Так в *Т* изв. и *А*, в *С* „перетнеть", но в *МП* и *НС* изводах „потнеть", что подтверждает чтение, приведенное в тексте, в *Ч* изв. „посѣчеть".

[11] В *МП* заголовка нет, но в других есть.

[12] В *МП* ошибочно „судити".

[13] В *МП* „а" нет.

[14] В *МП* „имать чрево", явно ошибочное чтение.

[15] Так в *С* и *А*, в *МП* просто „за" в *Т* изв. „на".

[16] Так в *Т* изв., *С*, *А*, в *МП* „о борти".

[17] В *МП*, *А* и *НС* изв. „потнеть", в *Ч* изв. „посѣчеть".

[18] В *МП* слов „Аже пчелы выдереть ... а за мед" нет.

[19] В *Ч* изв. „а за медъ, аже будеть налаженыи".

[20] В *А* „гнѣздо олекотъ", вероятно в протографе *А* читалось „гнездо олеко" (т. е. олекъ) тъ".

[21] В *МП* „то" нет.

[22] В *Ч* изв. добавлено „аже будеть слѣдъ".

[23] В *МП* ошибочно „к вару".

[24] В *С*, как в *Т. I*, „едуть", в *МП* и *А* „идуть".

отбьються, то тѣмь платити татбу и продажю; а слѣдъ гнати с чюжими людми, а с послухи. Аже погубять слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ, а села[1] не будеть, или на пустѣ,[2] кдѣ же не будеть ни села ни людии, то не платити ни продажи ни татбы.[3]

О СМЕРДѢ

Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ. Аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.[4] Аже лодью украдеть, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемь воротити; а *за*[5] морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную[6] лодью 2 гривны, *а*[7] за челн *8* кунъ,[8] а за стругъ гривна.

О ПЕРЕВѢСѢХЪ

Аже кто подотнеть[9] вервь в перевѣсѣ,[10] то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.[11] Аже кто украдеть въ чьемь перевѣсѣ[12] ястрябъ или соколъ, то продажѣ 3 гривны,[13] а господину гривна. А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ,[14] а за утовь 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ[15], а за жеравль 30 кунъ[16]. А в сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будеть возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 нагатѣ.

О ГУМНѢ

Аже *зажьжеть*[17] гумно, то на потокъ, на грабежь[18] домъ его, переди[19] пагубу исплатившю,[20] а в процѣ князю поточити и; тако же, аже[21] кто

---

[1] В *МП* „жела" явная ошибка.

[2] Так, в *Т* изв. в *С*, в *А* „на пути", в *МП* „на пущи", повидимому, слово „на пустѣ" было уже дефектным в протографе *МП* и *А*.

[3] В *МП* „тадбы ни продажи".

[4] В *Т* изв. слова „кунъ" нет, но в других списках оно имеется.

[5] В *Т* изв. „за" нет, но это слово имеется в *С*; оно было и в протографе Правды, так как отсюда происходит испорченное чтение в *МП* „зорьскую" и в *А* „за заморьскую".

[6] В *МП* и *А* испорченное „боиную", в *Ч* слова „а за набоиную лодью 2 гривны" пропущены.

[7] В *Т* изв. „а" нет.

[8] В *Т* изв., как и в *Ч* изв., — „20", но в *С* и *А* „8 кунъ", в *МП* „8 ногатъ"; эти чтения показывают, что в протографе Правды была цифра 8, близкая по очертанию к 20.

[9] В *С* „перетнеть", в *НС* изв. „потнеть", в *МП* и *А* „посѣчеть", оставляем текст *Т* изв.

[10] В *МП* „верею перевѣсную", в *А* „верею въ перевѣсѣ", следовательно слово „верея" стояло в протографе *МП* и *А*, но что стояло в тексте протографа Правды неясно, так как далее *МП* и *А* опять употребляют в тексте термины „верея". В *Ч* изв. „вервь перевѣсну".

[11] В *Т* изв. и *С* добавлено „кунъ", в *МП*, *А* и *Ч* изв. слова „кунъ" нет.

[12] В „чьем перевѣсѣ" нет в *МП* и *А*, но вместо этого в них стоит „чии песъ" слова, отсутствующие в *С* и *Т* изв. Полагаю, что чтение *Т* изв., более правильно и что в протографе *МП* и *А* здесь было испорченное место, поэтому слова „чьемь перевѣсѣ (вероятно, слово „перевѣсѣ было написано через выносное *с*) было исправлено на слова „чии песъ", так как слово „песъ" не имеет никакого отношения к дальнейшему тексту статьи.

[13] *С* „то продаже 3 гривны продаже" в *А* и *МП* „3 гривны продажи".

[14] „А за куря 9 кунъ" в *А* нет.

[15] „А за лебедь 30 кунъ" в *А* нет.

[16] „А за жеравль 30 кунъ" — нет в *МП* и *А*.

[17] В *Т* изв. „зажгуть", но в остальных списках, как в тексте.

[18] Только в *С* „разграбежь".

[19] Так в *Т* изв. и *С* в *МП* „переже", в *А* — „преже"; смысловой разницы между этими чтениями нет.

[20] Только в *С* „переди пагубу исплатить".

[21] В *МП* и *А* „аже" нет.

дворъ зажьжеть. А кто пакощами конь порѣжеть[1] или скотину, *то* продажѣ[2] 12 гривенъ, а за[3] пагубу господину урокъ платити. Ты тяжѣ[4] всѣ судять послухи свободными. Будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець, или иметь и, а река тако;[5] „по сего речи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ", и емети[6] и на желѣзо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, *а*[7] платити ему гривна за муку, зане по холопьи рѣчи[8] ялъ и. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтьскому.[9] То ти желѣзныи урокъ, кто си в чемь емлеть. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, любо ли запа на нь будеть,[10] любо прохожение нощное, или кимь любо образомь, аже не ожьжеться, то про муки не платити ему, но одино желѣзное, кто и[11] будеть ялъ.

О ЖЕНѢ

Аже кто убиеть жену то тѣм же судомь судити, яко же и мужа; аже будеть виноватъ,[12] то пол виры 20 гривен. А в холопѣ и в робѣ виры нѣтуть;[13] но оже будеть без вины убиенъ, то за холопъ урокъ[14] платити[15] или за робу, а князю 12 гривен продажѣ.

АЖЕ УМРЕТЬ СМЕРДЪ[16]

Аже смердъ умреть,[17] то *задницю* князю. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемь, то не даяти части им.

О ЗАДНИЦѢ БОЯРЬСТѢИ И О ДРУЖЬНѢИ[18]

Аже в боярехъ любо въ дружинѣ,[19] то за князя задниця не идеть, но оже не будеть сыновъ, а[20] дчери возмуть. Аже кто умирая раздѣлить

---

[1] В *МП* „зарѣжеть"; в *С* „порежеть конь".
[2] В *Т* изв. „то" нет; вместо слов „то продажѣ" в *МП* „за то".
[3] В *Т* изв. „за" нет.
[4] В *МП* и *А* „А ты („А тыи") тяжи".
[5] Повидимому, в протографе *МП* и *А* это место было испорчено, в *МП* „или иметь и, а ркя тако", в *А* „или имать нарекати тако".
[6] В *МП* и *А* „емлеть".
[7] В *Т* „а" нет.
[8] В *А* „холопьею рѣчью".
[9] В *МП* „дѣчому", в *А* „дѣцьского", в *Ч* изв. „дѣчьскому".
[10] В *МП* „запона в немь будеть", в *А* „запна не будеть"; повидимому, в протографе *МП* и *А* это место было испорчено.
[11] В *С* и *МП* „и" нет, но здесь легко предположить пропуск.
[12] В *МП* и *А* „виновата", но, это, повидимому, позднейшее образование; таким образом, получается большая принципиальная разница, которую разрешаю в пользу чтения *С* и *Т* изв.
[13] В *МП* „нѣтуть виры", но в остальных списках слова поставлены, как в тексте.
[14] В *Т* изв. первоначально было „укоръ", но позже исправлено на „урокъ", в остальных, как в тексте, за исключением *НС* списка и некоторых других того же извода, где также „укоръ".
[15] В *С* „заплатити".
[16] Заголовок во всех основных списках различный: в *С* и *Ч* изв. „задници", в *МП* „о смердах", в *А* заголовка нет. Заголовок *К* „о смердьей задници", несомненно, соединение двух заголовков типа *С* и *МП*.
[17] В *МП* после слова „умреть" добавлено „безажю", в *А* „без дѣтии", но далее говориться о детях; поэтому оставляю текст *Т* изв. без добавлений.
[18] В *С* „дружиннѣи", в *МП* кратко „о беззадници", но в протографе *МП* и *А* было иное, так как в *А* „о задници боярьстии и людьстии". В *Ч* изв. „о задницѣ боярьстѣи".
[19] В *МП* и *А* „Аще в боярьстѣи дружини", но слова о боярьской дружине, кажутся новообразованием новгородского происхождения.
[20] В *МП* „ино".

домъ свои дѣтемъ на том же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати[1] души. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати;[2] а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа; а задниця еи мужня не надобѣ. Будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матери своея; любо си на жену будеть възложилъ, обаче матери своеи возмуть.[3] Аже будеть сестра в дому, то тои задницѣ не имати;[4] но отдадять ю за мужь братия, како си могуть.[5]

А СЕ ЗАКЛАДАЮЧЕ ГОРОД[6]

А се уроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю; 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, имати же ему, донелѣ[7] городъ срубять; а солоду одину дадять[8] 10 луконъ.

А СЕ УРОЦИ МОСТЬНИКУ[9]

А се мостнику уроци:[10] помостивше мостъ, взяти *от дѣла*[11] от 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то колико *городень*[12] починить, то взяти ему по кунѣ от городнѣ; а мостнику *самому другу*[13] ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю;[14] а ѣсть, что можеть.

О ЗАДНИЦѢ[15]

Аже будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати,[16] но свобода имъ *с матерью*.[17] Аже будуть в дому дѣти мали а не джи ся[18] будуть сами собою печаловати, а мати имъ[19] поидеть за мужь, то кто[20] им *ближе*[21] будеть, тому же дати на руцѣ и с добыткомь и с домомь, донелѣ же возмогуть; а товаръ дати передъ людми. А что

---

1 В *А* „дати" нет.

2 В *МП* и *А* „то дати на ню часть"; только в *С* „то у своих дѣтеи взяти часть". В *НС* изв. здесь написано „то дати ю часть".

3 В *МП* все это место (слова „Аже жена сядеть... возмуть") испорчено.

4 В *С* „не надобѣ", но в других „не имати".

5 Только в *МП* „замужь по силѣ братья".

6 В *МП* заголовок „уроци городнии", в *А* „а се уроци городнии". В *Ч* изв. „о уроцѣм, что кому", с пропуском далее заголовка „а се уроци мостьнику".

7 В *МП* „доколѣ", в *А* „донелѣ же".

8 В *С* „дадять ему одину", в *МП* „одиною", в *А* „единою".

9 Заглавие взято из *С*, к нему близко в *А* „уроци мостнии „и испорченное в *МП* „а мостнии улици", в *Т* изв. „о мостницѣхъ".

10 В *МП* „а се мостнику уроци" нет.

11 „От дѣла" нет в *Т* изв. и *С* взято из *А*, в *МП* испорченно „отдѣлив", но существование слов „от дѣла" в протографе Пространной Правды доказывается тем, что те же слова имеются в источнике этой статьи, помещенном в Краткой Правде.

12 Так, в *С* и *МП*, в *Т* изв. „городнѣ", в *А* „городниць" в *НС* изв. „городня".

13 В *Т* изв. и *С* „другу" нет, взято из *А*, в *МП* „саму другу".

14 В *МП* и *А* „а овса 4 лукна", но смысл от этой перестановки не меняется.

15 Так, в *Т* изв., в *С* „о задницѣ" и добавлено позже „о холопьихъ дѣтей", в *МП*— „о бѣзадницѣ", в *А* „а се о безадници", но в тексте нет речи о выморочном наследстве. В *Ч* изв. „о задницѣхъ".

16 В *МП* и *А* „не имати им".

17 Так во всех списках, но в *Т* изв. первоначально было „смертью", в части списков *Ч* изв. так же „смертью".

18 В *МП* „а не почнуть", но в *А* „а не дужи ся"; следовательно, в протографе *МП* и *А* было так же, как в *Т* изв.

19 Только в *МП* „их".

20 В *С* „то токмо", в А тоже „токмо".

21 В *Т* изв. „ближии", но в *МП* „ближе", в *А* „ближнии".

срѣзить товаромь тѣмь ли[1] пригостить, то то ему собѣ,[2] а истыи товаръ воротить имъ[3] а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъ ся;[4] яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли будеть ростерялъ, то то все ему[5] платити дѣтемъ тѣм. Аче же и отчим[6] прииметь дѣти съ задницею[7], то тако же есть рядъ. А дворъ без дѣла отень *всяко*[8] меншему сынови.

О ЖЕНѢ АЖЕ ВОРЧЕТЬСЯ СѢДѢТИ[9]

Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи,[10] а ростеряеть добытокъ и поидеть за мужь, то платити еи[11] все дѣтем. Не хотѣти ли начнуть дѣти еи ни на дворѣ, а она начнеть всяко хотѣти и[12] сѣдѣти, то творити *еи* всяко волю,[13] а дѣтем не дати воли; но что еи далъ мужъ, с тѣм же *еи* сѣдѣти,[14] или, свою часть вземши, сѣдѣти же. А матерня часть не надобѣ дѣтемъ,[15] но кому мати дасть,[16] тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси роздѣлять; безъ языка ли умреть, то у кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти. Аже будуть двою мужю дѣти, а одинoѣ матери, то онѣмъ своего отца задниця, а онѣмъ своего. Будеть ли потерялъ своего иночима,[17] что, а онѣхъ отця, а умреть, то възворотить брату, на не же и людье вылѣзуть, что будеть отець его истерялъ иночимля; а что ему своего отця, то держить. А матери *которыи будеть ей сын добръ,*[18] первого ли *мужа,*[19] другаго ли, тому же дасть свое; аче вси сынове ей будуть лиси,[20] а дчери можеть дати, кто ю кормить.

СЕ УРОЦИ СУДЕБНИИ[21]

А се уроци судебнии: от виры 9 кунъ, а *мятельнику*[22] 9 вѣкошь, а от бортноѣ земли 30 кунъ, а от[23] инѣх о всѣх тяжь, кому помогуть, то 4 куны, а мятельнику 6 вѣкошь.

---

[1] В *МП* „ли“ нет, в *А* „или“.
[2] В *МП* „тому собѣ“.
[3] В *А* пропущены слова „то то ему собѣ, а истыи товаръ воротить имъ“.
[4] В *Т* изв. и в *Ч* изв. добавлено „ими“, но в других списках этого нет.
[5] В *МП* и *С* „ему все“, но смысл текста от такой перестановки не меняется.
[6] Только в *МП* „А чюжеи отчим“, но это явная описка и осмысление слов „Аче же и отчим“.
[7] В *МП* „с задницею дѣти“, в *А* „с задницею дѣтеи“.
[8] Так в *С* и *А* в *Т* изв. „всякъ“, в *МП* „всякому“.
[9] В *МП* „о женѣ“, но в других одинаково показан заголовок, приведенный в тексте.
[10] В *МП* „по мужи сѣдити“, в остальных расположение статей, как в тексте.
[11] В *А* ошибочно „ему“.
[12] В *МП* „и“ нет, но в остальных имеется.
[13] Так в *С*, в *МП* очень близко к этому „то творити еи всяка волю“, в *Т* изв. слово „еи“ пропущено, в *А* — испорчено — „то сътворити всяко еи“.
[14] В *Т* изв. „е сѣдѣти“.
[15] В *МП* и *А* — обратное расположение слов „дѣтем не надобѣ“.
[16] В *А* „кому сию хощеть дати, тому дасть“, это чтение, как и *К*, „но кому мати въсхощеть, тому дасть“ явно позднее.
[17] В *А* „и отчима.“
[18] В *С* и *Т* „который сын добр“, см. также *МП* и *А*.
[19] Так, в *МП*, в *А* и в *Ч* изв., в *Т* изв. „мужа“ нет, но это место, повидимому, было испорчено в протографе. *Т* изв. и *С*, *Т* изв., так как в *С* — вовсе нет слов „перваго ли мужа другаго ли“.
[20] В *С* „аче все будуть еи сынови лиси“, в *А* „аще ли и вси сынове еи будуть“ (без слова „лиси“), в *МП* „ачи еи вси сынови будуть лиси; в *НС* изв. „лихы“.
[21] Такой же заголовок в *С* и *А*; в *МП* находим здесь „уроци суднии“, что повторено в *МП* и ниже. Но текст *МП* в этом месте явно испорчен, в *Ч* изв. „о судебьных уроцѣхъ“.
[22] В *Т* изв., *Ч* и *НС* изв. „метелнику“, в *А* „метелнику“, в *МП* текст в этом месте испорчен, только в *С* „мятелнику“ (через „юс малый“); как указал А. И. Соболевский, слово „мятельник“ производится от слова мятль — одежда.
[23] Так, в *А*, в *Т* изв. „о“, в *С* „о нѣх“.

О ЗАДНИЦѢ

Аже братья ростяжаються перед князем о задницю, который дѣтьскии[1] идѣть их дѣлить, то тому взяти гривна кунъ.

А СЕ УРОЦИ РОТНИИ[2]

А се уроци ротнии: от головы 30 кунъ, а от бортноѣ земли 30 кунъ, бес трии кунъ, тако же и от ролеиноѣ земли; а от свободы 9 кунъ.

О ХОЛОПЬСТВѢ[3]

Холопьство обелное трое. *Оже кто купить хотя и до полу гривны,*[4] а послухи[5] поставить, а ногату дасть передъ самѣмъ холопомь, *а послухы поставить, а не без него*[6].

А второе[7] холопьство, — поиметь робу без ряду; поиметь ли[8] с рядомь, то како ся будеть рядилъ, на том же стоить. А се третьее холопьство — тивуньство без ряду или привяжеть ключь к собѣ без ряду[9]; с рядомь ли[10] то како ся будеть рядилъ[11], на том же стоить[12]. А в дачѣ[13] не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять ни по[14] придатьцѣ; но оже не доходять года[15], то ворочати ему милость[16]; отходить ли, то не виноватъ есть. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть *и*[17] господинъ, аже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже есть холопъ а[18] дасть ему хлѣба или укажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.[19] Аже кто переиметь чюжь холопъ и дасть вѣсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не ублюдеть ли,[20] то платити ему 4 гривны, а пятая[21] переемная ему[22]; а[23] будеть роба, то 5 гри-

---

[1] В *МП* испорченное „дитиискыи“, повидимому, это место было испорчено в протографе *МП* и *А*, так в *А* стоит „дѣлець“.

[2] Так, в *С* и *А*, *Т* изв. „А се“ нет. В *МП* начало этой статьи испорчено, как и предыдущая статья в *А*, повидимому, это место было испорчено и в протографе *МП* и *А*.

[3] Такой заголовок в *С*, *МП* и *Т* изв. в *А* добавлено „а се“.

[4] В *Т* — „оже кто хотя купить до полу гривны“, в *С* „оже купить хотя и до полу гривны, в *МП* и в *А* „оже кто купи (в *А* — купить) хотя до полугривны“; таким образом, чтение *С*, *МП* и *А* ближе к первоначальному тексту.

[5] В *МП* „послухъ“.

[6] Эти слова взяты из *А* и *МП*, в *С* и *Т* *Ч* и *НС* изводах их нет, но они являются естественным добавлением к словам „перед самѣмъ холопомъ“.

[7] В *Ч* изв. „другое“.

[8] Только в *МП* „ся“

[9] В *А* „или привяжеть ключь к собѣ без ряду“ нет.

[10] Так в *Т* изв. и *А*, в *С* „или с рядомъ“.

[11] В *А* „срядилъ“.

[12] В *МП* „а се третьее... на том же стоить“ нет.

[13] Также в *А* и *С* („даче“); в *Ч* и *НС* изв., в *Т* изв. написано „а в дачь“, но первоначально было вместо ь—ѣ („а в дачѣ), в *МП* — „въда цѣну“, но это явная ошибка, такое чтение произошло из слов „а в дацѣ не“ (новгородская мена *ц* на *ч*).

[14] В *МП* „по“ нет.

[15] В *МП* и *А* „ходить года“, но далее „отходит“, в *Ч* изв. испорченное „не хотять тогда“.

[16] В протографе *МП* и *А* это место было, повидимому, испорчено, в *А* пропущено слово „ему“, в *МП* непонятное „емлеть“, образовавшееся вероятно из неразобранного „ему милость;“ слово „милость“ и должно быть по смыслу.

[17] В *Т* изв. и *С* слова „и“ нет, добавлено из *МП* и *А*.

[18] В *МП* есть „холопа“ нет, поэтому прямо читается „оже дасть“.

[19] В *МП* добавлено „кунъ“.

[20] В *А* добавлено „его“.

[21] В *А* „а холопия пятая“.

[22] В *А* „емоу переемная“.

[23] Так в *МП*, в *С* „оже“, в *А* „а за“.

вень, а шестая на переемъ отходить.[1] Аже кто своего холопа самъ досочиться[2] в чьем любо городѣ, а будеть посадникъ нё вѣдалъ его, то[3] повѣдавше ему, пояти же ему отрок у[4] него и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кунъ[5], а переима нѣтуть. Аче упустить и гоня,[6] а[7] собѣ ему пагуба,[8] а *не*[9] платить в то никто же, тѣм же и переима нѣтуть. Аже кто, не вѣдая чюжь холопъ, усрячеть или *повѣсти*[10] дѣеть, любо держить и[11] у собе, а[12] идеть[13] от него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ,[14] а платежа[15] в томь нѣтуть.[16] Аче же[17] кдѣ холопъ куны *вылжеть*,[18] а онъ будеть не вѣдая вдалъ,[19] то господину[20] выкупати али[21] лишитися его,[22] вѣдая ли будеть далъ,[23] а кунъ ему лишитися.[24] Аже *кто*[25] пустить холопъ в торгъ „а одолжаеть,[26] то выкупати[27] его[28] господину и[29] не лишитись *его*.[30] Аже кто кренеть[31] чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поняти,[32] а оному куны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь[33] купилъ; *вѣдая ли будеть купил то кунъ ему лишену*[34] *быти. Аже холопъ бѣгая добудеть*[35] *товара, то господину долгъ,*[36] господину же и товаръ

---

[1] Так в *Т* изв. и *С*, так было и в протографе Русской Правды, так как в *МП* читаем „переемная ему отходить“, откуда в *А* просто „переемная ему“.

[2] Так, в *Т* изв. и *С*, в *МП* и *А* „кто самъ своего холопа досоцится“.

[3] В *МП* „то“ нет.

[4] В *Т* изв. „от“, в *С* „пояти у него отрокъ“, в *МП* „поняти иже у него отрокъ“, причем чтение „поняти иже“, повидимому, испорченное „поняти (пояти) же“, в *А* „взяти же у него отрокъ“.

[5] В *Т* изв. „10 кунъ, в *С* „10 кунъ“; в *МП* и *А* „гривну“, но это место было испорчено уже в протографе *МП* и *А*, как видно из пропуска дальнейшего текста.

[6] В *С* „и гоня“ нет, в *Ч* изв. „оже ли устрѣлить и гоня“.

[7] В *С* „а“ нет.

[8] В *МП* нет слов „Аче упустить и гоня, а собѣ ему пагуба“, в *А* нет слов „а переима нѣтуть“. Аче опустить и гоня“. Повидимому, какой-то пропуск был уже в протографе МП и А.

[9] В *Т* изв. „не“ отсутствует, но это ошибка, так как в других списках в том числе и в *Ч* изв. есть.

[10] Так в *МП* и *А* в *Т* — „повесть“, но в остальных списках *Т* изв. и в *С* — „вѣсти“.

[11] Только в *Т* есть „и“.

[12] В *С* „а“ нет.

[13] В *А* „от[ъ] идеть“.

[14] В *Ч* изв. добавлено „а бѣгаеть“.

[15] В *МП* „платьже“.

[16] В *А* „нѣсть“.

[17] В *МП* „Аже“.

[18] В *Т* изв. и *С* „вложить“ (как и в НС изв.), но в МП и *А*“ Аже гдѣ холопъ куны вылжеть“, этот текст и представляется правильным, так как далее речь идет об ответственности господина.

[19] В *МП* „далъ“, но *А* испорчено, вместо слов „будеть далъ, написано „будеть не вѣдаалъ“, повидимому, надо читатъ „не вѣдаа въдалъ“.

[20] Так и в других древних списках.

[21] В *А* „аж“.

[22] В *А* „его“ нет.

[23] В *МП* здесь пропущены слова „то господину выкупати, али лишитися его; вѣдая ли будеть далъ“.

[24] В *МП* „а куны ему лиху быти“, в *А* „то кунъ лишену ему быти“.

[25] В *Т* изв. „кто“ нет.

[26] В *МП* ошибочно „одожаеть“.

[27] В *МП* „воскупати“.

[28] В *МП* „его“ нет.

[29] В *С* „а“.

[30] В *МП* „а лишитися его нѣлзи“, в *Т* „е“ вместо „его“

[31] В *МП* и *А* „купить“, но смысл статьи от этого не меняется.

[32] В *С* „пояти“, в других „поняти“.

[33] В *МП* списка „есми“.

[34] Так в *А*, в *МП* „лиху“.

[35] В *МП* „будеть добудеть“.

[36] В *Т* и *С*, *НС* и *Ч* изводах здесь большой пропуск, нет слов „вѣдая ли будеть купилъ, то кунъ ему лишену быти. Аже холопъ бѣгая добудеть товара, то господину и долгъ“.

а не лишитися его. Аже кто бѣжа, а[1] поиметь[2] сусѣдне что или товаръ, то господину платити за нь урокъ,[3] что будеть взялъ.[4] Аже холопъ крадеть кого любо, то господину выкупати и,[5] любо выдати и,[6] с кимь будеть кралъ, а женѣ и дѣтем не надобѣ;[7] но оже будуть с нимь крали и хоронили,[8] то всѣхъ выдати; паки ли а[9] выкупаеть господинъ; аже будуть свободнии с ним крали или хоронили, то князю въ продажѣ.

---

[1] В *МП* и *А* „а“ нет, в *Ч* изв. „али“.

[2] В *С* „поемлеть“.

[3] В *МП* „за нь урокъ“ нет, но эти слова были в протографе *МП* и *А*, так как в *А* осталось слово „урокъ“.

[4] В *МП* вместо „что будеть взялъ „читаем“ у кого что будеть кралъ“.

[5] В *МП* и *С* „и“ нет.

[6] В А любо „выдати и“ нет, в МП „и“ нет.

[7] В *МП* и *А* „а женѣ не надобѣ ни дѣтемь“.

[8] В *МП* „хоронили и“

[9] В *МП* и *А* „а“ нет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОПРАВКА

На обложке, титуле и корешке искажены инициалы автора. Следует читать:

М. Н. ТИХОМИРОВ

Редактор издательства Ц. М. Подгорненская. Подписано к печати 4/VI 1941 г.
А 39115. Объем 16 печ. л. 23,22 уч.-изд. л. Тираж 1500 экз. Цена книги ?

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия.

